

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Алексей ВУЛЬФОВ
Сторожка. Повесть 6
- Михаил ПОПОВ
Капитанская дочь. Роман 42
- Александр СОКОЛОВ
Заброшенный колодец.
Рассказ 267
- Жапарали ОСМОНКУЛОВ
Подснежники из Пишпека.
Рассказы 274
- Николай СТАРОДЫМОВ
Судьба офицера.
Отрывок из романа 278
- Валерий МАСЛОВ
Дачный роман. Рассказ 283

Поэзия

- Виктор ЛАПШИН
Ангельски мы жили... 3
- Александр ПОШЕХОНОВ
Куда я зову 37
- Евгений АРТЮХОВ
Умытая кровью страна 40
- Владимир СКИФ
Мы сами выбрали судьбу 114
- Владимир ОСИПОВ
Свитки памяти 117
- Геннадий МОРОЗОВ
Абрамовский угол 120
- Валерий ЛАТЫНИН
Родова 264
- Сергей ФИЛАТОВ
Истоки 276

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 124
- Борис СЕРГУНЕНКОВ
Пушкинские ключи 141

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Владимир ПОЗДНЯКОВ
Советник в Кандагаре 150

Очерк и публицистика

Сергей КАРА-МУРЗА
Разрушение культуры 154

Владимир РОДИН
Германия: левый марш
и правый поворот 166

Владислав ШВЕД
Вновь о Катюши 173

Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 204

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Испытание 224

Патриотика

Евгений ШИШКИН
Бунт и смирение 245

Мозаика войны

Николай БОРМОТКИН
Ленинградские рассказы 249

Критика

Анна РЕТЕЮМ
“Воздушный замок
атомного взрыва” 253

Книжный развал

Станислав ЗОТОВ
Существует ли
окончательная правда о
гражданской войне 260

Памяти друга

Слово прощания 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 11.01.10. Подписано в печать 29.01.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 22,56. Заказ № 338. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

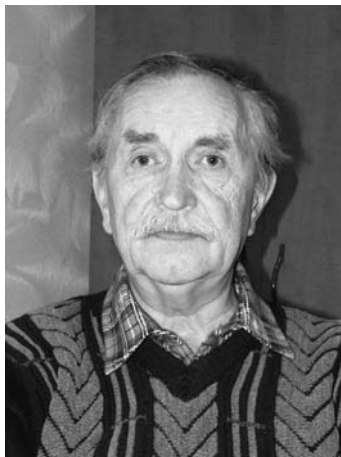
Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ВИКТОР ЛАПШИН

АНГЕЛЬСКИ МЫ ЖИЛИ...

ВИНОГРАД

З. К.

Меня ты потчевала виноградом
И ласково журила, что не ем.
Мне чудилось, что кто-то с нами рядом
Незримо дышит, радостен и нем...

Все живы будней горькие уроки,
Хотя их подсластили соловьи,
Но благодарно нежные упрёки
С улыбкой вспоминаю я твои.

Нет, не хочу в свою вернуться рань я,
Пусть мне и грустно, что в ночи святой
От моего лишь трудного дыханья
Трепещет, вьётся локон золотой.

Из дома жизни мы уж скоро съедем.
Иного крова на душе печать,
Но в памяти наш виноград не съеден,
И есть кому кого им угощать.

ЛАПШИН Виктор — известный русский поэт, постоянный автор нашего журнала, автор многих поэтических сборников, живёт в городе Галич Костромской области.

УГОЛ

С вестью ли чудесной,
С жалобой ли слёзной —
Мглой наш угол тесный
Осенен беззвёздной.

Больно нам без боли,
Жутко нам без жути.
Только-то и воли —
Плесневеть в закуте.

Хороводы пыли,
Паутины пряди...
Ангельски мы жили,
Да не Бога ради.

СОЛДАТ

Солдат не вернулся домой
Ни пыльной дорогой, ни снежной,
И вихрь не о нём верховой
Нам пел над равниной безбрежной.

И лес не печалил ветвей
В своей вековой благодати.
Свистал не о нём соловей,
Ручей не журчал об утрате.

Друзей исчезали слова
В пучине молвы всенародной,
И знали, что плачет вдова,
Лишь Бог да ребёнок голодный.

Мать не умирала над ним,
У гроба его не стояла,
И солнце сияло другим,
А он и хотел, чтоб сияло.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В былое вернусь ли
Душой непредвзятой,
Где радостны гусли
И волен оратай;

Где здравствуют скрыто
Садко и Микула
Средь сонного скрипа
И струнного гула;

Где к смерти готовым
Жизнь — вечное право;
Где жито со словом —
И подвиг, и слава.

ТУЧИ

При упованьи томимо
Сердце в излучинах дня.
Тучи проносятся мимо —
Родины, счастья, меня.

Здрoво ли пережил ночь я
Без покаянной мольбы?
Реют печальные клочья
Чьей-то огромной судьбы.

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

СТОРОЖКА

ПОВЕСТЬ

— Да, Тимофей Ильич, завидным будет бытие обходчика, который получит на оной версте сторожку. Вот ему удача: и место высокое, и рощица неподалёку, и родник с водой, согласитесь, совершенно изумительной, а уж чернозёмы тут просто отменные. Воткни палку — что-нибудь да вырастет, как в тропических странах. Можно сказать, рай ему будет здесь земной! Ты не находишь?

Это лёгким и радостным тенорком произнёс молодой инженер-путеец Дмитрий Аполлонович Беловольский своему коллеге — однокласснику и другу инженеру Петрову. При этом он втыкал остроганную ветку молодой берёзки сквозь дерн в мягкую землю, плотно поросшую травой и яркими цветками. Таким образом он ставил вешки.

Шёл 1900-й год.

Только что, третьего дня наступивший, июнь окружал их прямо-таки восторгом золотого предзакатного солнца, колокольным гудом выпуклого неба, невысказанным изобилием юной листвы и трав вокруг, отливавших пышущим лоском, сиявших словно изнутри себя счастливым накалом. Ровно шумели шмели и дикие пчёлы. Инженеры-путейцы — пригожие, раскрасневшиеся, только что вдоволь напившиеся из родника и умывшиеся действительно превосходной сладко-студёной водой, объятые духовитым ветром раннего лета, его ласкового и кажущегося бесконечным просторного пространства, столь же

ВУЛЬФОВ Алексей Борисович родился в Москве в 1963 году. В 1988 году окончил Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. В 1989—1992 годах работал в Союзе композиторов СССР с Г. В. Свиридовым и Б. А. Чайковским, один из организаторов первого Фестиваля отечественной хоровой музыки. Составитель сборника “Георгий Свиридов в воспоминаниях современников” (“Молодая гвардия”, 2006), автор книг “Теперь лишь вспоминать” и “Повседневная жизнь российских железных дорог”. Живёт в Москве.

молодого и светлого, сколь и сами — они столь же счастливо отвечали этому дню лучистыми блестящими глазами, широко распахнутыми воротами служебных рубах.

Это был не только стихийный восторг молодости, но и восторг от занятия верно выбранным жизненным делом, причастности к нему и своего законного места в нём. И ещё от ощущения себя заодно с Родиной — горячо, осознанно любимой, от душевного полёта в бесконечном её приволье, полного совпадения с ней.

Утомившись за день в полевом странствии, накануне близящейся ночи расположились инженеры отдохнуть на небольшой поляне около струившегося листвою беззьяка, пригожего, как хоровод деревенских девушек в козынках и сарафанах. С удовольствием утонули они в зовущие ярких муравейников и стеблях, среди голубых и жёлтых цветков-глазочков, в мягких клеверах и травах, бросив рядом с собою фуражки, на которых важно красовались перекрещенные топор и якорь*.

Всем, что нужно для счастливого пребывания человека на Земле, полон и достаточен день был вокруг. Бабочки, порхавшие возле них, словно оторвавшиеся лепестки неких дивных цветов, то и дело подхватывались ветром и взмывали вверх, к самой прозрачности небесной, несказанно нежные и нарядные. Беловольский, поглядывая на них, сразу вспомнил столь же нежную невесту свою Наталью Гавриловну, которая почти неуловимо напоминала точно такую же бабочку.

Инженеры Петров и Беловольский участвовали в очередном большом народном деле. Согласно высочайше утверждённого самим государем Положения, велено было тянуть через эту исконную среднерусскую губернию железную дорогу от саратовских степей в Лифляндию, к далёкому порту на Балтийском море. Шустрые агенты и подрядчики уже всю сманивали мужиков по окрестным сёлам, и отбоя не было от охочих устроиться на чугунку — выбирали самых крепких и могучих. После пуска дороги многим фартило основаться на ней и далее служить постоянно.

По народу — по сёлам и деревням, по праздникам и сходам, по ярмаркам и трактирам, по папертям и площадям — всю волнувалась весть, широким ветром разносился слух: тянут дорогу, ведут — от Волги до самого западного моря. Уже прошли инженеры и, постояв на берегах рек, охвативши их вдохновенно горящим, как у музыканта, взором, перекинули глазами будущие мостовые переходы, которые, возможно, поразят мир своим совершенством. А вслед единой чертою уже целыми вёрстами вгрызаются заступы, тяпают лопаты, дымят синим дымом из-под котлов кашеварные костры, поросятами визжат вагонетки и тачки, неумолчно, как тамбурины, колотят копры — и выводят им в такт трудовой напев мужицкие глотки, сливаясь в согласно ревущее от натуги артельное благозвучье. И брызжет пот со лбов, как дождь, вздуваются жилы на скользких шейх, мокреют под рубахами на груди кресты, буграми каменеют мускулы и плечи, как у былинных богатырей. Задиристо наставлены бороды, красным налиты глаза; лапти в глине чавкают, поясами схвачены животы на рубахах. Славны будьте, дороги строители! Руками огромными, кажется, способны они охватить и, словно путейскими клещами, приподнять хоть весь шар земной. Строят — и, стало быть, построят, приведут к гудку. Уже рельсы, говорят, завезли с уральских заводов, и просмоленные шпалы всюду лежат штабелями, и малые паровозики-“кукушки” эти шпалы по новому пути развозят. Трудовое варено кишит на всём протяжении дороги, а быть ей, как толкуют, длиною в полторы тысячи вёрст.

Русский хлеб должен пойти по ней за море, а вырученное золото густо посыпаться в казну и по купецким карманам. Но не ради одной коммерции строили дорогу, понимали: в случае чего и солдат по ней можно быстро перебросить к землям европейского соседа, к таким рубежам, за которыми вечно прячется беда в тревожном ненастье и туманах.

Беловольский — человек небольшой ростом, но телом стройный и лег-

* Старинная эмблема ведомства путей сообщения.

кий, с чудесной гладкой бородёнкой и развевающимися каштановыми волосами — расположил на коленке планшет и аккуратно, словно на уроке по чистописанию в гимназии, вывел карандашом немного выше каких-то мудрёных топографических символов: “Сторожевой домъ 286-й версты”.

Петров — широкий лицом и плечами, большой, с бородой пошире, рыжеватый, похожий скорее на лавочного купца, чем на инженера, внимательно поглядел на приятеля в ответ на его слова о завидном бытии будущего обходчика. Петров был человек негромкий, молчаливый, знакомые барышни полагали его чересчур уединённым. Однажды, говорят, стрелялся Петров по поводу какого-то горячего личного убеждения, чудом сам не погиб и не застрелил обидчика — Бог отвёл. Глаза у него ровно-серые и всегда с некоторой загадкой в себе — доброй ли, нет ли — трудно сразу определить. Иногда Беловольскому казалось, что вообще-то верный и надёжный его приятель Петров, с которым вместе по будущим дорогам сперва на институтской практике, а потом и по службе протопали они пешком не одну сотню вёрст, знает о жизни гораздо больше, чем можно было бы предположить по первому взгляду на его простую внешность — да только вот всё молчит, с мыслями своими не знакомит, пряча их в себе с такой же улыбкой-усмешкой, с такой же умной лукавиной и при этом полузримою, тщательной сокрытою, но явственной грустью, с какой взглянул он сейчас на Беловольского:

— Да уж, Дмитрий Аполдоныч. Зави-и-идным...

* * *

У поворота однопутной линии железной дороги возле самой насыпи стоит казённый кирпичный домик. Издали с локомотива видна его крыша на широком лугу между линией и рощей. По приближении рассматривается ограда палисадника, в глубине двора — два маленьких сарая и чуть в стороне колодец под синей крышей, а рядом расположен большой огород. Возле домика торчат из земли понурые столбики давно заглохшего переезда, и сразу же за ним начинается пологий спуск линии вместе со склоном пространного холма к почти незаметному мостику через речку. А оттуда берёт линия круто вверх, словно устремляясь в небо, к огромным полям, распахнутым взгляду без края. В немыслимом пространстве их она теряется, как в небытии, разве что робкий штришок деревьев лесозащиты едва напоминает о ней.

А в противоположную сторону от домика линия плавной кривой уходит в берёзовую рощу — летом яркую, густую, вздыхающую листвою — и незаметно пропадает в ней. Ближе к колее по другую сторону пути тянутся сплошные заросли орешника и такие тесные кусты, сквозь которые и зимой ничего не видно. Эти заросли хозяйка домика тётя Аня называет “клевщик” и летом никому не велит туда ходить.

При паровозах возле домика был переезд. Остались от него, кроме доныне полосатых столбиков, торчащий ржавый палец бывшего шлагбаума, с тоскою указующий на небо, и зачем-то до сих пор натянутый трос к нему. Изрядно сросшаяся с землёй грунтовая дорога едва угадывается под этим тросом. Ведёт она в село Никифоровка, которое от переезда километрах в трёх, тянется неподалёку от пути по верху долгого холма. Зимой, если знать о том, что там есть село и сильно вглядеться, можно увидеть с поезда отдельные высокие тополя и под ними белые крыши. В Никифоровке давно уже почти никто не живёт, обе фермы пустоглазы, колхоз развалился сам собой в последние времена — помимо обыденных причин всеобщего разорения хозяйств, попросту из-за постепенного исчезновения трудоспособного народа: старые люди умерли, а прочие разехались кто куда либо спилился с круга. Осталось несколько бабушек, покуда хранящих своим присутствием остатки коренной почвенности, и ещё частник-тракторист Александр с семьёй живут, у него жена и две дочери — вот и всё. А вообще-то в Никифоровке домов пятьдесят, сплошь старинных, из тёмного кирпича, вытянутых в длину вдоль улицы, глубоко вросших в землю, каждый в три окошка с выложенными “хохолками” по верхушкам, с белыми каймами на цветных дверях, с узор-

чатыми верандами, и садовые деревья во дворах до сих пор цветут и плодоносят.

А в другую сторону от переезда дорога из Никифоровки шла к Московскому тракту, всё пространными холмами и полями — глухими, безмолвными, неоглядными и суровыми, как океанские волны, и такими бесконечными, что когда едешь этими полями, кажется, будто весь мир земной из них одних только и состоит...

Домик этот железнодорожный — путевая будка, “сторожевой дом”, или, говоря на ведомственном языке, ЛПЗ (линейное путевое здание). Построено оно было ещё при царе. Типичная для стиля этой дороги сторожка обходчика 286-й версты, под кровлей до сих пор проглядывается крашенная жестяная дощечка со старомодным начертанием цифр: 286. Кирпич мощный, как у крепостной стены, в три ряда, едва различим под ста слоями казённых штукатурок. Домик совсем без архитектурных излишеств, простецкий, разве что окна и карнизы подчёркнуты по-особенному выложенной кладкой-каймай, словно бровями, да под скатом крыши в вечной тени скрываются два фигурных изгиба чугунных контрфорсов. Внутри чуть ли не в полдома квадратная печь, махонькая кухня и две комнаты всего — а ведь до революции проживала в этом домике в иные времена большая семья, доходило до девяти человек. При советской власти (но ещё паровозы ходили) молодой путевой обходчик Андрей Павлович Грачёв, теперешний житель сторожки, только что женившись на рабочей пути Ане Волошиной, получил в подарок на свадьбу от своего околотка чайный сервиз и полплатформы серого кирпича. Из него он сложил сзади сторожки пристройку и соединил её со старым домом через сквозной проход. Дверь на проходе всегда открыта, его занавесили кружевным покрывалом из Аниного приданого, покрывало это и сейчас висит там. Вышел Андрей Павлович из исконно железнодорожной семьи путевых сторожей Грачёвых, обосновавшихся здесь от начала регулярного движения. Прадед Грачёв строил эту дорогу; родом он был откуда-то изпод Липецка, сын обедневшего купца, который, как отец рассказывал Андрею, был человек культурный, кроткий, невзыскательный — в него и весь род пошёл: с улыбкою и в мире жили Грачёвы. Дети все — братья, ни одной сестры. У Андрея Павловича мама давно умерла, когда он ещё совсем маленький был, сразу после войны от болезни, а братьев осталось трое. Один выучился на машиниста и переехал в город Елец, где есть большое депо, у него там квартира своя, другой служит офицером ПВО на Урале. С ним редко переписываются, почти совсем не видясь. Только Андрей Грачёв так и остался здесь, в родном доме, при линии, и стал, как отец, путевым обходчиком. Отца в сорок первом году призвали в армию, но он сражений почти не видел; только закончил артиллерийскую учёбу, как вышел приказ отзывать железнодорожников с фронта, и он вернулся. По линии один за другим шли маршруты с углём на тульские оборонные заводы, и работы на пути было очень много. В хрущёвские времена внезапно путевых обходчиков отменили, путь решено было содержать “способом механизации работ с приложением коммунистического отношения к труду”, и Андрей стал называться не обходчиком, а монтером пути. Но труд его от этого почти не изменился: в любую погоду надевай фуражку и гимнастёрку, обувайся в сапоги, подпоясывайся ремнём с форменной пряжкой, опускай на плечо длинный гаечный ключ и молоток, в сумку клади петарды, факел-свечи, кусок хлеба и сала, за ремень засовывай флажки — жёлтый и красный, и ступай осматривать свой участок. Ни одного стыка и костыля глазами не пропустит, а на исходе смены сойтись в условленном месте — мостике с соседним монтером Митькой, чтобы обменяться с ним новостями, каковых свежих никогда почти не было; всё в разговоре склонялось, как водится, к критике времён и начальства. Днём, услышав гудок, встать ровно (в любую жару чтобы на голове была фуражка!), вытащить из-за ремня свёрнутый жёлтый флажок и поднять его навстречу шипящему приближающемуся паровозу, который незлобиво, но-приятельски рывкнет над головой, а ночью, если была надобность в обходе, держать на вытянутой руке в сторону поезда едко чадящую керосиновую копилку со слабым огоньком в прозрачном стекле: путь свободен.

Идёт Андрей Грачёв по шпалам, стучит сапогами, навстречу ему тянутся дикое полотно дороги, безмолвный дикий мир да одинокие думы, вольный перегон... Проходит свои три версты туда-обратно. Огромные тёмные поля виднеются-плывут за посадками, открытые глаза без края, птицы стаями кружат, в вечное катятся облака. Иногда, встретившись с Митькой, задержатся и выпьют самогону, даже песни попоют — но это нечасто. Когда отменили профессию обходчика, ходить по перегону стали не каждый день, разве что вёснами, в паводок, когда вода с полей сходит — тут надо в оба глядеть, чтобы размывов полотна не было, чтобы не запрудило “русла водотоков”, также и после частых гроз; зимой, в сильные морозы, смотреть, не случилось ли трещин в рельсах, а если большая жара летом — не выросло ли разогревом путь, — много за чем надо уследить, чтобы беды не случилось. Ну, гайку кое-где подтянуть, по высунувшемуся костылю пару раз молотком вдарить... Теперь в пути применяют бетонные шпалы, а не деревянные, никаких костылей в нём нет, и лежит он не на песке, а на гравии, ремонтируют его машинами, ездит для проверок специальный вагон-дефектоскоп — так что можно каждый день в обход не ходить, незачем. В начале семидесятых, когда стали закрывать бурогольные шахты, движение по линии спало; в результате дошло до того, что в иные дни теперь всего лишь два поезда в сутки пройдут в обе стороны, да и те пассажирские. Сколько-нибудь регулярно, в неделю пару-тройку раз, и то в чётном направлении шли длинные громучие составы полувагонов со щебнем с карьера, по прозвищу “дальние вертушки”, этим только грузом дорога последнее время и жила. А хлеб давно идти перестал — его уже больше не из России, а наоборот — в Россию возили, да только какими-то другими путями, ближе к столицам. Затихла дорога; присвоили ей звание “малодеятельная”, и так вот здесь, в сердце самой плодородной и трудящейся части страны, полутрестранённой, случайной линией лежала она в полях, тянула понурую телефонку, постепенно срастаясь с кустарниками и травами-лопухами, ничем не вспугивая с рельсов гапок и соколов. А раньше, дед рассказывал, когда хлеб шёл, над станциями птиц гуляли тучи, и соколы хватили мышей прямо со шпал. В урожайный сезон в элеваторах места не хватало, и иной раз в ожидании погрузки у пути воздвигались серо-золотистые пирамиды зёрна выше двухэтажных вокзалов царских, их художественно отделанных кирпичных “гребешков”. По бескрайнему полювому жнивью вокруг станции, бывало, стоят пыльные столбы, все дороги дымят, тянутся подвода за подводой, возницы гикают, под гору погоняют вскачь, вольготно развалиясь на мешках — поторапливаться надо: денга в карманы потекла! А поезда-то как шли — один за другим, один за другим, с седьми от пепла и песка паровозами и кондукторской прислутой на тормозных площадках, роняющей в тяжёлой дремоте головы, словно грудные младенцы, из-за непрерывной бессонницы. Андрей с Аней хорошо помнят, как ночью плыли тусклыми созвездиями красные фонари на хвостах товарняков...

Нужно ещё было дежурить у шлагбаума, пока работал переезд. Проедет-то по настилу за день всего несколько телег, иногда переберётся трактор или комбайн. Только в уборочную шли рядом автомашины-“трехтонки” с зерном, кумачи ещё, бывало, натянута вдоль бортов: “Принимай, Родина, хлеб нового урожая!”... Иной раз налезет в кузов целая дюжина человек — колхозники или, быть может, колхозницы в ситцах и косынках, едут-хохочут, гармонь переливчато голосит! Весело едут, да и было кому — народу-то в деревне ещё жило полно. А так-то внерельсового транспорта проходило мало, но по старой традиции чугунки переезд всё равно держали: для безопасности — место пересечения пути. Работа вроде нехитрая, подумаешь — шлагбаум поднять-опустить, покрутив лебедку, да поезду сигнал показать. Днём на переезде всегда была Аня. А вот на ночь сменщик имелся в наличии всего один — приходил с Никифоровки через двое суток понурый мужик, да и тот потом в Новомосковск по найму переехал. Пока жив был отец — он иногда на ночь менял, а так нередко молодому супругу Андрею Грачёву после дневного обхода приходилось ещё и ночью дежурить на переезде, пока Аня спала. Поезда при паровозах шли довольно часто, особенно не подремлешь,

только и ждёшь сквозь грёзы — сейчас заворкует голубком под кровлей старый зуммер с промышленной эмблемой ещё царской, на которой надпись они много раз с Аней пытались разобрать, да так и не смогли, буквы временем поистерлись, — значит, отправил поезд станция, ждите, скоро пройдёт. Паровоз в нечётном направлении перед спуском катится мимо их дома тихо, с закрытым паром, легко позванивая механизмом, а вот в чётном, когда идёт снизу от речки, оказывается напротив них как раз на вершине покорённого подъёма разгорячённый, и тут труба у него, как говорили тогда, с небом разговаривает, грохот стоит, бывало, до мелкого зуда в стёклах, — а если идут иной раз с гружёным маршрутом парюю, двойной тягой, товарные “эховские” или “элки” — тогда вовсе артиллерийская пальба. Как чёрные чудовища ночью, пробредут с шумящими гривами дыма над котлами, пылающими поддувалами, обильно продышат, проклокочут, фонарями разок глянут в комнату, словно живым оком, озарят в ней темноту, создадут плывущие тени по комоду и обоям, а в ответ на качание фонаря ещё и рывкнут во всё горло. Земля подожит, у дома фундамент прочувствуется под полом, как корень у дерева, качнётся абажур. А вслед товарные вагоны ещё долго лязгают и гремят. Вот и попробуй, поспи в своё удовольствие! Андрей иной раз с Аней, когда дожди сильные идут и дорога размокнет так, что кобыле не пройти, переезд на ночь прекроют, и тогда оба в супружеской постели отдыхают, только горящий фонарь с сигналом “путь свободен” выставят на веранде, чтобы с паровоза его издали видно было. Вот он там всю ночь коптит и мурлычет как кот, пока супруги спят. А зимой, случается, так заметёт, что дороги в Никифоровку словно вовсе нет, одна ровная снеговая целина со стынущими былинками, и тогда порой целыми неделями ждут из совхоза трактор, чтобы дорогу расчистил — и пока не придёт он, Никифоровка пребывает словно и на том, и на этом свете, как будто в небытии.

А потом, когда пропало движение, охрану переезда отменили — уже при тепловозах, в семьдесят шестом году. Краску перестали давать для столбиков и шлагбаума — велели просто поднять его, закрутить проволокой и так оставить. А вскоре после всех экспериментов с сельским хозяйством и возить через переезд стало нечего.

Летом Аня между поездами и выходами на путь бегает в рощицу за грибами, или косит, или в огороде копается, или стирает, или варит суп. Андрей на обходе, отец Бог знает из каких материалов строит во дворе сарай для коровы. Издали с пути слышно, как его молоток тюкает. Ожидали прибавления семейства, корову завели, кур, да вот беда — Аня, видать, натаскалась шпал и тяжёлого инструмента, пока работала в ПЧ, наколотилась молотком, и так и не уродилось у них с Андреем детей — к каким врачам ни ездили, в трёх городах были и в Москве — еле выбрались оттуда, чуть рассудком не тронулись, такая суета их там охватила после привычной тиши. Пристройку, которую Андрей соорудил из подаренного кирпича, осталась не заселена никем, по сей день в ней света всего одна лампочка да старый деревянный вокзальный диван с буквами “МПС”, привезённый откуда-то отцом на дрезине, когда Андрей ещё ходил в школу. В Никифоровке при колхозе была тогда одноэтажная деревянная школа-семилетка, построенная ещё до революции здешней помещицей, с роскошным яблочным садом, который ослепительно цвёл весной. При царе преподавали в той школе два учителя, окончившие гимназию. В старину, говорят, было сто пятьдесят учеников, да и в первые советские времена не меньше. Существовали маленькие приходские классы и при Никифоровской церкви пророка Божьего Илии, от которой в тридцатые годы почти не оставили следа: невысокую колоколенку завалили и всю до основания разрушили, столетние деревья попилили “в целях расширения площадей”, а внутри храма, выломав одну стену со стороны алтаря и полностью всю утварь разграбив, устроили “Сельхозтехнику”, от которой нынче остался одна лысина двора и мятые тракторные кузова вповалку. Кирпич с останков церкви и ограды, насколько смогли, поразгрызли ломами и вывезли, поэтому всё, что осталось тут достопримечательного — это уцелевшие столбы въездных ворот и летом среди развалин какое-то неслыханное, невиданное скопление грозной бессмысленной крапивы ростом

с человека. А отец Андрея Грачёва ещё помнил, как батюшка прямо у стен этой ограды разводил пчёл на церковном дворе, и говорил, что был этот батюшка подвижный и румяный, с мягкой белой бородой, как у гнома, и ко всякому человеку обращался с шуткой и ласковым словом. И нет-нет, его пчёлы кого-нибудь да кусали, когда кучно собирался народ ко Всенощной, однако никто на батюшку за это не обижался.

Между прочим, при царе здесь, на их переезде, была остановочная платформа Никифоровка (кое-где до сих пор видны втоптаные грани деревянного настила), но её уже в те далёкие времена закрыли. Начальник службы пути генерал Доризо поехал зимой после метелей по линии с объездом в салон-вагоне, прицепленном с хвоста к почтовому, и увидел: поезд встал в Никифоровке — и ни один человек не выходит, ни один не выходит, кругом сплошная белая слепота — ни неба, ни земли, ни следочка на снегу, одна по окнам заметённая сторожка и едва выглядывающий из сугробов штaketник. Баба в чёрной шинели и валенках, обвязанная платком, стоит у шлагбаума, как вкопанная, испуганно держит флажок и неотрывно тычется на генерала, который монументально, словно скульптурный бюст, воздвигается между занавесками в окне тяжёлого лакированного пульмана, пахнущего вкусной кухней. Слабодушный паровоз “Аннушка” свистнул снегирем, рванул, сбёрнул с места, потянул тычками, затренькали стяжки и буфера... Сторожку и бабу завалило тягучим серым дымом, и долго не мог разобрать генерал, испарения ли это паровоза или уже пейзаж снежный поплыл. В ту пору был у г-на Доризо сильнейший насморк, нос его изрядно накалился и распух, малейшее холодное дуновение через щель в окне или вагонную дверь свербило его и терзало. Троекратно чихнув в сырой платок, как будто выстрелив из трёхствольного ружья, генерал ткнул пальцем в направлении уплывавшей платформы Никифоровка и плаксиво произнёс: “Транжирство”. После чего, выпучив глаза, с таким сердцем высморкался, что чуть нос себе не оторвал... К утру готов был набело приказ начальника дороги, исполненный прямо-таки литературного вдохновения, в котором, в частности, значилось, что “дальнейшее существование платформы Никифоровка по отсутствию должного числа приезжающих на оную и отъезжающих с оной платформы пассажиров нужно признать неразумным и невыгодным... Задержку поезда, в пути, пускай и краткую, но совершаемую безо всякой на то причины, и лишнюю упряжную игру можно расценить лишь как незаслуженное для пассажиров неудобство... Напрасны паровозу беспельные троганья с места...” — и так далее. Управляющий дорогою граф Эншельдт, преуспевающий молодой красавец со щедро ухоженными шёлковыми усами и масляным взором, в мундире изумрудного цвета, роскошном до бутафорства, прочтя, тонко улыбнулся своему умилённому помощнику и вежливо произнёс: “Меньше стоим — скорее поспеем”. И, очаровательно рассмеявшись, подписал сей циркуляр молниеносно. А ведь невдомёк ему, что летом множество мужиков и баб сходило с поезда и залезало в Никифоровке в свой четвёртый класс, когда шли работы на полях и в садах, а теперь по шести, а то и по восьми вёрст нужно было им шагать от ближайшего разъезда до деревень и полевых станков. Земство возмущённо отозвалось на прекращение остановок поездов в Никифоровке парюю шумных собраний, напоминавших яркие драматические спектакли, но на том весь протест и закончился. Да она вообще, эта дорога, изначально была летняя, сезонная: когда хлеб идёт — она всю хлопочет, а в прочее время года везде на ней дрёма и сон...

С тех пор остановка у домика 286-й версты была только “по заявке мастера ПЧ” или так, по воле машиниста — но это уже нарушение. В старые годы известен был тут один мужик, проживавший в Никифоровке. Его знали и пассажиры, и поездная прислуга, и паровозные бригады. Неизбежно при каждом следовании своём из города, в одной и той же деревенской рубахе навывпуск без пояса, в штанах в горошек и в лаптях, с длинными соломёнными волосами, патлатый, как колдун, подходил он к лосящемуся горячим пóтом, учащённо дышащему, густо парящему, щёлкающему от трудового устремления паровозу, поливающему вокруг себя маслянистыми кипятками, задирали голову на окошко будки, отводил назад руки и, поводя кро-

вавым конским глазом, на весь перрон одновременно как бы и рыдал, и лаял: “Господин машинист! Уважь *трудового народа!* Останови в Никифоровке!” Когда пришла советская власть, ходил этот мужик уже не в лаптях, а в сапогах, которые, по молве, достались ему с убитого деникинского офицера, однако зывал столь же требовательно: “Товарищ машинист! Уважь *трудовому народу!* Тормозни в Никифоровке, а?” — но результат при всякой исторической формации бывал один и тот же...

* * *

Поздней мартовской сырью тянет с перегона, из-за кривой, уходящей в растревоженную рощу. Рваный ветер кусками налетает, серым дымом бежит низкое небо.

Весь в чёрном издали кажется идущий по пути человек. Спешно идет, за делом. Вблизи оказывается, что в кепке он, сапогах и служебной спецовке. Это Дмитрий Иванович — дядя Митя, соседний монтер, давний семьи Андрея Грачёва приятель. Пять километров протопал — да ему ли привыкать?

Тётя Аня вешает бельё на верёвках, привязанных к яблоням. Низенькая, круглая, поленькая, краснолицая, немного суетливая, с острым сморкающимся носом. На домашний халат набросила старую железнодорожную шинель, вышла в резиновых сапожках на босу ногу. На голове деревенский платок.

Наведывается когда дядя Митя, всегда задаёт вопрос о том, что видит: “Ну что, бельё вешаешь?”, “Доски пилишь?”, “На осмотр собрался?” Голос у него глубокий, насыщенный, из самого прокуренного нутра. Раскраснелся, дышит частенько, прикашливает — года сказываются. Раньше-то двенадцать километров пробежать по перегону с тяжёлым ключом и молотком на плече — он и не замечал по молодым летам.

Идёт дядя Митя, кричит издали, подходя к палисаднику: “Ну что, не проехали ещё?”

— Как проехали-то, Мить? Как они проехали-то? По небу пролетели, словно гуси-лебеди? Как они мимо тебя могли проехать? Ты тоже, Мить, прямо не могу! — сердится тётя Аня и поэтому кричит голосом солистки народного хора, которая главный причёт выводит.

— Да, — спокойно соглашается дядя Митя с резонансом в голосе и в ответ степенно кивает. После этого подходит ближе к тёте Ане, закуривает дымно и вдохновенно, а затем долго смотрит вдаль, молча, бесконечно, словно зная, но не разглашая таинственную сущность мироздания. На морось внимания не обращает, даже не утирает лица — привык к непогоде за службу. Тётя Аня мельтешит локтями, привстаёт на цыпочки, подпрыгивает, с пыхтением и оглядкой перебрасывает через верёвки перестиранные тряпки, которые тут же вздуваются и хлопают на ветру.

— Пошли в дом, нечего тут сыреть. Поедут — услышим. Пошли, пошли! — наконец-то распоряжается тётя Аня и со злым кряхтением подхватывает опустевший таз.

— Да ладно, я и тут побуду, — говорит дядя Митя. Это он всегда так скажет, прежде чем сразу же и войти.

Ждут вести.

Вместе с ветром уносится дым из худенькой печной трубы и улетает неведомо куда. День наполнен слезящимся серебром.

Каждый раз дядя Митя, когда заходит, с сочувствием задумывается: “Какой всё же дом у них маленький”. Он-то живёт не в такой будке, а занимает половину солидной жилой кирпичной казармы из четырёх комнат, до революции принадлежавшей артельному старосте и его семье, её в старину так и называли — “артельное здание с телеграфом”. С ним живут молодожёны, детей ждут. Жёна от дяди Мити не так давно, по его словам, “ушла к землемеру” — кто этот землемер, откуда, что? — тётя Аня как ни пыталась выведать, сколько раз и самогону ему подливала, и всякие наводящие слова говорила, и гладила по локтю — избегает ответа. У дяди Мити тоже

и сад, и огород обширный есть, и колодец, и куры, и сарай для скота, сооружённый ещё при царе, когда строили дорогу — сложен из тёсаных известковых плит. Старики рассказывали, что когда дорогу сдавали в строй, при казармах и жилых домах все службы заранее построены были, и колодцы вырыты во дворах, и штaketники сколочены, и даже нужники. Дмитрий Иванович тоже потомственный путеец, родился и вырос здесь, при линии. Батяка был путевым обходчиком, а мама работала в колхозе учётчицей — может быть, у неё перенял Дмитрий Иванович неумолимую рассудительность и логику мыслительного расчёта.

А тётя Аня с Андреем живут действительно душно и тесно — крохотные комнатки, потолок довольно низкий, лампочка всегда над самой макушкой, на комнату по одному высокому окошку с перекладинами. У них всегда к тому же и накурено — Андрей смолит папиросы. Стены в обеих комнатах у тётя Ани завешаны стародавними пёстрыми коврами и покрывалами, из-за чего жилище имеет несколько цыганский вид. Уж зачем ей тут эти ковры в таком числе — неизвестно. Посреди дома большая белёная печь, и от неё тесно буквально всему. Топят её из комнаты, в которой стоит шкаф с чашками, блюдами, рюмками и семейными фотографиями, а ещё тётя Анина железная дружинная кровать с непрременной пирамидой из трёх подушек под кружевным покрывальцем. Готовит тётя Аня на веранде на электроплитке, у неё там кухонька маленькая, а столовые приборы лежат в бывшем служебном шкафу станционного кассира, дубовом, со специальными выдвигаемыми ящичками и полочками для билетных картонок. Шкаф этот времен царя-батюшки, надписи на нём с твёрдыми знаками и ятями гравированы на медных табличках: “Для нечётныхъ безъ пересадокъ”, “Для чётнаго направления”, “Для квитанцій”. Пара оконных рам, вставленных на веранде, сняты со старинного списанного вагона III класса... Андрей живёт не во второй комнате, а в пристройке, им же сооружённой в ожидании появления детей. Там у него только койка с деревенским лоскутным одеялом и измятой подушкой, тумбочка, стул, приобретённый в подарок им с Аней отцом на годовщину свадьбы, и вдоль стены тот самый деревянный диван с буквами “МПС”, который Андрей ни в какую не желает выкидывать, несмотря на горячие протесты тётя Ани. Андрей последнее время всё больше лежит: сильно доконала его астма. Он и раньше ею болел, но в работе не особенно сказывалось, только порой дышал трудно и говорил иногда, немного задыхаясь, но с возрастом она у него развилась. Всё время ест какие-то таблетки с мятным вкусом и по-прежнему, когда хоть немножко поотпускает болезнь, много курит — возле кровати на стуле у него всегда стоит надколотое блюдо с окурками. Часто глубоко дышит он с сильным хрипом и кашляет. В дом выходит только чаю попить и обедать. На пути бывает редко, только в плохую погоду или перед объездами начальства, и очень задыхается, если выходит, часто останавливается и отдыхает подолгу, держась за километровый или пикетный столб — хотя совсем с работы не уволился, собирается оформлять инвалидность, да всё никак не может лечь в больницу — организовать это теперь стало хлопотно. До вызова “скорой” пока не доходило, но может. Часто на путь за него выходит тётя Аня, особенно если идти нужно далеко — она не хуже управляет с молотком и длинными гаечными ключами. Вы на ладони её посмотрите — широкие, крепкие и хваткие, как у мастеровитого мужика, хотя всё равно по-женски мягкие.

А во второй, более просторной и светлой комнате старого дома живет девчонка Наташка — дочка тётя Аниной племянницы. У Наташки в комнате стол есть, устеленный мягкой скатертью, на котором всегда разбросаны рисовальная бумага и цветные карандаши, имеются пара стульев с выгнутыми спинками, софа и сервант, в нём стоит обеденная посуда и лежат Наташкины учебники и тетрадки. Наташку Аня с Андреем забрали к себе, когда отец и мать девочки, совсем спившиеся, однажды залили горящую конфорку и вместе с Наташкой чуть сообща не отравились газом. Соседи вышли на запах, выломали дверь, спасли. Сообщил об этом тётя Анин двоюродный брат Сергей Желтков, машинист дизель-поезда — ехал по маршруту, возле их сторожки приостановил, спрыгнул на минутку и рассказал. На обратном

пути забрал он тётю Аню в условленный час, и поехала она с ним в город. Приезжает — в квартире горой бутылки пустые, воняет мочой, сырым тряпьем и ещё жжёным чем-то, кроватей нет — матрацы и покрывала одни на полу валяются. Батяка неизвестно где, а мать Наташкина, вся как пареная репа, сидит в ночной сорочке за столом и водку допивает, головой трясёт, на вид старуха — в свои-то тридцать пять лет, — а об колено её трётся Наташка, как домашний котёнок. Тётя Аня ласково говорит: “Люда, я Наташку к себе заберу ненадолго, пусть у нас погостит, воздухом подышит, тем более сейчас лето”, — это она исподволь, чтобы мадам не заартачилась. А та: “Да забирай ты её хоть насовсем. Она мне не нужна, кормить её. Забирай”. Тётя Аня Наташкино свидетельство о рождении и какую смогла одежду разыскала и прихватила, и саму Наташку забрала. Так она у них в будке и поселилась. Повела её тётя Аня первый раз в баню отмывать — у них баня сразу за домом устроена, в глубине двора, рядом с угольным сараем (они печь углём топят, который называется “газовый”, им его на дрезине привозят из ПЧ), правда, без парной, они с Андреем не любители париться — просто небольшая мыленка с печкой и лавками. Раздела — и белугой разревелась: у Наташки одна кожа да кости, чуть ли не рахит, а четверть спины и ножка левая в страшной синеве, Наташка сказала — отец “шарахнул”. А всё равно — смешливая и огневая девчушка Наташка, с вострым носом и светленькой косой-метёлкой, весельчуха реактивная. Особенно заметно это, когда две серебряные серёжки тёти Анины себе вденет в уши и от этого становится похожей на бойкую маленькую тётеньку. Вон играет всё со своим Бобкой — прибрлудилась к ним собачонка из Никифоровки, оставил её кто-то, тётя Аня утверждает — породистая, “потому что кудрявая”. Наташка у них тут уже и в школу пошла, в Киреевское — это на московской трассе, шесть километров, если напрямую через поле. Устроили по давнему добродушному знакомству с завучем Антониной Павловной, которая дяди Митиной маме двоюродная сестра. Наташка доходит три с половиной километра до трассы по Никифоровской дороге, и там её по утрам школьный автобус подбирает, а когда уроки заканчиваются, туда же и привозит. Сперва тётя Аня её провожала и встречала, а теперь, когда Наташка в пятом классе, девчонка ходит самостоятельно. Они её с Андреем хотят удочерить, да только очень уж хлопотно это занятие — надо ехать в город, в район, справить всякие собирать, устраивать суд, иначе не лишит племянницу родительских прав, а из такой глуши разве наездисься? Как скажет тётя Аня — “неужели!”

И ведь удивительно — раз приехал за Наташкой отец. Наверное, год с лишним она у них тут жила, в четвёртый класс уже ходила, — вдруг по ранней осени останавливает Сергей дизель возле сторожки, глядят — слезает папочка по служебной лесенке, и вроде одет прилично, куртка кожаная, хоть и потёртая, джинсы. Поздоровался вежливо так, и вроде не пьяный, только изо рта немного вчерашним пахнет, “с вином завязал”, говорит, лицом симпатичный, прямо как киноартист, высокий, тёмненький, стройный, кудрявый, разве что на скуле чуть проглядывает заживший синяк и лицо красноватое, немного заветренное. Они когда с Людой познакомились, он всё на гитаре играл, про умные книги разговаривал, про фильмы, про политику, негромко, задумчиво так и словно для одного себя, да сперва-то и читал всё время, работал при заводе не в цехе, а в клубе электриком-звуковиком, но вино уже тогда шло. “Я, говорит, приехал за Наташей”. И в глаза смотрит так жалостно, как киноартист, но уверенно. Тётя Аня чуть в обморок не упала; вот те на: явился, петел ясный! Выручил дядя Митя, в ту пору у них, по счастью, гостивший. Степенно и резонно шепнул он тётю Ане на ухо: предложи, говорит, ему самогона. Тётя Аня сперва возразила: “Повадится”. А дядя Митя шепчет ещё резонней и настырней: “Не повадится. Он сюда сам дороги никогда не найдёт, а Серёжке скажи, чтобы больше его не привозил, вот и всё. Самогону налей ему прямо сейчас, скажи — со встречей. Если откажется выпивать — пускай откажется, настаивать не будем. Иди, собирай на стол”. Андрей ни во что не вмешивался, только глядел испуганно, кашлял, дышал. Всё по-дядимитиному вышло. Папаня, заглянув в налитую стопку, глубоко и тяжело вздохнул, прошептал — “ну ладно”, чокнулся, выпил

одну, потом ещё и ещё, сперва про какие-то книги говорил и ещё про что-то отвлечённое им доказывал, с чем они и не спорили, но только не о дочке; где работает — толком объяснить не мог, про Люду сказал кратко — “употребляет”, почти ничего не ел — а это первая примета... Потом совсем говорить перестал, лишь головой качал, а после, едва выбравшись по нужде во двор, повалился у штaketника в траву и уснул. Тётя Аня и поднимать не стала, покрывало ему под спину подоткнула — днём покуда было тепло. Дождалась обратного дизеля (он вечером проходит), строго Сергею высказала, крикливо, сгоряча — тоже пару чарок выпила, — зачем он его, лиходея, привёз, как будто не знает! Сергей оправдывался: да вроде он трезвый был, когда на вокзале подошёл, отец всё-таки, говорил — за дочкой, билет показал. Слово за слово, быстро втащили они папаныкино тело втроём в вагон, к крайнему удивлению наблюдавших пассажиров, и тем проблема оказалась исчерпанной. Говорят, недавно отравился Наташкин отец палёной водкой — кто его знает... Наташка как увидела отца — сбегала тут же прочь и через сутки только вернулась к умиравшей от волнения тётке Ане, сказала, что ночевала в школе в каморке сторожа. “Если, говорит, отдадите меня им — записку напишу и под поезд брошусь”. Во какая!

...Зайдя в дом, отказался было, как обычно, дядя Митя от чая, и скоро, как обычно, уже сладко пил его вприкуску и заедая сухим пряником. Порой приносит с собой бутылку самогона — в праздники или на именины. Взрослые тогда садятся за стол в Наташкиной комнате и выпивают. Тётя Аня после третьей рюмки начинает песни петь и частушки, с надрывом, с голосением, на один высокий тон, под самый потолок у неё музыкальный накал высоты. Дядя Митя с Андреем вытерпят куплет-другой и тактично попросят: “Ну всё, Ань, будет, будет”. После тётя Аня ещё пару раз вдруг заблажит, но тут уж и Бобка залает, и Наташка со смехом закричит: “Бабуль, ну хватит! Бабуля! Хватит тебе! Ну бабуль!” Она тётю Аню зовёт “бабулей”, а Андрея так и называет — “Андрей”, хотя много раз строго указывала ей тётя Аня, что так обращаться ко взрослым нельзя. Дядя Митя под конец празднования обычно приходит в кондицию, но сознательно собирается домой и даже на двор выходит самостоятельно. Простецкая его физиономия тогда преисполняется выражением одновременно таинственного размышления, нажитой жизненной мудрости и глубокого чувства собственного достоинства. Уговоры остаться ночевать — бессмысленны: “Где тут у вас можно себя разместить?” Сурово потребует он его не провожать “никоим образом” и двинется прочь, создавая руками и ногами какую-то неправомерную геометрию — но ведь никогда не упадёт, только задирижирует или затащует. Вслед ему тётя Аня шепчет: “Ну как вот он дойдёт?! Как вот он дойдёт четыре версты, психуй теперь за него!! Ведь всегда вот так изведёт, гимнаст х.ров! Неужели!” Дядя Митя уходит в ночь, как смутный призрак... час проходит, два — тётя Аня с Андреем хоть и тоже под хмельком, но не спят, “психуют”, ругают Митьку на пару почём зря. Наконец по служебной связи вызов: “Дошёл...” Слава тебе, Господи. Иной раз бывал такой вызов только под утро, а то и в начале дня... Тётя Аня свой самогон не гонит — ей приносят из Никифоровки тракторист Александр с женой за то, что старогонные шпалы она позволяет им забирать на строительство гаража и кое-какую смазку, и разрешает за питьевой водой через свой участок ходить. Вода-то у них тут изумительная — родник, мягкая-мягкая и вкусная, почти на самом участке. Для деревенских железнодорожников по сей день люди в большом почёте. Андрей, пока работал до болезни в ПЧ, нет-нет и соларки ему при-таскивал, сливал с путевых машин ведёрко-другое. Так ему Александр и огород вспашет, и сено вывезет, и капусту, и картошку доставит к трассе на реализацию, и продукты привезёт из Киреевского в базарный день. Александр с женой только трактором своим и живы, он у них в округе знаменитый — кому вспашут, кому привезут, кому яму выкопают, да и своё взрастят — тоже вывозить надо. Александр совсем не пьёт, даже квас, у него с этим строго, знает: если развяжется — на месяц пропадет. Супруга при нём бдительна, как пограничник на контрольной полосе! Ни в гости ни к кому не ходят, ни праздники не отмечают, один чай пьют и домашние компоты. Он такой

товарищ серьёзный — не Сашей представляется, а Александром, рослый, солидный, хозяйственный, с громадными ладонями, говорит вразяжку, затор-моженно, журналы выписывает, детективы покупает в посёлке, кроссворды, с Андреем всем прочитанным делится, когда заходит, и Андрей подолгу слушает его, потому что ему скучно лежать целые дни без занятия. Подъедет на тракторе Александр, навестит — поболтают. Они с женой Анастасией ещё и кур, и индоуток держат, и поросят, свежий окорок у них тетя Аня берёт подешевле и птицу (они с Андреем сами не могут рубить, очень уж тяжело переживают это событие). Дочери у них на будних днях в интернате, с ними не живут, родители это объясняют тем, что до школы от Никифоровки сильно далеко. Между прочим, Андрею с тетей Аней их огород на полосе отчуждения — хороший доход, потому что железка платила последнее время хотя и без задержек, но на руки выходило всё меньше и меньше — линия малодеятельная, кому они нужны. У них тут возле сторожки сразу за садом картофельные и капустные грядки большущие, считай, целое поле вдоль перегона. В семидесятых годах им выделил НОД*, Иван Артемьевич, порядочный человек был, из прежних. Поехал как-то с ним с объездом бывший начальник дистанции, ест при НОДе власть показывать, отчитывать: “Что-то многовато вы тут сеете. По норме столько не положено”. А Иван Артемьевич сразу всё это прервал, ещё и отругал его: “Тебе что — жалко, что ли? Пускай питаются. У тебя при таком подходе последние кадры разбегутся”. Жив ли он — неизвестно, если жив — дай Бог ему здоровья. Как скажет дядя Митя: “Такого человечества, как Иван Артемьевич, уж не родится никогда”. Им огород подспорье большое: тележку капусты или картошки на трассе “чёрным” продадут — прибавок немалый, только вот “чёрные” совсем обнаглели и берут задёшево, но они тут хозяева полные в районе, и иного пути продать свои произведения у крестьянства нет. Если увидят, что продаёшь стороной подорожке — товар уничтожат, вместе с телегой закопают, бывало и такое, а хозяину — вай, вай! — совсем худо будет. Так-то путейцы истари косили в полосе отчуждения и огороды растили на железнодорожной земле, это была завидная их привилегия. Вот тетя Аня всё вверх мягким местом в своём поле-огороде, еле видно её за голубыми капустными ушами. Иногда Андрей ей помогает, когда ему полегче. Наташка любит собирать колорадского жука, он яркий, и ей нравится его на листах отлавливать. И ещё она обожает в летнюю жару поливать огород из листового резинового шланга. Картошку соберут, сдадут, мешков десять себе оставят и стащат в погреб. Однажды по телевизору показывали передачу про большущую змею, не настоящую, а для какого-то фильма сделанную, и такую страшную, что Наташка даже зажмурилась. А тетя Аня палец наставила и кричит: “Вот! Вот! Мне бы такого змея в погреб — он у меня всю мышь поел бы!” Когда-то им продовольствие два раза в неделю с орсовским вагоном-лавкой завозили, минутная служебная стоянка здесь по графику полагалась, а теперь какое там... Ни вагона, ни лавки, ни ОРСа. Раньше и будку их приезжали красить маляры из дистанции, и уголь по норме завозили, и спецодежду, и инвентарь, и сигналы. А последнее время кроме угля ничего — только жилеты недавно прислали оранжевые и велели их надевать, когда проезжает начальство, чтобы видели, что они в жилетах. А про дорогу всё время один и тот же разговор наверху — закроем. Раньше был военный начальник в управлении такой, что про закрытие и думать не позволял: дорога на запад идёт, в ту сторону рельсы всегда могут правительству понадобиться. Нужно её в живом резерве хранить, какую-никакую службу поддерживать, пускай помаленьку тлеет. На станциях паровозные колонки стояли, “водяники” даже красили их, и вода в этих колонках была под давлением, круглый день шумело в колодах. В старом депо угрюмым рядом стояли заколоченные досками холодные паровозы, которые все называли “военный запас”, новую бетонную телеграфку протянули вдоль их орешника взамен старой, висевшей на косых просмоленных столбах, персонала служил положенный штат, телефоны, бывало, по конторам без омовку трезвонят. Сойди на станции с поезда и оглядись: нарядными твердынями стоят полосатые тупиковые брусья и ярко окрашенные стены служебных сооружений, напольрованные рельсы строго

устремлены к выходным семафорам, которые, как дальние маяки, светят рядом с внимательной готовностью: всё ожидает пути. И догляд был, начальственная опека. Поедет, бывало, с отделения ревизор Кирьянов: а ну, откройте сарай, покажите, как у вас то, как это, как вы инструмент храните, сколько инвентаря, сколько запасных фонарей, петард, в каком состоянии держите путь? Жила помаленьку дорога своей простецкой, но укладной жизнью. Однако в последние времена тот служака, военный начальник, быстро исчез на пенсию, а новым людям наверху теперь что? Ничего. Они ведь ни о чём не думают. Чего от них хорошего ждать можно, — да никто от них давно уже ничего и не ждёт...

* * *

И чаю попили, и поговорили о том, о сём, и Наташку встретили из школы. Вбежала, скинула курточку, бросила у себя в комнате портфель, встала перед взрослыми руки в боки и, шмыгая юрким носом, громко и кокетливо рассказала стишок, за который получила четвёрку, потому что разок “запнулась”, и теперь у неё из-за этого в четверти тоже выйдет четверка, а так была бы пятёрка. Потом прыгнула на кровать играть с Бобкой, который немедленно вскочил туда же, но тётя Аня строго окликнула её не “доча”, как обычно, а “Наталья!”, что требовало беспрекословного повиновения, и усадила есть щи. Пряно и сытно запахло из тарелки варёным лавровым листом, разваренной капустой и морковью. Наташка рассеянно ест ложка за ложкой, ногами сильно качает под табуреткой и ухитряется одновременно какую-то песню петь. Взрослые молчат, прислушиваются к улице — ждут какой-то вести.

— Сказали — сегодня проедут, — третий раз произнёс одно и то же дядя Митя.

— Сказали — значит, проедут, — подтвердил Андрей, закуривая сидя, поднявшись с постели.

— Проедут — услышим! Чего прислушиваться? Услышим — выйдем! — тётя Аня сегодня настроена неодобрительно.

— С линии шум мы всегда разберём, — подтвердил дядя Митя, важно подняв брови. Он, как всегда, со всеми согласен.

— Неужели!

Наташка бросила ложку: “Бабуль! Бабу-ля-а-а! Я больше не хочу”, — и побежала с Бобкой к себе в комнату. Тётя Аня выбросила остаток щей в Бобкину миску. Дядя Митя, пока Аня купала тарелку в нагретой воде и громче обычного колотила ею об таз, а потом звучно хрустела совком, подбрасывая уголь в печку, начал было разъяснять Андрею, почему такой беспорядок творится в стране, поведа с известной легенды о том, что “боле всех виноват подонок Горбач, с него всё и началось”, но затеял свой анализ издали — со времён, когда разразился Карибский кризис, и сообщил, что в том событии Хрущёв виноват, что умный молодец Сталин после войны страну укрепил и карточки отменил, а Хрущёв весь земной шарик чуть сдуру не уколошил (“вначале-то был Сталин, а потом пришёл Хрущёв”, — это дядя Митя объяснил для большей исторической точности) — и так он всё это истолковывал размеренно и весомо, словно политический обозреватель — но тут наконец с улицы, со стороны рощи донеслось некое раздражённое жужжание, а вслед ему разборчиво прозвучал сигнал, похожий на гудок автомобиля.

— Ага! Вот и едут, — сказал дядя Митя, поднимаясь.

— Пошли, пошли. Сейчас будет тебе “ага”, — наставительно сказала тётя Аня, шустро влезла в сапоги, надела прямо на халат пальто, прилежно повязала на мягкой своей седине платок, а поверх пальто набросила и застегнула ненормально яркий и чистый путевский жилет. Андрей, сняв на веранде с крючка старую шинель, пространно расположил её поверх рубахи на плечах и вышел вслед на улицу прямо в тапках, глядя тревожно. Он даль-

* Начальник отделения дороги.

ше крыльца идти не собирался. На улице, когда встал он во весь рост, было заметно, какой он рослый, большой, широкий и почти не седой — черно-волосый.

Быстро вышли наружу, в мокрый воздух, темнеющую пасмурь. Зябко на ветру после горячей печки в доме. Андрей сразу шинель запахнул и застегнулся на все пуговицы, всматриваясь и хрипло дыша.

Сильно и лохмато дымит сизым выхлопом служебная автомотриса*, вся крыша её в копоти. Тускло светят маленькие круглые фонари, похожие на внимательные глаза. Медленно подползает к дому, сумрачен гул машины. Обдав духом теплой дизельной гари, совсем медленно, едва-едва приблизилась она к дому и незаметно встала. Двери со вздохом выдвинулись наружу и открылись, и по ступенькам быстро сошёл ревизор Кирьянов. Как всегда, он был в лихо заломленной фуражке, форменном синем плаще, начищенных ботинках, с коричневой папкой под мышкой. Высокий, прямой, белобрысый, рябоватый, продолговатое лицо с виду совсем невзрачно, однако с лица этого внимательно устремлены глаза-зрачки опытного хозяйского петуха. Как всегда, идёт быстро, глядит мимо, часто носом дёргает и сморкается в платок. Пару раз с хрустом провалился ботинком сквозь гранулы талого снега и выругался. Вслед прыгнул машинист автомотрисы с большим пустым бидоном в руке и, не спрашивая у хозяев разрешения, пошёл по узкой тропке через участок на родник за водой. Дядя Митя с тётей Аней встали чуть ли не навьютяжку.

— Так, всё, закрывают нас, — не поздоровавшись, на ходу бросил Кирьянов, сморкаясь и не глядя ни на кого, идя к крыльцу.

— Ай!.. — вскрикнула и взмахнула руками тётя Аня и тут же крепко зажала рот ладонью.

— Не плещи! не плещи! Чего плещешь-то?! А то не знала! — неожиданно громко и сердито крикнул на неё с крыльца Андрей.

— Всё равно... Неужели?.. — ответила тетя Аня девичьим голосом.

— Да, всё, закрывают. Они и говорили, что закроют, — как всегда степенно и резонно, но с чуть различимым дрожанием голоса произнёс дядя Митя.

Ревизор расположил папку на перилах, открыл её, нервно поперебирал в ней какие-то бумаги и, наконец, отыскал и вытащил три нужных скреплённых листа, разделил их и прижал пальцем к папке. От ревизора сильно пахло дорогим одеколоном, перчатками и свежей тканью плаща.

— Так, вот здесь все распишитесь в уведомлении. В связи с закрытием участка подлежащие сокращению, — это ревизор сказал назидательным тоном учителя, разъясняющего урок. — Коли уж ты здесь, распишись сразу и ты, чтобы нам не вставать там у твоей хижины, — это он дяде Мите.

Все взяли каждый по своему листу и начали рассеянно читать, шевеля губами. Текст с упоминанием статьи Трудового кодекса был непонятен и никак не хотел усваиваться. Слово “уведомление”, выведенное крупным шрифтом посреди листа, и синяя печать управления дороги с надписью “Служба управления персоналом” глядели в глаза, как наставленные прицелы. Да что от них, от этих печатей, хорошего ждать-то можно.

— Ну что вы там читаете... Нечего там читать, всё понятно там. Время только держите, — ревизор отвернулся и глубоко, сильно закурил. Всё же человек ведь он, ревизор-то.

Все начали по очереди класть свой лист на перила и, испуганно прошептав “где?.. где?.. вот тут?..”, стали по очереди старательно расписываться возле заранее кем-то поставленной карандашной галочки.

— А как они теперь полувагоны вывозить будут? Дальнюю вертушку? — спросил дядя Митя.

— Как они будут вывозить? Как они будут их вывозить?! — наращивая отрицательное чувство, стал почти кричать ревизор, начав в упор глядеть на дядю Митю петушиными зрачками. — Нечего тут спрашивать! Они их вывезут через узел. Тебе какая разница — как?!

* Автомотриса — самоходный служебный вагон для проезда людей.

— Да, — резонно и важно согласился дядя Митя, словно поддерживая всё это начинание. — Они их вывезут через узел, западным ходом.

— Вот и нечего спрашивать, коли всё понимаешь, — ревизор опять заговорил, бегая взглядом по сторонам, мимо глаз людей. Тайно он жалел дорогу, только не смел о том и капли вида подать, чтобы не докатилось до начальства.

— Ну и что теперь? — спросил Андрей Грачёв почти ласково, возвращая листок.

— Вот всегда вам: что, что да как? Ничего. Рельсы проедут — вывезут, вот и что. Любопытство вас разбирает! — это ревизор произнёс ёрнически, с полуулыбкой-укоризной. И ведь всегда он так: прибудет с объездом — ни здрасте, ни до свиданья, и ни одного замечания спокойно не сделает, всё с какой-нибудь подковыркой, чтобы обязательно хоть чем-то обиду нанести, пальцем душу потрогать. Начинает тихо-тихо, едва слышно, а потом расходится, и только попробуй ему сказать что-нибудь поперёк! Такое начнётся назидание — не остановишь.

— Значит так. С первого поезда не встречайте — движение закрывается. За деньгами приезжайте в отделение пятнадцатого числа. Приедете в другой день — вообще денег не получите. Копии себе возьмите, что вы мне их сунули, — ревизор, не оборачиваясь, протянул через плечо копии, засовывая остальные бумаги в папку.

— А точно пятнадцатого дадут? — осторожно спросил дядя Митя.

— Не верите — можете не приезжать, — как-то даже радостно, но со злым внушением в голосе сказал ревизор. — Хотите — не приезжайте, это уже ваше соображение. Мне все равно. Деньги не нужны — не приезжайте, мне что?

— Да это я просто к тому, что дорога-то не ближний свет, — примирительно сказал дядя Митя.

— Просто. Всё у вас просто, — сказал тем же тоном Кирьянов.

— Вот так... всю жизнь тут отработали... — нараспев начала было слово сама с собой тетя Аня, укоризненно качая головой.

— Ладно! Ладно! Всё! — опять окрикнул её Андрей.

— Картошку будете растить. Станете сельскими хозяевами, — почти пошутил ревизор, что являлось у него редкостным изъятием ласки, и наконец оглядел присутствующих, снова закурив и навалившись спиной на столбец крыльца.

Набежал порыв ветра и вместе со стукотом сырости бросил на людей целый ворох фиолетового дыма с автоматрисы, от которого все немного покашливали.

— Как же так... рельсов тут не будет... Неужели? — продолжая качать головой, жалобно проговорила тетя Аня, глядя на путь.

— Насыпь без пути что челюсть без зубов, — пошутил дядя Митя.

— Как-как? Когда-то при царе Горохе не было здесь дороги, и опять не будет! Что ж такого! История движется по этой... по спирали! — авторитетно разъяснил ревизор с едва различимой иронией в голосе.

— Николай Василич, а вы теперь куда? — спросил дядя Митя.

— Меня Клименков забирает в кадры, — строго ответил ревизор, обозначив себя словно какую-то потустороннюю вещь. — А дальше посмотрим, — резко подвёл он черту, мощно сдул с сигареты пепел, зашвырнул окурки, высморкался и оттолкнулся от столбца, как пароход от пристани, собираясь идти.

— Сначала-то говорили — законсервируем, сторожами оставим. А теперь совсем линию закрывают. Всё правильно: рельсы продадут — плотно в карманы насыют, — сказал дядя Митя, и таким тоном — дескать, молодцы. Ревизор почему-то не стал на него за это ругаться и вполне доверительно ответил:

— Да уж понятно, что плотно. Хватит на тульский пряник. Ладно, будьте здоровы, — и пошёл к лесенке автоматрисы, которая продолжала напряжённо урчать и дымить, сонно глядя своими тусклыми глазами, словно большая рыба. Машинист, подняв над собой наполненный бидон, крикнул помощнику: “Валера, прими!”

— Из дому-то не выгонят? — крикнул вдогонку Андрей с крыльца, ёжась в своих тапках.

— Нет, не выгонят. И свет, сказали, не отключат. Вас теперь колхозу отдадут. То есть местному сельсовету, — ревизор вполоборота ответил на ходу.

— Меня высадите возле моей казармы? — спросил дядя Митя. На это ревизор опять разозлился, став обычным Кирьяновым:

— Ты дома побыть не мог! Ты сюда пришёл! Тебе неймётся, да? Ты и тут, и там — везде тебе надо!

— Ну тогда ладно, я сам дойду, — смущённо ответил дядя Митя, отступая от автомотрисы. Кирьянов резко взбежал по лесенке и уже из тамбура крикнул, не оборачиваясь: “Давай залазь!” Дядя Митя, сделав испуганное лицо, засуетился, ища поручни, и торопливо задрал ногу, влезая, пару раз по колено провалившись другой ногой в сырой снег. “Пока!” — крикнул он на выдохе в сторону Ани, которая успела за это время зайти в веранду, пахнущую окороком, мёрзлыми яблоками, холодными корзинами и покрывалами, схватила там свёрнутый флажок в футляре, поправила на себе нелепо обвисший жилет, вышла ближе к пути и, как положено, подняла над головой сигнал “путь свободен”. “Помашки, помашки на прощанье”, — сказал ей Андрей, который опять начал дышать с прогорклым хрипом. Автомотриса звучно прогудела и двинулась, быстро набирая ход. Из тамбура важно помалхал ладонью дядя Митя, неподвижный, как истукан или член правительства на мавзолее. А тётя Аня, держа сигнал, всё глядела на рельсы в безмолвии и долго ещё стояла так, хотя автомотриса уже изрядно удалилась и на спуске легонько топотала на стыках, разогнавшись, далеко отдавая гулом отяжелевшую от сырости и тёмного снега седую местность со слившимися сумерками и облаками. Тётя Аня постояла бы ещё, но тут дверь открылась и выбежал с лаем Бобка, а вслед ему выпрыгнула Наташка: “Ба! Ба! Бабуля-а-а! Где карандаши? Бабуль!”

* * *

Завидуйте, небеса! Завидуй, солнце! Завидуйте, леса и рощи! Завидуйте, речки и горы! Завидуйте, все люди! Завидуйте Наташке и Бобке!

Потому что Наташка и Бобка — самые счастливые существа на свете.

Подумайте сами: что может быть счастливее, чем жить в железнодорожном домике у тёти Ани с дядей Андреем?

У них с Бобкой тут своя комната, в ней стол и карандаши, высокая кровать и подушки. Вы знаете, как на этой кровати прыгать здорово? Она такая пузатая, на ней прыгаешь, и когда обратно шлёпаешься, она тебе ещё немного снизу наподдаёт, и ты как бы ещё немного вверх летишь. Как начнут с Бобкой беситься — до потолка допрыгивают. Наташка с кровати соскочит, Бобка за ней, она от него по всему дому по кругу бегаёт, и всегда всё равно первая обратно на кровать запрыгнет, потому что Бобка с первого раза не может. Он внизу скулит, а Наташка его дразнит, а потом втянет за лапки. Как начнут беситься — все ковры у тёти Ани шевелятся, как живые, абажур качается, пол воеет. Но это пока не натворят что-нибудь. Тётя Аня сразу тут как тут: “Та-а-ак... И что это у нас так тихо?” Наталья давно уже лежит на кровати, сосёт фломастер над бумажным листом, песню какою-то под нос поёт, Бобка у неё в ногах совершенно недвижимо, как пуф, — а у ковра-то одного краешек с крючка оторван и отогнут... “Это как же вы так это, а?” — спросит тётя Аня потрясённым голосом. “Ба, это не мы, это она сама, потому что старая уже”, — поморщившись, ответит Наташка, как о досадной мелочи. “Сама пришьёшь”, — скажет тётя Аня. “Ба, мне некогда, мне надо уроки делать”, — сосредоточенно скажет Наташка, не выпуская фломастер изо рта. “Деловая!” — воскликнет тётя Аня. Но разве она со злостью заругает или будет бить? Да вы что! Первые ночи Наташка часто просыпалась и плакала, когда ей снилась мать и покинутое городское жилище, и даже говорила тёте Ане, которая вела её за руку через поле к школьному автобусу: “Бабуль! Бабуля-а-а! Я если буду плохо вести, ты мне ска-

жи: девочка, если будешь плохо вести — проснёшься у мамки. И я сразу перестану!” Но тётя Аня никогда ей такого не говорит. Всё тяжкое в прошлом, все страхи и тоска. Нет больше ни голодных ночей, ни битья, ни скуки, ни цыпок, ни вечного насморка, ни чумазого лица, ни рванных тетрадей. Тёмному, свинцовому, серому — конец! Один лишь свет, одно сияние и счастье!

На углу домика стоит большущая бочка, из которой тетя Аня черпает лейкой на поливку грядок, и в этой бочке летом всегда поселяется головастик. Наташка подтаскивает табуретку, встаёт на неё и долго-долго его сверху высматривает, и хлеб ему иногда крошит, а он, бывает, не вылезает и не вылезает! Наташка раз палку взяла, перевесилась через край бочки и стала по дну шерудить, да прямо туда в бочку и нырнула — а вынырнуть не может, узко и высоко! Уже золотые круги из глаз пошли, вода ударила через нос. Вдруг кто-то раз Наташку за ступню — и тащит вверх к спасению! Тётя Аня — кто же ещё. Шла с пути и издали увидела, как Наташка погружается, успела добежать. И ведь надо же — за смазкой с перегона вернулась, накладки кое-где на стыках подмазать, а так бы всё. Тут Наташку она как следует отшлепала со страху, но Наташка ей сама сказала, что ты меня, бабуль, верно отшлепала. И ведь на другой день опять полезла, правда, уже осторожнее, только голову над бронзовой водой наклонила, а он — тут как тут: бультыхается, лапками толкает по-лягушачьи — дёрг, дёрг! — на то и головастик. Светло-светло-зелёный такой, как морковка у тётя Ани на грядке, и пучит оранжевым глазом любопытно — смешно-о-ой: умора! Наташка часто его навещает.

А ещё они с Бобкой бегают в Зелёную Рощицу на родник. В “клещовник” раз и навсегда перестали после того, как тётя Аня рассказала Наташке такую историю: “Клещ если на Бобку упадёт — ты сперва об этом не узнаешь. А он на Бобке прогрызёт шёрстку, вопьётся, шланг свой засунет ему вглубь и станет из Бобки кровь сосать. Всю кровь высосет, и сделается сам огромный, как картофелина, и до того поганный и противный, что от одного его виду стошнит! Клеща тогда не отдерёшь ничем, хоть канистру бензина на него вылей”. “А Бобка что?” — тихо и торжественно спросила Наташка. “Бобка? Сначала будет скулить, а потом умрёт в страдании”. — “А клещ?” — “А что ему, паразиту? Он крови напился, отвалился да и укатился обратно в орешник, как мяч. Ищи его, свищи! Неужели!” — “Ба, а ты видела, как клещ в людей впивается?” — “Я видела, как от этого хоронили”, — ответила тётя Аня серьёзно. “Ясно”, — сказала Наташка. И больше через линию ни разу в орешник не ходила. Если Бобка рельсы иногда перебежит, она ему как закричит изо всех сил: “Бобка! А ну ко мне! Ко мне!” А вот осенью, когда надо собирать орехи, тётя Аня входит в орешник разрешает, потому что клещи все уже там, говорит, после первых заморозков “помёрли”, но тогда всё равно на себя Наташка целлофановый дождевик надевает с капшоном, а Бобку с собой не берут, хотя он дома скулит изо всех сил и с ними просится.

У Наташки чёлка, густые брови и косички озорные хитро наострены, как и её глаза зелёные. Тётя Аня иной раз от их с Бобкой игр опустится на табурет, положит ладони между колен и приговаривает: “Три километра... ведь три километра прошла — и хоть бы малый утомон... Никаких...” А Наташка от этого ещё больше — прыгнет на кровать: “Ба, смотри, как я пляшу!” И давай так приплясывать, что и кровать под нею затанцует, и Бобка разлазается. Весь урок хореографии покажет. Андрей тут может из своего отделения и замечание сделать: “Хватит. Доконаете”. Андрей всё больше молчит, только иногда она вдруг усядется возле его кровати, и он с ней или в карты поиграет, или как с Бобкой — он дёргает за верёвку с бантиком, а Наташка этот бантик должна поймать. И смотрит Андрей вроде и плоско, и строго, а какая сквозь беззвучные глаза его ласка проглядывает! И какой он большой и могучий — как же жаль, что такой неопрятный и большой! Иногда Наташка обращается к нему с просьбой смастерить ей какую-нибудь игрушку, порой — совершенно невыполнимой, и нужна ей игрушка непременно срочно — но что не может сделать руками русский мастеровитый мужик? Нет такой материи на свете. Однажды весной, когда снегу было мно-

го и по оттепели дружно бурлило огненными ручьями, попросила она сделать ей кораблик с парусом. Попросила — да через пять минут и сама забыла, а на следующий день приходит из школы и видит возле сарая ворох кудрявых опилок, а на столе в комнате стоит целая шхуна с красными парусами! Тётя Аня с веранды кричит: “Ты и корабля-то ни одного в жизни не видел, как же ты соорудил?” А Андрей что — он всё, по традиции своей, молчит, ухмыльнулся только немного. Наташка и расхулиганится с Бобкой — он до последнего терпит. Зато спит Наташка ночью как тихое пёрышко — хоть бы шевельнулась. Бывает, с рисунком своим уснёт — тогда тётя Аня осторожно рисунок из-под щеки вынет, а её саму потихоньку повернёт и укроет. У Наташки на чём рисовать — полно: тётя Аня в своё время натаскала на растопку полную кладовку пачек старых грузовых накладных и разных путейских ведомостей, у которых на обороте ничего нет, их хватило бы хоть целой школой эскизы рисовать. В школу Наташку всегда будят, и здесь обращаются с ней строго, и Натальей назовут, потому что ранним утром Наташке совсем вставать неохота. Зимой она спит не в пижаме, а в лыжном костюме, забьётся под одеяло, свернётся в клубок, как Бобка, и ничем её отсюда не выманишь. Лампа из-под абажура в глаза горит, на стёклах леденится утренний мороз, и звёзд серебряные искры светят, в доме хоть и сильно натоплено, а всё равно под одеялом теплее — неохота вылезать. “Не пойду я куда-нибудь!” — заругается Наталья. “А я тогда скажу Татьяне Александровне”, — спокойно ответит тетя Аня. “Давай, давай, подьём”, — задышит, захрипит Андрей со своей кровати. Наташка, хоть и с большим недовольством, но тут, обмотав себя одеялом, в подготовленные тапки сползёт. Татьяна Александровна — по чтению учительница, очень добрая, Наташка всегда, как увидит, к ней подбежит, обвинит за талию и жмётся ухом, словно к настоящей маме. И та никогда ей замечание не сделает, просто скажет: “Наташа, пойдём в класс”, — и всё. Наташке так нравится, что Татьяна Александровна молоденькая, и причёска у неё такая симпатичная, и помада красивого цвета, и бусы в горошек, и мягкое светлое платье, и такая она сама добрая, мягкая, аккуратная учительница, что Наташка души в ней не чаёт. На уроке прямо рот раскроет и слушает каждое словечко, которое Татьяна Александровна произносит с назиданием и распевом, когда читает. А если мальчишки кто-нибудь зашалит или пакость какую устроят, Наташка вскакивает прямо посреди урока и, не дожидаясь реплик учительницы, пенал в руку и к озорнику. Одного так треснула, что тот заревел и к врачу его повели, у него кровь потекла — бровь рассечена, а Наташка вдруг рот тонко скривила и вслед ему зло, по-бабьи: “Попробуй ещё, котик! Я тебе не так шарахну!” (У неё мать, бывало, так скажет: “Котик!”) И тут же, обернувшись, увидела полные испуга и гнева глаза учительницы, которая, схватив её за руки, тихо сказала: “Наташа, ты что... Разве можно? Ты что — злая девочка?” “А чего он!” — крикнула Наташка во весь голос и вдруг громко-громко, очень сильно заплакала и всё никак не унималась, так что пришлось ей из столовой компот нести, чтобы попила и успокоилась — ради такого случая разрешили повара взять лишний стакан. Того мальчишки родитель на следующее утро в школу пришёл: где, говорит, обидчица? Наташка прятаться побежала в туалет, а родителя куда-то в сторонку учительницы повели. Родитель долго их слушал (мужик простой, шофёром работает в администрации), а потом подошёл всё-таки к Наташке и сказал утихающим голосом: “Ты больше так не дерись! А то вместо домика в интернат отдадут. Чуть бровь моему парню пополам не рассекла, думали, зашивать придётся ехать. Боевая какая! Насмотрятся по телеку всякой шелухи от семечек, заразы всякой ползучей, и воюют. А ещё девчонка! Была бы парень — я бы тебе мозги промыл!” Наташка после уроков домой через своё поле бегом бежала и даже на крыльцо ещё не взошла, издали кричит: “Ба! Ба! А что такое интернат... интернат?” — “Интернат? А это когда дети живут не с родителями в доме, а с воспитателями. Вот как у Александра Юля с Олей живут, когда их отправляют после выходных и каникул”. — “Ясно... Ба, я больше мальчишек бить не буду”. — “Неужели! Зачем их бить — с ними надо дружить. А про интернат ты откуда слышана?” — “В школе сказали, что если бу-

ду мальчишек бить, меня вместо нашего домика отправят туда”. — “Обязательно. Поедет дядя Сергей, и мы с ним отправим тебя”. — “Не отправите”. — “Ещё как отправим. Нам тут хулиганки не нужны”. Наташка хоть и знает, что не отправят, а всё равно — вдруг отправят. Мальчишке тому принесла из дому половину пряника, который дядя Сергей на праздник седьмого ноября в коробке привёз, и тайно в раздевалке отдала, и пеналом больше никогда не дралась. Да только вот мальчишка-то хоть и раненый, однако совсем на неё не обиделся за пенал, наоборот — стал ей внимание оказывать (а их за одну парту после того случая усадили). Такая Наташка девочка боевая и блестящая, такая глазами пострельщица да чёлкой и косичкой махальщица, такие чёткие у неё брови, как у белки, что ребята вокруг только вьются — ох, и вьются, — но пусть попробуют что-нибудь не то: пеналом она, допустим, больше не дерётся, а вот кулаком по затылку так может треснуть или по попе такого пендала дать, что долго не забудется. Ты ещё её попробуй догони: они на переменах носятся на улице по двору среди рядов старых школьных лип с такими восторженными визгами, и никто за Наташкой никогда не угонится. А гоняются многие: тётя Аня, бывает, глядит на неё, мягко положив подбородок на ладонь, и причитает с восторженной тревогой: “Ох, подрастёт — задаст жару... Ох, боюсь, одни мальчишки будут на уме...”. Пока Наташке нравится только Саша Воронов из шестого класса — за то, что он не громкий, спокойный и большой, и всегда причёсан ровно, и солидно одет, пиджачок непременно глаженный и застёгнут аккуратно, а на щеках и на ушах у него такой смешной пушок. А в своем классе мальчишки все до одного, как она считает, дураки, недостойная внимания мелочь или, как говорят старшеклассницы — шшено! Наташка всех их презирает. В пятом классе матеряется при девочках! Одно слово — деревенские. Некоторые всегда голодные: папки-мамки, бабки-дедки пьют, бедуют, как проклятые, и покормить иной раз забудут, а то и нечем, вот и хватают их дети в столовой хлеб, одной школой живут. И рожицы у них у всех грубые, словно у невылупившихся мужичков. Хорошо ещё, что маленькие: а то старшие в их школе совсем оторви и брось, все с ремнями да на мопедах, с орущими всякую дрянь дешевыми магнитолами, курят сплошь, мат-перемат, и даже есть уже алкоголики.

В школу Наташка ходить нравится, хотя подруг там особенно близких она не имеет. У неё пять по рисованию и по физре. Учитель по физкультуре Расул Касымович тётю Аню приглашал: “У вашей девочки, мамаша, хорошие способности к лёгкой атлетике, я могу рекомендовать её в секцию”, — рекомендовать-то, конечно, можно, да только кто и как её водить будет? По рисованию Наташка на районном конкурсе заняла третье место: на фоне рельсов и шпал, нарисованных видом сверху, подпрыгивает довольная курчавая собака с розовым языком среди больших-больших ромашек, в углу отдельным прямоугольником подрисован огород с улыбочатой капуста, картина называется “Летняя радость” (акварель).

Ещё бы не радость! Неужели! Они с Бобкой бегают в Зелёную Рожицу на родник. Приносят оттуда трёхлитровый бидон чистой до синевы воды, из которой потом чай вечером получается такой вкусный! Наташка любит со взрослыми чай пить, изо всех сил на блюде дуть, ногой качать и помалкивать. Под абажуром свет добрый, как в старину, на столе в пластмассовой вазе лежат карамельки и отдельным рядком какие-нибудь чинные сухарики. Красная клеёнка с белыми квадратами, на ней пускают пар красивые изогнутые чашки с блюдцами, на которых нарисованы незабудки, этот сервиз Ане с Андреем друзья-путейцы подарили на свадьбу. Зимой тётя Аня чайник приносит не с плитки, а с печной конфорки, и от этого чай кажется почему-то ещё вкуснее. Негромко бормочет телевизор с устаревшими тусклыми цветами экрана, который и смотрят, и не смотрят одновременно. Он еле-еле кажет, у них тут приём так себе. Однажды по телевизору какой-то пожилой актёр с зелёным бантом на шее громко и взволнованно читал некий обличительный монолог: “И хоть маслите вы головы и речь свою и в лучшее рядитесь, всё же вы есть волки хищные и лисицы плотоядные, и народу своему сатрапы и погубители, а отечеству измена и беда!”, на что Андрей сквозь

хрипоту и тяготу в груди подал голос: “Во! Про наших правителей рассказал!” Тут Наташка, которая ещё в третий класс тогда ходила, серьёзно сделала ему замечание: “Не надо! Не ругай нашего президента!” То-то Андрей с тётей Аней хохотали. А вообще Наташка обожает смотреть танцы и фигурное катание, а тётя Аня любовные сериалы, и уж как она сопереживает “героям” — не описать. Наташка ей, когда тётя Аня что-нибудь не поймёт, всегда разъясняет, что к чему: “Понимаешь, бабуль, когда он ей жениться обещал, он ведь не знал, что у неё богатая тётка есть, ну, которая графиня, и что от неё имеется наследие... Он за так, бесплатно хотел на ней жениться, вот она ему и верит”. — “Не зна-а-аю... Ни шерсти, ни вида — что он в ней такого нашёл?” — “Да, бабулечка? Это тебе, может быть, нет шерсти, а ему, может быть, есть шерсть”, — в таком духе. Настенные часы в углу потрескивают механизмом, как сверчок, а зимой, когда мороз, за окном звенят ещё и сугробы, и даль снеговая, и громадная бесконечная ночь под звёздами, которая вся тут же, совсем близко, прямо за дверью сторожки, за окнами. Как Наташке нравится засыпать в тепле! Особенно когда ярко светит полумесяц и её кровать через высокое окно ласково освещает. И как в доме теплой печью пахнет, как в нём сухо, душно и ветхо, но необычайно покойно. Тётя Аня учит вовремя печку закрывать, а то они однажды в бане угорели, Наташка потеряла сознание в предбаннике, и тётя Аня через двор её несла по морозу минус пятнадцать в одной комбинации, а в доме и сама повалилась, Андрей поднимал. Оказывается, угли потемнеть потемнели, но до конца не догорели, сорт другой попался, не “газовый”, и тётя Аня поторопилась печку закрыть, а баня у них низкая и тесная, хотя парилки в ней нет, просто печка, полка, мочалки, два пластмассовых таза и две бочки с водой, которую накачивают ручной помпой из колодца (колодец был вырыт ещё до проложения насыпи и рельсов). Наташка колодца боится: он у них хоть и совсем на вид неглубокий, через два с половиной метра уже стоит вода, но всё-таки на нее глядеть сверху жутко — какая она зовущая и тёмная, и какие звуки в колодце все обманчивые и странные, словно живые голоса, как будто там водятся какие-то заправдашние кикиморы. И всегда вода в нем волнуется, вздыхает, вздрагивает, как живая. В школе читали с Татьяной Александровной сказку про то, как мальчик не побоялся собаку из колодца вытащить — Наташка зажмурилась, представила себе Бобку и их колодец, подняла руку и сказала, что того взрослого, который собаку кинул в колодец, она бы под поезд положила шеей на рельсину, на что Татьяна Александровна сразу ей сделала замечание, что так нехорошо говорить (но весь класс, правда, закричал: правильно! правильно сказала Наташа!). И какой чудесный этот мальчик, который собаку в рассказе вытащил! У них в школе ни одного такого нет. Если только Саша Воронов смог бы полезть в колодец, но этого Наташка точно утверждать не может — уж больно страшное дело, не всякий одолеет его, даже такой мальчик, как Саша.

А осенью! Осенью тоже замечательно и даже прекрасно. Наташке нравится в солнечный октябрьский день поздние грибы искать в золотой траве, спотыкаясь сапожками о звончатые корневища, а когда стемнеет, из дому выбегать на крыльцо, курточку набросив, нарочно позябнуть-позябнуть, а как совсем замёрзнет — быстренько раз, и в дом: то-то уют! В приоткрытой дверце печи нарядно сияют свежим тёмно-красным накалом крупные угли, и Наташке очень нравится их яркий колер на фоне таинственного синефиолетового свечения шлака. В погожие заморозки над домиком в блаженной черноте стоят такие столпы звёзд, такие воздвигнуты ясные гирлянды! — в другое время года этого не увидишь. Наташка уже и зазябнет, и застынет, а всё никак глаз оторвать не может и тонет глазами в этом чудесном небе, смотрит, как в нём сливаются звёзды с живительным вакуумом тишины. Наэлектризованный воздух мелко дрожит, в Никифоровке ярко светит люминесцентный фонарь с улицы, на которой живёт тракторист Александр. Осенью становится немного видно Никифоровку прямо от их домика, когда листва сильно пооблетит. Из погребка слышатся гул, стук, чих — это тётя Аня поднимает картошку в ведре. Она с холоду носом шмыгает, в дом идёт быстро, на ходу укажет: “Доча, быстро заверни шею шарфом”. — “Ба, а се-

годня что?” — “Сегодня будут лепёшки на маргарине”. Вот вам и ещё одна радость: “Ур-р-р-а-а-а!” Вкуснее этих лепёшек ничего на свете нет. Тётя Аня скатает шар из теста (удивительно быстро и незаметно у неё это получается), щедро обольёт его подсолнечным маслом и сильно помнёт с превосходными щелчками и чавканьем между пальцами. А потом отрывает от шара кусочек (Наташка обожает немножко теста отщипнуть от шара и пожевать — вот вкуснота!), делает из него скалкой круг и кладёт на сковородку, на которой сильно трещит и сердится маргарин. Из тонкого теста, которое всё задрожит и заволнуется в маргарине, получается изумительно пышный золотистый круг, который торжественно встаёт над сковородкой. “Доча, неси чашки”. И вот они идут под абажур чай пить с лепёшками на маргарине. Запа-а-а-х... Тётя Аня щедро нальёт из трёхлитровой банки в простецкий “вазон”, отливающий фиолетовым стеклом, какого-нибудь приторного варенья, недавно, по позднему лету, ею сваренного, и раздаст всем “резетки”. Вот тут подстывшую лепёшку нужно в варенье с краю обмакнуть, откусить тёплый кусок и прихлебнуть чаю... Андрей, как всегда, ест и пьёт абсолютно молча, с одним и тем же выражением скорби на лице, глядя мимо. “Ба, давайте в карты”. — “Нет, я уже не могу этого. Проси дедушку”. — “Андрей, давай в карты!” — “Они надоели”. — “Ну пожа-а-а-луйста!” — “Завтра Митька придёт — тогда поиграем в “дурака” пара на пару”. — “Ура-а-а!” — “Ань, а чего он придёт-то?” — “Как же: завтра именины у него”. — “А-а-а, точно... Значит, с бутылкой придёт”. И действительно — после обычных церемоний завтра в дом заходит дядя Митя, тётя Аня на веранде режет окорок, ставит на стол домашнюю овощную закуску. На печке урчит и хрумкает сковорода с картошкой, взрослые выпивают по полстакана коричневого самогона, который самым его автором дядей Митей назван “лучшим в районе”. Тётя Аня сморщится так, что сделается похожей на старую фею, нарисованную в книге “Сказки Андерсена”, долго машет рукой и, наконец, закусит. Молча поедят, разольют вторую (тётя Аня с дерзостным лицом строго отчеркнёт большим и указательным пальцами, сколько ей наливать), и тут, после тактично прерванных намерений тёти Ани исполнить песню, дядя Митя становится или историком, или философом. Закурит, откинется на спинку стула, ногу на ногу положит интеллигентно и давай тапком качать. “Меня, говорит, этому научил бригадир, когда я на путь работать пришёл. Я уже тогда смолдил, а он увидал и говорит: ты неправильно куришь. Я говорю: а как надо? А надо, говорит, покуривать и ногой покачивать — тогда настроение”. На краснощёкой от перегонных ветров, вытянутой вверх и словно стамеской высеченной дяди Митиной физиономии появится таинственная улыбка — одновременно хитроватого смущения и всезнания. Потом он допереживёт какие-то происходящие в нём процессы в связи с выпитым самогоном и, сосредоточенно выдохнув, спросит: “Вот ты мне скажи... Скажи ты мне на милость, Анна Ивановна... (дядя Митя как выпьет вторую чарку, начинает обращаться не иначе, как по имени-отчеству). Скажи ты мне — есть Бог или нет?” “Я не верю ни во что. Нет ничего”, — резко скажет Андрей, захрипит и тяжело задышит. Он одет по случаю в чистую клетчатую рубаху, от него сильно пахнет мятой и горечью каких-то ещё таблеток. Тётя Аня ему с укоризной: “Как это нет? Обязательно есть! Скажет тоже — нет. Неужели!” “Вот и я говорю: что-то там есть”, — важно определит дядя Митя и многозначительно покажет пальцем на потолок. После этого он, дирижируя сам собой, словно хормейстер, подчёркивая особые повороты мысли плавными витками указательного пальца, развивает концепцию настолько детально и логично, что ему позавидовал бы и крупный средневековый теософ. Тётя Аня с Андреем тем временем отрешённо отлавливают из лохани и подают маринованные подберёзовики, собранные у них тут в Зелёной Рощице, долго жуют окорок, словно жвачку, и слушают туманно, пока, наконец, тётя Аня не скажет невзначай: “Ой, Мить, что-то ты уж очень долго сегодня объясняешь”. “Да пусть расскажет”, — попросит Наташка, которая ничего в словах дяди Мити не понимает, но уж очень ей нравится, как он важно и смешно толкует и трясёт тапком. Она его потом изображает, как он рассказывает, и Аня с Андреем

смеются чуть не до слёз. Между прочим, Наташка в школе в сценической самодеятельности выступала, играла Царевну-лягушку (для костюма пришлось пожертвовать старый зелёный дождевик) и имела успех. “Я ещё до сути не дошёл”, — скажет дядя Митя, но ему уже суют в руки налитую чарку и вилку с нанизанным окороком, и дядя Митя устало замолкает, бесконечно глядя на самогон, словно на разливанное море... Тётя Аня под конец праздника принесёт в плетёнке и поставит на стол садовые яблоки. Как Наташка обожает по осени, в пригожий день, когда всё кругом тонко-прозрачное и золотистое, яблоки с тётей Аней собирать! Какой тогда стоит от них свежий запах! Возле их домика яблонь всего восемь растёт в два ряда по участку, старых уже, невысоких, но до того ветвистых и плодоносящих на местной чёрной земле! Наташка знает их названия: штрифель, шафран, антоновка. Как красиво и здорово, когда полные корзины ими нагружают — кажется, на весь год наедятся. И капуста тут вырастает большущая, прочная, голубыми горами лежит, и кабачки-поросята, и крупная картошка, облепленная землёй, — Наташка любит смотреть, как она из грядки с треском выскакивает на лопате и являет крепкие улыбочивые клубни, а потом, обстучав об землю, кидать их в ведро. Она и особенный звук любит, когда картошка по дну пустого ведра стучает. Понизу по огороду тянет свежим и уже немного стужённым ветром, на отрешившемся небе низко и быстро бегут облака, Наташка в свитерочке, вздутой ветром курточке и резиновых сапожках, руки у неё красные и озябшие, по-взрослому трудовые, все в налипшей густой земле. “Вот ведь слава тебе, Господи”, — истоиво шепчет тётя Аня и возит тележкой урожаем с огорода в погреб. Открывшейся землёй пустых грядок пахнет горьковато, и ещё тоскливым духом усыхающей ботвы. Вскоре дожди пойдут, станет туманно, непролазно. Никифоровская дорога вся изойдёт ранами и слезами. Наташке тогда даже в сапожках едва дойти через поле до автобуса, а пару раз, когда сильно лило, её тетя Аня вообще в школу не выпустила, и Наташка с радостью пропустила контрольную по математике. Но зато когда с холодами пробегут по схватившемуся панцирю земли первые языки-пороши и наступит зима, Наташка тоже обожает, потому что тогда можно с Бобкой носиться по свежему снегу, а в школе играть в снежки и мальчишек в сугробы толкать, а некоторых этим снегом ещё и умыть, и бегать на лыжах с Расулом Касимовичем по холмистым полям, раскинувшимся сколь глазу видно сразу за школой. Так радостно и легко катиться вниз с резким шипением по утреннему огненному насту! Иногда целые сутки подряд за окнами с тяжёлыми вздохами и тонкими присвистами метёт метель, и по линии тогда поутру, когда полностью под белым скрыты рельсы, прогоняют снегоочиститель, и Наташка бывает в восторге от того, как он громит сугробы и красочно взвивает вокруг себя густую серебряную пыль. В мороз Наташке, собирая в школу, шею затынут так, что вот-вот задуют. Одно время, когда пообезлодело кругом, пошёл слух, будто в полях объявились волки, и Наташку опять перестали одну в школу пускать, но потом что-то про волков затихло. У них охотники ходят тут на зайца, иногда стучат к ним в сторожку, просят воды набрать или погреться в осенние ветра.

Прошла зима, протаяла и прокапала сверкающей капелью ранняя весна под торжествующе ясными открывшимися небесами с нежными перьями, ан глядь — заколосилось лето! Что всё-таки может быть лучше лета? О, лето — это наивысшее счастье. Кончается четвёртая четверть, Наташка едет из школы в автобусе до своего поля в одном платье без курточки — в окошко дует ветер тёплый и густой, налитанный нагретым травяным простором. Смотрит Наташка в окно, а там радость — начало лета! Всюду уже лежат свежие опрятные огороды, на них аккуратно начерчены ярко-коричневым выпуклые земляные грядки, ещё не покрывшиеся травой. Восклубятся на небе облака избыточные, от которых всему существу польза — и земле влага, и взгляду красота, и пешеходу тень, и вдруг щедро хльнет из них тугой ливень с громами, ляжет поперёк неба и земного горизонта косым полотнищем, а вслед ему непременно радуга расположится полудугой в последождевом туманном пару — яркая-яркая, и ведь бывает — не одна! Вот чудо. А после выглянут солнечные лучи, встанут золотыми столбами, и счастливо засияет под ними

слепяще яркая, раскалённо-огненная на солнце зелень с нежно-жёлтыми колечками цветущих одуванчиков и купальницы, с разноцветными блестками колокольчиков и купав. Загустеет трава, в которой все травинки по отдельности различимы, стоят любопытствующим юным строем, стебелёк к стебелёку. В середине лета она вместе с листвой деревьев потемнеет, помудреет, а пока-то ещё вся в счастливом лоске. И какие цветения, какими несказанными букетами! Зайди в лес и посмотри: кажется — вот просто свисание еловой ладони. А ты приглядишься, и увидишь — каждая игольчатая горсть по краю ещё подчёркнута ясно-зелёной кисточкой, напоминающей подкрашенные ресницы. Из неё вскоре шишка народится! И у всех цветений вокруг имеются такие нарядные кисточки, юбочки и колпачки. Наташка в первые дни июня однажды увидела во дворе возле их нужника какие-то поднявшиеся над травой острые настороженные цветки с высокомерными ровно-белыми вздутыми лепестками, как фонарики у рукава. Наташка уже руку протянула потрогать, да отпрянула — ведь это же крапива! Вот она как цветёт! Сразу видно — хищница. Скоро жечься начнёт! А в поле и в роще по округе всюду пролегли яркие тропинки, расположились отчётливые прямоугольники разноцветных полей и садов, напоминающие аккуратно лежащие на земле пластинки акварельных красок. Яблоня, начав цвести, густо убрана словно роскошными белыми и малиновыми бусами, смотря по сорту — не наглядеться ею, не отвести от неё взора и, смотря на неё, ненадолго забыть о том, что в мире существуют некрасота и зло. Легчайший ветер несёт дух сирени, и так пахнет свежей травой и простором! А какое чудо, когда на исходе дня всё это ласково и незаметно усыпает ввечеру — настают удивительно светлые, просторные и ясные, покойные, невесомые, какие-то счастливо бескрайние вечера, воплощающие в себе словно и земной, и небесный рай...

У них тут луг вдоль линии и Зелёной Рощицы — такие на нём цветут цветы, такие растут клевера и ромашки! Наташку Аня научила плести из них венки и двойные, и тройные. Наташка бегает в этих венках и воображает себя в такие моменты живущей в древних временах. Ещё не заканчивается школа, а луг уже в одно прекрасное утро весь смеётся одуванчиками, как живой! Всё вокруг покрыто приторно-зелёной, избыточно яркой монотонной листвой. Кажется после бархатной пустоты и прозрачности апреля, когда всё представляется ветхим и невесомым, что после мая больше уже ничего расцвести не сможет, куда же больше? — какое там! Июнь приносит такую густоту трав, такие первоцветы — словно рассыпанный по траве набор акварельных красок. Есть цветы ярко-ярко-синие и голубые, как, например, свечки-люпины, а есть и такие, у которых один лепесток рыжий, а другой сиреневый, как на костюме у Незнайки. Тут и начинается самое плетение венков. А бабочек сколько, и каких! Вы такими только на картинках любовались, а они каждый день тут с Бобкой встречаются по десять разных видов: над всем лугом разноцветное стоит кипение! А трава сочно-зелёная, и каждая травинка стоит и различается отдельно! А позже в лете трава станет такой высоченной, тугой и густой, что только и пройти через неё, как по тропке вдоль линии, вдоль самого балласта, спотыкаясь на крупных камушках. Растительность кучно стоит выше Наташки, а поверх всего плавно качается и, как солдат, отдаёт честь её главный товарищ, самый любимый её цветок — красавец иван-чай. Как здорово, что у него именно такое название! Когда тётя Аня первый раз рассказала, как называется этот цветок, Наташка так и воскликнула: “Здорово!” Ей как рисовальнице очень нравится, что он как такой острый тёмно-малиновый огонёк на фоне сияюще-зелёного полотна травы и белизны берёзок рощи. А небо-то наверху над всем этим какое проникновенно синее и большое — как море!

В один прекрасный день Наташка, проснувшись и поёжившись поутру от холодка из раскрытого окна, обтянутого на кнопках куском старого кружева от насекомых, видит, что на лавке лежат туюски: ура, пойдём с бабушкой за земляничкой! Созрела ягодка! Далеко идти не нужно: в сторону речки на спуске солнечные склоны выемки все от ягоды красны. Наташка никак себя убедить не может класть больше ягод в туюсок, чем в рот, вся она тоже красная и измазанная свежим земляничным сиропом и от того хохочет,

но всё-таки туесок свой всегда в результате наберёт. Пока идут к дому с полными туесками (настоящими берестяными, деревенскими, из Никифоровки, там одна старушка до сих пор их плетёт), с высовывающимися альми горками ягод, Наташка Аню за локоть подёргает: “Бабуль, бабуля! Расскажи про траву”. И Аня начинает ей рассказывать, как какой цветок вокруг называется, но Наташка ничего запомнить не может, кроме иван-чая, шафрана, мать-и-матехи и куриной слепоты. Аня кое-какую целебную траву собирает и сушит на разложенных газетах “Гудок” по всей веранде и делает настои, когда они с Наташкой в баню идут, или когда Наташка простудится. Аня их серьёзно готовит, вдохновенно, как алхимик, разве что без заклинаний, вся в пару и дурманных ароматах, сливая через большой дуршлаг пенные кипятки в посудину. Какие-то сама пьёт, какие-то Наташке даёт, как бы та ни кривлялась и не отталкивалась, иногда немного вливает в Наташкину ванночку, когда Наташка лезет купаться. Ванночку эту они купили на “перспективу” с Андреем, когда детей ждали, да поторопились, а теперь вот она пригодилась. Такая, конечно, маловата пятикласснице, но Наташка в ней плескаться обожает, особенно осенью и зимой, когда на дворе холод и снег, а в бане тепло, даже душно и сухо от жара, и можно сколько хочешь нежиться в этой ванночке. Наташке нравится долго-долго залезать в горячую воду, сперва погрузить одну ногу, потом другую, наконец, с визгом медленно опуститься целиком, а затем высовывать наружу то распаренные коленки, то плечи, и близко их рассматривать, а как застынут — топить. Наташка так может целый час плескаться, тем более что вместе с нею плещется и ныряет её любимый целлюлоидный лебедь — игрушка старинная, 50-х годов, как живая, теперь такие одушевлённые игрушки для детей не делают. Ещё Наташка любит воздуха вдохнуть и погрузиться на дно, и оказаться в ином мире, от всего отрешённом, и даже удивительно, как мир такой загадочный может создаваться в их простецком домике — пузыри там под водой пускать и по дну ванны ползать на животе и воображать себе, что плывёт по дну глубокого моря, и очень жалеть, что вокруг нет ярких райских рыбок, которыми она всегда любит наслаждаться на цветном календаре в классе географии или если по телевизору показывают передачу про путешественников.

Летом рано утром резкой сладостью пахнет рассвет. Всё мягко обнимает спящий туман, звенит пронзительная свежесть, роса. Когда пройдёт гроза и густо прошумит дождём, со шпал в первых золотых просветах солнца поднимается пар, дрожит над ними душное марево. И такой дивный разливаётся запах, такой парной аромат! После каждой грозы цветов, кажется, становится ещё больше, и цветут они ещё ярче и гластее, и трава живоительно светлеет и как будто дышит, почти словами говорит. Наташка надевает свои сапожки, и мчатся они с Бобкой с брызгами по тёплым лужам вдоль рельсов мимо стены молодой травы, а над ними мягко летят счастливые лебеди-облака!

Ещё у них в Зелёной Рощице есть место, где растут маленькие ёлки, зимой они одну рубят для себя, чтобы нарядить на Новый год. А рядом, в папоротниках, где течёт ручеёк от их родника, водятся ужи, но они такие нарядные и блестящие, что Наташка совсем их не боится, и когда увидит ужа, всегда позовёт его: “Ужик мой! Иди ко мне, мой ужик!” А Бобка всегда ужа пугается и отскакивает прочь. Там в этом папоротниковом месте такие приветливые берёзки шевелят листвой, такие добрые и нарядные, как девушки на картинке в книжке “Сказки Пушкина”. В сезон подберёзовиков под ними — море! Стоят серенькие дружными компаниями! Андрею раз немного полегчало, и он выбрался с Наташкой в Зелёную Рощицу за подберёзовиками и там показал ей, как нужно правильно собирать берёзовый сок, чтобы потом ранку заклеить и дерево не погубить. Наташка очень сок этот любит, и больше всего любит “лечить берёзу” после того, как в бутылочку из-под газировки натечёт прозрачного соку.

Наташке самой удивительно, что в их домике ей совершенно не бывает скучно, даже когда тётя Аня уйдёт на путь, а Андрей спит, и она одна. Наташка и подруг особо в школе не имеет, так, со всеми девочками дружит понемножку, но в манере независимой и без особенных тайн. От школы они

никуда не выезжают — откуда деньги-то на это? Правда, один раз учитель физкультуры Расул Касымович организовал автобусную поездку на Чёрное море, но на неё надо было дать девять с половиной тысяч, да ещё и с собой полторы — а откуда у Ани с Андреем такие деньги? Наташка не поехала и не жалела об этом, потому что даже на море наверняка скучала бы по своей сторожке. Иногда возле их домика раздаётся приближающееся кряхтенье трактора, через некоторое время в дверь стучит тракторист Александр и громко спрашивает: “Наташка дома?” Это он заехал сообщить, что на выходные или на каникулы приехали Оля с Юлей, и чтобы Наташка, если хочет, ехала к ним в гости. Наташка собирается, но без большой охоты, потому что не любит Александра и особенно его жену Анастасию — полную, одутловатую, всегда ко всему равнодушную и какую-то кислую. Наташка не может понять — как это можно совершать такой дурной поступок, как отправлять детей в интернат. Тётя Аня объясняла ей: “Доча, ведь им из Никифоровки до автобуса ходить очень далеко. Считай, больше, чем тебе, на целых три километра”. “Ну и что? — возразила Наташка. — Он что их — на тракторе возить не может?” — “Сколько же это он пожжет солярки? Откуда денег взять?” — “Да, бабуль?! А всякие телевизоры и диваны Анастасии покупать — есть деньги?” Действительно, Анастасия больше знает ничего не хочет, кроме как ездить с Александром раз в месяц за какой-нибудь покупкой. Всё, что выручают они от своей почти что круглосуточной работы по хозяйству (которой занимается, между прочим, преимущественно Александр, потому что на нём ещё и трактор), тратится на новые вещи. У них есть и мебель, и хрустальная посуда, и ковры, и телевизор, и проигрыватель дисков, и компьютер, и телеантенна с большим белым кругом на улице, которая, как какой-то инопланетный пришелец, выглядывает в деревне, и даже ванная с обогревом, выложенная плиткой, — всё есть. С Юлей и Олей Наташке тоже скучно — они такие же кислые и малоподвижные, как их мать, ходят по дому, как две одинаково гладкие тоскующие жирафы или гусыни, и хоть и старше они Наташки на два класса, поговорить с ними не о чем, кроме постоянных и часто довольно нехороших сплетен из жизни интерната. Иногда Оля с Юлей с холодным взрослым цинизмом, с порочным спокойствием толкуют Наташке такое, что ей даже тете Ане рассказать стыдно. Поневоле вспоминается Наташке, когда она видит сестёр, разговор её однажды с тётей Аней: “Вот, доча, какая ты сейчас чудесная и милая, а ещё года полтора пройдёт, и станешь ты дерзкая, злая и скучная”. — “Не стану”. — “Станешь. Взросление”. Наташка всё-таки встречается с ними ради разнообразия в течение жизни. Ей на тракторе нравится ехать, нравится его тёплый запах солярочной гари и надёжность хода. Александр иногда даёт покрутить руль, но у неё долго рулить не получается, силёнок не хватает. Осенью или в весеннюю распутицу трактор вязко тянет в жидких колеях, стекло его кабины покрыто чёрными брызгами из-под колёс и крупными дождинами. Долго едут вдоль покинутых домов, мимо развалин церкви, пока, наконец, не подъедут к дому Александра, стоящему в середине улицы под двумя стародавними высоченными вязами, издали отличимому от всех остальных домов по яркому синему окрасу стен и нагромождению вокруг дома сараев и пристроек. Здесь все живые колеи заканчиваются, улица глухнет. Всё прочее присутствующее жильё густо осыпано коричневой листвой, схвачено высоким кустарником, затянута лопухами и бузиной. Дальше, немного в горку — только несколько понурых выглядывающих крыш над зарослями по обеим сторонам улицы, и на исходе её валкой линии каменеет угрюмый дуб, на котором болтается канат для качелей. А за дубом в вечно дремлющей мгле издали глядится океан холмов и непаханных полей с чёткими бровками рощ, поднимающихся над речкой и неспешно плывущих вместе с небом в самую даль горизонта. Наташка заходит в дом, вначале немного поболтает с сёстрами, посмотрит мультфильмы по “видику” или какое-нибудь кино. Иногда Оля с Юлей дают ей поиграть в компьютер, за которым Наташка просидит до самого вечера, гоня по цветным клеткам какого-нибудь жизнерадостного виртуального дурика, пока не войдет Анастасия в очередном новом халате, с бигудями на голове, и сонным голосом не скажет: “Дети, идите чай

пить”. Без толку и расстановки, на одном тоне и с мягким южным выговором буквы “г”, тётя Аня как могла, но всё-таки читала Наташке сказки Пушкина по жутко залистанной и измятой, ещё дедовой книжке, когда у них Наташка только начала жить. А Оля с Юлей, кажется, вообще никогда ни о чём не слышали от родителей, кроме сведений о разной бытовой пользе, и потому больше не интересуются ничем, кроме вещей и сплетен о чьей-то личной жизни. Наташка один раз попыталась рассказать им про цветы и про то, как плести из них венки двойные или тройные, но сёстры жестоко высмеяли её. Когда Наташка поведала им, что у них в домике не только нет компьютера, но даже цветной телевизор советский — “Рекорд”, Оля с Юлей поулыбались внаглую. А вот историю про мать и отца и вообще про то, как оказалась в домике, которую рассказала им Наташка, они восприняли безо всякого сочувствия, безо всяких лишних вздохов — со взрослым спокойствием: их в интернате подобными историями не удивишь. Они сами такое поведать могут, что волк в лесу зарывает. Оля только сказала: “Вот не получается у людей, как по досточке: жизнь-жизнь-жизнь. У всех всё только косо”. А Юля на это зевнула, махнула рукой и проговорила: “Со взрослыми правило простое: напьютеся пьяные — если до рук не дошло — ну ладно, а уж если пошли руки — тогда 02”. Этим мудрым житейским нравовением разговор и окончился. Александр и Анастасия, когда не уходят во двор, как они говорят, “управляться” по хозяйству, в доме всегда располагаются порознь. Анастасия лежит в халате на софе с горестным лицом по случаю своей усталости, немного похожая на сытую хавронью, а Александр на кухне разгадывает кроссворды или сканворды, или читает какой-нибудь очередной журнал или детектив, сильно дымя сигаретой. Они с женой почти не общаются, хотя и спор между ними Наташка тоже никогда не слышала. Разве что скажет Анастасия: “Ну что, пора управляться”, — прежде чем, глубоко вздохнув, идти надевать телогрейку, сапоги и подвизывать голову косынкой, и Александр с кухни официально ответит ей кирпичным голосом: “Я помню”. И начинают греметь в сенях какими-то вёдрами и лопатами, прежде чем выбраться на двор, с которого в комнату сразу ворвётся громкое кудактанье домашней птицы и запах хлева с привкусом каких-то сывороток. Когда вечером привезёт Александр Наташку домой, тётя Аня спросит: “Ну как, поиграла с девочками?”, Наташка в ответ рукой только махнёт по-взрослому и скажет: “Да уж, с ними поиграешь...” Анастасия не хочет уезжать из Никифоровки, чтобы Александр на новом месте не спознался с мужиками и не начал пить, потому что если он выпьет хотя бы одну рюмку, то это потом безумие на недели, и Анастасия на обширном хозяйстве останется один на один со всеми поросятами и индоутками. Александр высокий, большой, статный, совсем без седины, с каштановыми глазами и волосами, с сильными мастеровитыми руками, и при этом необыкновенно важный в своей кожаной куртке, аккуратный и неспешный. Тому, кто ничего не знает о нём, очень трудно представить себе, что этот пространный человек может пить и напиваться до полной бессознательности, до спанья в навозе на дворе, до белой горячки со змеями и крокодилами...

Наташке нравится не только запах трактора, но и вообще всего горячего — тепловоза, костра, печки, свечи. У них на дворе возле нужника есть старый дощатый сарай со ржавой ручкой и колочей занозистой дверью, в нём стоят керосиновые и свечные фонари и прочий устаревший сигнальный инвентарь. Наташка любит иногда этот сарай открыть и потихоньку втянуть носом прогорклый трогательный запах старой жести и сажи. Она уже три Новых года здесь в домике встретила (а ей кажется, что всю жизнь жила), и каждый раз доставали такой фонарь со сменными цветными линзами, зажигали его и ставили возле наряженной ёлки, срубленной в заветном месте, куда специально ходили с Андреем по тёмному снегу. Наташке нравится, как в фонаре мурлыкала горящая керосинка и сквозь дырочки дефлектора фигурно струились и поднимались едко пахнущие змейки дыма. Фонарь зажечь ей разрешили, но только после того, как она вслух расскажет стишок “К елке новогодней”, разученный загодя к празднику с тётей Аней. Такие фонари раньше брали с собой обходчики и сторожа на обход пути и подава-

ли ими из ночи поездам сигналы, а при надобности вешали фонарь на шест, для чего у фонаря имеется специальное кольцо. Наташке очень нравится в полной темноте вертеть особым колесиком разноцветные линзы в фонаре и смотреть, как меняется цвет его слабого луча — красный, жёлтый, зелёный, прозрачно-белый, и наблюдать, как бегают по стене, по коврам таинственные квадратные блики.

А разве не интересно Наташке смотреть на дорогу, на поезда? У них прямо за окнами рельсы близко-близко сверкают. И не здорово ли, когда едет из Тулы дядя Сергей Желтков, остановит дизель возле их сторожки, и они с симпатичным смешливым помощником Андрюшкой, склабясь во весь рот, выйдут в тамбур, присядут на корточки, и дядя Сергей протянет ей настоящий тульский пряник? Такой свежий, что даже тёплый иногда бывает. Наташка непременно сразу откусит от него кусочек — нежный, сладостный! И всегда этот пряник лежит в подарочной коробке с изображением пузатой довольной бабы в чепчике и сарафане, чем-то похожей на Анастасию, но весёлой, радостно расположившейся у большущего самовара. А обратно дядя Сергей едет вечером без остановки, издали часто-часто гудит, и они с тётёй Аней выбегают на крыльцо, чтобы обязательно ему и Андрюшке как следует помахать, а те им вовсю машут в служебные окошки из любопытствующей лобастой физиономии дизеля. Но дизель — что дизель: он хотя и красивый, но тусклый и закопчённый, какой-то понурый весь от своей обыденной жизни. Наташка его немного жалеет. И народ на нём едет всё более простой, бесхитростный. Однажды Наташка ехала с тётёй Аней из города с новыми учебниками и коробочками лекарства для Андрея и, залезая в сумрачный урчащий дизель, увидела, как большущая дебелая тетка в деревенском платке с хохочущими золотыми зубами горласто крикнула с платформы озорному мужику, который высовывался в окно по плечи, как школьник, и весь истекал ответной симпатией, будто тающий десерт: “Ваня едет в Богородицк продавать гармошку!” — и Наташке от этого возгласа показалось, что она присутствует в каком-то прошлом веке. Дизель всего-то идёт несколько часов от места до места. А вот летом у них тут в обход перегруженных главных направлений пускают настоящий пассажирский поезд, дальний, из зелёных вагонов, номер 526-й дополнительный — вот это здорово. Он два раза в неделю днём от рощи проходит, и Наташка его каждый раз провожает. Она знает — мимо их домика он пойдёт сразу после двух часов дня. Ближе к этому времени она, если в комнате, начинает тише играть с Бобкой и всё прислушивается. Наконец в шелестящем шуме рощи различается какой-то особенный сторонний шорох. Идёт! Наташка выбегает наружу почти к самым рельсам. В глубине стены мерцающих листвою и качающихся на ветру высоких осин и берёз наливается растущий гул и особенный визг, напоминающий звук самолётных турбин. Он больше и больше близится, и вдруг в полотнах рощи неожиданно быстро и устремлённо появляется поезд, сизо дымящий тепловозным выхлопом над вагонами. Только этот дальний появлялся так (первый раз слово “дальний” Наташка услышала от тётки Ани и взволновалась): всякие путевые мотовозы и дрезины, на которых иногда подвозили им уголь, почту и новости, ехали с утлым настороженным шумом, скрипя и качаясь, словно старинные брички; товарные поезда и “полувагонники” долго, как канонада, гремели и колотили колесами в глубинах перегона, а появлялись на свет медленно и напряжённо, охватывая тяжким гомоном все вокруг. Дизель пробегал легонько и как-то незаметно, с покорным ворчаньем. А вот дальний, как казалось Наташке, словно народный артист выходил на сцену. Это было настоящее представление. Дальний не ехал, а именно невесомо плыл по рельсам, одновременно слитно совпадая с ними как бы в единое целое. Впереди мощно гремел дизелем и уверенно катился, склабясь щелями наметельника, с радостным прищуром узких прямоугольных фар тепловоз одной секцией. Наташка поднимала на него глаза и видела в оцарапанных, заляпанных убитой мошкарёй наклонных окнах такого же склабящегося крупными зубами, как у жеребца, крепкого загорелого машиниста в распахнутой рубашке, дымящего в окно сигаретой без фильтра и глядящего поверх всего сущего. А к нему клонится, положив подбородок

на кулаки и остро выставив локти, и что-то весело рассказывает парень-помощник в оранжевом жилете, как у тёти Ани, надетом поверх летней майки. Наташка махала им, и в ответ непременно получала неожиданно нежный, одушевлённый свисток. Наташка жмурилась от набегавшего порыва ветра, вскружённой пыли и ароматного машинного тепла и успевала прочесть на высоте проносившейся угрюмой стены тепловозного кузова надпись: “ТЧ Узловая”. За тепловозом дружно вышагивали пассажирские вагоны, точно и звонко отстукивая шаг, в их мутных окнах виднелись силуэты людей, любопытствующие детские лица, всякая дорожная посуда на столиках, свисающие простыни. И со взволнованной радостью участия в творящемся событии движения читала Наташка мелькавшие вагонные трафареты, поражаясь величине расстояния, которое и вообразить себе трудно: “Калининград—Челябинск”! Наташка в школе нашла с помощью учительницы географии и тот, и другой город и, уперев руки в боки, воскликнула: “Вот это да-а-а!”, увидев, как далеко эти города находятся, и получила замечание, потому что учительница решила, что Наташка паясничает. А вот обратно дальний шёл глубокой ночью (другие поезда по ночам последнее время почти не ходили). Тётя Аня всегда вставала и провожала его с фонарём, опасаясь, что поедет кто-нибудь из начальства, допустим, тот же Кирьянов, и увидит, что поезд здесь не провозжали — хотя тётя Аня и не обязана была это делать. Сквозь сон Наташка слышала, как ревел будильник и тётя Аня с громким в ночи скрипом слезала с постели и шептала с сердцем: “Идёт, чёрт... Пятьсот весёлый... Хоть бы совсем его отменили, паразита...” Заслышав снизу, от моста, гул и гудок, она выходила наружу, накинув что-нибудь на себя, и нервно гремела петлёй и замком на крыльце. Из служебной трубки, лежавшей у аппарата в сенцах и становившейся слышной в вакуумной тишине ночи, тоненько доносилось скрипучее воркованье: “526-й... 526-й... 526-й...”. Словно где-то в ночном пространстве шептались какие-то волхвовавшие существа. Поезд с резким близким свистком, суровыми бликами и стуками, пролетев, быстро уносил с собой шум и бегущие тени в ночь, тётя Аня возвращалась в дом, громко запирала дверь и затем сердито и вразумительно говорила в трубку неизвестно кому тёмным голосом: “526-й Никифоровку проследовал без замечаний, с сигналами”. И, не дожидаясь никакого ответа, продолжая в голос ругать “пятьсот весёлого” и всю эту железнодорожную жизнь, быстро шла в полной темноте спать, предварительно звучно пошив из банки ею же давеча сваренного компоту. В начале сентября, с потуханием трав, 526-го отменяли, и Наташка по этому поводу грустила: одним летним событием становилось меньше, и вообще в школу опять пора.

А когда начинается школа, и погода часто плохой становится. Заморозит. Дни приходят тёмные, предснежные, со ржавой спутавшейся травой, обмякшей мокрой листвой и назойливой моросью, сыплящейся из коричневых неба. Дым от печки в такие дни особенно резко пахнет. Тогда Наташка одно остаётся — будет она дома с Бобкой играть, уроки делать, куклу укладывать целый час или рисовать. Счастье, что Наташка рисовать любит. Только карандаши она все время по неряшливости раскидывает, и тётя Аня их куда-нибудь в одно место собирает. А когда Наташка рисовать хочет — сию секунду чтобы были карандаши под руками. Вот и сейчас она выбежала на улицу и закричала:

— Бабуля! Бабу-у-уль! Где карандаши? Бабуля!

* * *

Тётя Аня, сняв на веранде только платок и боты, тихо прошла к Наташке в комнату. Андрей свернул полученные бумаги в трубочку, сунул их за переплетённый шнур электропроводки над дверным косяком и тоже прошёл к себе, сразу улегся, завозился и закашлялся в своей каморке. Наташка звала: “Бабуль, ну куда ты их убрала?” Аня, не снимая жилета, в мокрой тяжёлой одежде присела на Наташкину кровать, и от того, что она вот так прошла в комнату одетой в служебное и присела на краешек постели, словно в чужом

доме, стало немного тревожно. Наташка подбежала к ней, схватила за руку и несколько раз провела по мягкой и доброй, как у Бобки, очень яркой под близкой лампочкой тётки Аниной седине. И сразу же опять затеребила её: “Ну бабуль! Ну где?!” Тётя Аня посмотрела на неё с такой глубокой лаской, какую Наташка видела на свете в своей жизни только раз на иконе с изображением Божьей матери с младенцем, когда однажды они с тётей Аней на Пасху ездили в город, чтобы купить Наташке кое-что из одежды и для школы, и заходили там в большую голубую церковь, над которой, казалось, в самом небе счастливо журчали какие-то бесконечно радостные неумолчные колокола, а внутри было очень тесно от людей, душно и даже жарко, и очень светло от множества с треском пылавших свечей. Оттуда они привезли пахнущие потухшей свечкой два кулича и разрисованные яйца, такие красивые, что Наташке потом их жалко было чистить и есть. Наташка вспомнила сейчас в глазах тётки Ани тот взгляд Божьей матери, и такой это был взгляд переживательный, что Наташка опять потянулась к тёте Ане, а та обняла её и прижала к себе, положила ладонь свою — и мягкую, и крепкую — Наташке на голову, стала гладить её и нежно, с каким-то особенным чувством приговаривала протяжно:

— Милая моя доча... Иди ко мне, ребёнок... Иди ко мне... Моя доча...

Наташка чувствовала, что тёте Ане из-за чего-то очень грустно, и ей, конечно, хотелось утешить её, но в то же время и очень хотелось найти карандаши. Поэтому она ещё раз коснулась ладошкой тётки Аниной седины и начала мягко вырываться: “Бабуль! Ну пусти... Бабуля, пусти. Я к Бобке пойду! Пусти! Бабуля!”

* * *

...Останется от линии в лесах и на дугах зарастающий след, но вечным призраком являться будет, как бегут по навсегда уснувшей насыпи паровозы, и серебряные гривы дыма виснут над ними, и незримые сигнальные линзы светят им в бесмертно ясной ночи...

* * *

— Однако же, Тимофей Ильич, нам двигаться пора. Господа старшие инженеры уже наверняка расположились к ночлегу во-о-о-н там — видишь, на той горке стоит село Никифоровка, — не худо бы и нам податься передохнуть от праведных скитаний. Пойдём прямо по этой ложбинке, что спускается в овражек — кстати, трасса замечательно впишется в неё, ты не находишь? — а там свернем накоротко в поле и, извольте-ка верить, поспеем к ужину со всей честной компанией.

— Положим, трасса тут уляжется действительно славно, разве что небольшую выемочку труженикам всё-таки придётся прокопать... Двигаться к ужину — мысль весьма знатная. Вот только на дворе уж больно погоже, и никуда неохота идти — лежать бы вот так и лежать, да по сторонам обозревать...

— Да, мир-то Божий... Божий мир. Какое чудо! Господи...

Торжествующий цвет заката оранжево расцветил на западе небо, облачил травы и приветливо помахивающую, словно ладошками, листву в сияющий глянец. К вечеру гуще, горячее запахло травами, долетающим из каких-то садов немислимым ароматом расцветшей сирени, проступающим холодком земли от близкого родника, просторным и счастливым ветром. Над отдалённой дубравой сотворился и поплыл, словно блаженные волны, лёгкий мелодичный звон, который удивительно гармонично совпал со всем окружающим миром. Петров посмотрел в ту сторону, откуда, как невидимый полог над землёй, на одном высоком проникновенном тоне тянулся звон, прищурился и увидел над отдалёнными кудрями лип невысокую кирпичную верхушку колокольни. Ветер немного подул со стороны звона (а это звонили к вечерней

службе в Никифоровке), и чуть различился запах парного молока и водопоая, расслышался отдалённый коровий рёв. Сильнее пошевелились цветы над травами и глазами своими сквозь юные ресницы лепестков словно о чём-то искренне сказали.

— Среди долины ровныя, — своим манером, внутрь себя усмехнулся Петров, так же, как и Беловольский, утопая добрыми глазами в окружавшем бытии. Беловольский же, приложив ладонь к груди, весь летел, как вдохновенный ангел, вместе с этим вечером и звоном, тонул глазами в небе, в облаках, дыша набегавшим ветром, простором, живописным размахом пейзажа с говорящими далями, несказанным ярко-коричневым лоском пашен, молодой изумрудной густотою рощ, от которых в закате пролегли блаженные тени, и взлохмаченная бородёнка его, казалось, улыбалась и радовалась вместе с ним.

— Какое счастье! — воскликнул Беловольский. — Какое счастье. Господи... Так хочется думать... верить в этакий час, что впереди всё будет таким же чистым, светлым и безмятежным, как этот вечер. Всё, всё для этого дано... Удивительное счастье — присутствовать в нём, осязать... Господи, спасибо тебе...

Петров, не оборачиваясь на него, неотрывно глядел в ту сторону, откуда наплывал протяжно звон, перешедший в равномерные удары неторопливого благовеста, поднявшего над машущими вершинами берёз плавные стаи ласточек.

— Аминь, — сказал Петров, не спеша поднимаясь с травы, отряхнул сюртук и потянулся за фуражкой. — Что ж — пойдём? — не то спросил, не то утвердительно сказал он.

— Пожалуй, — встрепенулся Беловольский и тоже первым делом легко накиннул фуражку. — Кажется, я штаны немного заселил, ну да это ничего. В детстве мне, помнится, крепко доставалось за такое от мамы... Ты у себя на листе набросаешь предположительное направление?

Петров кивнул. Они ещё раз отряхнулись, пару раз перетопнули сапогами, крепче нахлобучили фуражки, поправили на боку планшеты, убедившись, что они застёгнуты, и зашагали под горку направлением будущей дороги огромному сияющему сплошь зелёному простору и раскалённому кругу солнца навстречу.

— Пожалуй, притомимся шагать, — сказал Петров.

— А мы, чтобы уменьшить усталость, запоём песенку. Вот хотя бы эту — любимую нашу — а?

*По рюмочке, по маленькой
Тир-лим-бом-бом, тир-лим-бом-бом!
По маленькой, по маленькой,
Чем поют лошадей.*

И дружно запели они свою любимую студенческую песню, красиво, на два голоса, в дружном ладу, как в старину пели, и зашагали под гору, немного маршируя и с шуткой капельмейстерски помогая себе руками. Молодая энергичность и некоторая горделивость была в их осанке и походке. Ещё бы! По их, Беловольского и Петрова, вешкам проложат дорогу до самых западных морей. И вечно будет народу и отечеству служить трудовая матушка-чугунка, по утрам пробуждать свистками на болотинах спящих коростелей и в деревнях первых петухов, и будут люди ставить по ней ходики, словно по какому-то астрономическому мерилу, и такими же привычными сделаются стук и свист её, как в поле рожок пастуший или коровье мычанье в селах. Затеют по их вешкам дорогу строить — и, стало быть, построят! — миллионами кубов вычерпают, где нужно, землю, кирками прогрызут камень, прокопают выемки и поднимут насыпи, которые вскоре так совпадут, сростутся со всем окружающим строением земли, словно существовали на ней от самого сотворения мира. Уложат рельсы и наведут мосты, и вокзалы возведут, и воду из земли поднимут, и вдоль долгих полей натянут телеграфную струну. И от сохи пришедшие люди научатся строгому, точному ремеслу: вчерашнее

крестьянство геройски овладеет технической цифирью и чертёжной премудростью, оденется в служебные кафтаны, водрузит на головы фуражки, нацепит форменные бляхи и затынет пояса пряжкой с державным вензелем. И сыновья пастухов и пахарей важно станут за регуляторы паровозов, и запачкаются суровые лица трудовой сажеей и олеонафтом — и двинутся от их рук поезда. Протиликает колокол; счастливо и горестно, как сердобольная баба, взрвёт вокзальная гармонь! Сердечно и просто воспёт о встречах-расставаньях, заполошенно выиграет об очередных затеявшихся перемещениях судеб, о непостижности калейдоскопа жизни... Первый поезд, клопоча от мощи локомотива и готовности к ожидающей стихии, закричит, заголосит, заверещит свистком, словно одержимый скворец, пронзит уши, жарко задышит и двинется новой дорогой по России, так же одержимо и пугающе вереща вдоль рощ и косогоров, призывая пуститься с собой в распахнутые объятия горизонта, в неведомое, в вечные пути! А сверху с высокой Соборной Горы грянет, отзовётся ему Тысячезвонный Спас, и всё поглотит в себе — и худое, и хорошее, и бренное, и представляющее вечным, и зримое, и призрачное, и бездонно гудящим гласом могуче обнимет всякое бытие. И закат сольётся с рассветом в единую бесконечность, куда рельсы, вивясь, уходят — в стихийную дикую даль без края, под высокие перелёты птиц, в напряжённую песню полей и ветер, в ночное лунное сиянье и переходящий мрак ненастий, во всполохи пробуждений, в бескрайнее волнение моря жизни и Земли...

Гавана, Москва, 2008

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

КУДА Я ЗОВУ

* * *

Куда я зову и к чему призываю
Читателя, сидя в еловой глуши?
Какие секреты ему открываю
Посредством стиха и посредством души?

Не знаю. Мне тоже неведомы бездны,
Где силу теряют людские грехи.
Но знаю, что люди добры и любезны
К тому, кто ещё сочиняет стихи!..

ПЕРВЫЙ СНЕГ

И буду жить в своём народе...
Н. Рубцов

Первый снег, сырой и липкий,
Облепил мое крыльцо.
В это время “плачут скрипки”,
Как сказал бы сам Рубцов.

По такой-то по погоде,
Если воле неба внять,
Хорошо в своём народе
Жить и песни сочинять!

ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич — автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России, живёт и работает в городе Череповце.

УЛИЦА

Я тихо у окошка посижу,
На улицу родную погляжу.
Совсем пустынна улица моя,
Но это ненадолго, знаю я.

С полей повеет новою весной,
И старый друг созвонится со мной,
И съедутся на улицу мою
Все, с кем нектар духовности я пью.

Услышав нас, в наш добрый уголок
Заедут Пушкин, Лермонтов и Блок,
Ахматова зайдёт на огонёк,
И Пастернак примчится на денёк.

А там, глядишь, дорогою отцов
Подъедут и Есенин, и Рубцов.
И Клюев, пыль взбивая посошком,
Из Заонежья явится пешком.

О, скольких же Боянов Бытия
Увидит сразу улица моя!
И пусть она пустынна в час иной, —
С полей повеет новою весной!..

КОТОРОЕ УТРО...

Которое утро синица к окну прилетает,
Которое утро то вспыхнет надежда, то гаснет.
Которое утро дорогу снежком заметаёт,
Которое утро по телеку слушаю “басни”.

Которое утро топлю свою старую печку,
Чтоб жаркую негу добыть из еловых поленьев.
Которое утро на улице ни человечка,
Лишь слышится ветра протяжное грустное пенье.

Которое утро я жажду звонка телефона,
Друзей номера, не дождавшись звонка, набираю.
Которое утро опорой мне служит икона:
Молюсь и скорблю, уповаю и не умираю!..

ПРОСТАЧОК-МУЖИЧОК

Рукомойничек мой, умывальничек,
Печка, столик да старый диван.
Сам себе я слуга и начальник,
Простачок-мужичок, хитрован.

Восемь соток землицы да баенка —
Огородик какой-никакой!
Заточил я себя не случайненько
В сей острожек своею рукой.

Не стеснен своенравной погодю —
Печка топится, крыша цела.
Свежеструганой пахнут свободю
И задумки мои, и дела.

Загруститя, бывает, на праздничек,
Завздыхает душа тяжело,
Но разломишь коврижку иль пряничек,
Пожуешь — и опять отлегло...

И опять дело споритя всякое,
А при деле и я не грущу:
Захочу — серой уткой побрякаю,
Захочу — соловьём посвищу!

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

УМЫТАЯ КРОВЬЮ СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА

Сменить бы пора,
да всё не соберусь:
она на стене прижилась.
На ней пламенеет Советский Союз —
шестая планетная часть.

Европа спокойные любит тона:
желта, голуба, зелена...
А наша алеет на все времена —
умытая кровью страна.

ШЕСТАЯ РОТА

Есть много тёмных пятен у войны,
не разглядишь со светлой стороны,
кто правый в этом деле, кто неправый,
в чеченской необъявленной войне,
как в озере на самой глубине,
ищи-свищи исток её кровавый.

АРТЮХОВ Евгений Анатольевич родился в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. В "Нашем современнике" печатается с 1994 года. Автор нескольких стихотворных книг. В феврале 2010 года Евгению Анатольевичу исполняется 60 лет. Поздравляем поэта-офицера и нашего друга с юбилеем!

Мы правды не узнаем никогда:
как так — ломилась целая орда,
а с нею в бой вступила только рота?
Кто сговорился “духов” пропустить?..
Мы знаем, кто их взялся угостить
и накормил свинцом из пулемёта.

Пусть журналисты что-то приплели,
пускай приврали с короб, где могли,
красивые насочиняли речи, —
не ведали они февральский ад,
а выжившие — знают и молчат.
И пусть молчат, коль так живётся легче.

Погибшие взирают с высоты.
Им всё едино — звёзды ли, кресты,
лежат цветы или одна дернина.
Но нам-то с вами разве всё равно?
Трёхцветное покрытие полотно.
Встал обелиск.

И всё?

И паутина?

Луна над древним Псковом возжжена,
на старый кремль нисходит тишина,
Река Великая не спит в низине.
Давным-давно отгромыхал салют.
Лишь стропы парашютные поют,
поют о тех, кто вечно на вершине.

* * *

Мой ангел-хранитель, я знаю — ты рядом,
и верю: когда тяжело,
ты рвёшься на землю из райского сада
подставить седое крыло.

Садись на плац полковой грязноватый,
на старый щелястый асфальт,
где строй на ходу выправляют солдаты
и прежние марши гремят.

Не всё ещё пущено на распродажу,
повыбито из колеи.
Сереют от пепла, чернеют от саж
надёжные крылья твои.

Терпи, коль такая нам выпала доля —
виновными быть без вины.
Хоть в нищей стране мы копейки не стоим,
но кто мы без этой страны?

МИХАИЛ ПОПОВ

КАПИТАНСКАЯ ДОЧЬ

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

15

Единственным мужчиной, с которым у Ларисы отношения не складывались ну ни в какой степени, был её сын. Конечно, виновата она была сама, и даже готова была признать, что виновата. Мать не рядом с ребёнком — на что она может претендовать? Вечная червоточина в сердце — я скверная мать!

Неприятные приступы трезвости — а как можно устроить по-другому? Ребёнок в коммуналке под опекой Каблуковых!

Потом Ларисе неожиданно дали однокомнатную квартиру, и неплохую, в новом доме, строившемся для сотрудников ЦБПЗ последние лет двенадцать и вдруг победоносно достроенном прямо среди развалин СССР.

Но улучшение жилищных условий только усложнило жизненную ситуацию. Ларисе теперь намного труднее было представить сына в одном с собою жилище.

Кто и как будет за ним смотреть при её графике и режиме жизни?

Этим вопросом она обычно заканчивала свои сетования о том, что разлучена с ребёнком.

С ней никто не спорил, даже из числа тех, кто искренне не видел ничего особенного в её жизненной ситуации. Если кто-то пытался заикнуться в том смысле, а что тут такого? — Лариса смотрела на этого человека как на идиота, и так безапелляционно, что он сам себе начинал таким казаться...

Ларисе сочувствовали, входили в её положение, у неё было даже что-то вроде негласного звания матери-героини, в том смысле, что вынужденной жить без своего дитяти!

Сына Лариса не любила, и до такой степени, что даже иногда признавалась себе в этом. Он был виноват перед нею и не делал ничего, чтобы исправиться. Ну зачем он до такой степени подробно и полностью повторяет черты и повадки своего папаши? Кстати, пропавшего напрочь со всех горизонтов. Он вспоминался Ларисе уже каким-то сгинувшим, как бы из-под земли, и это её устраивало.

Мальчик между тем, не видя матери, рос в полноценной семье, при молодых, крепеньких бабушке и дедушке. Они возились с ним именно по-родительски, а не по-стариковски. Заботились, но не тряслись.

Тихий, укротительный ребёнок, хорошист, на периферии учительского внимания. Не отличник, чтобы нахваливать и выдвигать, но и не двоечник-хулиган, чтобы о нём беспокоиться.

Капитан запаса Конев охотно ходил на родительские собрания, хотя и совершенно зря. Имя ученика Конева почти никогда на них не звучало. Поэтому, когда дочь справлялась в своём дежурном московском звонке — “как он?”, капитан честно отвечал: “в штатном режиме”.

Деда радовал. В комнате, доставшейся ему по наследству от матери, устроил свой мальчиковый мир. Центром его сделался лобзик. Мальчик был фанатом выпиливания. Его одно время пытались приторочить к баяну в Доме офицеров, но после того как он сыграл “Дунай, Дунай, а ну узнай” Лиону Ивановичу во время одного своего приезда в Москву, по совету опытного деятеля сцены от баяна отстали. “Пусть пилит”, — сказал Лион Ларисе, и она кивнула, решив, видимо, что Егор с баяна перейдёт на скрипку.

Мальчик выпиливал и клеил и всё сплошь модели советской военной техники. То есть действительно радовал деда. Капитан видел во внуке счастливое совмещение двух основных семейных традиций: художественной и военной. Пусть даже в такой фанерной форме.

Друзья у него были.

Хорошие ребята, кто-то из класса, кто-то из кружка в Доме офицеров. Он дружил с ними, но как-то не полностью, на три четверти. У него был огромный недостаток — его нельзя было ни в каком виде использовать в футбольной команде. Даже в качестве вратаря. Он “стоял” так, что лучше было играть при пустых воротах.

Использовался только в качестве болельщика.

Кстати, много болел.

Порода — выносил про себя вердикт капитан, сидя в очередной раз с температурающим в мокрой кровати внуком.

Однажды капитан Конев, зайдя в комнату мальчика, обнаружил, что у него из-под кровати торчит угол какой-то коробки. Вытащил. Оказалось, что это не просто коробка.

Кремлёвская стена! Из фанеры.

И уже выпиленные заготовки для башен. И даже покрашенная золотой краской луковка для соборной колокольни.

Не дожидаясь, пока внук явится из школы, капитан позвонил дочери, почти с надрывом объяснил, в чём дело. Мальчик грезит столицей, тем местом, где обретается мать. Вслух не жалуется, а тихо терзает фанеру и прячет тоску под кровать.

Да, я отвратительная мать, признала Лариса. Но неужели непонятно, почему всё так происходит?! Может, это жизнь нынешняя настолько отвратительна, что матери вынуждены так относиться к своим детям.

Капитан в общем и целом разделял взгляд столичной дочери на ситуацию в стране (на дворе был конец сентября девяносто третьего года, уже назревала незаконная расправа над парламентом), и он очень ценил, что его Ларочка где-то там, близко к горнилу, знает, чем смазываются рычаги, вороочающие историческим курсом родины. Он извинился, положил трубку и закурил.

Мы все должны ей помогать!

16

Михаил Михайлович опять усидел. И это удалось ему даже проще, чем во времена ГКЧП. С одной стороны, сказался специфический опыт: умение не брякнуть ничего лишнего, не выскочить в первые ряды с ненужным знаменем; с другой — бесповоротно изменилась структура реальности. На поверхности кипела битва прогрессистов и консерваторов, патриотов и западников, но реальные дела делались под поверхностью — ползучий, непрерывный, повсеместный передел государственных имуществ.

Ельцинские танки душили по дымящемуся парламенту, операторы CNN снимали это прямой наводкой с соседних крыш, а в кабинете на десятом этаже ЦБПЗ бродили идеи акционирования научно-общественного гиганта.

Лариса сидела в предбаннике шефа, держа в папке на коленях проект устава общественно-политической организации “Братья и сестры”. Всё то время, пока шла осада Белого Дома, она разрабатывала устав, сплывала актив. Шансы на успех не взвешивала. Всё или ничего. И она не боялась этого “ничего”. Она побывала в осаждённом здании парламента. Навестила знакомых, прочно засевших там, готовых на всё. Она гордилась этими людьми, вдруг из мягкотелых интеллигентных русских пьяниц и болтунов превратившихся в людей, готовых рискнуть жизнью во имя идеи. Она глотнула тамошней неповторимой атмосферы. Какой-то из порывов ветра истории несомненно залетел туда, это тревожило её и возбуждало. По-хорошему, надо было бы примкнуть, остаться с единомышленниками, но она сразу поняла, что не в состоянии вынести гигиенический режим этой политической крепости. Страшно не то, что страшно, а то, что холодно и плохи туалеты.

Но она была готова сразиться на своём привычном участке фронта. Да, она выбрала не лучший момент для своего визита к товарищу шефу. Или, наоборот, лучший! Пиковый! Пусть старый морпех покажет себя, кто он таков на самом деле.

В предбаннике работал телевизор, обычно выключенный, как раз шла трансляция исторического расстрела.

Напротив Ларисы располагались три молодых человека, каждый также с папкой на коленях. Интересно, думала она неприязненно и подозрительно, в какие политические секты хотят втянуть шефа эти молодчики. Явно не в общество “Память”. Впрочем, сползания в эту сторону от товарища Александрова ждать не следовало. Помимо того, что трус, он ещё и старомодно интеллигентный человек, слишком дорожит тем, что считает своей репутацией. А что такое репутация, как не палка, которую, если нужно, вставляешь в колесо вражеской идеологической телеги?

Кто же такие эти трое?

Кажется, они не знакомы между собой. Или слишком хорошо знакомы, и между ними заранее всё обговорено, и им не нужно перемигиваться. Делают вид, что дымящееся здание российского парламентаризма не имеет к ним никакого отношения.

Волхвы какого-то нового порядка?

Откуда? Из администрации президента? Из префектуры?

Не глядят ни на красивую сердитую женщину, ни на экран. Глаза или полуприкрыты, или направлены в сторону окна.

Уверены, что уже победили?

Лариса решила, что если это откровенная демшиза, она встанет грудью.

Что будет делать конкретно?

А чёрт его знает, закатит истерику, драку, будет кусаться, вопить!

И вообще, почему она здесь сидит, когда там, в самом центре столицы унижается достоинство её родины! Белотелый парламент избивается артиллерийскими розгами. В этот момент в её сознании всплыло самое страшное для неё место в русской литературе: голую капитаншу Миронову тащат по грязи...

Никогда не дававшее себя знать, абсолютно здоровое сердце вдруг стало ворочаться и замирать. Лариса встала, секретарша, испуганная мышка Сашенька, робко подняла на неё глаза.

— Кто там у него? — спросила Лариса, показывая папкой на дверь кабинета шефа. Сашенька тоже встала, хотя не смогла бы объяснить, почему это делает. Наверно, от ужаса. Ей было строжайше велено, чтобы никого! Но она понимала, что если эта страшная женщина рванёт в кабинет, её нельзя будет остановить.

— Что вы говорите? — прошептала секретарша.

Ситуация разрешилась сама собой. Дверь отворилась, и в коридор выглянул Михаил Михайлович. Лицо его, изготовившееся для деловой улыбки, исказилось при виде Ларисы. Он не знал, что сказать.

Три молчаливых гостя в одинаковых костюмах последовательно встали и, поправляя галстуки, проследовали в кабинет. Даже не глянув на конкурентку.

Лариса развернулась и, тупо вбивая каблук в пол, двинулась вон из приёмной. Такой разворот событий не устраивал Михаила Михайловича. Он хотя и ощущал нечто вроде — баба с возу, — но не мог, не мог до конца и сразу разорвать с этой... Эта буря чувств выразилась в полувопросе.

— Лариса, куда...

— Отнесу Руцкому пирожков.

Первой мыслью было — уйду!

Пусть радуются, мрази!

Одна, совсем одна!

В этом ощущении обнаружилась какая-то неожиданная и сильная сладость. Пусть эти пигмеи Галки, эти космополитические эстонские курильщики шныряют по этажам, от них всё равно никто ничего не ждал. Аплодирующая падаль!

Но свои-то!

Бабич, как всегда, смертельно занят, оперируют четырёхлетнюю племянницу, а он ей донорствует, отдаёт квадратный дециметр кожи. Прокопенко в отпуске! Как, скажите пожалуйста, отпуск мог так точнёхонько совпасть с разгромом парламента?!

Белорус? Ну, это совсем уж анекдот. Осторожно забежал, выбрав, видимо, момент, когда никто не смотрит в сторону Великой Отечественной, сидел на краешке стула.

— Что ты делаешь, Лариса?

— Не видишь, что ли!

Из журнала “Огонёк” была выдрана большая фотография Лии Ахеджаковой, и ей чёрным фломастером пририсовывались жуткие, отвратительные рога. Усы безобразили нижнюю часть лица. Лариса злорадно сверкала глазом.

— Красотка!

Волчок двигал губами так, будто усы были намалёваны на его верхней губе.

— Найди мне фотографию, как его, бесноватого, который про картошку, про комбайн...

— А, Черниченко, сейчас. — Волчок с огромным облегчением упорхнул, радуясь ничтожности полученного задания.

17

— Да брось ты! — обрушился на неё подвыпивший, отвратительно оптимистический Питирим, застав Ларису за написанием заявления об уходе. — Ой, прямо “уйду от вас, звери!” Кстати, мне всегда казалось, что это не Лев должен был говорить, а как раз наоборот, дрессировщик.

— Перестань паясничать.

— Да я-то перестану, но и ты перестань делать явную глупость.

— Противно!

— Скажи ещё, что за державу обидно!

— Обидно!

И Лариса рассказала ему про своё видение в приёмной у шефа. Жуткая, голая, вопящая от стыда и боли капитанша Миронова — это наша родина в данный момент!

Сын космонавта всплеснул руками.

— Ой, прямо: рвите тело белое!

— Пошёл вон!

— Ла-арочка. Не ко всему на свете нужно относиться так вот уж серьёзно.

Лариса закурила, выпустила дым в физиономию Ахеджаковой.

— Не ко всему... а ты мне скажи, милый друг, а где был твой патриарх, когда из пушек расстреливали Россию?

Бородатая физиономия из беззаботно-глумливой сделалась какой-то другой. Надо сказать, что уже несколько месяцев Питирим с Энгельсом уверенно вели Ларису по дорожке к храму. В своё время политически зрелые родители не крестили дочку. До последнего времени она не придавала этому никакого значения, все церкви, а также костёлы и дацаны стояли за границами сферы её жизненных интересов. Но с некоторых пор оставаться в прежнем качестве было уже неудобно. Патриотическая мысль в тех местах, где она к ней припадала, была слишком плотно переплетена с православием. Теперь за любым столом — будь то банкет или конференция — обязательно солидно присутствовал священник. Ларисе было подарено пять или шесть крестиков разными добрыми русскими людьми, один даже кипарисовый, полежавший на Гробе Господнем, и этот факт был ей приятен, тем самым она как бы даже выделена в церковном смысле. Странно при таком наборе обстоятельств оставаться некрещёной. И неделю назад она известила Питирима и Энгельса — готова!

И вот — бунт! Ещё не войдя в монастырь, объявляет о каком-то своём уставе.

Сын космонавта даже протрезвел, что в последнее время у него редко получалось. Лариса бросила ему в сильно удивлённые глаза:

— Да, да, я именно это хочу сказать. Он мог просто на своём членовозе приехать на мост, постучать крестом по броне, и всё бы стихло, они бы не посмели дальше стрелять.

Бережной спрыгнул с подоконника на котором сидел.

— И что? Победили бы эти тупые упыри?! Ты же их видела! Ты с ними проработала всю жизнь! Это что, надежда русского народа? Это под ними ты хотела бы ходить, есть, пить, существовать? Вторая серия всё того же коммунякского дурдома.

— Но ты...

— Я-то я, а святейшего не надо впутывать! Сцепились две бешенные большевистские собаки, почему это его дело — лезть их разнимать? Слишком много чести!

— Так получается, что твои церкви только для попов? Наели себе ряхи! Все же знают, что они спиртом и сигаретами торгуют. Но ведь трясины стонут! А Бог...

Питирима аж скорчило.

— Вот только не надо о Боге, Ларис, не надо!

Она встала, свирепо дёргая щекой.

— Это почему? Это что ещё за Бог такой, о котором мне, нормальному русскому человеку, и говорить нельзя!

— Да ты в Него веришь только тогда, когда тебе нужен для дела. Если тебе будет надо, то ты дверь иконой подопрёшь, тебе же польза всего лишь нужна от Него!

Он схватил свою сумку и с оскорблённым видом вышел вон.

Лариса села. Закурила. Сделав несколько затяжек, вдруг неожиданно показала язык лысому чёрту Черниченке, хотя зла сейчас была не на него.

Эти благополучные советские барчуки с полупудовыми крестами и ветхозаветными космами забыли, с чьей мозолистой руки вскормлены. Им легко сейчас брезгливо оттопыривать губу на всё советское, как будто без их молитвенного бормотания жизнь в стране не шла, хлеб не родился, великая песня не пелась, и Гагарин вышел на орбиту прямо со двора Троице-Сергиевой лавры под поощрительный звон колоколов.

Она была уверена, что с сыном космонавта они поссорились навсегда. Но всего через две недели их тихо помирил вдумчивый и ласковый Энгельс.

Открылась дверь в кабинет, и на пороге появился Михаил Михайлович. Он был невероятно велик в своём просторном двубортном костюме, с зачёсанной назад гривой седых волос. Лариса сделала вид, что страшно занята заявлением.

Михаил Михайлович подошёл сбоку к столу, не садясь, окинул саркастический иконостас, устроенный Ларисой на стене.

— А Ахеджакова ведь хорошая актриса.

— Вот пусть бы и играла своих вечных дурочек, а не давила гадину!

Шеф вздохнул. В течение сегодняшнего дня он дважды просил Сашеньку, чтобы она передала Ларисе просьбу подняться в дирекцию для разговора. Когда узнал, что она пишет заявление об уходе, направился к лифту. Понимал, что поступает неправильно, хвост не должен вертеть собакой, но понимал, что по-другому поступить нельзя. Лариса бросит бумажку секретарше и исчезнет. А он будет терзаться. Для сбережения сердечной мышцы это делается, объяснил он себе, а не по слабости характера.

— Вот! — Лариса протянула шефу заявление. Он медленно порвал его длинными бледными пальцами.

— Тогда это были арендаторы, — сказал он, как будто читал Ларисины мысли во время её сидения в предбаннике. — Мы будем сдавать часть площадей. Нам урезали бюджет.

Положив обрывки бумаги в карман, он удалился.

18

Кризис разрешился тем, что Лариса осталась на работе и крестилась. После того разговора в кабинете с Бережным ушла прежняя задумчивость и непосредственность из их отношений, хотя внешне они и продолжали её демонстрировать, скрепляя вином и добродушным участием Энгельса.

Обращение Ларисы превратилось в большое общественное событие. И по пути к нему было много всякого: не одна неделя, не одна пара застолий. И когда был назначен конкретный день — все вздохнули с облегчением и нешуточно обрадовались. Для всех этих людей — для Поляновского, и Милована, например, было реально важно, что Лариса крестится. Они были искренне рады за неё, и им было приятно, что их товарищ как бы выздоравливает, “оценоценивается”.

Верила ли она в Бога?

Глупый, неприличный вопрос.

Как это можно знать досконально даже о самом себе, не то что о посторонней женщине.

Важен тут был один момент, который она умело скрывала от окружающих и в котором даже себе не любила признаваться — она не могла быть одна. Нет, она гордилась тем, что в ситуации с расстрелом Белого Дома оказалась в гордом одиночестве в “Истории”, и этой честью не спешила и не хотела делиться с кем-либо. Всех, кто с течением времени стал подползать к ней со словами возмущения в адрес “ельцинской банды”, она воспринимала как примазавшихся и быстро ставила на место. Рядом с собою, но одной моральной ступенькой ниже. Да, ей важно и желательно было быть первой, но существовать в полностью отдельном единственном числе было невыносимо. Ей надо было быть членом чего-то, партии, паствы, команды, но ни в коем случае не рядовым, а как минимум членом штаба.

Она сумела сделать так, что православные друзья процесс её воцерковления обставили со всей возможной пышностью. В крёстные отцы уговорили одного престарелого народного художника СССР. Дело устроил, разумеется, Питирим. Впрямую Лариса, конечно, не формулировала, что ей бы хотелось иметь в этом качестве человека незаурядного, но он проник своей лёгкой алкогольной интуицией в суть ситуации. Нет, он не чувствовал вины перед нею за тот разговор, ибо чувством вины в данном случае признал бы и вину церкви, но по-христиански и товарищески хотел угодить Ларисиному капризу. Хочет генерала, да будет ей генерал!

Художник был другом отца Энгельса. Дружбу унаследовал и сын, а значит, и друг сына, обожавший колоритных монастров и умевший с ними дружить. Аристарх Платонович был “кремлёвским” живописцем. Его перу принадлежали портреты почти всех кремлей, сохранившихся на территории России: Нижегородского, Казанского, Тульского, Астраханского, даже Тобольского. Чуть ли не пешком обошёл молодой тогда автор свою родину с мольбертом через плечо. Теперь пожинал плоды. В последнее время почти

не покидал своей мастерской на улице Герцена, она постепенно сделалась центром притяжения для многих интересных людей. А в последние годы и многих важных.

Питирим и Энгельс залетели как-то в гости к весёлому умному старику с посылкой от хворавшего генерала, Энгельса-старшего. Сели за стол. Аристарх Платонович был не только хорошим художником, но и хорошим хозяином: соленья, копченья, квашенья, грибы, водка особого, своего изготовления. Завязался интересный разговор про “отцы и дети” и как понимать эту проблему сейчас. И тут Питирим, подчиняясь чистейшему наитию, брякнул — а не хотите ли удочерить интересную девушку?

Трудно сказать, как понял это предложение шестидесятидевятилетний творец, но вдруг загорелся.

В нужный день прибыл в нужное место.

Храм выбрали не простой, хоть и скромный, с дружественным настоятелем, старинным приятелем тех же Энгельса и Бережного. Само событие отмечали там же при храме, в трапезной. Обстоятельно и с размахом.

Очень хорошо говорили, отец Александр был человек умный, образованный, остаточно светский, как и многие московские батюшки. В церковь он пришёл из архитекторов, и старое образование нет-нет да сказывалось. Он был хороший священник, но вместе с тем в его сердце оставалось место для лестного ощущения, что есть среди его прихожан такие, как сын космонавта, сын большого генерала, а теперь вот такая незаурядная женщина, как Лариса.

Та была очень вдохновлена и всем видом демонстрировала, что понимает значение момента. Одним лишь была недовольна — вода в купели была слишком комфортной температуры, как в каком-нибудь светском бассейне, а Ларисе хотелось пройти всё же через что-то похожее на испытание.

Она спросила у отца Александра, как он относится к легенде, будто бы в 1941 году, в декабре на самолёте возили вокруг Москвы икону Владимирской (кажется) Божьей матери, и это помогло отразить фашиста. Отец Александр сказал, что это не легенда, так оно и было. Высшая сила поступила патриотично и даровала родине не что-то, а именно военную победоносность. Ответ отца Александра обрадовал Ларису. Исчезли последние переживания по поводу того, что она, вступая под сень креста, в каком-то смысле предаёт пятиконечную отцовскую правду. Теперь окончательно устанавливалось — защитник отечества может быть и атеистом.

После совершения таинства у неё стало спокойнее и как-то стройнее на душе. Она очень ощущала, что поступила хорошо, и ей это было приятно, что она такой молодец. Как будто она свободу своей совести разместила как ценный вклад в самой надёжной из возможных инстанций.

Кроме этого душевного равновесия, Лариса получила с обращением и нечто ещё, некую уверенность в своих особых моральных правах. Неофитский апломб свойствен почти всем новообратившимся. Но тут был особый случай. Лариса очень естественно ощущала за собой авторитет силы, с которой только что слилась. Всякий неверующий, всякий неправославный русский воспринимался ею как обязанный слушаться и подчиняться ей ввиду явного своего неразумия.

Она стала бывать в мастерской художника. Крёстному отцу очень понравилось быть крёстным отцом. Он весьма вдохновился своей новой ролью, и начались зазывания Ларисы “на огонёк”.

Мастерская представляла собой расселённую коммунальную квартиру из пяти с чем-то комнат. Там было интересно и разнообразно. Конечно, подрамники, подсвечники, офортный станок с огромным колесом, старинная, но очень разнокалиберная мебель, горы книг и рукописей — они вываливались из переполненных шкафов замедленными водопадами. Чем именно занимается хозяин, определить было нельзя, да и как-то неловко было лезть с уточнениями.

На кухне висел абажур, совсем как у Виктора Петровича, распивались чай, только состав чаёвничающих солиднее. Это был некий политический клубешник, но только не для подрастающего поколения, не запасная дорожка,

как в прежних компаниях дружков Бережного. Тут были действующие фигуры, хотя, конечно, совсем не первого ряда. Несколько депутатов расстрелянного Верховного Совета, священники, генералы, космонавт, дважды, между прочим, Герой Союза. Несомненный шаг вперёд по сравнению с сыном космонавта, подумала как-то Лариса.

Она охотно принимала приглашения Аристарха Платоновича.

Она не стремилась рассуждать о живописи, чем очень нравилась хозяину, и ещё тем, что не спрашивала у него, не тот ли он Аристарх Платонович, что выведен в “Театральном романе”. Хозяина куда больше изобразительного искусства занимала политика.

Её роль при Аристархе Платоновиче определялась постепенно и была комбинированной. Формально она подрядилась обработать мемуары народного художника. Четыре папки довольно бессвязных, хотя местами и весьма любопытных воспоминаний. Встречи с Кориным, Аленом Гинсбергом, Георгием Свиридовым, Кастро, Львом Яшиным, не говоря уж о фигурах менее известных.

Считалось также, что она берёт на себя какие-то секретарские обязанности. Естественно, никаких воспоминаний она обрабатывать не стала, сбросила рукопись Проконке с туманным обещанием, что ему в конце концов что-то будет заплачено. Тем более смешно было ожидать от неё выполнения обязанностей секретаря. Она иногда заставляла Волчка или Бабича смотаться по бытовым делам старика и всякий раз выдавала это за свой огромный подвиг. “Я поставила на службу вам целую организацию”.

Аристарх Платонович соглашался, что обихожен просто в невероятной степени.

Супруга его лежала в Соловьёвке, а сын учился за границей. Супругу требовалось навещать, и это тоже делала “организация” Ларисы. Она даже не спрашивала у своих молодых “историков”, удобно ли им это, просто называла время и говорила, что купить нервной бабушке.

Бабич тёрся в мастерской почти постоянно. Только в этом качестве у него был шанс видиться с Ларисой регулярно. Кажется, он даже ревновал свою начальницу к старику, тихо ненавидя его бодрость, человеческую и гражданскую успешность. Он догадывался, что она мало ценит простую телесную молодость и мечтает о слиянии с какой-то крупной личностью.

Бабич знал, что его будут терпеть, только если он будет незаменим. Через него поддерживались политические контакты маэстро. И он стал проявлять себя в работе. Он не ленился позвонить, напомнить кому надо о дне и часе встречи, отредактировать письмо и отправить его, сбегать за сушками в ближайшую булочную и включить электрический самовар.

Он был очень полезен, но и, в свою очередь, отвратителен Аристарху Платоновичу, потому что ввиду своей почти мгновенной исполнительности не позволял ему остаться наедине с крёстной дочкой. Только не надо думать ничего такого.

“Я способен только на платонические чувства”, — любил говаривать маэстро. Но про себя проговаривал, что и в платонической любви третий — лишний. Ему было неприятно, что при всех актах этого чисто словесного романа присутствует этот вечно унылый хмырь. Почти наверняка физический любовник Ларисы. “Зятёк”, — хмыкал Аристарх Платонович.

Лариса сумела поставить себя так, что скоро заняла положение какой-то обобщённой музы для постоянной компании этого политического клуба. Образованный Питирим как-то пошутил, что её надо называть Лара не потому что полное имя её — Лариса, а потому что были такие римские боги домашнего очага — Лары и Пенаты. Трудно понять, почему, но римская ассоциация её задела.

Да, она разливала чай, но делала это так, что все, даже дважды герои, воспринимали это как одолжение, а не как обязанность.

Кроме всего прочего, она была связующим звеном между двумя колоннами одного движения. Стариковской и молодежной. Но одновременно и фильтром. Постепенно пришло к тому, что она стала решать, кого допустить, а кого не допускать в тот или иной день в мастерскую. Делалось это тонко,

так что и бунтовать против такого порядка вещей было бы как-то странно, даже тому же Бережному. Он был в прекрасных и давних отношениях со стариком, но с какого-то момента ощутил, что прежней простоты и ясности уже нет. Стоило задать прямой вопрос — а почему то-то и то? Следовал уклончивый, ноющий стариковский ответ — спроси у Ларисы.

В конце концов, всё устраивалось, сын космонавта являлся к другу Кастро и пил портвейн за его столом, сыпал сведениями из скрытой светской хроники, но не мог избавиться от ощущения, что ему всего лишь “позволено” здесь находиться.

На Ларису он обижался, но тихо, потому что сразу понял — любая высказанная в её адрес претензия — это плевок против сильного ветра.

19

А времена были непростые.

Ельцин разгромил оппозицию, но тут же стал судорожно варганить что-то на неё похожее, ибо, как выяснилось, так принято в приличных странах. А ему как раз хотелось числиться среди приличных.

Присмирившие на время в своих убежищах белодомовцы начали осторожно высовывать головы наружу, принохиваться, перезваниваться, сбиваться в укромные пока компании. Некоторое время трудно было сообразить, в чём сейчас фишка момента. Потом самые чуткие сообразили, в чём, они учуяли мощный призыв зияющих политических пустот — придите, вселитесь в нас!

Где-то в скрытом пока месте судорожно клепалась усатеньким Шахраем новая конституция, и судорожно расхватывались другими соратниками места в сияющих огнями успеха кабинетах правящей пирамиды. И туда рвануло большинство демократов, с визгом и надрывом напоминая о своих заслугах. Места в главном корпусе власти на всех не хватало, возникло много обид и возражений.

В это же время начало выясняться, что немалые возможности были и на неосвящённых этажах здания власти, и даже в отдельно стоящих флигелях.

Лариса разливала чай в одном из таких флигелей.

А под абажуром менялись и менялись персонажи.

Бывали люди известные, такие, как депутат Алкснис, депутат Бабурин, чаще фигуры помельче.

Говорили много и многозначительно, всегда оставалось впечатление, что все знают больше, чем произносят вслух, и рассчитывают на большее, чем сейчас имеют. Главное полагалось додумывать самостоятельно. И оно, главное, ожидалось вот-вот, уже очень скоро оно проступит, разольётся во всю ширь. Главным правящим общим настроением было: надо готовиться к большим делам. Будет дан бой, и шансы растут. Вон на том важном месте и вон на том уселись свои люди. Почти все командующие округами и директора больших заводов против режима, только никто пока не считает нужным публично об этом кричать. Большие дела будут. Обязательно и, может быть, даже скоро.

Лариса в полной мере ощутила сладость оппозиционного существования. Прелесть теневого состояния власти. Похоже чем-то на купание в ночном море.

С каждым днём она всё лучше ориентировалась в обстановке, в сочетании сил, в отношениях между действующими фигурами. И ей уже не мнилось ничего сакрального и таинственного в функционировании политического механизма. Она узнала так много и такого уничтожительного, мелкобюджетного обо всех этих Полтораниных, Старовойтовых, Немцовых, Шумейках, Боровых, Гайдарях, Чубайсах, что они стали для неё чем-то вроде институтских однокашников, своих по сути ребят, просто из чуть-чуть иной компании.

Однажды к Аристарху явились коммунисты. Московский, кажется, обком.

Впрочем, коммунистами в прошлом были практически все, потому что без членства в партии в СССР... и т. д. Но это были не открестившиеся, а реальные коммунисты, сберёгшие партбилеты, зюгановцы. Они давили на то, что всё патриотическое движение должно без всяких глупостей подлечь под КПРФ, чтобы избежать дробления сил.

Они очень сильно напирала, и тут Лариса впервые перешла из разряда слушателей в разряд говорителей. Она села за стол, закурила и, пустив под абажур лёгкий дымок, спросила у особо настырного гостя:

— А где была ваша партия, когда стреляли прямой наводкой по Белому дому? Почему Россия защищалась от этой деммразии в одиночку? И где была партия в девяносто первом году? Да если бы одни только тётки из ваших районных бухгалтерий вышли со счетами в руках, они бы треском косяшек рассеяли этот демократический вирус. Почему не последовало такой команды от вашего политбюро? А теперь вы, отсидевшись, учите тут всех, как жить!

Она сидела как раз под огромным резным распятием, мастерская Аристарха Платоновича была оформлена в очень православном стиле. Лариса знала, что если этот лысый зюгановец спросит — а где была ваша церковь в девяносто третьем? Почему молчал в тряпочку ваш патриарх? — она не будет знать, что ответить. Объяснение Питирима не стало её убеждением.

Но зюгановец промолчал, явно сбитый с толку энергией её напора. И суровым блеском красивых зелёных глаз.

Лариса навсегда перестала разливать чай.

Бабич охотно сменил её в этой роли.

Постоянные посетители мастерской приняли Ларису в свой круг. Сначала некоторых смущал её слишком резкий, безапелляционный стиль. Потом они даже разглядели в этом особую привлекательность, иной раз, при появлении нового и не вполне внятного или не очень приятного человека, выдвигали её вперёд и откровенно развлекались, глядя, как она рвёт его в клочья изящными ногтями.

Если с кем-то надо было испортить политические отношения, не портя при этом свои личные, выдвигали Ларису. Постепенно она стала чем-то вроде полевого командира в собрании кабинетных стратегов.

Бабич пытался её бережно окорачивать, льстиво вразумлять, когда они оставались один на один. Не зарывайся. Она внимательно слушала его советы, понимала, что советы-то правильные, но слишком уж не всегда им следовала.

От неё господам оппозиционерам была и практическая польза. По стране формировались местные отделения всяческих политических сил, и Лариса открыла свою записную книжку, набитую самыми различными телефонами ещё с тех времён, когда она была богиней командировок в “Истории”. Интересно, что почти никто из старинных знакомых не отказал в подмоге, несмотря на густой демократический озноб, охвативший страну. Столичные эмиссары оппозиционного флигеля получили поддержку от Ларисиных “историков” в полутора десятках городов. Их поселили, накормили, связали с нужными людьми в администрациях, пробили им рекламные полосы в местной прессе и даже кое-где пятиминутку на телевидении. Оказалось, что организация “Братья и сестры” не плод всего лишь её политически восплащённого воображения. Потом, когда в это русло хлынули по-настоящему большие деньги от патриотического бизнеса, нужда в этих мелких помощниках отпала, но первоначальное плечо поддержки многие отметили. Тем более что Лариса и не думала скромничать, по несколько раз озвучивала факт своего полезного участия в общем процессе.

Аристарх Платонович удовлетворённо улыбался, теребя то правый, то левый ус, то эспаньолку, немного странно смотревшуюся на его сугубо русском лице. Ему нравилось, что его крёстная дочка так серьёзно углубилась в эту политическую чащу. Он представлял её себе как личную щуку, брошенную им в эту реку. Кроме того, это заставляло её всё чаще бывать у него в гостях.

Как-то само собой стало считаться с какого-то момента, что Лариса “включена в список”. Краем уха услышавший такой разговор Бабич бросил

ся к ней с радостным известием, она лишь едва заметно усмехнулась. Не переспросила, что за “список”, и выразилась в том смысле, что попробовали бы они поступить как-нибудь иначе.

Депутатское кресло забрезжило в несложном, почти разгаданном лабиринте ближайшего будущего. Бабич тоже быстро освоился с мыслью — если не Лариса проходит в Думу, то кто же тогда?

Но оставались волнения — как это будет?

Она не бросилась просовывать туфлю в наметившуюся щёлку приоткрытой политической двери, решила, что будет сохранять достоинство. Она, разумеется, знала, какая телефонная истерия царит в предвыборных коридорах. Какое ползание на брюхе перед теми, кто решает, какие обещания ноги мыть и воду пить, но себя она ставила заведомо выше. Никого, ни о чём она не будет просить. Принесут мандат на блюдечке.

Конечно, предстоят мелкие и многочисленные технические вопросы. Какие-то ведь нужны бумажки? Куда бежать? Что заполнять?

Один из друзей Аристарха, дважды Герой Советского Союза и член совета директоров солидного банка, пригласил к себе Ларису в офис на Остоженке. Он регулярно бывал у художника, и ему ничего не стоило переговорить с нею прямо во флигеле, в одном из его творчески захламлённых уголков, но он счёл необходимым пригласить её в официальный интерьер, дабы исключить всякую двусмысленность ситуации, снять с обсуждаемого вопроса всякий домашний, приватный оттенок. Сразу заговорил о деле. Он посоветовал самым срочным образом оформить деятельность её организации “Братья и сестры” официально. И объяснил, как это делается.

Учредительный съезд, пакет документов и т. д. Обещал юриста в помощь.

— А к кому обратиться со всеми этими бумажками в минюсте, я вам потом скажу.

— Спасибо Сергей Иванович.

— Ну, что вы, Ларочка, одно дело делаем. Вы примкнёте к сельхозникам, пойдёте по их списку.

— Какой я сельхозник, Сергей Иванович, у меня даже дачи нет.

— Намёк ваш понял, и вы поймите мой.

— Сельхозники — это ведь практически коммунисты.

Дважды герой спокойно кивнул.

— Я же говорил, одно дело делаем.

— Я столько раз нападала на Зюганова, а теперь...

— А теперь не будете нападать.

— А что я скажу своим... ну, резкая же перемена курса. Мои убеждения...

Дважды герой посмотрел на неё с таким удивлением во взоре, что стало оглушающе понятно, насколько глупый вопрос она задала.

20

Предвыборный процесс вошёл в свою официальную фазу.

Лариса подготовила все нужные бумаги.

В одном загородном пансионате за большим круглым столом в присутствии телекамер Ларисе предстояло в самое ближайшее время поставить свою подпись от имени организации “Братья и сестры” за вступление в блок “Городские аграрии”, который в свою очередь должен был влиться в партию, которой гарантировалось прохождение в парламент. Когда её иной раз иронически спрашивали (например, ехидный Милован, или тот же Бережной), как же так, где же твой столь яростный ещё совсем недавно антибольшевизм? Ведь “сельхозы” — это просто запасной отряд КПРФ! Она отвечала, что она баллотируется не от Зюганова и компании, а от народа и земли. И в её тоне звучало что-то такое, что остроумцы предпочитали больше на эту тему не заговаривать.

Чтобы раз и навсегда закрыть тему в своём окружении, она сама во время одной из теперь уже редких совместных пьянок наехала на Прокопенко и Волчка: что, считаете меня такой-то и такой-то? Те в ужасе стали оправдываться, за этим занятием и провели весь вечер. И Лариса не мешала их изобретательности по этой части. Отношение и прочих сотрудников к ней также стало более уважительным. Все очень старались никак её не задеть. Тойво церемонно раскланивался, Галка несколько раз забежала поболтать и удалялась, делая вид, что не заметила, что её фактически выпроводили.

Служебное положение Ларисы было редкостным. Она продолжала сохранять ореол гонимости, что сообщало особый тон всем её движениям, но при этом всем было известно, что она набирает значительную официальную силу и совсем скоро взорлит.

Ребров демонстративно не замечал, что она давно уже ввела свой собственный график работы и появляется в кабинете тогда, когда ей это нужно. Не пикнув, принял план работ её отдела, где на первом месте был курс лекций “Поля русской славы” — Куликовское, Бородинское, Прохоровское. Никаких росказней о прелестях лендлиза, о десятках тысяч заокеанских “студбеккеров” и “виллисов”, грузённых тушёнкой, якобы поступивших на подмогу Красной Армии с помощью непотопляемых английских конвоев. Сверху рекомендовалось напирать как раз на такие темы, чтобы угодить новым западным товарищам. А она, вишь ли, поля! Ребров молчал, но бесился.

Ну и чего она выёживается! Попытался пустить шутку по “Истории”, что в следующем плане Лариса заявит курс “Водоемы русской славы” — Чёрное море, Балтийское море, Чудское озеро. Как только шутка дошла до Ларисы, она села за свою “Ятрань” и настроила добавление к плану, как раз включавшее в себя ту самую “водяную” идею. Увидев перед собой этот лист бумаги, Ребров хрипло сообщил, что вынужден будет доложить об изменении планов наверх, самому Михаилу Михайловичу.

Вызванная на десятый этаж, Лариса молча выслушала вялую проповедь-отповедь шефа и в ответ сообщила ему, что на будущей неделе ей понадобится актовзый зал ЦБПЗ для проведения учредительного съезда.

Какого чёрта я должна платить за какой-то пансионат?

Шеф начал медленно открывать свой большой рот, было понятно, что он ещё не знает, что скажет. Лариса быстро вставила:

— Я бы хотела, чтобы вы тоже присутствовали, Михаил Михайлович.

Шеф захрапел, как испуганная лошадь.

— Зачем?

— Мы собираемся избрать вас председателем организации.

Послышался мелкий кашель, перемешанный с нервными смешками.

— Почётным председателем.

— Для чего вам это нужно, Лариса? Для чего вам эта чепуха и околесица? Эта дурная политика?

Главная цель была достигнута. Даже две: Ребров нейтрализован, зал получен, теперь можно было говорить что угодно.

— Как вы не понимаете, Михаил Михайлович, баба во главе такой организации — это, по меньшей мере, нескромно. Вы фронтовик, авторитетный человек...

— Прекратите!

— Вы чуть ли не единственный подлинный солдат великой Победы среди моих знакомых.

— Хватит.

— И при этом подлинный интеллекуал.

— Я... я против.

— Вы даже не знаете наших лозунгов, а уже...

— Знаю я ваши лозунги!

— И после этого так брезгливо отклоняете эту честь? “Братя и сестры”, родина и свобода! народ и процветание! С каких это пор признаваться в любви к своему отечеству стало постыдно? Вы офицер...

— Да, я офицер, а вы Лариса — демагог.

— Я не демагог, я дочь офицера!

— Я знаю — вы любите военные марши!

— И военные марши тоже, этот звук мне, по крайней мере, приятней, чем дребезг тридцати сребреников.

Михаил Михайлович мощно вскинулся, опираясь широченными, как ласты, ладонями о столешницу.

— Я хочу сказать, что лучшего лидера, чем вы, нам не найти. Мы же знаем вас, знаем, как болит у вас сердце за всё, что творят с нашей страной, только интеллигентность и сдержанность не позволяют вам ударить кулаком по столу.

Он медленно сел.

— Михаил Михайлович...

— У меня действительно болит сердце.

— Я позову Сашу.

Он отрицательно помахал рукой и достал из ящика стола коробочку с лекарством.

— Я знаю, Михаил Михайлович, вы с нами, поэтому и предлагаю вам...

— Идите, Лариса, идите.

Выйдя в предбанник, заведующая отделом Великой Отечественной войны сказала:

— Так, Сашенька, запишите. Четверг. Подготовить актовъый зал.

— В смысле?

— В смысле микрофоны, столы для президиума, минеральную воду и все как полагается. И прошу, милая, без накладок. С шефом я договорилась.

21

В то утро Лариса была в мастерской одна.

Аристарх Платонович уехал накануне в больницу навестить свою вечно недомогающую супругу.

Лариса сидела за его столом и смотрела на аквариум, где вяло резвились разноцветные рыбки. Она чувствовала себя усталой и опустошённой. Цепочка выигранных мелких сражений осталась позади. Съезд, старческое кокетство шефа, который чуть было всё не сорвал, всё спас приступ подскочившего давления. Страх за своё здоровье пересилил ужас политического выбора.

Ребята Сергея Ивановича показали класс конторской квалификации — Бабич с утра умчался в правительственные коридоры с чемоданом вполне исправных бумаг.

Если повезёт, печать шлепнут уже сегодня.

В худшем случае — послезавтра.

Думала ли Лариса в этот момент о чём-то конкретном? Нет, она расслабилась, представляла себе, как, наверное, хорошо иной раз побыть просто вот такой рыбкой. Именно беззаботной аквариумной, среди подобранных, заведомо безобидных соседей, не покушающихся тебя сожрать, как какие-нибудь дикие речные рыбы.

К стенке аквариума был приклеен листок бумаги со стихами. Написанными в строчку.

“Даже рыбке в море тесно, даже ей нужна беда. Нужно, чтобы небо гасло, лодка ластилась к воде, чтобы закипало масло нежно на сковороде”.

Аристарх Платонович собирал не только рыб, но и всевозможные высказывания о рыбах.

“Философ”, — усмехнулась Лариса.

Зазвонил телефон.

— Папа?

Откуда он знает номер этого телефона? Впрочем, сама ведь дала, на предвыборных неделях она поселилась в мастерской.

— Нам надо поговорить? Срочно? О чём?

Сын? Он же выпиливает кремлёвские башни! Ах, уже не только это. Что-то серьёзное? В милицию попал? Клей нохает? Украл чего-нибудь?

— Попал в плохую компанию?

— Не то чтобы плохую...

— Пап, ты знаешь, я сейчас в цейтноте. Многое решается. Всё решается. По горло занята. Да ты не извиняйся. Как только немного тут разгребу — к вам. Сейчас извини — жду важнейшего звонка. Целую, целую, целую.

Не обманула отца — как только положила трубку, раздался звонок от Бабича.

— Ты что там задыхаешься, гонец?

— Непонятно.

— Что непонятно?

— Они отказались.

— Ты всё правильно там сказал?

— Да. Меня узнали.

— И что?

— Ничего.

— Что это такое — ничего?

Оказалось, что вместо зелёной улицы — стопроцентный отлуп. Как будто Бабич не оговорённый заранее человек, а дурак с мороза.

— Ты ещё раз попробуй, может, что-нибудь ляпнул, может, перепутал, может...

— Я трижды заходил.

— Ладно, езжай сюда, я тут наберу кое-кого.

Через двадцать минут выяснилось, что она ни до кого не может дозвониться. Ни до кого из "соратников". Стена из невидимых секретарш и глухих телефонов. Сергей Иванович, Андрей Станиславович, Георгий Игоревич!!!

Позвонила на работу Миловану, при всей своей безалаберности он иногда обладал редкой информацией. Дома уже нет, на работе ещё нет.

Набрала Бережного, перекинулась парой вежливых фраз с дочкой дошкольницей. Мама в ванной.

Энгельс! Занято. Наглухо занято.

Снова крут высоких звонков, с тем же результатом.

Ладно, ещё раз к Энгельсу. Теперь никто не берёт.

Посмотрела на аквариум. Как себя чувствует рыбка, оставшись в аквариуме одна?

Откинулась в кресле, поглаживая трубкой гандбольный след на щеке.

Далеко, далеко в тишине мастерской раздался механический звук, щёлкнул замок входной двери.

Бабич уже вернулся? Слишком быстро. Может быть, он никуда не ездил, просидел в песочнице в соседнем дворе?

Не его шаги!

Женские?

Лариса повернулась в крутящемся кресле навстречу открывающейся двери.

Появилась высокая тонкая женщина лет сорока с узким лицом, в сером костюме с чёрным галстуком. Волосы стянуты на затылке в узел. Очки, за которыми выражения глаз не рассмотреть.

— Вы кто? — спросила она.

Лариса сразу почувствовала, что поставлена этим вопросом в обороняющееся положение. Причём в позиции, которую трудно защитить.

— Что вы здесь делаете?

Лариса всё ещё держала в руках трубку телефона, и это выглядело как улика. Положить её на рычаг сразу было равносильно признанию своей виновности.

— Что вы делаете в моём доме?!

Ах, вот оно что! Уж не водевил ли здесь? Большой художник говорит, что поехал к жене, а на самом деле... Но уже пора что-то предпринять навстречу этому прокурорскому напору.

— А где Аристарх Платонович? — после этого Лариса, наконец, вернула телефонную трубку на место, та словно бы только этого и ждала.

Женщина резко протянула руку, подняла её двумя пальцами, брезгуя чужим теплом, и быстро сказала:

- Он умер.
 - Как умер?
 - Не ваше дело.
- Хозяйка набрала две цифры на диске.
- Это милиция?

22

Лариса почти спокойно перенесла унижение сборов своего барахла — а его скопилось в мастерской неожиданно немало. Причём эти сборы происходили под неотвратимым наблюдением неприятных очков.

— Вы что, боитесь, я что-то украду? — пыталась иронизировать Лариса.

— Я не дам вам ничего украсть, — отбрила хозяйка.

Чтобы уйти с чувством хотя бы остатков собственного достоинства, нужно было затеять скандал. Но не было сил. Большая часть мыслей была занята разрешением головоломки с казуистическими приключениями Бабича в Минюсте. Это было главнее, чем хорошая мина здесь во флигеле. Лариса ещё в тот момент не поняла, что эти вещи связаны самым прямым образом.

Весь прошлый вечер, едва отправив труп скоростно скончавшегося мужа в морг, Галина Агеевна просидела на телефоне, внедряя в общественное сознание нужную ей версию события. Лариса функционировала в этих разговорах как “жуткая баба”, доведшая “великого художника” до инфаркта. Змея, пригретая на груди, уже захваченной грудной жабой. В своём неврологическом убежище Галина Агеевна собрала за последние месяцы целое досье на соперницу, ни одной секунды она не верила в кристально платонические отношения между Ларисой и Аристархом. Кстати, и никто не верил. Ну, хочет старик притворяться, называть это всё “творческой дружбой”, “высшим отцовством”, “душевым родством”, пусть. Но просто вся предыдущая его жизнь говорила за то, что такое с ним вряд ли может случиться. Сама Галина была всего семь лет назад превращена из гостиничного администратора в молодую супругу именно с помощью бурной постели.

Главного Галина Агеевна добилась — открыла приятелям Аристарха глаза на эту бабу-танк. Наличие “не остывшего ещё тела” заставляло к предупреждениям отнестись всерьёз.

Она опасна!

Собственно, и действительно опасна, угробила ведь мужика.

Она пойдёт по трупам!

Пожалуй, что и пойдёт.

Словно пелена упала с глаз, как выразился тот самый Сергей Иванович.

Он мыслил притчами, и к данной истории у него нашлась подходящая.

“Ехали мы как-то в Средней Азии, вдруг перед нами — отара. Медленно стали пересекать. Вдруг один из наших говорит — давай одну овцу тихо втащим в салон, потом шашлык-плов сделаем. Втащили. Первую, что попала. Оказалась — овчарка! Перекусила всех”.

Одним словом, решено было Ларису не втаскивать в салон, раз вовремя разглядели, какие у неё зубищи.

И никакого не имело значения то, что умер Аристарх как раз при жене, а не при “овчарке”.

Галина Агеевна не нацеливалась в Думу. Ей хватало того, что завещание народного художника было написано в её пользу.

23

Всё, что ни делает Бог, он делает к лучшему. Отец Александр двадцатью разными способами доводил до сведения Ларисы эту широко известную мысль, добиваясь того, чтобы она душевно приняла её. Лариса кивала. Переворачивала вишни в вазочке с вареньем, грела пальцы другой руки о чашку с успокоительно ароматным чаем.

Отец Александр брал в крепкую руку сушку и с тихим хрустом разламывал на четыре части, как бы сокрушая таким образом очередную горсть гостыи.

Лариса была тиха и покорна.

Как хорошо, что догадалась придти сюда. От отца Александра исходило именно то, что было ей необходимо сейчас. Умственно трезвый и подлинно добрый, как все настоящие священники, человек. Ларисе было стыдно за своё прежнее к нему отношение, за то невольное кокетство, что фонтанировало из неё при прежних встречах. Она видела в отце Александре прежде всего большого, импозантного мужчину, а потом уж священника. Нет, ни до каких, даже микроскопических пошлостей не дошло, никаких двусмысленных шуточек, но про себя-то она что-то воображала, самоуверенная мерзавка! Перед собой же стыдно. Бабское, слишком бабское свойственно ей было всегда, и втаскивалось вслед за ней следом сюда, в святое место!

Лариса припомнила давнишнее выражение бабушки Виктории, сказанное по какому-то забытому поводу: только сука может покусать суку! Только Галя могла столкнуть Ларису, ни одному мужику это было не под силу.

Отец Александр мягко улыбнулся. Он не собирался спорить по пустякам. Это всего лишь грубоватое народное наблюдение, Божий промысел же осуществляется при любых комментариях свидетелей его действия.

Что есть схватка сук на фоне движения судеб?!

— Я, наверно, вас задерживаю? — несколько раз спрашивала Лариса, потому что отняла, конечно же, уйму времени, но отец Александр успокаивал её, мол, у него всегда хватит времени, чтобы помочь человеку.

Уходила практически умиротворенная, потратила кучу денег на самые толстые свечи, искренне крестилась и старательно поправляла сползающий платок.

Медленно шла вдоль церковной ограды, глядя только себе под ноги. Рассеянный снегопад населял воздух вокруг, оказывая какое-то смягчающее действие на всё ещё чуть воспалённые чувства Лары. И даже на звуки, издаваемые городом.

Рядом затормозила машина, аккуратно, почти застенчиво, что очень контрастировало с её сияющим, самодовольным обликом. Лариса удивлённо остановилась, на секунду мелькнула смешная мысль, что этот “мерседес” ведёт себя так робко, потому что явился на исповедь. Перед Богом все равны.

Из дорогого кожаного нутра выгрузился соответственно одетый человек. Сергей Иванович!

Он не сразу увидел Ларису, а когда увидел, нахмурился. Ему была неприятна эта встреча. Ему было неприятно от того, что ему не удастся пройти в церковь, минуя эту живую статую горького укора.

Сергей Иванович испытывал сложные чувства. Ему было неловко, как всякому мужчине, который соблазнил женщину и бросил, пусть хотя бы только в политическом отношении.

Он к тому же помнил, что был активистом среди внезапно взбрыкнувших, среди тех, кто активно настаивал на прекращении Ларисиной карьеры: “Баба-танк”, “она ещё всем покажет!”, “неуправляемая”, “человек-скандал”, “железная Лара”. Как-то все сразу заволиновались, что могут оказаться под влиянием её характера, если ей удастся просочиться достаточно высоко.

“Вы хотите повторить судьбу Аристарха?”

Да, Галина Агеевна ударила в десятку.

Перепугала всех, разом и сильно.

Она потребовала, чтобы “этой аферистки” ни в коем случае не было на прощании и поминках. “Она превратит всё в позорный балаган”. Никто не хотел позорного балагана на поминках. Галина Агеевна страдала — “если она явится, я за себя не отвечаю!”

Теперь-то было понятно: боялись одной бой-бабы, попали под каблук другой. Нервная Галя устроила из поминок что-то отвратное.

Оскорблённая Лариса даже не попыталась проникнуть на церемонию.

Теперь вот перед нею неловко.

И зачем было сегодня ехать в церковь? Вот так всегда, только тронешься в сторону Бога, как тебя хватить за совесть, и пытаться.

Сергей Иванович, вздыхая, подошел ко всё ещё неподвижной Ларисе. Надо было что-то говорить.

— Понимаешь, она как с цепи сорвалась. И многие струхнули. Я как мог пытался смягчить (Сергей Иванович верил в этот момент в то, что говорил), но это как снежный ком. Раз уж покатился... — Сергей Иванович несколько раз тяжело вздохнул, ему было жарко в дублёнке.

Лариса смотрела на него холодно и спокойно. Она продолжала оставаться просветлённой и примиренной с судьбой. Она сказала:

— Но теперь-то вы понимаете, что всё это ерунда, вспышка психопатки.

Сергей Иванович глубоко кивнул.

— Что же теперь мешает всё вернуть обратно? Документы готовы, вам достаточно сделать несколько звонков.

Душевное равновесие было не поколеблено, работала лишь голова, инстинктивное движение извилин. Политика — грязь, это оставалось ясным. Речь могла идти только о чисто гипотетической возможности восстановления технической справедливости.

Сергей Иванович сделал скорбное лицо.

— Вы хотите сказать, что поезд ушёл?

Он кивнул и вздохнул.

— Но ведь ещё целых полтора дня до... Я бы успела зарегистрироваться и все что надо подписать, — уже немного вспыхивая, начала Лариса.

— Другие люди. Понимаешь, пришёл другой человек, с ним не договорись. По крайней мере, мне с ним не договориться.

— Кто же меняет чиновников в такой момент?

— Почечная колика. На место Самвела Арамовича сел зам.

Лариса дёрнула щекой.

— Поезд ещё не ушёл, а вы уже перепродали мой билет.

— Лариса... Правда, глушняк, я бы со всей душой, но с Шамариным мы даже не здороваемся. Он мне противен.

Она сделала стойку.

— Шамарин? Какой Шамарин?

Сергей Иванович рассказал.

— Ты его знаешь?

Лариса кивнула.

— Знаю. Мне он тоже противен.

— Ну вот, видишь!

Снег вдруг повалил густо-густо.

— Сергей Иванович, вы меня подвезёте, где я тут машину поймаю?

Он сделал неуверенный жест, мол, я же в церковь собирался. Лариса не дала ему даже рта раскрыть.

— Поверьте, к Богу вы всегда успеете, а у меня всего полтора дня осталось. И потом, это ведь из-за вас всё так затянулось.

Человеку, который решил заняться спасением души, всегда трудно возражать человеку, у которого срочное дело. Как-то неловко, в самом деле, Бог-то ведь действительно никуда не денется. К тому же вспомнилось безобразное поведение Галины Агеевны во время тех же поминок, обвинявшей Ларису в том, что она может устроить бесчинство, а она сама...

— Ладно, поехали.

В голове у Ларисы уже созрел рисунок маршрута. Сначала — к Бабичу, все бумажки у него. В те времена пробки ещё не стали подлинным бедствием. К тому же шофер Сергея Ивановича был несомненным артистом своего дела, так что до Палихи долетели пулей.

— Ну, я свободен, Ларисочка? — Сергей Иванович был единственный, кто называл её именно так.

— Вы же знаете, что я не люблю, когда меня так зовут.

Он вздохнул.

— Ну вот, я всё время перед тобой виноват.

Конечно, можно было бы заставить его сидеть тут и ждать, пока она поднимется за своим нукером, но это уже пахивает перебором. Он уже отработал большую часть своего предательства, нагибать дальше вредно, можно перегнуть. Но и отпустить просто так...

— Можете ехать, дальше я сама знаю, что мне делать.

Сергей Иванович выдохнул с облегчением.

— Только от вас — один звонок. Пажитнюку. Какая подходящая фамилия для агрария, правда?

— Да, но...

— Вы ведь не успели дать полный обратный ход с “Братьями и сестрами”?

— Специально, конечно, нет, только у него, я думаю, всё свёрстано, они уже собирались.

— А вы позвоните и подверстайте. Техническая неувязочка, мол. Обо мне он слышал и одобрял, я знаю. Чего вы так дышите?

— Понимаешь, Ларисочка, ой, извини...

— Да чёрт с ним.

— Он ведь старинный друг Аристарха, ему будет трудно... откажется, его и за неделю не уломать. А время же... И Галину Агеевну он знает. Сви-детелем был на свадьбе.

Схема получалась отвратительная. Сергей Иванович осторожно погладил Лару по плечу.

— Да брось ты это. Что за гонка, не последние выборы, будут ещё...

— Я для него как красная тряпка, для Пажитнюка?

— Вроде того.

— Убираем красную тряпку. Без баб!

— Что?

— Первым пойдёт Михаил Михайлович.

— Какой? Ах, этот, твой?

— Да. Он формально у нас почпред, по документам проведён. Пажитнюк его знает?

— Чёрт его знает.

— Так вот вы и позвоните. Меня, мол, отодвинули, наказали, с кашей съели.

Сергей Иванович набылчился, слишком много крутых выражений за последние деньки, ему не нравился такой несолидный стиль.

— Ладно, доеду, обмозгую.

— Нет, нет, вот у вас тут телефончик стоит, снимайте трубочку, снимайте. Ну, что вы, Сергей Иванович, один разговор, последний. Остальное — я сама.

Когда она входила в квартиру Бабича, то даже что-то напевала, частичка чёрта в нас живёт в суровый час. Открыл дверь Никита Семёнович, отец Бабича, директор мясокомбината. Ларису он обожал, и хотя всё знал об отношениях своего сына с “царицей”, как он её называл, при всякой встрече полусутоливо предлагал ей бросить этого “мозгляка” и “махнуть в Дагомыс”.

— О, мой колбасный король! — на автомате пела Лариса, давая возможность мусолить левую руку толстым губам директора, а сама параллельно командовала своему помощнику немедленный сбор-поход.

— Как, уже? И даже буженинки свеженькой с нами не разрежете?

— Никита Семёнович, дело государственной важности! Бабич, иди лови машину.

— Но тогда хотя бы сухим пайком. Вот это подарочный комплект, называется “12 месяцев”.

— Что за название, колбаса столько не хранится! Бабич, я уже спускаюсь, соглашайся, сколько бы ни просили!

Никита Семёнович протянул ей квадратную, роскошно украшенную как бы конфетную коробку.

— Двенадцать палочек сухих колбас, вот в эту целлофановую амбразуру вы можете видеть этих красавиц. Посмотрите, их как будто сам Фабер-же ваял.

- Спасибо, спасибо, сервелатный рыцарь мой.
- Умоляю, умоляю вас об одном, не переходите в вегетарианство, иначе моя жизнь потеряет всякий смысл.
- Обещаю, — крикнула Лариса, ныряя в лифт.

24

- А где он?
- Секретарша пожала плечами.
- Пятница.
- Ещё полтора часа до окончания рабочего дня. И как можно в такой день вообще уходить с рабочего места?

Она рассчитывала увидеть здесь толпы возбуждённого народа, в последний момент прорывающегося к окошку, чтобы всунуть туда свои бумажки. Она готовилась прорываться, протискиваться, подкупать и скандалить, льстить и хамить. А тут — пустыня. Уборщица со старинным пылесосом идёт куда-то вдаль по унылой ковровой дорожке.

— Да всё уже закончилось, девушка. Все, кому надо, оформились. А у Антона Петровича, у Шамарины сегодня юбилей.

— Да какой может быть... Юбилей? Где? Где он живёт? Хотя, где он живёт, я знаю.

Секретарша улыбнулась и просто из чувства превосходства над этой недотепистой тёткой сообщила:

— Зачем дома, он отмечает во дворце “Магистраль”. Только вам туда не пройти. По приглашению.

— У вас остались лишние? Обычно всегда остаются лишние.

Та, вдруг почувствовав, что позволила себе слишком много, резко замкнулась, опустила глаза.

Бабич осторожно потянул Ларису за локоть, шепча, что он знает, куда ехать.

Помчались по Ярославке мимо ВДНХ, уже было почти темно, ноябрьские ранние сумерки. Лариса любила смотреть на знаменитую ракету с изогнутым выхлопом, и сейчас, когда они пролетали мимо освещённой прожекторами скульптуры, она почему-то подумала, что её судьба чем-то напоминает эту ракету, и её порыв и её изогнутую струю.

К главному входу, конечно, не пошли, рванули через служебный. Лариса держала наготове целую стопку различных корочек и удостоверений, пока было неясно, какие именно могут сыграть в данном месте.

Оказалось, никакие.

Никакой стиль не действовал, ни нахрап, ни втирание очков. При попытке повысить голос её вообще взяли под локоть. Бабича, попытавшегося вмешаться, тоже взяли и вывели аккуратно и равнодушно на мороз.

— Надо было цветы купить, — сказал Бабич.

— Так, сейчас ты отвлечёшь внимание.

— Как?

— Думай. Толкайся, кричи, что кошелёк украли, изобрази сердечный приступ.

Бабич снова засопел. Ему не хотелось вступать в конфликт со здешними властями, но не откажешься же. Ларисе было плевать на его настроение. Она вообще не привыкла думать о Бабиче пристально. Полная безотказность, вот в чём его ценность.

Двинулись опять к входу. Но ничего разыгрывать не пришлось.

— Дядя Ли! Вы как здесь?

Маленькая замотанная шарфом фигурка уже прошла в предбанник, Лариса увидела его через частично запотевшее стекло и кинулась следом: “У него мои билеты”.

Лион Иванович был ошарашен встречей и ещё больше тем требованием, что было на него тут же обрушено. Он неловко представил Ларисе молоденькую и малопривлекательную девушку — “Наташа”, давая понять, что пришёл с дамой. “Мы с Антоном соседи”, — пояснил он.

— Я это знаю, — звенящим шёпотом заявила Лариса и потребовала у него пригласительный.

— То есть? — сухое лицо конферансье чуть исказилось. Их со всех сторон толкали втягивающиеся в вестибюль гости.

— Давай, давай, дело жизни и смерти. — Проявляя чудеса лаконизма, она сумела в трёх словах втолковать старику, насколько ей важнее оказаться в зале, чем ему. У неё реальная политика, а у него всего лишь шашни.

Лион Иванович искал причины для отказа.

— Антоша обидится.

— Да он и не заметит, что тебя нет.

— А как же Наташа?

— Она, если хочет, может пойти со мной.

Наташа явно не хотела, она тоже уже поняла, что с пригласительным придётся расстаться.

— А вы попьёте пива с Бабичем. Вон он за стеклом.

Бабич не подвёл, оказался там, куда показал палец Ларисы.

— Мне нельзя пива, печень, — сослался на здоровье ветеран сцены, хотя оскорблён был морально.

— Пойдёмте в кино? — прошептала ему на ухо некрасивая Наташа. Лариса прочла по губам, как спецгент.

— Гениально! Вы умница. Давай мне оба пригласительных. Бабич мне ещё может понадобиться.

Лион Иванович, раздувая бледные нервные ноздри, полез во внутренний карман пиджака. Ему было неприятно, что его так бесцеремонно... но совершенно не представлял, что тут можно сделать.

Лариса протянула руку к букету гвоздик, которые приобрёл не слишком щедрый артист для своей спутницы.

— В кино вам они не понадобятся, — улыбнулась она на всё готовой Наташе.

Места были неудобные, отдалённые, под нависшей тушей балкона. Можно было понять, что господин Шамарин не слишком-то ценил свои соседские связи с усыхающим конферансье.

Сцена была оформлена обычным юбилейным манером: увеличенный и решительно заретушированный портрет, так что Шамарин смотрелся просто Аленом Делоном.

Как только Шамарин появился на сцене под нарастающий гром аплодисментов, Лариса поняла, что фотография на сцене — ложь. Все прежние бородавки юбиляра были на месте. Во всех прочих отношениях шестидесятилетний мужчина смотрелся великолепно: умеренное пузцо, кривоватые ноги — всё это скрадывалось отличным французским костюмом. Он улыбался и кланялся, делая вид, что рад всем, кто явился.

Ты ещё не знаешь, что тебя ждёт, билась у Ларисы в голове хищная мысль.

Впрочем, она и сама ещё не знала, чего опасаться бородавочнику во французском костюме.

Надо было осмотреться.

Сюжет мероприятия был прост. Один за другим на сцену из кулисы, противоположной столику, появлялись известные и не очень люди с огромными букетами и коробками. Предварительно объявленные бежевой красавицей, они бормотали в микрофон, кто громче, кто тише, приличествующие случаю глупости и освобождали место для новых говорунов.

Кое-кто пел. Русскую народную “Степь широкая”, Лариса никогда бы не подумала, что это любимое произведение Шамарина, как было объявлено.

Читали стихи, любительские, слепленные на случай, и профессиональные, которые были почему-то отвратительнее самодеятельных.

Так, так.

Лариса осматривалась. Она уже поняла, что “Магистраль” — это стандартный дворец, типовой, и ей уже приходилось бывать в таком во время командировки, кажется... забыла! Не всё ли равно? Нет, надо вспомнить, почему-то это важно. Вон там справа в стене двустворчатая дверь, она вы-

водит на лестницу, по которой можно пройти на второй этаж, там мимо репетиционных классов в помещение над сценой, откуда легко спуститься в накопитель за правой кулисой. Откуда она знала такие технические детали? Да, Лариса аж подпрыгнула в кресле, испугав соседа.

Братск!

От этого открытия настроение подскочило, и во всех членах зазвенела уверенность в своих силах.

— Как я выгляжу? — спросила она шёпотом у Бабича. Впрочем, его детализированный ответ ей был не нужен: влюблён, дурень, и этим сыт и одновременно полезен. Однако форма одежды не та, ох, не та. Ведь никуда, кроме церкви, в этой чёрной водолазке и коричневой юбке она больше заходить не собиралась, а эти сапожищи! Вон дамочка на сцене издевательски гарцует на концертных шпильках. Но за неимением гербовой пишут на простой.

— Дай мне эту коробку.

Бабич ещё не понял, что задумала его герцогиня, но сердце у него заколотилось. Он заразился от неё боевой энергией, он понял, что ему не удастся остаться в стороне, и был тревожно рад этому.

В тот самый момент какой-то смутно знакомый по телеэкрану политик обнимал юбиляра и всучивал ему огромную, полувыннутую из ножен саблю, Лариса в два шага пересекла полумрак, отделявший её от двери, и открыла её.

Итак, всё началось с удачи.

Дверь вполне могла бы оказаться и закрытой.

Понемногу везло и дальше. На лестнице никого не было, на одной из лестничных площадок дежурила только переполненная окурками пепельница на подставке. Караул устал.

А вот и второй этаж. Слева двери трёх классов, как в Братске, справа высоченные, в тяжких гардинах окна, за которыми снегопад. Как в Братске.

Было темно.

Паркет почти не хрустел. Когда впереди замаячили чьи-то шаги, легко нырнула за штору. Переждала три мужских походки, проследовавшие справа налево.

Комната над сценой. Захламлена, стулья, одежда на них, осветительная техника кучей, штативы, пластиковые бутылки. Лестница вниз за кулисы, вот она.

Лариса осмотрелась и сделала несколько неблагоприятных для себя выводов. Ну, то, что она смотрится по меньшей мере убого со своими тремя гвоздичками на фоне этих корзин с невиданными цветами, громадными подарочными чеканками, портретами в полный рост, коробками с редкой бытовой техникой, это ладно. Хуже было другое — на сцену пускали по списку. У самого выхода на сцену стояла худая мымрочка с двумя вздорными косичками, схваченными на затылке резинками, и в толстенных очках, в руках она держала список, в который тыкала остриём карандаша. К ней подходили, назывались, она сверялась по написанному и строго кивала — вы следующий.

Понятно, что никакой организации “Братья и сестры” в этом списке быть не могло.

Какую следовало избрать тактику?

Можно было дожидаться самого конца церемонии, и тогда, в атмосфере ослабленной внимательности...

Чепуха! Нервы выгорят от ожидания. Надо идти напролом. Да, прямо сейчас. Вон какой-то генерал вывалил в руки Шамарина гору лилий и, улыбаясь, отваливает.

Вперёд.

— Вы кто? — тихо, но требовательно спросила очкастая.

— Гольяновский мясокомбинат.

Расчёт был на то, что пока та будет рыться в списке, удастся прошмыгнуть. Но перед нею была профессионалка.

— Вас нет в списке!

— Вы внимательнее посмотрите.

— Я посмотрела.

Острые когти впились в локоть, Лариса чуть не выронила гвоздики.

Генерал приближался. Сцена вот-вот освободится. Сзади дышал кто-то с цветочной корзиной, явно указанный в списке.

— Отпусти! — прошипела Лариса.

Профессионалка всё глубже впиалась ногтями в локоть нарушительницы. Тогда Лариса неожиданным для себя движением, но очень точно рассчитанным, краем колбасной коробки сбила очки ретивой распорядительницы, и та сразу же разжала пальцы, оказавшись в новом, неизнаваемом мире.

Лариса, растягивая улыбку, шагнула на сияющую сцену.

Какой он маленький, была следующая мысль. Она относилась к господину Шамарину, выжидающе развернувшемуся в её сторону там, вдалеке, посреди сцены.

Лариса приближалась, с трудом удерживая на лице улыбку, и скользкую колбасную коробку во вспотевших от волнения пальцах.

Она приближалась к герою торжества, а он всё не становился больше, господинчик, оказывается, такого небольшого роста, или это внутренняя решимость возносит её над поверхностью сцены?

Из-за плеча Шамарина выглянуло красивое и обескураженное лицо ведущей дамы, она замедленно водила пистолетом микрофона в районе губ, как распухшим тюбиком помады.

Только не останавливаться, не терять инициативы!

Лариса наклонилась к непреднамеренно протянутому ей микрофону и объявила, что Гольяновский мясокомбинат считает своим долгом присоединиться, и так далее. Мол, пицца духовная — это хорошо, но без “кусочка колбаски” (цитата из тогдашнего шпегера) тоже не уйдёшь по жизни слишком далеко. И ещё немного бреда в том же духе.

Шамарин гостью узнал, но никак себя не проявлял. Ведущая тоже не знала, как себя вести, и, не получая никаких сигналов от юбиляра, не могла решить, пора ли ей вмешаться. Наконец, очнувшись, судорожно дёрнула конечностью, лишила авантюристку микрофона. Но было поздно.

Лариса наклонилась к плечу юбиляра, всучила чахлые гвоздики от Лиона Ивановича, приобняла освободившейся рукой и прошептала на ухо: не только Гольяновский мясокомбинат, но и мощное народно-патриотическое движение “Братья и сестры” участвует в этом приветствии и ждёт, что соответствующая официальная помощь будет ему оказана. И не стоит даже начинать песню про то, что уже поздно, выходные...

Прошипев всю эту неотразимую информацию в волосатое ухо, Лариса впиалась сильным товарищеским поцелуем в губу Шамарина, как раз в том месте, где у него находился “сигарный окурочек”. Впиалась страстно, искренне, так надобно целовать чудо-юдо, чтобы оно превратилось в Финиста Ясного Сокола.

И ушла за кулисы.

В конце был, само собой, банкет.

Их усадили с Бабичем довольно далеко от юбиляра, но таким образом, что ей было удобно сверлить его взглядом. Шамарин делал вид, что не смотрит в её сторону, и это было понятно, рядом вились какие-то другие дамы, желающие, видимо, также припасть к его бородавкам. Его придётся перехватить ещё раз, надо назначить час официального свидания.

Юбиляр, видимо понимая, что чего-то подобного не избежать, взял инициативу на себя. В тот момент, когда тот конец стола, где сидели Лариса с Бабичем, подрагнул — ушли на воздух курильщики, — сам подошёл к ним с бокалом красного вина. Сел напротив. Было видно, что он чувствует себя превосходно. Неожиданность Ларисинаго появления полностью переварена.

— Так чего ты там хочешь?

Она повторила. Он кивнул.

— Да, правда, я теперь работаю и по субботам.

— Я не сомневалась.

— Но в принципе это будет должностное преступление.

— Ну, хватит.

Он вдумчиво отхлебнул из своего фужера.

— Нет, не хватит.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что одного страстного поцелуя за такую услугу мало.

Лариса помедлила всего одну секунду. Она-то думала, что хватит. Что можно будет ограничиться маленьким сексуальным подвигом на публике. Но отступать было нельзя. Преодолела судорогу в горле:

— Ну и?..

Шамарин опять отхлебнул и отвратительно усмехнулся. Лариса почувствовала, что Бабич оторвался от жюльена и смотрит искоса в её сторону. Но снявши голову...

— Ну, говори. Юбиляр.

— Вон за той дверью начинается коридор. По правой стороне кабинет. Номер четыре. А твоего мальчика я завтра жду к девяти. — Шамарин внимательно посмотрел на сидящего всё в той же позе, ударенного молнией ужасного понимания Бабича.

Лариса поняла смысл этого взгляда, но ей было не до этого, она вела торопливые вычисления в голове. Девять — хватает времени и отвезти на подпись шефу, и к Пажитнюку, и всё окончательно оформить.

Она решительно встала. И даже попыталась юмором снять напряжение.

— Ты сам этого хотел.

Шамарин улыбнулся.

— Не спеши. Минут через десять.

Это были нелёгкие десять минут. Они с Бабичем друг на друга не смотрели. Чтобы ещё и не молчать в такой ситуации, Лариса медленно повторяла ему план его завтрашних действий. Старалась, чтобы речь звучала спокойно, даже обыденно. Дело есть дело, и нечего сюда подмешивать что-то другое. Хотя жаль, конечно, что Бабич не курит. Он бы только сейчас вернулся с другими гостями из курилки, и ничего ему не надо было бы объяснять. Впрочем, эта бородавчатая тварь специально подползла, когда парнишка был рядом. Не может отказать, так хочет наказать!

Поглубже втоптать.

Бабич глухо сказал:

— Десять минут прошло.

Лариса встала, посмотрела в сторону Шамарина. Он взглядом с ней не встретился, но ей было понятно, что он в курсе — она уже готова. Теперь главное — не глянуть в собачьи глаза Бабича. Вообще, кто бы мог подумать, что он возьмёт такие права на её самоощущение. Радовался бы, что вообще допущен...

Взгляды их всё-таки встретились.

Он смотрел ещё несчастнее, чем она могла представить. Больная, брошенная, голодная собака.

— Мне тебя подождать?

Лариса резко развернулась и резко пошла в сторону от стола. Тихо шептала про себя “скотина”. На Бабича она была сейчас более зла, чем на Шамарина.

Четвёртый кабинет не был специально подготовленным будуаром, как ей представлялось. Канцелярский стол, кресло на винте, два стула у стены, карта СССР, шкаф с картонными папками. Конечно, какой-нибудь разврат можно развернуть на любой территории, но всё же хотелось бы... а, понятно, юбиляр принимал решение в состоянии цейтнота.

Лариса села в кресло. Огляделась. Ключ в двери есть. Ну, хоть что-то.

Прислушалась.

Пока никаких шагов по коридору.

Вдруг по телу пробежала сильная нервная искра и разразилась сильным смехом. Она вспомнила гродненское общежитие. Сиди и жди. Впервые она сойдётся с мужчиной без малейшего и мимолетнейшего влечения. Исключительно по делу! По важнейшему, для очень многих людей важному делу.

Сколько она сможет сделать полезного, когда и если... Если бы сейчас здесь на стене висел портрет Ленина, он бы имел полнейшее право крикнуть ей — политическая проститутка! Эта мысль не уязвила её, а как бы пихнула в бок весёлым локтем. Чего, мол, сидишь, ещё дел пять полных куч.

Телефон.

Лариса набрала номер шефа. Услышала его разрушенный голос.

— Михаил Михайлович, завтра в одиннадцать я у вас с машиной.

— Лариса...

— Всё, можете считать себя депутатом. Главные глыбы отвалены, осталась мелкая, хотя, признаться, и не очень приятная работёнка.

— Лариса...

— Больше я не отнимаю у вас времени, отдыхайте перед завтрашним. Хотя там что, одна подпись, короткая беседа с одним человеком.

Михаил Михайлович вздохнул так, будто у него было не две, а как минимум шестнадцать ноздрей.

Лариса положила трубку, радуясь, что шеф не сможет ей перезвонить и отказать. Положила ладони на полировку стола. Так. И снова прислушалась.

Шагов всё ещё не было.

Невозможно было ни о чём не думать. Более того, невозможно было не думать об отвратительности предстоящего любовника. Переживания всех дев, насильственно выданных по расчёту родителей, зашевелились в ней. Все “Неравные браки”, все “Анны на шее”, “Я в торги не вступаю”. Школьное образование, как эскалатор в метро, выдавало из подсознания новые ассоциации. Зоя, Космодемьянская Зоя. Умри, но не дай без любви!

Нервно, некрасиво гыгыкнула в ответ на непреднамеренный каламбур, зажала рукою рот.

Да, где же он?

Скорее бы отстреляться. Унижение было уже пережито многими способами, оставалась одна лишь физиологическая грязь.

Сколько прошло времени?

Такова всегдашняя женская доля — ждать.

Мужа с работы, сына с фронта, насильника и того приходится ждать от ватгасарова стола.

А может быть, на радостях налакается. Шестьдесят лет шакалу. Какие из них насильники в такие годы, да ещё налитые коньяком!

А вдруг вообще не придёт?

А вот с этой стороны ситуацию мы не рассматривали.

Даже мороз по коже.

Да нет, и в самом деле, сколько можно ждать.

Поглядела на часы.

Однако!

Возмутиться или испугаться не успела.

Шаги.

Кто-то приближался.

Шаги были осторожные, можно даже сказать, неуверенные.

Остановился у самой двери. Наверно, оглядывается, не подсматривает ли кто.

Дверь отворилась, и внутрь заглянул Бабич. Лариса аж подскочила на месте.

— Тебе чего? — страшно прошепела она. Ей сейчас было ну совсем не до страданий юнца.

— Все уехали.

Она резко вскочила. Первая мысль была — в погоню! Конечно, в следующую секунду осеклась.

— Я стоял у входа, видел, как он садился в машину.

В коридоре снова слышались шаги — уборщица звякает ведром.

— Нам тоже пора.

Из дому позвонила юбиляру.

— Вы испугались, монсеньор, или просто обстоятельства оказались сильнее вас?

— А-а, — донёсся пьяноватый и приязненный возглас. Очевидно, державшийся за банкетным столом, он теперь догонялся в безопасных домашних условиях. Такие не любят светиться на публике. Этот факт очень работал на ту Ларисину идею, что бородавочник просто струсил там в клубе. Чиновник поборол в нём мужчину.

— Как бы там ни было, я своего человека завтра присылаю. В девять!

— Само собою!

— И без фокусов.

И она положила трубку.

25

Назавтра, на месте условленной встречи с Бабичем, после его посещения шамаринского кабинета, она застала его отца, директора мясокомбината. Всё же он очень сильно отличался внешне от своего сына, не то, что Перков от Егора. Квадратный, весёлый, напористый, с золотыми зубами в далёкой глубине рта, в распахнутой дублёнке и букетом цветов.

— Где он? — спросила свирепо Лариса у немного развязно подкатившего к ней колбасника. У неё были основания пребывать в бешенстве, утро отвратительно комкалось.

— Он просил меня передать вам эти бумажки... А это от меня.

Огромный, нестерпимо нелепый в данной ситуации и в это время дня букет.

— На словах он просил передать...

— Обойдётся без него. — сказала глухо Лариса. Бабича она ещё накажет, ревнивец хренов! Колбасника эта мысль обрадовала.

— Обойдётся? Так поехали. Подано!

Она сомнамбулически погрузилась на переднее сиденье чёрной “волги”, букет мешал, колбасник помогал с ним справиться.

— Документики наши важные положим вот сюда.

— Можете выкинуть в канаву.

— Не понял.

— Ещё час назад это были документы государственной важности, а теперь это плохая туалетная бумага.

Лариса откинулась на сиденье.

— У вас курят?

— С этого момента да.

После нескольких затяжек:

— Я никогда не видела человека в такой истерике. Сначала он даже не хотел меня видеть. Даже хуже, он сделал вид, что при смерти, видите ли, у него инфаркт.

Колбасник потёр переносицу горлышком бутылки от шампанского, которую собирался откупоривать.

— У кого инфаркт?

— У Александра, моего шефа! Только у него нет инфаркта.

Вопрос колбасника сыграл роль искры, и опять всё воспламенилось.

— Ведь всё было оговорено, и всё время одни кивки в ответ. Только доехать до Старой площади и поставить подпись. И тут его невестка, мымра, нарисовывается — у дяденьки сердечный приступ. Я почти сразу начала хототать.

Бабич-старший уже обирал фольгу с горлышка.

— Но мне-то видно, как он бегает по галерее, руками размахивает, то есть спорит со мной. Глаза в глаза не может, а вот так, заочно, театрально, со всякими словами, это ему только дай. Да ещё, видать, воображает себя чуть ли не в белых одеждах, какой он кристальный. “Он хочет остаться порядочным человеком, — говорит сука-невестка, — он не подаст руки людям, к которым вы его заманиваете”. Заманиваю, представляете?!

Колбасник сдвинул брови, ах, ты, боже мой, какие страсти!

— Ну, объясните, почему, если кто-то хочет остаться порядочным человеком, другой из-за этого должен греметь под фанфары?

В ответ хлопнула шампанская пробка. Причём так удачно, что облила только кавалера.

Лариса несколько секунд сидела в ступоре, а потом вдруг расхохоталась. Как бы перепрыгнув из одной ситуации в другую. И в знак прощания с прежними заботами крикнула перед тем, как приложить горлышко бутылки к губам:

— Да он просто трусливое чмо, а не морская пехота! Так опозорить нашу армию...

— А, не захотел в депутаты? — сообразил наконец-то Бабич-старший.

Лариса отхлебнула, найдя в шампанском новую энергию для возмущения.

— Ну, не могла же я просто так уйти. Рушится целая пирамида, сорок человек подождены один к одному по единственной схеме, и всё должно пойти к чёрту из-за старого неврастеника из морской пехоты. Я сказала, что уйду только после того, как поговорю с ним. А она, невестка, мне говорит, что если вы поговорите с ним, то убьёте его. Мол, вы любите гулять по трупам, так я вам этого не позволю. Это я-то по трупам? Аристарх умер в объятиях жены, и ничего, ничегошеньки у нас не было, спросите хоть у сына вашего.

— Чего у него спрашивать, у дурака.

— Нет, всё-таки, думаю, надо что-то предпринимать, но в этот момент из дверей появляется ещё и внучка. Певичка, шестнадцать лет, два аборта. И говорит прямым текстом: а не пошла бы ты вон отсюда, кагэбешная профура!

— Профура — это что-то церковное? — вдумчиво поинтересовался Бабич.

На секунду Лариса пресекалась, а потом прыснула. Чувствовалось, что она уже до шампанского приняла коньячку.

— Нет, это не церковное, это кагэбешное.

— Так надо было дать ему по морде.

— Так я обалдела. Вот они, оказывается, кем меня все эти годы числили. Помалкивали. А устами младенца заговорили. Я её к таким докторам устроивала, а она мне!..

— Поехали! — скомандовал колбасник шоферу. — Куда? — наклонился он тут же к даме.

— В “Славянский бардак”.

— Базар, может быть?

— Да теперь уже всё равно, и давно. — Лариса расслабленно закрыла глаза, но через секунду вскинулась.

— А если напролом. Бумаги все со мной? Пажитнюк меня ненавидит, я его не знаю. Минус на икс может ведь дать плюс. Давай, как тебя там, товарищ шофер, разворачивайся, на Старую площадь.

Бабич-старший мягко взял её за руку.

— Не получится.

— А вдруг получится?

— Шамарин ничего не подписал.

— Что-о?!

Она опять обмякла.

— После всего, что он со мной сделал! — прошептала она, медленно и обречённо отваливаясь на спинку сиденья.

Колбасник возбуждённо раздул ноздри. Посмотрел на бесчувственное лицо Ларисы, вынул сигарету, и так уже полувывалившуюся из её рта, стряхнул пепел в одну из роз и дал команду водителю:

— В бардак!

— Девятое апреля. Английская бит-группа “Муд”, построенная гением продюсера Чиниа и композитора Чепмена, по типу таких групп, как “Смоки”, “Свит”.

Лариса перевернула лист альбома.

— Двадцать третье августа. Рик Спрингфилд. Является австралийцем по происхождению. Всю сознательную и творческую жизнь провёл в Америке, куда приехал в юности сделать операцию на глазах, и где остался...

Ещё один лист.

— Двенадцатое октября. “Статус Кво”. Очень старая английская команда. Заслуженные, умелые мастера прозрачного рок-н-ролла и бодрого, попсового ритм-н-блюза...

Закрыв альбом, Лариса прочла на обложке.

— “Рок-календарь”. Что это, папа?

Капитан Конев хмыкнул.

— Это ещё что. Пойдём покажу. Только набрось пальтишко.

Выйдя из подъезда, капитан бодро и вместе с тем как-то обречённо зашагал вдоль дома, завернул за угол, между двумя облетевшими липами, распугивая воробьёв, прыгавших возле заснеженной мусорки, вывел дочь к чугунной ограде городского парка. В ограде была, естественно, выломана дыра каким-то былым силачом.

— Пошли, пошли.

Лариса поправила пальто на плечиках аккуратно, с достоинством нырнула в проём, оставив клуб сигаретного дыма снаружи.

— Вот!

Тут была ещё одна мусорка, но поменьше. Куча обожжённой фанеры, некогда, видимо представлявшей собой какие-то микроскопические конструкции. Как будто спалили макет некоего города. Да нет, не просто города.

Николай Николаевич присел, поднял мизинцем грязный фанерный фрагмент.

— Узнаёшь?

Лариса, прищурившись, затаилась. Это явно был кусок Кремлёвской стены.

— То есть с Москвой покончено, и сын подался на Запад.

Капитан отшвырнул обломок, вытер руку о бушлат.

— Я ж тебе и писал, и звонил. С парнем творится... Он вдумчивый, себе всё тихо в голову думает. Не хамит. Альбом с музыкальными картинками стал клеить год полтора назад.

— Откуда он все эти сведения наковырял? — усмехнулась Лариса.

Отец пожал плечами.

— Да у нас тут в Гродно и польское телебаченне, и всё что хочешь. Только это уже прошлая напасть.

— Что?

— На альбом ему уже давно плевать, иначе бы я его не добыл. Теперь хуже.

— Да-а? Рассказывай, рассказывай.

Капитан вздохнул.

— Теперь он “тутэйший”.

— Что это?

Капитан развел руками, поясняяще встряхнул ими, потом, наконец, придумал слово.

— Здешний, значит, по-белорусски. “Тутэйшие”. Мода у нас теперь такая. Доказывают, что истинная православная Русь была здесь, а там у вас какая-то Московия дикая. Есть знатоки.

Лариса усмехнулась, тихо, почти про себя.

— Символично как всё. Прощай, Москва, прощай, родина, прощай, мать.

Капитан осуждающе кивнул.

— Вот именно, мать. Где ты — мать?! Я же тебе звонил, писал, прогадали парнишку. Ходит на какие-то сходки, они там изучают, что царь всё подавил, а потом Сталин всё подавил, а белорусы всегда как трава под колёсами истории.

Последние слова явно были не собственного капитанского производства, а по-магнитофонному запомненные из чьей-то более сознательной речи.

Лариса вздохнула.

— У нас в Москве любят повторять: как у вас тут всё запущено!

— Запущено, опущено, что делать, скажи?

— Что делать? Унести ноги.

Капитан не понял.

— Я давно уже об этом подумывала, а теперь вижу — больше ждать нельзя. Будем тебе организовывать перевод в Подмосковье.

— Как это, я же в запасе!

— Есть такие программы для военных пенсионеров. И если они не для моего отца, то для чего они вообще нужны?

Капитан глядел на дочь с сомнением во взгляде: как-то всё слишком решительно и сразу. Лариса кивнула, подтверждая, что говорит абсолютно всерьёз.

27

Лариса смотрела в треснувшее зеркало. Синяки под левым и правым глазом были на удивление симметричны. И в цветовом и в геометрическом отношении. На теле синяков хватило бы на леопардовую шкуру. Они были получены, когда она каталась по полу, а он лупил её ногами.

Одно слово — мясник!

Лариса распахнула полы халата. Какая отвратительная и непонятная равномерность. Это можно было истолковать так, что избиение было не только жестоким, но и расчётливым, циничным. Именно так и отметил привезённый Бережным доктор. Именно это и вписал в протокол следователь, привезённый Энгельсом.

Из этого отвратительного бытового события Лариса создала общественно значимый факт, как, впрочем, и всегда. И собиралась извлечь из него какую-то серьёзную пользу. Пока, правда, не успела оформить всё в конкретные желания. Силён не тот, кто не падает, а тот, кто поднимается. Эта восточная мудрость не совсем вроде бы подходила к данной ситуации, но Лариса считала, что подходит. И часто мысленно повторяла.

Последнее крупное политическое “падение” закончилось для неё хоть и не полновесной, но значительной сатисфакцией. Устыдившийся “предатель” Михаил Михайлович сделал её своей заместительницей. Специально вытребовал и организовал эту должность, хотя, строго говоря, в ней не было никакой необходимости. Долго извинялся за то, что сорвал Ларисе её политический взлёт. Что-то смутное бормотал про невозможность для себя вхождения в “клоаку политики”, а то, что это именно клоака, для него стало ясно хотя бы из того, кто стоял как контролёр у входа — Пажитнюк. Раститель малолетних, содержатель подпольного борделя ещё советских времён, личность грязнейшая. Михаил Михайлович отлично помнил тот скандал и разбор его “на Краснопресненском райкоме”, членом которого бывший морской пехотинец в те годы состоял. И если, чтобы вползти в депутатское кресло, надо поклониться такому человеку, то не надо никакого кресла!

Лариса только пожимала плечами. И не спешила успокаивать шефа, мол, ничего страшного, я всё понимаю. Хотя успокоить могла бы. Ибо довольно скоро выяснилось, что благородно-трусливая выходка старика ничего не значила. Шамарин и не думал идти на должностное преступление и визировать бумаги, который ему должен был привезти Бабич-младший, он даже не появился в здании. Более того, выяснилось, что не появился в здании и уже упомянутый Бабич-младший, с которым произошла запоздалая истерика ревности. Он напился, долго сидел в ванной, перебирая лезвия для безопасной бритвы, пока не остыла вода. Так что, даже если бы Шамарин занёс над головой нужную печать, шлёпнуть бы её было не на что. А Пажитнюк вообще отсутствовал в то утро в городе, специально предупреждённый добрейшим Сергеем Ивановичем. Лариса об этой последней подлости так и не узнала, так что у неё сохранились со стариком превосходные отношения. И он всячески помогал ей по мелочам, осознавая своё по отноше-

нию к ней предательство как своего рода удочерение. Проникся к ней искренним тёплым отеческим чувством.

Сердце её не разорвалось, она не чувствовала себя на дне вселенной, меж стенами подлости и предательства. Картина тотальной ничтожности мужского населения и так уже была знакома её зрению. Всё известное просто подтвердилось.

В результате вместо депутатского мандата Ларисе досталась высокая, но странноватая должность зама директора ЦБПЗ по связям с общественностью и роман с отцом неудавшегося самоубийцы. Образовался какой-то зыбкий, якобы любовный треугольник. Ларису забавляло её положение. От младшего Бабича она отдалилась в силу хотя бы того, что переехала на десятый этаж. “Отношения” у них прекратились, но вместе с тем в какой-то степени сохранились. Формального выяснения, кто они теперь друг другу, не было, потому что и раньше это не было никак оговорено. Про не применённую бритву Лариса знала, но делала вид, что не знает. Лариса иногда, как бы по забывчивости, награждала его каким-нибудь ничтожным поручением. И он с каменным лицом его выполнял.

Старший Бабич в отличие от сына был бодр, щедр, эпизодичен, это всё плюсы, и единственное, в чём они были с сыном похожи — ревнив. Но ревность у него была совсем не того рода, что у сына. Она не скапливалась как яд, чтобы вспухнуть одним нарывом в конце истории, она бурлила периодически, как гейзер. Старший был толстокож во всех отношениях, кроме этого. Тут он был утончённейший мазохист. Он постоянно выяснял у Ларисы, в какой бы компании они ни оказались, было ли у неё что-то с кем-нибудь из присутствующих мужчин. Лариса считала ниже своего достоинства притворяться, и спокойно, если даже не охотно, излагала своему брутальному ухаждёру детали отношений со своими прежними.

Он бледнел, шёл пятнами, хрустел деревом подлокотников, грыз соперников глазами. До настоящего скандала никогда не доходило — был предупреждён, что это не будет потерплено. Мясник страдал, но крепился. Все те мужчины, про которых Ларисе нечего было рассказать в связи с собой, напроць переставали его интересовать.

Она чувствовала, что ходит вроде как бы по краю пропасти, Бабич иной раз наливался кровью так, что, казалось, мог бы просто лопнуть или ткнуть вилкой в глаз добродушно подмигивающего Милована, даже не подозревающего, какой силы ненависть он возбуждает в этом человеке и, главное, в связи с чем?

Лариса и сама не знала, зачем именно так ведёт себя с мясником. Щекотала себе нервы? Виделась себе Настасьей Филипповной всего ЦБПЗ?

Лариса не отдавала себе отчёта, по какой причине её мясник, поколбасивши, всегда скисает. А был один компонент в её поведении, игравший роль реактива, нейтрализующего ярость ревности. И впервые она (абсолютно неосознанно) применила его в самый первый день в “Славянском базаре”, когда, как казалось ей, она прощается со своей неудавшейся политической карьерой (чёрт с ней, дрянью!) и начинает свой “чистый понедельник”. В конце концов, у неё есть сын, интересная и нужная (она даже в это начала верить) работа, живые родители — первый признак счастья по Аристотелю, как любил повторять античный Тойво. Как смешно и ничтожно было её светливое копошение в попытках прыгнуть на грязную, скользкую подножку политического трамвайчика. Втереться в толпу тупых, подлых, ничтожных людишек. Именно в этот момент, после трёх рюмок коньяка, и подкатил к ней Бабич-старший с вопросом о Бабиче-младшем. Ой, сколько смешного выяснилось тут же. Оказывается, отец был совершенно не в курсе подлинных отношений Ларисы с её верным оруженосцем.

...И так продолжалось не один месяц. Они не жили вместе, потому что у Бабича-старшего была семья. Но даже если бы у него не было семьи, они всё равно не жили бы вместе.

Младший обо всем догадывался. Лариса иногда думала, что, может быть, он подумывает, как бы ему зарезать отца. Но даже такие мысли её особо не развлекали.

Кроме того, у Ларисы тоже теперь была семья. Она вырвала из трясины белорусского национализма своего аутичного сына и поселила у Лиона Ивановича, согласившегося взять над ним руководство. Причин было две — большая квартира и полное стариковское одиночество. Лариса после этого всем говорила, что она теперь живёт с сыном, не уточняя точных очертаний этой ситуации.

И вот опять зазвонил телефон.

Это была Агапеева.

— Ну что, одну девушку можно сильно поздравить.

Лариса обалдела глянула в зеркало.

— С чем?

— Приказ подписан, и у нас есть все основания для чего?

— Отметим, отметим, да ещё как.

— Я вызов отправлю прямо сегодня. Твой отец сможет приехать уже на этой неделе? Ещё три дня осталось?

Лариса открыла было рот, но вдруг как-то вся осеклась, ударенная изнутри неожиданной мыслью.

— Послушай, а нельзя погодить?

— Ты что, рехнулась?

Благодаря разнообразным связям Агапеевой стало всё-таки возможно великое переселение семейства Коневых из Белоруссии поближе к Москве. Сколько было выпито водки и съедено шашлыков на разных дачах, и вот теперь какой-то выверт!

— Не обижайся, сама всё поймёшь, приезжай!

Каприз Ларисы объяснялся просто — она не могла допустить, чтобы отец увидел её в этом пятнистом обличье. Знала, что такого стыда не перенесёт. Всем своим свитским она демонстрировала синяки и ссадины с некоторой даже гордостью страдальцы, это было как бы материальное воплощение её морального превосходства мученицы над ними всеми, такими небитыми, обыкновенными, обоснование её возвышенного над ними положения.

Отец совсем другое дело. Остатки провинциального воспитания.

Нет, нет, минимум на две недели необходимо отложить его визит. Вызов из ГУКа пойдёт к нему, когда синяки совершенно побледнеют.

Телефон зазвонил опять.

Интересно, что на этот раз предложит перепуганный колбасник? Кстати, шевельнулось в голове: Рыба, сухая колбаса, директор мясокомбината Бабич, тут есть какая-то смутная связь. Она не успела больше ничего подумать, сбил с мысли голос в трубке.

Младший Бабич.

— Ну, говори.

— Нам надо поговорить.

— Я и говорю — говори!

Мучительное, сбивчивое дыхание.

— Не так.

— А, хочешь приехать? На экскурсию, взглянуть на дело рук и ног папаша своего? Картина живописи. Может, ты и сам мечтал о чём-нибудь в том же духе, а?

Бабич несколько раз тяжело и вдруг шумно вздохнул.

— Какая же ты всё-таки дрянь!

И положил трубку. Лариса даже не успела вкрикнуть в неё уже вырвавшееся разъярённое: “что?!”

Ах ты, мозгляк, тля, мразь мелкая... Честно говоря, она была почему-то очень уязвлена этим жалким выкриком. Она считала младшего Бабича, что бы там ни было, состоящим при себе, чувствовала человеком, который должен был бы непрерывно радоваться праву находиться в её жизненном поле. А тут! Более уместной была бы с его стороны истерика другого знака, например — я убью его! Желалось немного надрывной мелодрамы. А тут тупой сбой. Какие они всё-таки... Бабичи!

Но быстро успокоилась мыслью — приползёт! Лариса прищурила окружённый чёрным кругом глаз, отчего получился очень грозный вид, дохнула

дымком. Приползёт, возможность для изощрённой сатисфакции представится не более чем через пару недель.

Опять звонок, и теперь уже в дверь.

Гапа.

Только распахнув уже дверь, Лариса поняла, что та явилась не одна. В следующую секунду она поняла, с кем именно явилась гостя.

Реакция была мгновенной — спустя две секунды Лариса сидела на краю ванны в своей ванной комнате и беззвучно материлась. Агапеева бродила по квартире, присвистывая.

— Да, иногда женщины не кокетничают, предупреждая, что у них не убрано!

Когда она заглянула в ванну, Лариса сдавленно набросилась на неё — ты, мол, что, с ума сошла, как же было можно, с незнакомым генералом, когда у меня под каждым глазом по такой блямбе!

Агапеева искренне разводила руками — ну не знала, подруга, ты бы хоть намекнула.

— Кто это?

— А он сказал, что вы знакомы.

— Белугин?

— Ну да, как узнал, что я к тебе еду, напросился. Шампанского купил, коньяка.

— Как его?

— Как Пушкина.

Лариса бросила сигарету в унитаз и перешла с шёпота на повышенный тон.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, я так рада, что Гапе удалось уговорить вас заглянуть ко мне в гости.

Генерал подошёл к ванной двери, деликатно хрустнув паркетом.

— Что вы, я сам напросился, жаль только, что так не вовремя, прошу, так сказать, принять извинения.

— Бросьте, бросьте, совершенно непредвиденные обстоятельства, залезла в форточку шаровая молния и взорвалась минут за сорок до вашего появления, можете себе представить, что я пострадала ещё сильнее, чем моя квартира.

— Может быть — в госпиталь?

— Врач был, был, осмотр, то, сё, велел пока сидеть в темноте.

— А-а, — сочувственно произнёс Белугин. — То есть своим визитом мы заставили вас...

— Ничего, ничего.

Агапеева наклонилась к уху Ларисы.

— Чего ты все слова по два раза повторяешь?

— Волнуюсь.

— Ну тогда мы, значит, не будем мешать лечению. Пойдём. Я кой-какие сувениры оставлю на столе, в кухне.

— А зачем пойдём? Наоборот. Мне тут скучно одной. Представьте — сидеть в темноте в ванной.

Белугин молчал, не зная, что сказать в этой ситуации, и не понимая, каких действий от него сейчас ждут.

— Может, мы и правда поедем? — шепнула Агапеева.

— Ни за что!

— Тогда что?

— Александр Сергеевич?

— Слушаю.

— Вот сейчас Гапа вам поможет, вы перетащите маленький стол с кухни сюда, к дверям ванной. Накроете его. Колбаска, сырок, всё наискосок. Соберёте целые бокалы, откроете шампанское, и мы выпьем.

— За что?

— Ну, за здоровье, конечно. За моё здоровье и за мою удачу.

— Удачу? — спросил генерал, и по голосу его можно было понять: он понял, что хозяйка считает удачей его к ней внезапный визит. Лариса оскандилась в темноте.

— Конечно, не каждый день к вам залетает в дом шаровая молния, и вы остаётесь живы после встречи с ней.

Белугин снял фуражку, довольно долго оглядывался, выбирая место, которое было бы достойно её. Полочка для телефона. Устроил. В профиль фуражка была похожа на черепаху, попытавшуюся встать на дыбы.

— Стреляйте.

— Давайте, Александр Сергеевич, — сказала Агапеева, нарезавшая хлеб, и Ларисе понравилось, что она отнеслась к генералу официально.

Шампанское грохнуло громко, как салют, Лариса выставила за дверь изящную руку, таким образом, чтобы не было видно ни одного синяка. Вообще, руками своими она была довольна, вот талия почти погибла, но пока не об этом.

Шампанское в хрустальном фужере искрилось и светилось в неполном мраке ванной комнаты, холодновато теплилось как некая надежда. Лариса приложила хрусталь ко лбу, а потом поцеловала.

После шампанского пили коньяк. Лариса и то и другое выливала в раковину, чтобы не испортить и без того великолепное настроение.

Белугин снял китель и ослабил узел галстука, Агапеева подрезала колбаски, открывала банки с домашними огурцами, подарками от Нины Семёновны.

Лариса из-за двери сообщила своё коронное, что она дочь офицера и любит военные марши. И они втроём постарались изобразить “Прощание славянки”, на что Агапеева, вообще-то не блиставшая остроумием, заявила, что у них скорее получилось “Лечение славянки”. Ещё не закончили смеяться, как раздался звонок в дверь.

— Гапа, посмотри.

Гапа вернулась сообщением, что там какой-то молодой “несчастный” человек в полосатом пальто.

— Гони его, Гапа. Не пускай в дом и гони.

— Может быть, я? — предложил свои услуги Александр Сергеевич.

— Это слишком для него, — сказала Лариса. — Гапа, скажи ему, пусть уходит, не о чем нам с ним говорить.

Агапеева вернулась с интересной новостью.

— Он сказал, что, мол, жениться пришёл, хочет на тебе жениться.

— Но я же “дрянь!”, это, в смысле, он так недавно сказал.

— Может, я всё-таки...

— Сидеть, генерал!

— Я понял.

Агапеева продолжала свою челночную дипломатию.

— Он сказал, что убьёт и покалечит отца, даже уйдёт из дому, но просит, чтобы ты его не сажала.

— Это почему? Он мне тут... шаровую молнию, а сидеть не желает?

— Он говорит, что мать не переживёт, очень-очень больная мать.

— Он что, жене всё рассказал, динозавр?

— Я не знаю, Лара, только он говорит, что совсем сильно она больная. Не переживёт суда.

— Меньше надо мяса жрать!

— Что? — недопоняла Агапеева.

— Я не мать собираюсь сажать, я мясника собираюсь сажать.

Лариса вдруг остановилась, приподняла фужер, на дне которого плескалась небольшая лужица коньяку.

— Он сказал, что если надо, она сама придет и в ноги кинется.

— Мать?

— Мать, мать.

— Твою мать, — тихо сказала Лариса и выпила. А потом добавила громко:

— Гапа, скажи ему, что не надо мне в ноги никакой матери. Пусть успокоится этот колбас-барабас. Прощаю и презираю. Вернее, наоборот, презираю и поэтому прощаю.

Агапеева сгоняла опять в прихожую.

— Он спрашивает: что, и заявление заберёшь?

— О, Господи!

— Он сказал, что если заберёшь, то страшно, страшно до смерти благодарен, и он и отец. Отца, такую мразь, конечно, надо бы и убить даже. А он всё равно согласен жениться. Готов, согласен.

Лариса шарахнула фужер о закрытую дверь.

— Давайте споём!

— Так точно, споём, — поспешил откликнуться генерал.

— “Не для меня взойдёт заря, не для меня Дон разольётся, и в небе жавранок зальётся с восторгом чувств не для меня”.

В нестройном хоре голосов, доносившихся из-за двери, нет-нет да и проступало тонкое благодарное вранье Бабичева дисканта, впущенного по доброте душевной в прихожую.

28

Лион Иванович совсем усох, заменил очки на контактные линзы, отчего сделался ещё более похож на иностранного пенсионера. Завёл трость, и было пока непонятно — из соображений стиля или здоровья. Потыкивая концом трости в недавно отциклёванные и отлакированные паркетины пола в комнате Ларисы, он передвигался от окна до дивана. Врач сказал ему недавно, что для него жизнь это движение, и он поверил врачу.

— Я повторяю, Лара, он должен переехать к тебе. Поверь, ты теряешь мальчика.

Лариса сидела в кресле, курила, стряхивала пепел в безвкусную пепельницу, изображавшую разрезанную артиллерийскую гильзу. Подарок Белугина, как, впрочем, и паркет, и новый унитаз.

— Пойми, мне не то что не трудно, чтобы, ну, чтобы он жил по-прежнему у меня, мне лучше, веселей. Он интеллигентный мальчик, и друзья все тихие, но я же вижу, вижу, Лара, ты его теряешь. Того, что ты ему уделяешь — я не про деньги, — мало. Родная кровь должна жить рядом с родной кровью.

Ларисе было трудно говорить с Лионом Ивановичем. Она отлично знала, что он прав, но ещё отчетливее она знала, что хотела бы жить не с сыном, а с генералом Белугиным. Более того, она сильно догадывалась, что, в конце концов, она будет с ним жить, пусть и после преодоления каких-то трудностей. Появление же в этой квартире семнадцатилетнего парня с замкнутым, странным характером не поможет решению этой задачи.

— Я старик, понимаешь! А вдруг наркотики, у них теперь это просто. Хорошо, если только компьютер. Ящик меня не пугает. И то, что нет девиц вокруг, это меня не волнует. Временно.

— Да, с девушками ему будет трудновато.

— Не говори глупостей, Лара. Я вон был вообще сорок килограмм, картавый очкарик, и это ничему не помешало.

— Да уж.

— Егор не красавец. Но он интеллигентный, серьёзный мальчик.

— Да уж.

— И потом, подумай о себе. Надо, чтобы на старости лет была рядом хоть одна родная душа.

Лариса посмотрела на Лиона Ивановича удивленно. Старость? Все наши живы, здоровы, вплоть до бабули. Что-то старикан надумывает и врёт. Родная кровь, душевно недодаёшь. А мало ли сделано для него? Лион Иванович начал загибать пальцы, как будто уловил беззвучный вопрос.

— Да, ты пару раз была с ним в Третьяковке и Пушкинском, а до этого зоопарк, планетарий. Ездил с ним в Спасское-Лутовиново, в Шахматово...

Про ту поездку в Шахматово Лариса вспоминать не любила. Все “историки” переписались сильнее, чем обычно. Мальчик получил не те сведения об образе жизни матери, которые она бы хотела ему сообщить. Нет, о “жить вместе” не может быть и речи. Я плохая мать? Но почему же, если я сде-

лала и делаю всё, чтобы мальчику было максимально хорошо, насколько это возможно в такой ненормальной семье и в таком ненормальном мире. А то, что лопочет дядя Ли, это всего лишь старческие бредни, выдумки. Просто устал, надоело.

— Я очень к нему привязан, но...

— Ты забыл главное — я крестила его.

Всё было обставлено тихо, скромно, но с достоинством и чувством. Отец Александр был великоленен. Великоленен был и генерал. Церемония носила несомненный, благородный, даже аристократический оттенок. Как будто проходила не в Кузьминках.

Признаться, Лариса подумывала о том, чтобы перенести её в какой-то другой приход. Надо сказать, что отец Александр стал вызывать у неё сомнения своими некоторыми высказываниями. Ляпнул как-то однажды во время важнейшего разговора о судьбах Отечества, что “вот, мол, Лариса Николаевна, вы лично можете войти в Царствие Небесное, и какой-нибудь Иван Петрович Сидоров может, а Россия не может войти в Царствие Небесное”. Из этого, что же, выходит, что спасение души может вступить, при каких-то, конечно, чрезвычайных обстоятельствах, в противоречие со спасением России?

Лариса пожаловалась Питириму. Бережливый поморщился, но кивнул, да, остаётся, видать, в отце Александре старая интеллигентская отрыжка. Архитектор, мать его. Не обращай, Лара, внимания, мужик-то в целом свой. В общем, разговора не получилось, Пит был пьяноват, и не первую неделю. Конечно, его мощная духовная оптика оставалась в целом в сохранности, но бытовое общение с ним было затруднено.

— А ещё он иной раз задаётся вопросами совсем странными. Например, что Родина может потребовать у человека? Жизнь? Пожалуйста, бери, Родина. А вот честь? Может ли Родина потребовать у человека честь? И Родина ли она после этого? Жизнь положить “за други своя” почётно. Но до конца ВСЁ претерпеть? Тут вопрос. Хочется знать преискуртант, что входит в это “ВСЁ”, прежде чем объявлять согласие. И это спрашивает русский священник?

— Нда.

— Какая-то гнилая мысль, согласишься? — тормозила товарища Лариса.

Питирим морщился и отмахивался и норовил задремать.

Лион Иванович уныло кивнул, про крещение он вообще не считал возможным говорить.

— В общем, так, дядя Ли, сейчас я взять Егора не могу, хотя всё, что ты сказал, приняла к сведению. Для его же пользы не могу. Он тебе про Шахматово не рассказывал? Я не могу уйти с работы.

Старик вздохнул.

— Я понимаю.

— Вот видишь, сам видишь.

— И Виктория хворает, — сказал он тихо.

— Что с ней?

— Всё то же — старость. А также ноги, давление и далее по списку.

В Ларисе поднялась волна раздражения: старик что, намекает, будто я и бабулю должна взять к себе для ухода? Или — в груди неприятно ёкнуло — дело намного хуже? Он собирается взять её к себе, тогда сын, вытесненный оттуда, просто “силою вещей” вселяется сюда, в квартиру, в которую уже минут через пятнадцать во всем своём великолении ввалится довольно молодой генерал, пока, правда, ещё не совсем свободный.

Ситуация, оказывается, хуже, чем казалась в начале разговора.

— Но подожди, но там же был этот офицер... Стебельков. Правда, она его выгнала.

— Она его много раз выгоняла, и однажды он больше уже не пришел. Так бывает. Но этой истории уже лет семь.

— А я думала, что всё так и крутится, даже интересоваться перестала.

— Да, время летит.

Лариса с жалостью посмотрела на Лиона Ивановича. Ему — конференсье — так не шло говорить такие явные банальности, он сразу становился каким-то обречённым.

— Ну, хотя бы сделай самое простое.
— Что?
— Сделай так, чтобы его не забрали в армию.
— Пусть поступает в институт. Ты сам говорил — интеллигентный мальчик, много читает.

Лион Иванович развёл руками.

— Не хочет.

— Что значит — не хочет?

— Ну, такая теперь молодёжь. Всё им по барабану. Специально влезут в дерьмо, чтобы обратить на себя внимание. Пойду, говорит, торговать в Лужники видеокассетами с порнухой.

— Что?

— Вот то! Почему я к тебе и прибежал.

Лариса посмотрела на часы.

— Ладно, я поняла. Сейчас я не могу. Я поняла, поняла. Не знаю, что делать, но придумую, что делать.

— Ему нельзя в армию, Лара.

— Его и так не возьмут по зрению.

— Да нормальное у него зрение, очки он носит с простыми стёклами без диоптрий. Тоже заноза характера.

— Пороть его надо!

— Поздно.

— Пороть никого не поздно...

— И никого не нужно.

— Вот, вот, дядя Ли, ты приходишь от слова — либерализм. До чего довёл мальчишку!

— Я?!

— А кто, я? У кого он жил все эти годы?

Она не могла сказать Лиону Ивановичу, что он ввергает её в чудовищное положение с помощью своих морально неотразимых проповедей. Да, сын есть сын, но она-то впервые в жизни встретила человека, рядом с которым сделала удивительное открытие, впервые — ничего нельзя поделаться с этим ослепительным ощущением — почувствовала себя женщиной. Настоящей женщиной, женщиной, которую любят, о которой думают, заботятся, ради которой готовы на многое (она хотела верить, что на всё). Она боялась лишний раз мысленно вздохнуть, чтобы не спугнуть облачко счастья, окутавшее тот обожжённый клубок нервов, что остался от её души. А тут ты, справедливый дедушка с мучительными напоминаниями. Но если вдуматься, что, она мало сделала для семьи? Да, мало, но почему? Разве не потому, что всё же пахала как лошадь, добиваясь чего-то важного, растрачивала себя на полезное для всех. Для... она не произнесла даже мысленно слово “родина”, хотя отчётливо ощущала присутствие этого огромного, безмолвного смысла где-то вблизи.

Но за столько лет тяжелейшей, пускай почти бесплодной борьбы во имя общего блага разве не имеет она права на кусочек своего, личного, персонального женского счастья? Кстати, ещё даже и не совсем завоёванного.

— Ты страшный человек, дядя Ли.

— Что ты говоришь, Ларочка, Господи!

— Я знаю, что я говорю.

29

Генерал Белугин был всем хорош. Невысок ростом, сухощавый, с вертикальными цезарскими морщинами на щеках (это Волчок, увидавший его как-то, заметил, будто генерал похож на Цезаря с известного бюста, чтобы бесплатно сделать приятное Ларисе); сдержанный, проявляющий себя почти исключительно поступками. Присланные им бойцы быстро и качественно отремонтировали квартиру Ларисы. По её первому требованию к её подъезду подавался автомобиль с шофёром и букетом. Говорил он редко и веско. Замед-

ленно рокочущий, как дорогой мотоцикл на холостом ходу, голос произносил короткие и, как правило, простые мысли. Как бы брезгуя ввязываться в интеллигентскую словесную путаницу, генерал выгодно смотрелся со своим авторитетным молчанием на берегу какой-нибудь жаркой, почти всегда пьяноватой, завиральной говорильни Ларисиных коллег. Никогда не было ощущения, что он не понимает сути разговора, наоборот, часто выяснялось, что он знает путь наикратчайшей формулировки через болота болтовни, в которых всё тонет. Он был полезен Ларисе и, так сказать, производственно. С его помощью она наладила тотальный контроль не только над “Историей”, но и над “Армией”. Белугин обеспечил тамошним списанным из войск подполковникам возможность расширения круга их просветительских, хорошо оплачиваемых экскурсий, и они знали, кому обязаны этим. Авторитет искусственной заместительницы становился всё более весомым и натуральным.

Самое интересное начиналось, когда любовники, сидя в кровати, покуривали и потягивали шампанское после всего. У генерала была одна слабость, а может, это и не так называется, но, в общем, в тот момент, когда его прекрасная подруга открывала рот и начинала речь, он брал с прикроватной тумбочки фуражку и надевал, так, чтобы козырёк почти касался носа. И это означало, что он пришёл в нужное состояние и готов к вниманию. Кстати, он никогда не оставлял фуражку в прихожей, а всегда брал с собой в комнату. Лариса попыталась как-то ласково высмеять эту его привычку, но уже после первой фразы почувствовала, что высмеивать её не надо.

Так вот, поглядывая искоса на эту фуражку, она начинала самую важную для себя часть встречи. Тихое, осторожное расследование на тему: кто вы, генерал Белугин? С кем вы? Простой ли вы обаятельный солдафон, гуляющий от страшенькой жёнки, или ищущий, болеющий за родину душой русский офицер? Если так, то неизбежно же вы должны понять, какое это чудо, что мы вот так встретились, такие два незаурядных человека. И у нас не просто пошлый роман, а “душ трагических сплетенье во имя русского орла”.

Генерал слушал внимательно, но в ответ всё больше помалкивал, не спешил выплеснуться со встречными откровениями, мол, мне тоже за державу так обидно, так обидно! Но чувствовалось, что слова Ларисы доходят до его каких-то скрытых, может быть, очень глубоко, струн и порой колеблют их. Чувствовалось, что постельные проповеди не пропадают зря.

Разумеется, всё выглядело не так постно и пошло, как в данном описании. Лариса играла роль офицерской дочери изобретательно, не только топором правды врубалась, но и рапирой иронии ранила. Она чувствовала, что эти просветительские спектакли генералу нравились. Одно смущало — слишком медленным было его движение ей навстречу; что там за скрытые тормоза? От общей ли неразвитости, или от пороков характера задержка, короче говоря, глуп он или труслив? Не хотелось ни того, ни другого, и ещё как не хотелось.

Однажды они встретились, как пару раз уж бывало, у входа в ресторан “Кормило”. Ларисе он нравился не только из-за каламбурного названия, но и ввиду хорошей русской кухни. Белугин был не в форме, что ей очень нравилось, а в дорогом гражданском костюме. И без букета. И сидел за рулём сам.

Сердце дамы дёрнулось.

Избавился от водителя, как от свидетеля?

Свидетеля чего?

Сам вышел и распахнул переднюю дверцу.

— Едем.

— Куда? — удивилась Лариса, выразительно оглядываясь на дверь ресторана.

— Ты будешь довольна, — улыбнулся он, слегка дёрнув цезарской щекой.

Оказалось, всё рядом. Попетляв по переулкам в районе Остоженки, пригнулись у неприметного, но шикарно отремонтированного дома с задрапированными изнутри окнами. Стоянка ломилась от дорогих машин.

— Что это?

— Сейчас поймёшь.

Она действительно поняла очень быстро, уже в прихожей наткнувшись на подполковника Терехова, того самого, председателя русского офицерского собрания. Он был в штатском. Там все были в штатском. Но вместе с тем очень ощущалось, что в этих дорогих костюмах спрятано очень много военных: взрывы бодрого, хоть и приглушённого смеха в углах, то и дело преднамеренно щёлкающие каблукки, характерные причёски. Но имелись и почтенные бороды с тростями. Дам — близко к нулю. Лариса специально просканировала залу. Никакой Гапы, несмотря на её новую должность в Минобороны. Это было приятно. Теперь надо было определить тип и тон собрания. Нет, это не чьи-то беззаботные именины. Не спуск со ступеней какого-нибудь грабительского для страны проекта.

Стали проходить в следующую залу. Там был устроен презентационный зал. Мест на шестьдесят. Белугин усадил спутницу, а сам отправился в президиум. Там рядом с ним уселись ещё три человека с неистребимыми признаками солидности в движениях. Такие генералы, что даже в бане будут опознаны. Лариса с чуть волнуящим удивлением обнаружила, что всех троих знает. По телеэкрану. Вот это да!

Очень скоро выяснилось, что цель встречи — презентация книги одного из солидных господ из президиума. Называлась она “Глобальные стратегии и выбор России”. О них и пошла речь. Главный выступающий говорил научно, длинными фразами, но всё равно было легко понять, что главная его мысль проста — наступает критический момент!

Надо что-то делать!

По залу пролетел слухок — ждут Громова. Лариса приосанилась, она тоже была рада ждать Громова. Упоминали и Примакова, но Примакову Лариса не верила.

Несколько раз встречались взглядом с Белугиным. Лариса укоризненно кивала головой, что ж ты, негодник, притворялся дубиной стоеросовой, а сам вон в какие круги вхож! Он едва заметно и весьма покровительственно улыбался ей. И она прощала ему такой оттенок отношения к ней. Мужчина, способный на мужской поступок, имеет право и не на такое. Белугин только что доказал, что он мужчина, то есть человек настоящего, не бытового поступка. Это её дело болтать, зудеть, проталкиваться по-мелкому, а подлинные генералы отламывают от пирога жизни большими ломтями.

Лариса победно огляделась. И справа, и слева тоже хватало знакомых. Вон тебе и известный писатель Порханов, и Сергей Иванович, душка-гад, добрый вредитель, оба приветливо раскланиваются. Видели, с кем она пришла. Там дальше ещё какая-то депутатская мелкота.

В конце выступления виновник презентации с особой благодарностью отнёсся в адрес Белугина, назвав его проникновенно по имени-отчеству. Подразумевалось, что без Белугина такая существенная книга могла и не появиться на свет. Генерал сделал такое движение плечами, которое расширявалось, как: да пустяки, общее дело делаем.

Выступило ещё несколько человек. Речи их были и обтекаемы и многозначительны. Лариса поняла так, что за словами подразумеваются настолько судьбоносные моменты и детали положения в отечественной политике, что суэта конкретных имён, дат, цифр просто неуместна.

Когда было предложено задавать вопросы из публики, то вопросы оказались по своей солидности почти равны выступлениям. Никаких журналистских подлобок-подковырок. Сидящие в зале также понимали, о насколько важных вещах идёт речь.

В мнении, что нечто важнейшее должно произойти в ближайшее время, сходились абсолютно все. И это важнейшее всеми явно подразумевалось, как какая-то новая судьба для страны. Верхи дозрели до понимания своей полной беспомощности и ничтожности, низы примут любое изменение как благо. Верхи трясутся, трясина народных пространств стонут, и разрешить всё может только энергичный, ответственный, бестрепетный патриотический порыв просвещённых профессионалов.

Кажется, расхождение было лишь в оценке сроков, темпов и тому подобному.

Лариса взволнованно томилась в ожидании момента, когда можно будет разведать детали.

Во время следовавшего фуршета это сделать было невозможно. Белугин был все время в центре внимания. Депутаты и передетые военные то-ропились с ним чокнуться и перекинуться парой слов. И в машине по дороге к Ларисиной квартире он отмалчивался, улыбаясь в ответ на восторженно укоризненные наскоки спутницы.

На всё у него был один ответ — пока ещё не о чем говорить, пока ещё рано говорить и т. д.

Само собой разумеется, такая скромность действует подобно бензину на костёр женского воображения.

— Так вы готовы взять власть?

В ответ только вздох и ироническая улыбка.

— А в войсках у вас есть серьёзная опора?

Смущённое покашливание.

— А в ФСБ тоже свои люди?

В общем, допрос прекращался печатным поцелуем в говорящие губы.

— Нет, ты всё-таки скажи...

И так далее.

В конце концов Лариса сообразила — не идиотка, — что ворота на секретную территорию прямолинейным напором любопытства не распахнёшь. Наоборот, можно только раздражить человека, он и так приоткрыл для неё немало.

— Ладно, не злись. У меня ведь не бабское любопытство. Я дочь офицера...

— Ты любишь военные фильмы и в детстве мечтала, чтобы Чапаев доплыл, а не утонул.

— Разве я тебе об этом говорила?

— Да. Ещё когда вы с Порхановым приезжали навещать какого-то мальчонку в дивизию.

— А-а.

— Я ещё тогда запомнил, мне ещё тогда понравилось. Я тоже болел за Чапаева. Когда был маленький. В кино в деревне.

Лариса легла на спину, закрыла глаза.

— Да, это не оригинально. Я читала где-то, что многие дети... И плевать, что не оригинально. И плевать, что ты не оригинальный, не артистичный.

— Да, я не артистичный. — Белугин поправил козырек фуражки на носу.

— Не обижайся.

30

Да, можно сказать, что товарищ Конева была практически счастлива. Были только два подводных камня в чистом потоке, по которому рулила её любовная лодка.

Первый — семейная крепость генерала.

Её она надеялась взять с помощью союзницы.

Агапеева охотно дала всю секретную, и не очень, информацию на этот счёт. Конечно, женат, двое детей. Старший сын только что комиссован и теперь осваивает собственную автомастерскую. Второй сын второклассник, и ничего больше о нём не скажешь.

Жена, стареющая, пообтрёпанная, недоумственная оголтелая наседка. Супругов уже давно ничего не связывает, кроме имущества и детей. Никаких живых отношений уже ряд лет. Лариса охотно верила, почему-то в такие вещи женщинам верится очень легко. Впрочем, генерал давал основания для этого легковерья, на Ларисиных простынях он был голоден как курсант.

И вообще, как можно спать с курицей? Лариса мысленно именно так называла соперницу.

Злая, ехидная, подозрительная, женщина-заноза, дополнительно сообщила Агапеева. Да, еще скандалистка, тупая, визгливая, и доносчица, чуть что — с рапортом в политотдел. Этим она его раньше держала.

— Да-а?

— Да, да, знаешь ли, у нас это сильненькое средство — проткнуть карьеру мужу. Начальство ведь раньше как думало — если не можешь управлять своей бабой, как ты будешь управлять своей бригадой?

— А теперь как думает?

— Теперь проще, партийной линии нет, маршалы, и те разводятся.

Эти разговоры Ларису вдохновляли. По всему выходило, что Белугину некуда деваться, кроме как в её отремонтированную заводь.

Вторая печаль — сын.

С ним ничего нельзя было поделаться. Он со всем соглашался. Разговор с ним — трамбование тумана. Лариса, например, столько потратила на истребление в нём неуместного, нелепого здесь, среди московской жизни, белорусского патриотизма, а потом как-то, из случайной его оговорки выяснилось, что он и не собирался за него цепляться. Что давно уж числит себя скорее москалём, чем кем-то ещё.

Сначала она решила, что он над ней издевается. Громадна сила безответности. Непокорима твердыня покорности. Нет, он даже не издевался. Это было бы началом какого-то диалога. Да, мол, мамочка, я до такой степени плевать хотел на твой взрослый, дурацкий, подлый, гадкий мир, что вот так себя веду.

Привычным, понятным конфликтом по типу “отцы и дети” тут и не пахло. Он не только ничего не противопоставлял матери, он ничего и не отвергал из того, что она на него вываливала в качестве идеалов.

Список обязательной литературы:

1. Афанасьев, “Народные русские сказки”.
2. “Тихий Дон” и “Тарас Бульба”.
3. Нечволодов, “Сказания о русской земле”.
4. Ильин.
5. Солоневич.
6. Чивилихин.
7. Селезнёв о Достоевском. Сам Достоевский отложен на попозже.

Ждала если не бунта, то отлынивания. Через два месяца тихий от него доклад: прочёл всё. И в таком тоне, что как будто готов сдать экзамен по прочитанному.

Компьютер. Сначала подарила, причём самый навороченный. Потом запретила им пользоваться. Не совсем, конечно, а чтобы в меру, не круглые сутки. Доклад Лиона Ивановича: всё честно, не более трёх часов в день. Даже напоминать не приходится.

Сама понимала, что главный недостаток их отношений — абсолютное отсутствие ну хоть какой-нибудь задушевности. Нет, Лариса готова была к любой открытости со своей стороны. О чём бы Егор ни спросил, ему было бы отвечено и максимально откровенно. И об его отце, и о её политической платформе, но он ни о чём не спрашивал.

Начать откровенничать самой?

Вывалить на него всё, завести разговор о своей жизни. Садись, сынок, поговорим. Во-первых, она не была так уж уверена, что это нужно, и нужно именно сейчас, а во-вторых, сразу возникал вопрос — с чего начать, чтобы не перепугать каким-нибудь непереваренным куском откровенности. Детская психика легче всего травмируется правдой жизни.

Надо было бы понять, что ЕМУ интересно.

ЧТО ему интересно?! Как это выведать: животные? марки? наркотики? женщины?

Вот женщины. С кем дружишь, сын? Познакомь со своей девушкой. По тропинке такого разговора был шанс забрести в тыл любой, самой мрачной замкнутости. Но это для обычных подростков. Она проверяла этот метод на своих молодых сослуживцах. Она отлично владела стилем товарищеского полусплетничанья, и ей открывались не только балагуры типа Питирима и

Милована, но и тяжелодумные дяди вроде Энгельса. Но Егор казался ей настолько несовместимым с этой темой, что на уста сама собой налагалась печать. Она считала себя специалистом в делах любых любовных битв меж мужчинами и женщинами. Но дело в том, что сын казался ей представителем какого-то другого пола. Не совсем мужского. Нет, она не начала ещё бояться за правильность его сексуальной ориентации, тут было что-то иное.

Легко понять, что никаких серьёзных разговоров во время нечастых встреч матери и сына и не происходило. При этом Лариса, будучи человеком наблюдательным, всякий раз отмечала, что Егор каждой такой встрече вроде бы радуется, но при этом расстаётся с матерью вроде как с ощущением огромного облегчения, как будто избавляясь от огромной психологической обузы.

Всякий раз Лариса давала себе слово — во время следующего разговора, наконец, с ним поговорить, и всякий раз у неё, непонятно в силу чего, ничего не получалось.

Была одна отговорка. Лариса понимала, где-то там у себя в глубине, что это именно отговорка, но была благодарна ей, что она у неё всё же имеется. “Я тебе не Германия, не могу вести войну на два фронта”, — сказала она как-то Агапеевой, когда очередной их разговор вильнул в сторону её отношений с Егором. Смысл был в том, что, претерпевая такой напряжённый роман с генералом Белугиным, роман, как казалось ей, чреватый важными жизненными изменениями в самом близком будущем, она не могла расплывать свои психологические, моральные силы и в иных направлениях.

Она уговаривала себя, что здесь ей достаточно поддерживать статус кво. Вот когда всё выяснится с Белугиным, а там всё выглядело как уже созревшее яблоко, вполне готовое к падению, тогда и другие гордые узлы развяжутся сами собой.

При всей своей сложности и тяжести история с сыном обладала одним выгодным качеством — стабильностью. Нет ничего более прочного, чем состояние взаимной недоговоренности. Пусть пока будет так, как есть.

И Лариса кидалась к телефону, чтобы слиться в почти непрерывной беседе с подружкой.

Агапеева стала для неё просто нестерпимо важна. Она соглашалась выслушивать все бесконечные речи Ларисы, обсемаковывание мельчайших деталей её последнего разговора с Белугиным и сопоставление его с предыдущими разговорами ради обнаружения, возможно, какой-то новой тенденции в отношениях.

Гапа была тем ещё ценна, что владела всей информацией о семейной жизни генерала. И обо всех мельчайших изменениях, что в этой жизни произошли или собираются произойти.

— В армии ничего нельзя скрыть. Все, всё, про всех...

У генерала заболел младший сын. Не то чтобы очень опасно, но болезнь, требующая особого родительского внимания.

Лариса с облегчением вздыхала. Так вот что означает белугинский ранний отъезд из её кровати. Значит, и правда помчался за лекарствами. Это была реальная аптека, а не отговорка.

В следующий раз он пропал сразу на неделю. Наглухо, ни звоночка, ни слова. Лариса извелась бы и, вполне вероятно, дошла бы до каких-то сокрушительных поступков, если б не подруга.

— Опять сынок.

— Тоже заболел?

— Задолжал. Белугин отмазал его от армии и хочет сделать из него бизнесмена. Он бросил автомастерскую и теперь поставяет продукты для каких-то частей в каком-то округе, не знаю точно, коммерческая тайна сильней военной.

— Ну и?

— Залетел, в смысле кинули его, поверил кому-то там. Отец умчался спасать.

Вернувшись, Белугин объяснил всё примерно так же. Назвал сына оболтусом, что ей было приятно, мол, не только у меня чадо с недостатками.

Но всё равно, недельное исчезновение Лариса решила использовать как повод для нажима.

Ну, когда? Когда ты окончательно переберёшься ко мне? Ведь сколько раз говорили. Белугин задумчиво манипулировал фуражкой. Действительно, надо было что-то решать.

— Мне нужно ещё один раз съездить в округ.

Как было понимать эти слова?

При этом на все “официальные” мероприятия генерал отправлялся исключительно с Ларисой. К ней привыкли, даже образовалось у неё что-то вроде отдельного авторитета, ей улыбались, даже когда она не держалась за генеральский рукав.

Постепенно у неё появлялось и к этим собраниям такое же отношение, как и к самому Белугину. Когда же?! Господа генералы! Много и с пафосом намекалось, что силы накопленные велики, почему же нет приказа к решительному шагу?

Ельцинская власть прогнила, всем видно. Вокруг вьётся множество людей, ещё какой-нибудь год назад побрезговавших бы и приблизиться к такой вот генеральской компании. А теперь уже и они чувят — пора! Крысы, прибежавшие с тонущего корабля.

Лариса надавливала на Белугина с двух направлений.

Однажды утром зазвонил телефон.

— Хочешь, поедем со мной? — предложил генерал в своей манере.

Конечно, она согласилась. Не спрашивать же — куда?

31

— Ты должна ему помочь.

— Дядя Ли, последние годы я только тем и занимаюсь, что пытаюсь до него достучаться.

Старик ещё больше сдал, и без того маленький и сухощавый, совсем перешёл в насекомое состояние тела. Полюбил рассуждения на тему своего переселения “в богадельню”.

— Я не про то сейчас, Ларочка. Я про то, что его вот-вот забреют. Ты сама должна понимать, что такому мальчику, как Егор, туда нельзя никак, и даже в мирное время, не говоря уж про сегодня.

Лариса почувствовала сильнейший приступ раздражения. Опять эта приглушённая проблема начинала подниматься в полный рост.

— Я дочь офицера и...

— И люби свои военные марши, и не болтай глупостей, личная к тебе моя просьба. Лучше сразу дай Егору съесть какую-нибудь передозировку, и чтобы не мучился в чеченских окопах.

— Какие окопы, дядя Ли!

С годами бывший конферансье утрачивал свой безупречный выговор и безукоризненный грамматической строй речи. Он утверждал также, что почти забыл таблицу умножения.

— Белый билет, Лара, только белый билет.

— Послушай...

— И не говори, что у тебя не хватит связей. Хочешь моей могилы — бери, но мальчик!

— Он что, сам просил тебя об этом?

— Но я же не слепой, Лара, он сразу впадает в такую прострацию, когда я завожу речь обо всей этой службе.

Лариса понимала, что раскатывать перед стариком склейку из идейных аргументов бессмысленно. Да, она всегда считала, что русская армия — лучшее и важнейшее создание отечественной культуры. Это и семейная их, Коневых, мысль, и общественная позиция её, Ларисы Коневой, на настоящий момент. И весь разлагающий яд берётся от тихих, лукавых предательств в верхах, от того, что дети наших министров не идут в те самые чеченские окопы, а садятся на белые билеты, или ещё хуже, едут учиться в Женевы и

Лондоны. А ведь это не что-то, а искренняя родительская любовь питает повсеместное, сверху донизу, предательство. Россия — рыба с испорченной головой. И даже друзья... Вон Милован, под всю свою болтовню о Скобелеве сына Тимошу тихо отмазал, и даже рассказывал об этом в буфете как о подвиге своего изворотливого житейского ума. Такие теперь подвиги. Причём Тимоша этот гарный, справный парубок, аквалангист и драчун, не то что родимый тюфячок Егорка.

И какая же она сама будет борец за чистоту в рядах, за славу русского оружия, если своего рыхлого сына отгосит от его естественной мужской судьбы?

— Сын генерала Пуликовского погиб в Чечне...

Лион Иванович сердито замахал на неё цыплячьими лапками.

— Вот именно, сын генерала. Это их военное, генеральское дело. Сын генерала платит за право ускоренно самому стать генералом. Мы не знаем, может, он сам попросился. А тут другое. Интеллигентный мальчик и очень, очень грязная война.

— Хватит, дядя Ли.

— Офицеры торгуют солдатами как крепостными. Всё украдено или продано. Чеченские бандиты после боя приезжают расслабиться в московскую сауну. И ты хочешь, чтобы твой мальчик, единственный мальчик, стал бараном в этих горах?

— Ему же ещё почти год до призыва.

— Намного меньше.

Лион Иванович встал и ушёл.

32

Участок был разделён на две примерно равные части, как и дом, купленный Коневыми в посёлке Пуговичино. В их части сада имелось три старых, раскидистых, очень плодоносных яблони, несколько молодых слив и мёртвая груша. Николай Николаевич сидел на крыльце в тельняшке и трениках, покуривал и прикидывал спокойным взглядом объём работ. Нина Семёновна возилась с неразобраным барахлом в доме.

Лариса с Гапой осторожно блуждали между грядками, стараясь не запачкать дорогие туфли и брюки.

— Признаться, он меня окончательно сразил.

— Ты рассказывай, рассказывай.

Лариса практически цвела, и если бы ей захотелось остановиться где-нибудь под окном, то пчёлы её скоро стали бы принимать за жасминное дерево. Так она благоухала и не только духами, но и порывами светлого настроения.

— ...Ехали часа три, а то и меньше. Даже с небольшим пикником. Приезжаем — непонятно. Военная часть, не военная часть. В глухом лесу колючая проволока, бараки, все солдатики по пояс голые в спортгородке. Обедаем. Потом стрельбище. Солдатики тархтят, доски кулаками ломают, на стену лезут в дыму.

— Понятно.

— Но самое интересное под конец.

— Секе в спальном мешке?

Лариса с интересом поглядела на подругу, что это ты? Та, извиняясь, помахала рукой — не бери в голову. Лариса кивнула — ну, ладно.

— Выходим на берег речки.

— Что за речка?

— погоди. Мы стоим на этом берегу, а на том начинается какая-то возня. Человек выбегает на песок, скидывает сапоги, гимнастёрку и бултых в воду. За ним выскакивают из ельничка пятеро-шестеро с карабинами и начинают палить ему в спину.

Агапеева даже остановилась.

— Ну, ну.

— Вот тебе и ну, ну. Мужик этот плывёт, выстрелы гремят. Я не знаю, что и думать.

— И чем кончилось?

Лариса самодовольно улыбнулась.

— Выплыл. Усатый такой. Смеётся. Смотрю, генерал мой тоже хохочет. Сзади прибежали двое и втыкают в берег железную вывеску на шесте, ну, знаешь, такие перед населёнными пунктами на дороге ставят.

Агапеева кивнула.

— А на вывеске, на табличке этой написано “р. Урал”.

— Ни фига себе!

— Да-да, а переплывший этот подходит ближе, берёт под козырёк, хотя козырька никакого нет, и говорит: “Комдив Чапаев прибыл по вашему приказанию!” А другой рукой за ус, потому что отклеивается.

Подруга длинно и искренне присвистнула и повторила:

— Ни фига себе! — Её явно проняло.

— Ты понимаешь, — самодовольно и восторженно пела Лариса, — это же называется акция, генеральский хешпенинг. И так неожиданно, и так срежиссировано! Стреллер и Питер Брук... Но, не этот мокрый Чапаев с усами приклеенными порадовал меня больше всего, хотя и порадовал, спорить не буду.

— А что?

— А сам лагерь. Оказывается, все эти месяцы мне не лапшу вешали на уши, как я уже стала опасаться. Есть у них дисциплинированная вооружённая сила.

— У кого у них?

— Ну, у Белугина. И я так поняла, что таких лагерей по стране хватает, и все наготове, Ельцин в коме, это значит что?

— Что?

Лариса остановилась. Стоп! Так ведь и выдать можно какие-нибудь планы. Хотя чего уж теперь.

— Я там у них выступила в этом духе перед офицерами. Готовьтесь, говорю. Все эти спектакли на переименованных реках, конечно, красиво, артистично, но очень скоро придётся проявить реальный характер. Придётся войти в реку, из которой обратной дороги нет, и броду в ней нет.

Агапеева смотрела на подругу, приоткрыв рот.

— Готовы, спрашиваю, господа офицерский корпус, для нового порядка? Глаза горят, хотя и помалкивают.

Лариса вдруг помрачнела.

— Вот только на обратном пути была неприятная встреча. Вернее, не было никакой встречи.

— Если ты думаешь, что я что-то поняла...

— Ты Питирима моего знаешь?

— Бородача?

— Ну да. Это он меня, ну, окрестил, можно и так сказать. Мужик был огонь, умница, талантище, но пьянь полнейшая стал, алкоголик с трясучкой уже. Так слух прошел — он подался в монахи.

— Что? В монахи?!

— В самые настоящие. Я не знаю, как это можно от семьи, от всего, но подался. И вот проезжаем мы с генералом мимо того монастыря, куда Питирим наш якобы закрылся.

— И что?

— Конечно, остановились, захотела повидаться. Поговорить. Дело-то серьёзное, на ТАКОЕ решился человек. Главное, хотелось проверить — правда ли. Не болтают ли. Ведь у нас на Москве слетен... Пит был большой выпендрёжник, матершинник, какой уж тут монастырь!

— Проверила?

— Не захотел к нам выйти.

— А вообще был он там?

— Был, говорят. — Лариса вздохнула. — А может, и не был. Странно всё как-то. Ни да, ни нет.

— Они же там имя меняют. Может, он стал какой-нибудь Януарий.
— Вот, вот. Но так и не смогла дознаться, а ты знаешь, если мне нужно...

— Знаю.

— Такая вот у меня червоточина. Но, с другой стороны, в монастырь бегут слабенки, те, что не могут людьми оставаться среди обычных людей.

— Да?!

— Да-а. Ладно, пора, видишь, мама зовёт, накрыто.

— Настаивать можно на чём угодно, — рекламировал Николай Николаевич свой самогон, — а основа простейшая: сахар, дрожжи и очистка качественная.

— Хватит, папа, спасибо тебе, а выпьем мы за мою лучшую подругу, это она, это её радениями состоялось то, что мы сейчас здесь наблюдаем.

— Я уж и не верила, — всхлинула Нина Семёновна.

— Вам там было, наверно, плохо? — поинтересовалась Гапа.

— Нет-нет, никогда не скажу плохо про Белоруссию. Добрые люди, душевные. Но всё равно надо ведь прибиваться к своим, правда?

Выпив капитанского самогона, Гапа восторженно выпучила глаза и полезла быстрыми пальцами за огурцом.

— И это своё. Вернее, Нинкино, — продолжал гостеприимно хозяйничать за столом капитан.

— Вода ключевая, смородиновый лист до сих пор пахнет как живой, ты понюхай, понюхай.

Агапеева нюхала и одновременно хрустела очень вкусным огурцом.

— А что Егор, где? — наклонилась Лариса к матери. — Избегает?

— Нет-нет, вообще был, а сегодня, говорит, занят.

— Избегает?

Нина Семёновна снова быстро произнесла — нет, нет, нет, — прилизывая ладонями и так прилизанные волосы, это показывало у неё сильную степень волнения.

— Правда занят, правда. Молодой человек.

— Да-да.

Лариса после выпитой второй рюмки выглянула из-под навеса, что был устроен капитанскими руками под яблоней, и где был накрыт стол.

— А что, Гапа, милые местечки. Может, плюнуть на всё и переехать? Кому принадлежит вторая половина дома? Пустая ведь.

— Да, — кивнула мать, — никого нет. Там ещё соток десять. Три комнаты и крыльцо.

— Вот, действительно, плюну я на все их дела и осяду всем семейством здесь, посреди средней полосы России.

Родители с разным выражением лица слушали дальнейшее изложение планов дочери. У отца лицо было спокойное, он в основном следил, чтобы у всех гостей самогону было вклень. А Нина Семёновна оцепенела и только моргала выцветшими, как бы помелевшими глазами.

— Сколько нас осталось, Коневых. Нас вот трое, Егор, да бабка. Купим вторую половину дома, сделаем дверь. Кто-то разъединил, а мы объединим.

Нина Семёновна незаметно исчезла из-за стола. Лариса ещё некоторое время вещала, что случилось с ней в хорошем настроении. Агапеева хрустела огурцами так старательно, как будто это было задание командования на сегодня. Капитан ещё раз поднял тост за неё и даже попробовал поцеловать руку, тянущуюся как раз к тарелке. Он-то понимал, чего стоило устроить празднуемый ныне перевод.

— А где мама? — спросила Лариса вдруг и, не дожидаясь ответа, пошла в дом.

— Никуда она сюда не переедет, — сказала Агапеева, вздохнув ей вслед, — а хорошо бы было.

— Знаю, — сказал капитан, — у Ларочки дом всегда почему-то не дома.

— Да.

- Но сказала, что женится.
- Подруга внимательно посмотрела на капитана.
- Думаете, женится?
- Если Ларочка чего решила, вы же знаете, как подруга.
- А мне кажется, нет.
- Недавно познакомились?
- Познакомились они давно, но он на ней не женится.
- Почему?
- А он потому что генерал, и женатый.
- Да-а?
- А она вам не говорила?
- Капитан медленно помотал головой.
- Ларочка таких вещей не замечает...

Лариса нашла Нину Семёновну в полутёмной, пропахшей слежавшимися вещами и какой-то особой скукой комнате. Она сидела на кожане швейной машинки и смотрела беззвучный телевизор.

Нина Семёновна вздохнула. Глухо спросила:

— Ты что, и правда хочешь её сюда привезти?

Лариса сразу поняла, о ком речь.

— Бабушка, Лион Иванович говорил, совсем плоха стала. Развалина. Все от нее разбежались.

— Заслужила, раз такой человек.

— Мама, она же тебе мать!

— Не смей мне этого говорить: мать, мать! Она...

Ларисе очень захотелось закурить, но сделать это здесь было как-то неловко, захотелось закончить разговор.

— Но сколько лет прошло, пора бы уж и начинать прощать.

— Если ты её сюда привезёшь, я отсюда уйду.

— Куда?

Нина Семёновна дёрнулась и удержалась на своем сиденье только благодаря поддержке дочери.

— Не знаю куда, никуда! Ты специально нас сюда завезла, чтобы мы не пикнули, а сама...

— Ладно, мам, погоди, это я, пожалуй, пойду. Зря мы этот разговор начали. Никого я привозить не собираюсь. Пойду, воздухом подышу.

Лариса вышла из затхлой комнатки, страшно собой недовольная. Какого чёрта было заводить этот разговор, абсолютно никакого отношения к реальности не имеющий? Это только в бреду могло придти в голову притащиться сюда всем семейством вместе с бабой Викой. Впереди совсем другие планы. Генеральские.

— Погоди, — сказала вдруг подошедшая сзади Нина Семёновна. — Это твоя подруга?

— Я же объясняла, Гапа, это она всё устроила.

— Она тебе не подруга.

— Как раз наоборот, мы одного поля ягоды.

— Она тебя ненавидит.

— С чего ты взяла?

33

До чего же я его изучила, с нежностью думала Лариса, глядя на строгий спящий профиль Белугина. В нахмуренных бровях чувствовалась тяжёлая озабоченность. Генеральское молчание было так выразительно, что словами его можно было только скомпрометировать.

— Что случилось?

Он дёрнул вертикальной морщиной на синеватой щеке. Она знала, что на первый вопрос он никогда не отвечает, как настоящий офицер не закусывает после первого стакана.

И на второй вопрос он отреагировал лишь мимическим быстрым движением.

После третьей атаки сказал лишь одно слово — “газета”.

Не сразу, но Лариса добилась внятности. Речь шла о статье в желтоватой московской газетёнке, называвшейся “Молчание генералов”. Это было время, когда повсеместно в журналистику входило тотальное игрословие, ни один материал не мог быть озаглавлен просто и ясно. Обязательно как-нибудь со словесным вывертом. Статья состояла из серии ядовитых и подловатых вопросов о тех самых лагерях военизированной подготовки, один из которых Ларисе довелось давеча наблюдать в действии. Молодой, неприятный очкарик допытывался, а кто, например, финансирует эти “подразделения”? Для каких целей они предназначены, если что? Не связана ли активизация этой деятельности с нарастающим напряжением в стране? И когда и где можно ждать появления этих (красных? коричневых? или какой-то другой расцветки) бригад в ближайшее время.

— Вас приравнивают к ягням? — с возмущением вскрикнула Лариса, бухаясь обратно в койку.

Ни один мускул не дрогнул на лице Белугина.

— Как мы будем отвечать? — Он уже три дня ночевал у неё, и поэтому для такой коллективной постановки вопроса было предостаточно оснований.

— Прокуратура, — сказал генерал.

— Что прокуратура?

— Занялась...

— Подождли её, что ли?

Генералу было не до шуток.

Так, сказала себе Лариса, глядя в отлично покрашенный людьми Белугина потолок, так, надо что-то делать. У неё не было ощущения навалившейся неприятности. Скорее ощущение закручивающейся интриги. И ни на секунду не мелькало мысли, что всё может кончиться плохо.

Наоборот.

Новая жизнь! И она не может начинаться так вот тихо, сама собой, с простого — он остался у неё, не поехал домой. Нужен удар, акт, шаг, взрыв, знаменующий важность момента. И хорошо, что в самом начале такая серьёзная трудность, драма, “и бездны мрачной на краю”. Ах, как прав Александр Сергеевич, стоит русскому человеку оказаться пред карьерной пропастью, в свинцовой тени прокурорской проверки, как в нём просыпается духовная красота и моральная сила.

— Лучшая защита — это нападение, Саша.

— Слышал.

— Я напишу опровержение.

Его веки поднялись и опустились, как у нильского крокодила вслед пролетевшей птахе.

— Но уж поверь, что здесь, у меня, со мной ты в полной безопасности.

Это было сказано так, что генерал повернул голову, и сухие губы благодарно ткнулись в юношеский шрам на её щеке.

34

На работе Лариса появлялась редко, настолько редко, что это вызывало всеобщее уважение, всем было понятно: так может вести себя только человек, имеющий на это право. На чём это право основано, никто не знал, и это лишь укрепляло окружающих в уверенности, что оно у Ларисы Николаевны есть, и оно незыблемо.

Кстати, шеф был даже рад, что видит своего уважаемого зама так редко, правда, ни за что в жизни в этом не признался бы, даже себе. Он стремился быть честным человеком, и не только по отношению к окружающим (что ему по большей части удавалось), но и по отношению к самому себе, что, как известно, труднее. Насколько труднее, что приводит к необходимости скрывать от самого себя истинное положение дел.

Такое положение психологических дел может быть, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, устойчивым, и длительно устойчивым. И лишь грубая внешняя атака способна поколебать его.

Атаку, конечно же, организовала Лариса. О том, что нечто на подконтрольных ему территориях затевается, Михаил Михайлович мог бы догадаться хотя бы по тому факту, что его заместительница зачастила на рабочее место. И не ограничивается сидением в кабинете, а вояжирует по этажам, то там, то там засиживаясь на редколлегиях, переходящих порой в длительные задушевные застолья.

Хорошо знающие свою выдвиженку в верха работники “Истории” встретили хоть внешне и радостно, но опасно. Она пошутила с Тойво в курилке, он улыбался, добродушно набывчившись; похвалила Милована за какой-то, где-то сделанный им “умопомрачительный” доклад, он рассыпался в ответных любезностях, с возрастом он довёл свою эмоциональную неуловимость до виртуозной степени; зашла даже к нелюбимому Реброву, чтобы продемонстрировать, что между ними в данный момент нет войны, чему он тихо обрадовался и вдруг ни с того, ни с сего стал рассказывать о своей жуткой семейной ситуации.

Волчок, Прокопенко и Бабич были ею мобилизованы на якобы простое товарищеское распивание кофе в её новом кабинете. Кофе был редкий с очень дорогими конфетами, и никакого коньяка, что всех насторожило. И как оказалось, не зря.

Лариса задумала грандиозную политическую акцию.

Она понимала, что провести её будет непросто.

Она понимала, что возможны неприятности и жертвы.

Она считала, что на эти жертвы они, её старинные товарищи, пойти готовы.

Или нет?

А что за акция-то, вяло поинтересовались они, чтобы потянуть время.

Акция пройдёт, естественно, в актовом зале ЦБПЗ, и состоять будет в основном из выступления генерал-лейтенанта Белугина перед молодыми продвинутыми патриотами-государственниками, которых, как она уверена, они — то есть Бабич, Волчок и Прокопенко — помогут ей собрать со всей Москвы.

Сами видите, что на дворе за времена. Есть сильные, решительные, подготовленные люди, есть ресурсы, и подоспело время заявить о себе. Разумеется, она обратилась к ним как к людям, на которых можно положиться, которых она знает как противников этого сатанинского бардака, творящегося в стране, кто хочет этой стране счастья, а не догнивания под пятой компрадорской олигархии.

Молодые люди молчали. Ситуация выглядела неприятно, обременительно, но не катастрофически страшно. На костёр идти вроде бы было не надо. То есть никто не требовал от них самих каких-то выступлений и прыжков на амбразуру. Тихая, закулисная, хотя и противноватая работа. Придётся немного врать, много суетиться, но сделать-то можно, не забредая в политический бочаг по горло.

— Значит, договорились?

Они промолчали, но Ларисе других выражений согласия было и не нужно.

Запрограммировав “Историю”, Лариса двинулась в “Армию”, где её позиции были так же сильны. Пяток волонтёров, более молодых, чем “историки”, более эмоционально свежих, были ею там быстро обретены. Молодые офицеры рвались к реальной работе. Возможность приобщения к высшим сферам организованного сопротивления “долларовому хаму” их приятно пьянила.

С “Биологией” пришлось повозиться, там под её полным контролем были лишь охотничий отдел и секция крупных хищников. Но в целом и этот визит Лариса могла занести себе в плюс.

Труднее всего было с “Искусством”, единственное, чего удалось добиться, это раскола в коллективе, что, как известно, парализует его работу на внешних фронтах.

В “Музыку” даже не совалась. Нет, там было несколько её страстных соратников по Свиридову, но для большинства тамошних “манов” гениальный русский мелодист являлся пугалом. Ничего, увидев сплочённые ряды во-круг себя, запоют покорный “хепшибездей” нашему генералу.

На следующий день Лариса явилась на работу в отличном состоянии. Всё в этот день складывалось замечательно. Во-первых, у них сегодня впервые с Сашей не было утреннего секса, как у нормальных супругов. Жадный любовнический азарт, использование всякой более-менее подходящей возможности — всё это уходило в прошлое. Просто повалились в постели и позавтракали неторопливо и обстоятельно. Мамина кухонная выгучка работала на укрепление союза. Белугин был как всегда молчалив, даже зарылся на время глазами в газету. Лариса решила до осуществления “акции” не пресовать его по главному направлению: развод-женитьба. Не спрашивала даже, как он объясняет семье своё уже шестидневное отсутствие на территории законного брака. Не хочет говорить? Пусть. Слова в его жизни значат не так уж много. Добиваться будем дел. А после “акции” не делать их будет ему, ох, тяжеленько.

Так, между прочим, уже уходя, Лариса объявила Белугину, что “всё придумала”. “Что?”. Объяснила в двух словах и самых общих чертах. Улыбнулась, глядя, как генерал нервно запахивает халат. Пусть поразмышляет на досуге.

Но стоило ей сесть в рабочее кресло, как все тут же рванулись портить её настроение.

Первым оказался дядя Ли.

— Ты опять об этом? Ему же ещё почти полгода.

— Ты обчиталась. Уже бомбардируют повестками.

Как не вовремя!

— Дядя Ли, если бы ты знал, какой у меня сейчас замот по делам. Сотни людей зависят...

— Какие люди, Лара, это твой сын!

— Но армия тоже наша!

Он бросил трубку.

Тут же эта секретарша со своей улыбочкой.

— Лариса Николаевна, вас к Михаилу Михайловичу.

— Сейчас.

Набрала номер Гапы. Приятный офицерский голос поинтересовался, за-чем беспокоят товарища Агапееву. Везёт же людям, офицер в секретарях!

— Кто, кто? Я запишу ваш телефон, она с вами свяжется.

Испуганное личико Саши в дверях.

— Михаил Михайлович...

— Да иду я, иду!

Набрала номер старика.

— Дядя Ли, а может, Егор ХОЧЕТ служить в армии, я с ним прямо так вот не говорила на эту тему.

Бросил трубку. Нет, так это оставлять нельзя! Опять набрала его номер. Секретарша подняла брови и вышла.

— Слушай, что ты как я не знаю! Знаешь, что, пусть он сам меня попросит, он же не немой, просто молчаливый. Пусть соберётся на пару слов. Сам. Усёк? Придет сюда и скажет — мама, помоги! Помогу! Клянусь тебе — обязательно помогу!

— Да как ты не можешь понять, он не может, он...

— Всё! Это моё последнее слово!

Бросилась к двери, но телефон зазвонил вновь. Сейчас отбреем назойли-вого дедушку. Тоже мне отроки с тонкими душами, попросить мать просто по-людски, по-человечески для них это, видите ли, невозможная вещь!

— Послушай, дядя Ли... а-а, Гапочка, извини, перезвоню. Уедешь? Дело в том, что Егор получил повестку. Да, да, я вдруг надумала, что ему там не место. — У Ларисы сделалось каменное выражение лица. Она закрыла глаза, сдерживая гнев.

— Да, Гапочка, да, я столько талдычила, что долг настоящего мужчи-

ны — защищать родину. Именно так. Да, Егорка не настоящий мужчина, признаю. В чём тебе ещё признаться? Так и скажи, что не хочешь помочь. Ах, хочешь! Да, ты моя лучшая подруга, и ты хочешь помочь.

Ларисы слегка приоткрыла рот, можно было подумать, что она оскаливается.

— Ты всё-таки понимаешь, это дело святое, и ради меня ты готова, как лучшая подруга. Какой военкомат? Извини, пока не знаю. Но всё узнаю. И быстро. На днях. Завтра. Даже сегодня. Ну всё, ты уже бежишь? Перезвоню.

Когда она вошла в кабинет шефа, он стоял, отвернувшись к окну, засунув руки в карманы штанов. Выпяченные огромные губы было не видно, но Лариса была уверена — выпячены. Ой, как страшно!

— По вашему приказанию...

— Лариса Николаевна!!!

— Слушаю вас, Михаил Михайлович.

Он обернулся медленно, как будто был не морским пехотинцем, а целым десантным кораблём. Несколько секунд молчал, примериваясь к тону, в котором следовало бы провести беседу.

— Лариса Николаевна, никакой генеральской встречи в актовом зале нашего учреждения не будет!

Лариса почувствовала, что спорить бесполезно, решение принято, но не уступать же не дав вообще никакого боя.

— Что с вами, Михаил Михайлович?

— Что вы имеете в виду? — начал закипать шеф, несмотря на то, что дал себе слово провести данный разговор без всплеск и взрывов.

— Что с вами сделало время?

Ноздри большого ноздреватого носа затрепетали, всасывая дополнительный воздух. Шеф сделал два шага к столу, опёрся на него не как обычно — широкими ладонями, а костяшками огромных кулаков, костяшки сделались жёлтыми.

— Вместо придуманной вами встречи с генералом Белугиным состоится конференция солдатских матерей.

Лариса молчала. Дело, оказывается, даже хуже, чем ей вначале показалось.

— Разве вам это не интересно, вы же сама мать будущего солдата. И вам, наверно, самой захочется выступить на этом мероприятии.

Вот сволочь, со спокойной злостью подумала Лариса, как он хорошо подготовился к столкновению, как ни дёргай поводья — не объедешь.

— И вообще, Лариса Николаевна, зачем он нам нужен?

— Кто?

— Ну, этот ваш Белугин.

— Что вы хотите сказать?

— Да ничего особенного я не хочу сказать, успокойтесь. Я просто недоумеваю, каким образом в нашей лекторской работе может быть использован опыт данного интендантского чина. Он всего лишь военный завхоз!

Белугин не любил афишировать, чем именно он занимается на службе, но Лариса догадывалась, что не спутниковой разведкой, и в данном случае укол Михаила Михайловича пропал даром. Он ничуть не отравил образ бравого и таинственного генерала в её сердце. Наоборот, сам ехидный шеф сделался в её глазах ещё менее уважаемым и значительным, чем даже был до того. Одно только было непонятно — зачем ему именно сейчас заигрывать с либералами? Перезрелый пацифизм героя малоземельца? Одно было несомненно — шеф принял решение, окончательное, и никакими контратаками ничего не изменить.

— Какая жалкая попытка. Как измельчали ваши жесты, — сказала она почти про себя.

Шеф не всё понял, наклонился вперёд.

— Что-что?

— Не зря всё-таки Сталин разогнал вашу десантурскую банду после войны.

Развернулась и вышла. Даже не пытаюсь рассмотреть, какого именно цвета пятнами пойдёт физиономия Михаила Михайловича. Это был поворот очень старого разговора. Однажды шеф схлестнулся тут у себя в кабинете с известным военным историком по поводу некоторых фактов из истории морской пехоты. В том разговоре Лариса со всей яростью громила военного спеца, считавшего, что генералиссимус вполне обоснованно упразднил после войны этот “слишком преторианский” вид войск. Тогда Михаил Михайлович был ей благодарен, ибо выше всего на свете ценил факт своего участия в боевых подвигах морпехов. Юность, геройство, воспоминание об этом как глоток озона в трудный момент. Он даже терпел колкости того рода, что, мол, он, товарищ Александров, ныне уже не тот, что в те опалённые годы. Начинает сдавать. Где твоя бескозырка, моряк?

Но чтобы так, рубануть прямо по святому, по самой идее морской пехоты!

Но ей теперь было всё равно.

Она пересекла холл в полнейшем оцепенении. Что она скажет Белугину? Внутри крутилось сразу несколько стремительных мысленных кругов. Иногда они цеплялись друг за друга, высекая какие-то нервные искры. Она была в отчаянии и одновременно с этим твёрдо знала — вот-вот что-то придумается!

— Лар-рисочка. — Услышала она тихий, почти певучий баритон откуда-то слева. Невысокий, коротко стриженный человек в больших квадратных очках, на губах смутно знакомая улыбка.

— И ты меня тоже не узнаёшь. — Он вздохнул, и по вздоху она его узнала.

— Карапет!

Он снял очки и поклонился со всей своей прежней церемонностью.

— Пойдём в кабинет. — Это был не приступ гостеприимства, хотелось поскорее убраться подальше от внимательных глаз секретарши.

Уселись.

— Рассказывай.

— Что рассказывай, — он опять вздохнул, — сама ведь всё видишь.

И она увидела. На правой стороне головы у Карапета Карапетовича было большое, поросшее короткими волосами, как и весь остальной череп, углубление. На миг Лариса даже отвлеклась от сильнейшей внутренней судороги.

— Операция. Опухоль. Доброкачественная, — успокаивающе замахал руками Карапет. Он ещё рассказал, что написал книгу. Наверно о врачах, подумала Лариса.

— О докторе Гаазе, был такой ещё давно, тогда тюремный доктор.

— Как же, как же. А у нас какими судьбами?

Оказалось, ищет работу. Может быть, ему помогут в прежнем родном доме, потому что нигде больше не берут.

— Ты бы волосы отрастил подлиннее.

— Что?

— А знаешь что, пошли-ка со мной.

Через приоткрытую дверь было слышно, как Саша вбегает в кабинет к шефу и выбегает из него.

Лариса с покорно бредущим вслед Карапетом вышли в коридор, преследовали до лифта.

— Куда мы? — скромно спросил гость.

— Сейчас попадём в “Историю”, — применила Лариса старую-старую шутку, но Карапет не улыбнулся.

Ребров встретил их растерянно. Лариса была его начальницей, а вот её спутник ему сразу не понравился. Настроение его ещё больше ухудшилось, когда он узнал имя этого странного типа.

— Он уже работал у нас в отделе.

— Древнерусской истории, — услужливо сообщил Карапет.

— И теперь хочет обратно. Не обязательно на прежнюю должность.

— Хотя бы простым лектором, — опять улыбнулся Карапет. Лариса по-

думала, что вместе с опухолью у него удалили большую часть самоуверенности, а потом подумала, что нехорошо так думать.

Ребров кивал, кивал.

— А Михаил Михайлович в курсе?

— Если хочешь, спроси у него сам.

Ребров был в сильном затруднении. Он имел по закону полное право на независимую кадровую политику, но бывает ли она вообще где-то независимая политика?

— Карапет Карапетович, идите пока к Галке, попейте чаю, а мы поговорим о деталях.

Он встал, снял очки, посмотрел на благодетельницу долгим, проникновенным, спитакским взглядом. Она ему поощрительно улыбнулась.

— Лектором, Ребров, лектором, он тебя не разорит, тем более что у тебя есть вакансии.

— Вакансии есть, но — лектор без головы!

— Не говори глупостей, удачная трепанация черепа. Не бросать же хорошего человека на улице.

— Ну, я не знаю.

— Может, ты также не знаешь, как выйти на Останкино?

Ребров захлопал глазами, что за пируэт? Чего она явилась? Чего крутит? У него были выходы “на телевизор”, но “только трокси, и только для сэбе”.

— Не жидись, Ребров, не объём.

Он вздохнул.

— Давай, давай, а то я ведь злопамятная. Но ведь и благодарная, ты это знаешь.

Он стал осторожно выпрашивать — для чего ей “телевизор”? Какие именно люди нужны? когда? не скомпрометирует ли эта помощь его самого. Лариса, хоть и без предварительного обдумывания, отвечала очень здраво и собеседника не спугнула.

Ребров понимал, что один номерок он ей дать будет должен, никуда он не денется, но как тогда быть с большим армянином, он что, просто угроза? Типа, купи кирпич! Если приоткроет калитку в “Останкино”, оперированного лектора может отпихнуть? Спросить об этом прямо, конечно, нельзя. Цинизм какой-то. Хотя и очень хочется.

Засовывая бумажку с телефоном в карман брюк, Лариса улыбнулась сбитому с толку руководителю “Истории”.

— Я всегда знала, что ты очень хороший человек.

На лице Реброва появилась растерянная улыбка. Так отменяется армянин или нет?

Заглянув в машбюро, Лариса выпила чаю с Галкой, Тойво и Карапетом, совсем почти как в прежние времена. Сказала — вот да, всё вроде как в былые годы, только не слышно грохота “Ятраней”.

— Компьютеры, — сказал Карапет.

— И по коридорам бродят странные люди.

— Арендаторы, — опять сказал Карапет. Тойво ласково погладил его по той части головы, где у него не было выемки.

— Хороший человек ваш Ребров, он мне твёрдо пообещал, что Карапетика возьмёт на работу, — сказала Лариса.

35

Они сидели в кафе у подножия Останкинской башни. Свою атаку на телевидение Лариса начала с поездки в Малаховку. Она рассчитывала найти там своего старого знакомого Виктора Петровича в деревянной малаховской избе, а нашла черноволосую, неприветливую женщину в двухэтажном каменном тереме. Новая хозяйка с Ларисой говорить отказалась, и той пришлось применить телефон, вырванный у Реброва. После преодоления немалых недоумений ей удалось добиться пропуска в телецентр. Лариса очень смутно представляла себе, с чем ей там придётся столкнуться. Она не очень

надеялась на Виктора Петровича, но больше не на кого было надеяться. Лариса запретила себе задаваться вопросом — что там будет? Посмотрим, как пойдёт. Возможность поражения не признавала.

Репутация “ящика” среди её патриотических друзей была ужасающая — великий разлагатель души народа. “И словно в помойную яму в цветной телевизор глядит” — вспоминалась ей строчка когда-то знаменитого подпольного поэта. И, признаться, она сама держалась той же точки зрения. Но, с другой стороны, ведь тот же Виктор Петрович туда как-то ввинтился и лезит из “ящика” простой народ народными же средствами.

Цель у неё была такая: устроить во что бы то ни стало выступление Белугина по ТВ. По любому каналу, в любой программе, хотя бы в три минуты сюжетец. Это будет её приданое, и одновременно её взнос в банк общего великого дела по обновлению страны. Она понимала — если хочешь по-настоящему привязать к себе мужчину, недостаточно быть ему просто женой, желательно стать ещё и соратницей.

Времени было в обрез.

Во-первых: атмосфера в стране, отчётливый привкус назревающей политической грозы.

Во-вторых, и это даже главное: Белугин находится в опаснейшей стадии переползания из одной хаты в другую. Понятно, это непростое дело: детишки, сомнения, то, сё, и надо ему помочь. Надо сделать процесс необратимым. На запах большой карьерной пользы он поползёт резвее.

Заручившись заветным пропуском, она подготовила легенду для народного лекаря, с помощью которой его можно будет втянуть в более-менее продолжительную беседу. Там посмотрим.

И вот она за столом с человеком, который может ей помочь. И это не Виктор Петрович.

Плоскин, как это принято говорить, практически не изменился с тех пор, когда они виделись в норе Рыбокonia. Только одет был несравненно лучше, хотя и в те давние времена имел немалые вещевые возможности. От него прямо-таки разило респектабельностью: и парфюм, и часы, и очень дорогая улыбка. Он поймал взгляд Ларисы и охотно объяснил, где ему делали зубы, и сколько он за это заплатил. Плоскин сохранил и свою жизнерадостность, был доволен жизнью и не считал нужным это скрывать. Было в этом полнейшем отсутствии ханжества и жеманства даже что-то симпатичное. Или Ларисе хотелось это симпатичное в нем разглядеть, труднее просить о помощи отвратительного тебе человека.

Это он пригласил её сюда, наткнувшись буквально в вестибюле, она ещё даже не успела добраться до редакции Виктора Петровича. Буквально со второго предложения Лариса открыла ему цель приезда. Плоскин радостно выпучил глаза. И сказал только одно: “Не здесь!”

— Не нужно, чтобы нас видели вместе, — объяснил он, когда они уселись друг напротив друга.

— Ты стесняешься?

— Да нет, — поморщился он, — конкуренция. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал слишком рано о моих планах.

— А у тебя уже есть план?

Плоскин плотоядно захихикал.

— Ты ещё рта не успела раскрыть, а я уже всё придумал.

— Да, придумывать ты всегда умел. Как твои, кстати, идеи с переделкой классических киношных сюжетов?

— А-а, это, ну, у меня ещё сорок таких идей, и даже лучше. Но сейчас — не распляться! Сейчас у нас на повестке — генерал Белугин.

Лариса кивнула. Она тоже считала, что сейчас главное — Белугин.

Томная официантка поставила перед ними по стакану свежавыжатого сока и чашке кофе, Плоскин обмакнул губы в сок.

— Послезавтра у Киселёва.

Это настолько превосходило представления Ларисы об успехе, что она нахмурилась. Издевается.

— Только одно условие. — Плоскин сделался серьёзен.

Не издевается.

— Всё должно выглядеть так, будто Белугин позвонил прямо в студию, и его появление должно выглядеть как экспромт. Ты хочешь спросить, для чего это нам надо?

— Ну-у...

— Вот и не заморачивайся. Очень короткий, но очень плодотворный союз, вот наша цель. Если хочешь, я тебе даже немножко заплачу.

Ларису вполне устраивало то, что ей самой ничего не нужно платить, поэтому она гордо дёрнула щекой в знак отказа — не возьму ни копейки.

Плюскин явно обрадовался, Лариса это заметила и почувствовала себя немного увереннее, а то собеседник слишком уж превосходил её в этой истории, жадность его как-то очеловечивала.

Детали оговорили быстро. Сок был допит, кстати, замечательно вкусный. Официантка принесла счёт. Надо было как-то выходить из разговора.

— Послушай, а как там... ну, Руля, другие? Я ведь отошла как-то.

Плюскин был погружен в исследование предъявленных ему цифр.

— Рауль? Убили. Зарезал Абдулла.

Лариса решила помолчать, пусть объяснит, что имеется в виду. Он, наконец, разделавшись с финансовой стороной дела, вновь посмотрел на собеседницу.

— Что, не поняла? Рауль, ты помнишь, пошёл в бизнес, как и все, где-то там не рассчитал, не у того взял деньги, не тому отдал. И его в самом прямом смысле зарезал человек по имени Абдулла. Прямо, если хочешь, кино какое-то.

Лариса смотрела в свою пустую кофейную чашку, как будто что-то высматривая в разводах гущи. Получалось гадание наоборот, в прошлое. Вообще-то она считала, что вполне равнодушна к судьбе этого человека, однако же откуда эта растерянность, эта протрация?

— Послушай, а я тебя и не спросил, ты чего в Останкино притащилась? Я тебя не сорвал с важной встречи?

Услышав объяснение, Плюскин очень развеселился.

— А откуда ты его знаешь, дядю Витю?

— Ты что, забыл? Нас Питирим туда привёз со Сретенки. От Рыбы.

— А-а, вспоминаю, да. Люберецкие пещеры. Или Малаховские. Если бы мне тогда рассказали про его нынешние карьеры, я бы даже и смеяться не стал.

Лариса оторвалась от чашки.

— Да, расскажи, каким образом он тут? Менее телевизионного человека я себе не представляю.

— А всё просто, знаешь загадку: что такое еврейка? это не жена, а средство передвижения. Где-то он надёбал себе свою Фиру, впрочем, знаю где. Она пришла к нему лечиться, и он, как это ни удивительно, ей сильно помог. А у неё — связи. И сообразительный ум. Отмыла, постригла, показала кому надо. Натура, фактура. И вот тебе на — царит Виктор Петрович на медицинской волне. Хотя он отнюдь не держатель капитала.

Лариса задумчиво крутила стакан с салфетками.

— Да, забавно. Как судьба крутит-вертит людьми. Рулю зарезали. А помнишь, тогда с нами ещё были Питирим, Энгельс...

Плюскин прищурился, припоминая.

— Спились, небось, очень уж они всегда налегали.

— Да нет. Питирим, представляешь, в монастырь ушёл. Совсем. Даже родственникам не приехать.

— Ух ты!

— А Энгельс грибоварню открыл в Тверской области, экологически чистый теперь совсем. Звонил недавно, в гости зовёт.

Плюскин заметно посмотрел на часы, было понятно, что внезапно возникшую ностальгическую ноту он не подхватит. Лариса кивнула.

— Так мы договорились?

— Ещё как.

Белугин выслушал известие о возможности прорваться на голубой экран в лучшее время, в самую козырную информационную программу молча и ещё потом молчал какое-то время. Его можно было понять — слишком серьёзное дело. Спросил:

— Как тебе это удалось?

— Старые связи, — небрежно, но и многозначительно произнесла Лариса. Незачем нашему дорогому вояке знать, из какого сора растут розы таких достижений.

Белугин спросил:

— Когда?

— Послезавтра. Прямой эфир. Послушай, ты так молчишь, как будто сомневаешься, что это правда.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Белугин, чуть обнажив зубы, и Лариса в очередной раз подумала, что в этой улыбке есть что-то вдохновляюще хищное. А то в стране засилье травоядных мужиков.

Но тут её кольнула одна мысль:

— Стой, а может, ты не хочешь?

Генерал медленно повернулся к ней, ни один мускул на его лице не дрогнул, взгляд был спокойный до почти неприятной степени. Вылитый римлянин перед Рубиконом.

— Я выступлю.

36

Штабом проведения операции назначен был кабинет Ларисы. Это было удобно во всех отношениях. От здания ЦБПЗ до телецентра можно было за пятнадцать минут дойти пешком. Ну, максимум за двадцать. В кабинете был телефон, чтобы позвонить в киселёвскую программу (заветный номерок Лариса держала в нагрудном кармашке у сердца), в кабинете был телевизор, по которому можно будет увидеть и услышать историческое выступление Белугина. В тот же самый кабинет можно будет назвать народу, всех тех, кому будет интересно и полезно послушать генерала. Кроме того, Лариса обязана была находиться в этот день на рабочем месте, потому что именно на этот день Михаил Михайлович назначил свою дебильную конференцию.

Белугин явился с Агапеевой. Куда же от неё денешься! Но ещё до их приезда Лариса провела один неприятный, а главное, очень странный разговор с Лионом Ивановичем. Вернее, с его квартирой. После последнего свидания со стариком прошёл целый месяц — да нет, полтора уже. За делами и тревогами дни летят быстро, а сынок так и не явился с личной просьбой. Лариса решила махнуть рукой на дурацкую свою гордость. Мать я, в конце концов, или не мать?! Два года в казарме слишком тяжкое наказание за глупую мальчишескую гордыню.

Трубку сняла какая-то дева с расслабленным, замедленным голосом.

— Где Егор?

Голос туповато задумался.

— Ладно, где Лион Иванович?

Дева поведала: была “скорая”, старику сделали укол, он сейчас спит.

— Ладно, будить не надо. Кстати, а вы кто такая?

На том конце провода мялись. Какая отвратительно размазанная интонация!

— Ладно, и так всё понятно.

Лариса бросила трубку и хмыкнула. Вот старый чертяка, он всё тот же. Лариса вспомнила, как он рассказывал историю про своего друга, старика-любовника, знаменитого сценариста, который, уже лежа в предсмертной позе, просил навещающих его поэтесс сесть на краешек кровати и норовил уже высохшей лапкой цапнуть за колено. Так вот я, говорил Лион Иванович, и в таком состоянии не ограничусь коленом, учтите. Доигрался.

Лариса решила, что сразу после передачи сгоняет к старику. Обязательно!

Солдатские матери стали собираться к концу рабочего дня, они бродили по “направлениям”, их знакомили с работой ЦБПЗ, они высказывали свои чудовищные по своей нелепости пожелания в рассуждении улучшения этой работы. Ощущение ненужного, нелепого, но неотвратимого праздника охватило здание. Лидеры движения клубились в предбаннике и кабинете Михаила Михайловича. Старик — Лариса несколько раз заглядывала к нему — был и польщён таким женским напором, и подавлен. Было видно, что ему нравится его новая либеральная роль, но бросалось в глаза, что он смущён масштабом и интенсивностью события.

Камеры с двух телеканалов, деловитые пареньки в джинсах, провода по полу, жаркие осветительные устройства.

Увидев телевизионщиков, Лариса усмехнулась и едва удержалась от совета обратить сегодня внимание на одну аналитическую вечернюю программу. Вот там будет картинка так картинка.

С решительными деловитыми мамами она была холодно приветлива, Михаил Михайлович и за это был ей благодарен. Эта конференция сама по себе была почти политическим скандалом, он знал, что её очень по-разному оценивают в верхах, так зачем ему всякие местные водовороты. Увидев Белугина в форме, бывший морпех схватился за сердце. Вообразил, что Лариса лишь притворялась лояльной. Потребовал заместительницу к себе. Бледная Саша сообщила об этом. Лариса улыбнулась ей.

— Конечно. Но учтите, Саша, сколько бы у вас там ни собралось тёток, моим гостям тоже нужен кофе.

Михаил Михайлович встретил её в предбаннике и повлёк за локоть куда-то в сторону и там зашипел своими огромными губами, что “никаких военных”, что генерал не будет выступать.

— Будет, — улыбнулась Лариса, любуясь тем, как отваливается челюсть у начальника. — Но не здесь.

— Что значит...

— Я имею в виду, что он не будет выступать у вас. Это частный визит. Если, пардон, не хотите, я тоже могу не участвовать.

Шеф охотно бы принял этот самоотвод, но он помнил, что сам приказывал — быть готовой. Надо быть последовательным. И потом, она подумает, что он её боится.

— Нет. Вы должны выступить обязательно. Вы мой зам.

— Хорошо.

Агапеева уже разбавляла кофе коньяком. Белугин пил чай.

— Лара, так где же твой Егорка? Призыв заканчивается.

— Да, Гапа, да, только разгрёбуть тут с делами. Меня, признаться, сейчас больше старший волнует, чем малый.

И она рассказала историю про дядю Ли. Агапеева очень смеялась. Белугин смотрел в уже потемневшее окно. От горячего дыхания на стекле появлялись кратковременные белёсые следы.

Отсмеявшись, Гапа ещё раз напомнила, что если мальчик не хочет в армию, то пусть уж проявит чуть рвения. Времена переменчивые, кто знает, где мы будем через полгода.

— Спасибо, Гапочка.

— Пора, — сказал Белугин.

Лариса набрала полученный от Плоскина номер и передала трубку генералу.

— Да, это я, — сказал он в неё. Потом несколько раз кивнул, запоминая указания. — Буду через полчаса. Да.

Лариса проводила его до первого этажа, перекрестила.

— Я не верующий.

— Бог всё равно на нашей стороне.

По пути на десятый этаж к телевизору заглянула на двадцатый, там как раз начиналось. Что-то противоестественное было в облике этого собрания. Одни женщины. Мужчины присутствовали только в виде обслуживающего персонала — стояли за телекамерами.

Впрочем, в президиуме высилась одна чёрная фигура — шеф. Он стоял в позе человека, складывающего свои гендерные полномочия. Мы, белые мужчины, видите ли, не справились со сложностями этого мира, теперь давайте вы, братья наши женщины. И вообще, мне, мол, нравится новый лозунг наступающего дня: “Все люди — сестры!”. Речь по своей возвышенной сбивчивости соответствовала импозантно-покорному облику. Соседки по президиуму кивали с видом скорбного самодовольства. Лариса сплюнула и поехала вниз.

Достала из сейфа две бутылки коньяка и тарелки с уже нарезанным сыром и колбасой. Две банки маслин. Подтащила к себе телефон. По внутреннему вызвала “Историю”. Прокопенко получил приказ подниматься на десятый этаж, “со всеми, кто там есть”. Народу после окончания рабочего дня оказалось на местах немало. И Волчок, и Бабич с каким-то очень толстым парнем, и Милован даже, и Карапет.

Что за событие, интересовались сотрудники. Лариса загадочно отвечала, что скоро всё поймёте. Милован церемонно целовал руку Гапе, был очень благодарен за отмазанного от армии сына.

Две бутылки кончились мгновенно. Лариса достала кошелек, толстяк согласился сбежать за добавкой.

— Кто это? — спросила Лариса Бабича, когда он со всей своей шестипудовой грациозностью выпорхнул за дверь. Бабич оскорблённо удивился.

— Ты что, не узнала? Это же брат. — И напомнил о давнишней поездке в подмосковную часть.

— Так это он? Что с ним?

— Его тогда перевели в хлеборезы. А там же не только хлеб. И сахар, и масло. Набрал вес. Ожирение.

— Вот, — сказала Агапеева, — нельзя детей в армию посылать, они там пухнут не от голода.

— Гапа! — недовольно поморщилась Лариса. Ей этот разговор был неприятен.

— Я знаю, ты любишь военные марши.

— Гапа! — Теперь голос был тише, но сотрудницу минобороны проняло, несмотря на весь коньяк. Она перестала шутить в сторону хозяйки кабинета.

— А у нас в деревне парень, что не служил, и жинку себе бы не нашёл, — сказал Прокопенко. Он знал, что Милована это высказывание заденет не очень, зато понравится Ларисе. Но оно не понравилось. Ей вообще было почему-то противно распознание этой темы. Слишком много её. И ошалевшие от своего пацифизма военмамы на двадцатом этаже, и жирный крестник, умчавшийся в магазин, и белый билет сына. Как-то всё это не увязывалось во что-то единое, здоровое. Но дождёмся выступления генерала, и будет вам идейный камертон, и весь этот хихикающий хаос сразу притихнет.

Заглянула Саша и сказала, что шеф напоминает Ларисе Николаевне о её выступлении.

Прибежал хлеборез.

Бабич включил телевизор по приказу хозяйки кабинета.

— Он не хочет, чтобы я выступала, — сказала Лариса презрительно. Почему ты так думаешь, поинтересовалось сразу несколько гостей.

— Знаю. Несчастный вывернутый человек, всё делает назло себе. Я ему давно поперёк горла, и именно поэтому он меня никогда не выгонит. Да и побоится. Не знаю почему, но многие из фронтовиков оказались такими трусами в мирной жизни. Видимо, под пулями проще, чем сказать что-то человеку в глаза.

— Не знаю, не была под пулями. Под офицерами была, а вот под пулями... Спасибо, Милок.

Милован как раз повернулся к ней со сложно построенным бутербродом. Обычно благосклонная к фривольностям и флирту, Лариса почти вспыхнула при виде этого акта невинного ухажёрства. Она внутренне одёргивала себя — ничего-ничего, уже скоро, уже совсем скоро. Всё станет на свои места!

— Хватит вам!

— Не поняла, — сказала Гапа.

На экране рядом с привычно озабоченным Евгением Киселёвым появился генерал Белугин. Все, даже ироничный Милован, повернулись к “ящику”.

Киселёв в своей замедленной, преувеличенно серьёзной манере обрисовывал обстоятельства данного внезапного визита. Поползли, мол, где-то слухи, что готовится чуть ли не самая настоящая вооружённая акция против лиц и установлений действующего режима, и некоторые горячие головы готовы бросить обвинение конкретным людям и организациям. И вот сейчас у нас в студии генерал Белугин, не понаслышке знающий положение дел в определённой среде, в военном сообществе, скажет, насколько эти слухи обоснованы.

Лариса вся подобралась, внутри у неё вспыхнул бесшумный пламень, глаза, и не только глаза излучали свет победоносной уверенности. На неё было смотреть намного интереснее, чем на экран. Там лишённый фуражки Белугин медленно, ещё медленнее Киселёва, произнося слова, уверял, что существующие, да, существующие, организации патриотического офицерства ни в коем случае не помышляют об актах прямого насилия и вообще какого бы то ни было нарушения закона. Только сумасшедшие и провокаторы могут возводить на здоровые силы, связанные с министерством обороны и службой безопасности, такие обвинения.

Она не знала, какой задумывалась эта речь, генерал, как известно, являлся человеком слишком в себе, но Лариса чувствовала, что звучат не совсем те слова, не те формулировки, которых ей хотелось бы ожидать.

Самое первое впечатление — Белугин не убедителен. Нет, он играет выправкой и римскими морщинами, он не суетится словесно и улыбается скорее снисходительно, чем заискивающе. Но что он несёт?

То есть как, никаких актов сопротивления?

То есть как, абсолютное подчинение закону и режиму? Это какому режиму? Это какому закону? Грабительскому закону и предательскому режиму?!

Киселёв удовлетворенно кивал.

— Так, значит, вы можете сейчас официально утверждать, что все эти силы, о которых шла речь, лояльны власти?

Белугин посмотрел в камеру, едва заметно дёрнул щекой и чуть кивнул.

— Лояльны.

Все собравшиеся повернулись к Ларисе. Никто не был до такой уж степени в курсе внутренних механизмов этой ситуации, и никакой немой сцены быть не могло. Однако какие-то недоумения образовались. Зачем мы были позваны? Только ради выпивки и генеральского бенефиса? Лариса сидела молча и тихо гадала. И чувствовала себя мгновенно замурованной в огромной глыбе несчастья и стыда. Так продолжалось несколько очень длинных секунд. И главное, не было понятно — как это прекратить? Всяческие словесные объяснения были невозможны, унизиться до этого она не могла. Но и другого выхода из этого немого кошмара не было.

Помощь поступила из неожиданного и, в общем-то, отвратительного источника. В кабинет заглянула искажённая страхом быть обрутанной Саша и сообщила, что Михаил Михайлович снова напоминает: надо бы выступить, Лариса Николаевна, “если хотите”.

Это был выход в прямом смысле слова.

Лариса резко встала и пошла вон из кабинета. Какое облегчение — не объяснять ничего! Гапа кинулась за ней. Она единственная знала всю подоплёку ситуации, её жгло любопытство — что теперь будет делать подружка, после того как из-под неё настолько выбили табуретку. Вид агонии — самое знобящее зрелище. Гапа даже отказалась от обещающего флирта с Милованом. Сам он от него отказываться не стал и потянулся вслед за армейской красоткой. Это уже напоминало начало культпохода. Прокопенко, Бабич, Волчок также стали подниматься. Только хлебобрез остался. Его проблемы военных матерей совершенно не интересовали.

Лариса вошла в президиум, когда на трибуне разливалась крупная тётка с халой, чудовищным крашеным ртом и опухшими глазами от непрерыв-

ного горевания над проблемой: мальчик в армии. Она рассказывала историю, принципиально не связанную с её ребенком, всё-таки спасённым её усилиями от кошмара военных действий под Аргуном. Она уничтожала какого-то подполковника, сбывавшего не только солдату боевикам, но и заставлявшего доставлять её вражеским покупателям не кого-нибудь, а своих бойцов. Что кончилось плохо. Из очередного выезда с товаром пара солдатиков не вернулась.

Зал не гудел от возмущения, такие истории не были тут ни для кого новостью или открытием. Он стал многочисленно ворочаться, когда речь пошла о поведении центральных ведомств, к которым выступавшая обратилась с сообщением о преступном подполковнике. Её отпихивали все, кто только мог. Ей говорили — чего вы лезете! Ваш-то сын цел и почти невредим. Вам что, больше всех надо?

— Может быть, мне надо не больше всех, но мне надо много! Мне надо, чтобы моя родина не использовала своих детей как пушечный фарш, чтобы она не торговала ими как рабами. И чтобы она не защищала преступников, которые питаются жизнями и здоровьем наших детей!

Лариса подняла голову и покосилась в сторону говорившей. Она собиралась отсидеться в недрах президиума и уже сделала знак Михаилу Михайловичу, чтобы он пока её не выкликал в ораторы. Ей надо было как-то примкнуться к обрушившемуся горю. А ведь это именно горе. Она потеряла не только соратника и идейную перспективу. Она потеряла мужчину, ибо как же входить в брак с человеком, который оказался тряпкой и предателем. Он явится, скоро явится сюда, и даже если бросится в ноги... Нет, он притащится прямо в кровать, он, как и все мужички, уверен, что, снавав тётку за задницу, он всегда повернёт её туда, куда ему надо. Тыловая крыса! А как многозначительно вёл себя, какие молчаливые намёки производил, ведь за спиной его многозначительного генеральского молчания мерещилась такая машина... Эта гора не родила даже мышь!

И вот, сидя на дне этого отчаянного колодца, она услышала про преступного подполковника.

— Честь мундира, пресловутая честь мундира. Они защищали его не потому, что им было лень или страшно взяться за него, они, эти московские паркетные полководцы, защищали его потому, что они сами точно такие же по сути. Окажись на месте этого подполковника, они тоже повели бы себя как рабовладельцы. Они защищали себя, своё право пожирать молодые мальчишеские жизни только потому, что за мальчишек некому заступиться. И я прихожу к выводу, что нет ничего на свете более грязного, чем пресловутая “честь мундира”. Мундир этот смертельно перепачкан в грязи и в крови. А мы, матери наших сыновей, сделаем всё, чтобы их миновала и эта кровь, и эта грязь!

Не говоря ни слова, не делая никаких знаков шефу, Лариса встала и пошла к трибуне, с которой под треск аплодисментов и блеск фотовспышек убывала ораторша. Шеф раздражённо жевал выдающимися губами. Никак она не может без своих выходов!

Лариса осмотрела зал, отсюда с трибуны он казался ей ещё более враждебным, чем из президиума. Она грустно улыбнулась, не зная, что улыбается, и представилась. Потом начала:

— Я дочь офицера.

В задних рядах вспорхнул смешок. Гапа? Подруга сховалась за впереди сидящую спину, но была безжалостно идентифицирована подругой. А ведь мама была права, не любит она меня, мелькнула мысль.

— И всегда гордилась этим. Мой отец всего лишь капитан, но даже если бы он был подполковником, он не стал бы, я в этом уверена, делать того, о чём здесь рассказывалось. Этот рассказ... — она сделала паузу, давая время залу окончательно сконцентрироваться на своей фигуре. Их дежурный, катящийся по раз и навсегда проложенным рельсам, митинг сейчас пойдёт под откос. — Этот рассказ вызвал у меня отвращение. И не фигурой подполковника, хотя она, конечно, отвратительна. У меня вызвало отвращение ваше единодушное, примитивно бабье, духовно убогое отношение к воинству своей страны. Я не буду вам повторять общеизвестное: не хочешь

кормить свою армию, будешь кормить чужую, ибо совсем не в жратве здесь дело. Хотя лучше, разумеется, чтобы солдат был сыт. Это понимали матери Великой Отечественной, которые своим недоеданием, своими голодными обмороками спасали воюющего мужчину. Женщина-мать — это часть народа, священная и нежнейшая, но не весь смысл народа в ней. Ей дано великое право, иногда перемешанное с огромным горем — отдать своего мальчика, своего ребёнка Родине. Родина тоже баба, и чтобы самой не орудовать, она назначает для кровавых военных дел государя, или государство.

Сидящие в зале начали потихоньку гудеть и переглядываться. Михаил Михайлович обхватил голову руками и выдохнул так, что зашевелились листки на столе перед ним.

— Мир не ограничивается вашей юбкой, под которой вы хотели бы сбегать ребёнка. Да, в реальной армии, тем более в воюющей армии до черта всякой мерзости и преступлений. Но война сейчас единственный способ сохраниться нам как стране.

— Хватит! — взвизгнула дама в восьмом ряду. — Хватит этой демагогии.

— В армии, тем более в воюющей армии полно сволочей, но то, что делаете вы, ещё грязнее и подлее, чем то, что там порой бывает. Вы сейчас отвратительны и вредны не только с точки зрения московских генералов, я знаю эту подлую породу не хуже вас. — Лариса увидела, как Гапа закрывает рот ладонями, чтобы не рассмеяться. — Вы, разваливая армию и страну, вы, потерявшие детей, вы теперь окончательно убиваете их. Сейчас они лежат в могилах, как герои своей родины, а вы хотите низвести их до состояния бессмысленно погребенного, проклятого праха.

— Да прекратится это когда-нибудь!

— Она что, с ума сошла!

— Да ну её, дура какая-то истеричная!

В восьмом ряду поднялась маленькая белокурая женщина с короткой, мальчишеской стрижкой и заплаканными глазами, но заговорила почти спокойно.

— Скажите, мадам, а у вас есть дети?

Зал резко стих.

— У меня есть сын.

— Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

По залу пронёсся свист нехорошего предвкушения — ну-ка, ну-ка!

— Он, конечно, учится в институте?

— Нет.

— Он освобождён от службы в вооружённых силах по состоянию здоровья?

Лариса помедлила немного и сказала медленно, глядя прямо в глаза следовательнице из зала:

— Нет.

— Может быть, ваш сын находится в армии?

— Мой сын не просто находится в армии, он находится в зоне боевых действий.

Из зала раздались голоса сразу нескольких следовательниц, пытавшихся уличить её. Они утверждали, что восемнадцатилетнего новобранца нельзя отправлять воевать, поэтому выступающая лжёт. Другие кричали, что если дело обстоит так, как она рассказала, то они ей помогут “вытащить мальчика” из мясорубки, в которую его незаконно запихнули. В общем, желающие уличить Ларису столкнулись с желающими уесть Минобороны. Лариса отошла от трибуны и, не занимая места в президиуме, вышла из зала.

Подруга рванула за ней с недоумённым лицом. В лифте они оказались вдвоём, дав закрыться механическим дверям перед физиономиями подбегающих Прокопенки и Бабича.

Лариса внимательно смотрела на Агапееву, та изо всех сил делала вид, что всё в порядке. Её очень раздражало то, что она не замечала в подруге никаких следов переживаемого позора. Попасть в такую гадскую кашу там,

на трибуне, и при этом смотреть с таким повелительным превосходством. Вот, блин, натура! Другая бы прятала глаза и унинительно оправдывалась за беспредельное своё вранье. А эта... Этого терпеть было нельзя, надо было гордую девушку как-то срезать. У госпожи Агапеевой имелась в заглазнике одна очень острая бритва, но сейчас было как-то не с руки её выхватывать, надо сначала подвести разговор к нужному месту. И она решила начать с мелкой пакости.

— Так я не поняла, как мне быть с Егором, он не идёт служить, или теперь уже идёт?

Лариса не ответила на этот вопрос и даже не расценила его как враждебный. Она была собрана и нацелена по другому поводу. Она была убеждена, что Белугин уже на месте. Не стал ждать ночного домашнего объяснения. От Останкино ходьбы до ЦБПЗ всего двадцать минут. Сидит, небось, напивается в предвкушении разбора телевизионных полётов. В голове у Ларисы была уже совершенно готова схема словесного его уничтожения. Начать надо будет с того, сколько она должна товарищу генерал-прорабу за косметический ремонт в их однокомнатном гнездышке? Ведь не на содержании же она у него была!

Пересекла предбанник решительным шагом и резко открыла дверь. В кабинете был один младший Бабич, он сидел в кресле хозяйки со стаканом в одной руке и толстым бутербродом в другой и, кажется, вполне наслаждался жизнью. Увидав Ларису, стал бормотать извинения переполненным ртом. Гапа из-за спины подруги указала ему на дверь, ей он тоже мешал. Лариса подошла к окну, к тому месту, на которое давеча дышал своим предательством Белугин, готовясь к историческому броску в прямой эфир.

— Так я не поняла, мне насчёт Егора... — начала было Гапа, но сразу почувствовала, что это не тот разговор, и запнулась.

— Ну, что ты мне хочешь о нём рассказать? Я же вижу, ты всё знаешь. Гапа села, налила себе выпить.

— Что я хочу рассказать? — Выпила. — Что люди не меняются. Лет двенадцать назад, Ларочка, я была в таком же положении, как ты теперь. Нет, хуже. Я была с брюхом, и Белугин от меня сбежал к своей мегерке. Теперь у меня растёт дочь, как две капли воды...

— Так вот почему ты всё время терлась рядышком.

— Да, он по-прежнему для меня... хотя я понимаю, что он полное чмо. Но у нас империя зла, полюбишь и козла. Так тогда говорили. Хотелось хоть как-нибудь участвовать в его жизни.

Лариса села в своё кресло.

— Ты не всё мне рассказала.

Гапа снова налила себе и выпила залпом, закусила особо кислой долькой лимона.

— Да что тут ещё рассказывать. Был момент, когда я испугалась, что ты его всё-таки переделала, я имею в виду тот случай с Чапаевым. Ради меня он таким творчеством не занимался.

Лариса продолжала смотреть на неё проникающим взглядом.

Гапа опять потянулась к бутылке. Подняла и вдруг со стуком поставила её на стол.

— Он сюда не придёт. Сегодня уедет. С семейством, на юг.

Она подняла взгляд на часы, висевшие на стене.

— Поезд минут через тридцать. Курский вокзал. Симферополь. Я видела конверт с билетами в предбаннике в министерстве, когда курьер принёс.

Лариса резко встала, рванулась к шкафу, выдернула из него пальто и сумку. Проверила, паспорт был на месте. Быстро сбросила туфли, двумя снайперски точными движениями вставила ноги в свои полусапожки.

— Давай деньги!

Гапа с облегчением выпотрошила кошелёк на стол перед нею.

— Проследи, чтобы тут убрали и закрой дверь.

— Ларочка извини, ну, сука, я сука, сама знаю!

Когда Лариса выбежала, госпожа Агапеева села и тихо, тоскливо заплакала.

Когда местные мужики ввалились в кабинет и полезли за объяснениями, что да почему, и правда ли, что... Гапа, промакивая безнадежно поплывшие глаза, прошипела:

— Пошли вы все вон, козлы!

37

Улица Огинского была отделена от реки влажной асфальтовой набережной. Лариса шла медленно, поглядывая по сторонам. Слева — одноэтажные деревянные домики за серым штакетником, мокрые крыши, остовы парников, как скелеты динозавров, маленькие окна, до половины затянутые блёклыми занавесками. Перевернутые лодки почти в каждом дворе. Справа — Щара, покрытая рваными клоками тумана, с наклонно торчащими в сторону воды вёслами. Над всем этим провинциальное белорусское, но без единого аиста небо. Одно лишь создавало эмоциональную интригу — полнейшее отсутствие людей, а ведь три часа дня. Хоть бы собака пробежала. Тонко, сладко и всё время щемит сердце. Огинский, где твой полонез?

Стоило ей только остановиться, как из туманной толщи, почти прилипшей к воде, с беззвучной и крылатой лихостью вылетела байдарка-двойка и пронеслась мимо, мощно и цепко хватая четырьмя лопастями ласково поблёскивающую воду.

Надуманное очарование рухнуло. Город Слоним не погиб в дальних закоулках её столичной памяти, он деловито позиционировал себя как центр гребного спорта.

До бабушкиной калитки было два шага. У неё во дворе не было перевернутой лодки и парникового скелета. Что и понятно, Виктория Владимировна уже более года как не вставала с постели. Нанятая на Ларисины деньги женщина ходила за ней, и, кажется, как следует, отметила про себя внука, пройдя через чистые сенцы, оглядев пребывающую в полной аккуратности кухню.

Виктория Владимировна лежала в комнате с закрытыми шторами, на широкой кровати с никелированными спинками. Рядом с кроватью небольшой круглый стол с толпой пузырьков и медицинских коробок. Старуха лежала величественно, на двух огромных свежих подушках, хорошо причёсанная, и в комнате не было того жирно-карамельного духа, что поселяется в жилищах даже здоровых стариков.

Увидев внучку, Виктория Владимировна улыбнулась сухими губами, при этом выражение глубоко запавших чёрных глаз было неразличимо, отчего общее впечатление было приветливо зловещим.

Лариса расцеловала бабулю, села у кровати. Последовали обычные вопросы: как себя чувствуешь? и т. д.

— У меня ничего не болит, — сказала Виктория Владимировна. — Ты бы поела, Стася драники сделала.

Лариса подчинилась, пошла на кухню, взяла из зелёного эмалированного ведра солёный огурец и вернулась к кровати.

— Ты надолго?

— Это неважно. В том смысле, что уже неважно.

— Не понимаю.

— А что тут понимать. Тебе ведь тут скучно. Одной.

Виктория Владимировна ответила не сразу.

— Мне не бывает скучно, мне бывает тоскливо.

— Вот видишь.

— Ко мне никто не приходит.

Разговор был прерван появлением Стаси. Она жила через два дома, домохозяйничала при муже шофёре. Крупная, говорливая, добродушная, чистоплотная тётка. Она заставила гостью поесть как следует, с разогретым супом, драниками на сале, растворимым кофе. Ларисе очень хотелось послать её как-нибудь вежливым образом, но было понятно, что это невозможно. Пока внучка ела, Стася длинно и подробно отчитывалась о бабушкиных денеж-

ных делах. Плата за свет, за то, за сё, денежки с почты, пенсия. Оказалось, что беглый офицер Стебельков, узнав о состоянии своей бывшей, разразился небольшим пенсионом.

— Какой молодец, небось от детей отрывает.

— Да, — Стася не считала нужным понимать какую бы то ни было иронию, — у няго тры хлопца.

А служил он теперь под Минском.

Раньше раз в месяц приходил перевод из Москвы, теперь десятого, как обычно, его не было. Дядя Ли, догадалась внучка. Что-то с ним случилось. Совсем забросила старичка. Нехорошо.

Доктор ходит и говорит, что всё стабильно. Стася зажгла настольную лампу, включила телевизор и, наконец, убыла, пообещав ещё заглянуть.

— Выключи, — попросила Виктория Владимировна. Лариса поняла, что ни лампы, ни телевизора не надо.

— Я всегда её прошу не включать, а она всегда забывает, — вздохнула бабушка и добавила: — Она хорошая.

Лариса снова села у ложа.

— Ко мне никто не ходит, потому что никто не любит.

— Ну что ты глупости говоришь, вон, даже деньги шлют.

— Мужчины рано умирают, а подруг у меня никогда не было.

— Вот! В самую точку.

— В какую точку?

— Сейчас объясню. Со мной, понимаешь, кое-что произошло. Никогда бы не подумала, что со мной такое вообще возможно.

— Влюбилась?

Лариса хрипло засмеялась и сразу же закашлялась.

— Ну, ты скажешь. Стала бы я с такой новостью сюда мчаться.

— Любовь единственная новость, которая всегда нова.

— Ты знаешь, я Пастернака-то не очень...

— При чём здесь Пастернак, это я так думаю.

Допив остатки Стасино кофе, внучка продолжила.

— Семья, вот что главное. Родственники, близкие, дом, большой дом, где всем будет хорошо и спокойно. Где не надо будет думать, придёт кто-то чужой тебя навестить или не придёт. Вот, созрела, и учителя были хорошие. Мне это один генерал объяснил.

— Какой генерал?

— Да уже никакой. Был, да сплыл на юг с семейством. Удрал. Даже в глаза не смогла посмотреть. Думала, сдохну прямо там, на вокзале, когда его поезд... Ничего, однако. Переехала на другой вокзал — и к тебе. Поживу у тебя недельку-две. Соберёмся — и в Путовичино. Вторую половину дома там я куплю.

Виктория Владимировна закрыла глаза.

— Ерунда всё это, дочка.

Ларисе очень нравилось, когда бабушка её так называла. Она чувствовала себя частично именно дочерью это мощной старухи.

— Не бойся, не бойся, с Ниной Семёновной я договорюсь. Куда она денется. Сначала она покочевряжится, но против главной мысли куда же ей спорить. Семья это семья. Как мне прикажете быть? Я и её люблю, и тебя. Ну, была у вас глупость с отцом, но ведь уже тридцать лет прошло, тридцать почти! Все мы другие стали, больные, несчастные. И, если вдуматься, а я вдумывалась, почему это только ты виновата? А товарищ капитан чистенький? Почему это? Почему с него спросу нет никакого? Напрыгнул на тещу и в кусты!

— Ладно тебе, — строго сказала Виктория Владимировна.

Лариса тонкими пальцами тёрла давным-давно раненную щеку.

— Ты знаешь, в тот день, ну, когда у вас был скандал, когда мама вас застала, помнишь, конечно, у меня ведь тоже было, так сказать, приключение.

— Что? — не поняла Виктория Владимировна, и её не сразу удалось вернуть в тот замечательный майский день. Лариса во всех красках распи-

сала историю с человеком в олимпийской рубашке, заманившим беззаботную третьеклассницу в холодную кочегарку.

— Вот когда он стал уже там что-то расстёгивать, я стояла и молчала, мне было просто интересно, а потом даже засмеялась, вот думаю, дурак! А с ним внезапно — приступ! Он вдруг разрыдался, стал хвататься за стену, кулаками в неё бить, что-то кричал, какие-то слова то понятные, то непонятные, толкнул дверь и убежал. Никогда его больше не видела, хотя городок маленький. И тогда ничего не поняла, само собой. Кинулась к вам, а вам не до меня. Потом уж стала соображать, что к чему. И к мужчинам у меня с тех пор отношение, как бы это сказать, презрительное, что ли. Дрянь бесхребетная. Даже совратить толком не могут.

— А почему ты ничего мне не рассказала?

— Я же говорю — хотела, только всем было не до меня в тот момент. А потом как-то заигралось, пару раз вертелось уже на языке, но всё трудней и трудней было заговорить об этом. А потом мы в Гродно уехали, и всё осталось как бы в другой жизни.

Виктория Владимировна вздохнула, закрыла глаза.

— Я никуда не поеду.

— Не говори глупостей, я уже всё продумала: до вокзала на “скорой”, дальше “эсвэ”, я буду при тебе, дальше опять “скорая”. Госпиталь даёт.

— Послушай, дочка, — Виктория Владимировна пошевелилась всем своим большим телом. — Извини, я буду говорить с пафосом.

— Говори с чем хочешь.

— Понимаешь, я прожила жизнь по определённым правилам, хотя со стороны казалось, что, наоборот, только и делала, что правила нарушала, разрушала семьи, кого-то уводила. Ну, что теперь об этом. Но всегда я заботилась об одном, о главном — никому не навязываться, не быть в тягость. Это единственное, что для меня непереносимо. Так вот, я знаю, что Нина ничего не забыла и ничего не простила.

— Я понимаю.

— Ну, раз понимаешь, значит, понимаешь.

Лариса встала, сходила на кухню, развела себе ещё растворимого кофе. Села молча рядом с кроватью Виктории Владимировны. Было очень тихо. Тишина в комнате была прямой родственницей той, что стояла снаружи. Пробежавший по улице мальчишка её не нарушил. Проехавший “запорожец” тоже.

— Ты что, плачешь, дочка?

Виктория Владимировна медленно перекатила по подушке свою большую голову с немигающими глазами.

Лариса сидела на стуле, неестественно выпрямив спину, выставив перед собой дымящуюся чашку, на её щеках поблёскивали длинные мокрые полосы. И ни единого звука.

— Да что с тобой?

Внучка кончиком языка стащила с верхней губы большую слёзную каплю. — Ты понимаешь, я всю жизнь как побитая собака. Собака, которую гонят со двора.

— Что?

— Тыкаюсь им в ноги, тыкаюсь, а они всё куда-то в сторону от меня, как будто я заразная. Мужуку достаточно словечко ласковое сказать, и я на всё готова. Я их всех вижу насквозь со всеми потрохами, но не могу я быть одна. Надо, чтобы хоть какой-то рядом торчал, хотя бы как шкаф в углу, пусть обшарпанный, кривой, но свой, без этого я как будто голая или больная. Всё за него сделаю, пусть вор, пусть дурак, спасу, научу... И пожаловаться не могу никому. Только тебе вот, бабуля.

— Даже если пожалуешься, не гарантия, что пожалеют.

Слёзы побежали сильнее.

— Поплачь, поплачь, передо мной можно. — Виктория Владимировна чуть заметно улыбнулась. — Я и не думала, что ты умеешь.

Лариса встала и пошла на кухню со словами:

— Укатали сивку.

Остановилась в дверном проёме и сказала, не оборачиваясь:

— И главное — сын. Егорка. Он меня сильнее всего изводит. Но теперь я им уже займусь. Вернусь и займусь.

Виктория Владимировна вернула голову в прежнее положение и сказала на тяжёлом выдохе:

— Дети — счастье, внуки — богатство, правнуки — уже излишество.

Лариса ничего не ответила и вышла. Через пару минут она вернулась и уже не в слезах, а, наоборот, в какой-то свежей собранности:

— Так, ну с переездом мы решили.

38

Михаил Михайлович вызвал секретаршу, протянул ей листок со списком фамилий.

— Пригласите ко мне. Только не надо, чтобы об этом знала Лариса Николаевна. Она, кстати, пришла?

— Да, — кивнула Саша. Девушка не знала, что думать. Явившись сегодня на работу намного раньше обычного времени, шеф продиктовал ей приказ об увольнении Ларисы Николаевны Коневой с занимаемой должности. После знаменитой материнской конференции заместительница исчезла почти на месяц, никому ничего не объясняя. Не рассказывать же про истерику на Курском вокзале, про неделю, которую пролежала под капельницами в госпитале Бурденко (Гапа помогла, оставаясь нема, как могила), про поездку к бабушке. Михаил Михайлович с каждым днём её незаконного отсутствия укреплялся в уверенности, что он имеет моральное право её прогнать.

И вот, наконец, сегодня подписал.

Саша всё утро готовилась к чему-то похожему на землетрясение. Наверно, думала она, шеф тоже очень боится, почему и собирает себе на подмогу целую бригаду. Если бы не было так страшно, то интересно было бы посмотреть на историческое событие.

Вернувшись в предбанник, Саша обнаружила там невысокого полноватого мужчину лет пятидесяти, одетого с неталантливой небрежностью: потёртые джинсы с мокрой бахромой, чёрный, растянутый свитер, лицо неприятное, щекастое, непривлекательная седина, бледная, жалобно торчащая из свитера шея. Он всё время шмыгал тонким крючковатым носом. Ему нужна была Лариса Николаевна. Саша тут же ей доложила — посетитель.

— Кто такой?

— Ой, я забыла спросить, — побледнела Саша.

— Я тебя выгоню, — сказала Лариса. — Сколько лет ты сидишь в предбаннике и не усвоила самых простых вещей. Что за посетитель, какой из себя?

Секретарша, как могла, описала его. Сидевшая за столом хозяйка кабинета вскинулась.

— Что, что? — Её интерес показался секретарше совершенно неадекватным. Её как будто всю затрясло. — А ну сюда его! Нет, погоди, я сама!

Она резко встала и вышла в предбанник, там ей навстречу поднялся из кресла смущённый господин Перков.

— Не ждала? — с явно отретпетированной напускной нагловатостью поинтересовался он, прилизывая ладонью отставшую прядь.

Совершенно погасшая Лариса что-то пробормотала. По описанию секретарши, ничего не сказавшей о возрасте гостя, она решила, что это Егор.

— Ждала. Но не тебя.

— Войти-то позволишь?

— У меня мало времени, — сказала она, пропуская его в кабинет.

Михаил Михайлович оглядел собравшихся. Здесь были: Прокопенко, Волчок, Бабич, Милован. Последней прибежала Галка, теряясь в догадках, с чего бы это заинтересовались ею?

Шеф хмурился, прохаживаясь вдоль стола.

— Я должен с вами посоветоваться.

Собравшиеся переглядывались.

— Мне сейчас позвонили, какой-то незнакомый женский голос. Надеюсь, это не жестокая шутка.

Теперь никто не переглядывался, все смотрели на шефа.

— Дело касается Ларисы Николаевны.

— Сколько мы не виделись, Лара? — Гость оценивающе оглядывал кабинет, прошёлся вдоль короткого стола для заседаний, считая толстыми пальцами стулья. Сел в кресло с самым хозяйским видом.

— Много лет, и я бы не отказалась, чтобы ты снова пропал на столько же.

Гость грустно хмыкнул.

— Очень предсказуемая реакция.

— Раз ты всё можешь предсказать, значит, должен был знать, что приходиться не надо, зачем ты пришёл?

Поэт Перков-Принеманский вздохнул и вдруг обмяк в кресле. Начал медленно, слабосильно массировать на коленях свой скомканный, влажный плащ, намекая тем самым: видишь, что сделала со мной жизнь.

— Я пришёл за помощью.

Лариса от неожиданности открыла рот. Он заторопился:

— Да, да, дело в том, что мне не к кому обратиться.

— Я была уверена, что ты давно уже сгинул где-нибудь под забором.

— Да, Лара, я дважды был очень близок к этому. И именно что под забором. Покрутила меня жизнь на разные манеры. Я и завклубом был, и заводником, и в избиркоме работал, в области. Зоопарк сторожил.

— Ты же поэт, — с особым, прочувствованным презрением произнесла Лариса.

— Да, вот по этому поводу я и у тебя.

На лице у хозяйки появилась улыбка, как бы говорящая: ну-ка, ну-ка.

— Ты сначала объясни мне, как ты меня нашёл?

Это ей и правда было интересно. Он тогда очень уж начисто исчез из её жизни, ни ползвук о нём не доходило. Прошлое в этом направлении было как будто забетонировано. Но живой росток пробивается сквозь любое дорожное покрытие. Лариса презрительно взирала на это старое бледное растение.

— Как я тебя нашёл? Очень просто. В одном хорошем доме дали адрес.

— В каком ещё доме?

— У Венедикта Дмитриевича, знаешь ведь такого.

— Как ты туда попал?

В Ларисе было оскорблено самое сокровенное. Дом Поляновского она хранила в своём сердце как церковь высокого человеческого общения, прекрасно помнила, как непросто она сама туда проникала, а это жабоподобное жлобище просто выпрыгнуло из своего болотного небытия и сразу в алтарь! Нет в мире справедливости!

— Поэту повсюду есть вход, — небрежно пояснил Перков, как будто уловил смысл её возмущения.

Лариса медленно грызла свои губы.

— А почему ты мне чаю не предложишь, я же видел, у тебя там вон секретарша бегаёт.

— Это ты от робости хамишь, да?

Перков вдруг тяжело и глубоко вздохнул, переложил плащ на спинку соседнего стула, понурился.

— Конечно. Хреновато себя чувствую, криз у меня был гипертонический, почки барахлят, и давно. И задумался тихо так я — что после меня останется потомкам и друзьям? Собрал свои листочки, сложил в кучку, обращалась книжка. Она первая у меня, она же и последняя, наверно, будет.

— “Мои поражения”?

Поэт быстро, удивлённо заморгал.

— Откуда знаешь?

— Я не знаю, я помню.

— А-а, нет-нет. То были другие “Мои поражения”, как бы любовные неудачи. Я, кстати, принял твою опечатку как родную. Она усиливает, и ты вроде как бы чуть-чуть соавтор мне.

Лицо Ларисы перекосило.

— Спасибо.

— Да ладно. Но теперь у меня совсем другое название. Я совсем другой смысл вкладываю в слово “Пораженья”. Оно идёт не от поражения, как было, не от неудач в любви, а от того, что я поразился или был чем-то поражён до глубин природы. Человеком, событием, чувством! Понимаешь? Я не оплакиваю свою несчастную, никому не интересную жизнь, но, наоборот, к миру рвусь с благодарностью, с восторгом почти!

— И ты решил, что я помогу тебе с изданием?

— Конечно. У тебя связи, Москва. Сдохну ведь, никто не вспомнит. А у меня... сын.

Он опять стащил плащ со стула и прикрыл им вытертые колени.

— Ну, на этот счёт не волнуйся. Можешь считать, что у тебя нет сына.

Перков вздохнул с тяжёловесной покорностью, щёки его обвисли ещё больше, и весь он стал насквозь дрябл и неизлечимо виноват. Прямо хоть жалей. Раньше хотя бы подловатая скандальность была в этом гаде, что-то живое, а теперь хочется сравнить с гнилым одуванчиком. Тонкие ноздри слипаются от беззвучного шмыганья. Прогнать, конечно, можно. Соберётся и уйдёт, только это не будет самый лучший способ растоптать его.

Лариса всегда решения принимала быстро, так получилось и на этот раз. Настучала острым пальцем номер колбасного Бабича на клавиатуре.

— Здравствуй. Тихо, не надо. Да, столько лет не разговаривали. Сегодня к тебе придёт человек. Человек с рукописью. Ты профинансируешь её издание. Нет и нет. Не интересуется. Надеюсь, всё понял?

Перков стал приподниматься и разводить руки в стороны, видимо, стараясь показать, какого размера благодарность овладевает им, но Лариса усадила его тем же пальцем, что и набирала номер, как будто только им одним соглашалась прикоснуться к данной ситуации.

— Иди на седьмой этаж, найдёшь там молодого человека по фамилии Бабич, он отвезёт тебя куда надо.

— Я...

— Иди. Всё. Чтобы больше я тебя не видела.

— Может, это розыгрыш, глупая шутка? — сказала Галка.

Михаил Михайлович отрицательно покачал головой.

— Я бы тоже хотел на это надеяться, но не надеюсь.

— А когда он успел? — удивился Прокопенко.

— Да Лариса ничего и не говорила о том, что он уже служит. — Это уже Милован.

— Говорила, — Михаил Михайлович сел за стол и стал массировать виски, — говорила, и все это слышали. На конференции. И все решили, что это блеф. Я, например, решил именно так. Лариса ради красного словца не пожалеет иной раз... никого. А оказалось, что это правда.

— Так он что, в госпитале? — спросил опять Милован.

— А почему этот голос не позвонил сразу Ларисе? — вопросительно хмыкнула Галка.

Михаил Михайлович пояснил:

— Эта женщина звонила много раз. Ларисы не было в городе, не только на работе. Она сегодня приехала на работу прямо с поезда.

— То есть это мы должны Ларисе сообщить? — спросил тихо Волчок.

Шеф поглядел на него из-под руки, которой продолжал массировать виски.

— Нет, не знаю, какая-то тёмная история, — сказал Милован. — Что-то мне не хочется спешить.

— Может быть, позвонить этой женщине и сказать, что Лариса уже на месте, пусть звонит ей.

Михаил Михайлович сменил руку.

— Да, Галя, это хорошая мысль, только у меня нет телефона этой женщины.

— Вообще-то спешить надо, — сказал Прокопенко, — если Егор в госпитале и в тяжёлом состоянии, то надо, чтобы Лариса успела повидаться, если там плохо всё.

— Женщина сообщила, что состояние тяжёлое, и больше ничего. Кома, — сказал Михаил Михайлович.

— А куда ехать-то? Где госпиталь? Какой госпиталь?

Шеф не успел ответить, в кабинет вошла Лариса. Ничего особенного в её облике не было.

— Мне нужно уехать, Михаил Михайлович.

— Да-да, конечно.

— Я возьму вашу машину?

— Да-да, конечно. В полном вашем распоряжении.

— Лариса, если там помочь, или... — привстал Бабич и вслед за ним

Милован.

Она отрицательно кивнула.

— Нет, я поеду с мужем.

Когда дверь за нею закрылась, собравшиеся в кабинете молча и с явным облегчением переглянулись.

— До неё дозвонились, — сказал Прокопенко.

— Она что, замуж вышла? — задала вопрос в пространство Галка. —

Когда?

— Всё может быть, — сказал Михаил Михайлович. — Может быть, она опять не выдумывает.

По дороге вниз Лариса завернула на этаж “Истории”. Там было пусто-вато, никто из вызванных в кабинет шефа ещё не вернулся, только из одной, открытой в коридор двери раздавались голоса. Там Карапет Карапетович заваривал чай на маленьком столике у себя в закутке, а Перков прохаживался подле и вещал:

— Я почти никогда не ошибаюсь, я, конечно, никакой не профессиональный предсказатель, я любитель, и у меня нет нужды всё время что-то высматривать там в будущем. Только походя, по живому, непосредственному наитию. Они у меня рождаются как стихи — прозрения. Кстати, может, после “Поражений” соберусь и на “Мои прозренья”.

— Что? — глухо переспросил Карапет.

— Да так. Например, недавно я прочитал статью в “Труде”: “Доживёт ли империя США до 2017 года?”, и моя мысль закружилась сама собой, и уже через час я знал достоверно, что случится всё значительно раньше. Уже году в 2008-м начнётся страшный финансовый кризис, и Америка начнёт рушиться и разваливаться на куски. Где-то году в 2015—2018. Я, конечно, не Ванга, но и у меня есть удачи. Я, например, предсказал отпадение Белоруссии от России, то есть развал СССР. Кто бы мог двадцать лет назад до такого дойти?

Карапет Карапетович уже давно отвлёкся от процесса заваривания и потрясённо глядел на говорящего гостя, автоматически поглаживая глубокую выемку у себя на черепе.

Увидев Ларису в дверях, Перков резко, виновато смолк. Она поманила его пальцем.

— Одевайся. Поехали. Не задавай вопросов, я не буду отвечать.

— Ну, а как же рукопись, ведь меня уже ждут!

Дверь открыла невысокая плотная девица в коротком халатике на голое тело. Веснушки, короткие рыжеватые волосы, в припухших губах сигарета. Ведь ждала гостей, могла бы привести себя в порядок.

— Здравствуйте, — сказала хрипло.

— Ты кто? — спросила Лариса, проходя внутрь квартиры, и сама себе мысленно ответила — “шалава”. Перков осторожно двинулся следом. Лариса хотела спросить, где Лион Иванович, но раньше увидела, где он. Дядя Ли лежал на своём раздвижном диване. На нём была пижама, по виду свежая, до пояса он был прикрыт клетчатым пледом. Половина лица у него была намылена. Правой рукой он держал распахнутую опасную бритву в хлопьях мыльной пены.

— Здравствуй.

Он ответил только глазами, но вполне осмысленно, мол, привет, всё в порядке, не журись.

Девушка подошла к нему, присела на край дивана и, наклонившись, взяла в руки бритву и продолжила начатое. Её налитые груди, казалось, вот-вот выкатятся из халата прямо на старика. Неуместный эротизм этой сцены злил Ларису. Так что же случилось с Егором, хотелось ей спросить, но одновременно очень хотелось разобраться с девушкой. Одно желание перебежало дорогу другому, так что гостя просто зло молчала.

И тут ещё раздался детский плач. “Парикмахерша” опять вложила бритву в руку Лиона Ивановича, как в подставку, и быстро вышла на кухню. Лариса вопросительно поглядела на дядю Ли, и, конечно же, зря. Он по-прежнему был нем. За какой бы то ни было информацией надо было идти на кухню. Она укоризненно покачала головой, ах, дядечка, ах, проказник! Он продолжал грустно улыбаться своими выразительными глазами.

На кухне, как ожидалось, Лариса застала самую отвратительную из возможных сцен. Грудь конопатой хамки всё же вырвалась на свет и теперь обчмокивалась губами грудного дитяти, вынутаго из коляски. Теперь у гостя начал формулироваться ещё и третий вопрос, и она совсем онемела. Перков равнодушно выглядывал из-за её плеча.

— Егор попал под машину. Вернее, не под машину, она ехала мимо, но был плохо закрыт борт, торчал... я не знаю, как называется, и ему попало в висок. Теперь он без сознания. В госпитале. В Коврове. Я хотела к нему поехать, но не с кем оставить ребёнка. Я позвонила — может быть, вы сидите!

Лариса даже не сразу осознала, до какой степени ей хамит эта хамка. То есть вот для чего она сюда вытребовала родную мать Егора, чтобы...

— А ты, собственно, кто?

— Марина.

— Ты жила у Лиона Ивановича?

Марину, кажется, этот вопрос смутил. Она не сразу поняла, как на него отвечать.

— Да. Но не только.

Ларисе было не до её трудностей. Ее, наконец, прорвало.

— А как он попал в армию?

— Пришла повестка...

— Почему он никому ничего не сказал?

Марина пожала голым плечом.

— Все знали, Лион Иванович... Егор вам хотел сказать, но потом решил, что лучше напишет оттуда. Я ему говорила, что так не очень хорошо, но он сказал, что так лучше.

Марина отняла ребёнка от груди и уложила обратно в коляску.

— Так ты не сказала мне, кто ты?

— Я Марина. Я понимаю, Егор вам ничего не говорил. Он хотел, но всё не говорил.

И тут Ларису, как это обычно говорится, пронзило.

— Послушай, а ты, ты что... ты, что ли, его, в смысле, ты с ним?

Марина кивнула и медленно передёрнула плотными плечами, как бы говоря: а что, до сих пор это было непонятно?

Лариса до такой степени была поражена, что даже обернулась к Перкову за поддержкой, всё же какой-никакой, а отец.

— И что, Марина, этот ребёнок...

— Это девочка.

— А как зовут? — спросил поэт, чтобы хоть как-то поучаствовать в разговоре.

Мать ответила не сразу, посмотрела в коляску, где тихо пускала пузыри сытенная дочка, потом поглядела на роскошную свекровь и тихо сказала:

— Лариса.

Свекровь несколько секунд молчала, потом сделала шаг вперёд и наклонилась над колёсной колыбелькой. Осторожно выдвинула из рукава своего пальто кисть руки и медленно протянула в сторону сытого, удовлетворённого жизнью свёртка. Когда палец бабушки приблизился к личику девочки вплотную, на губах у неё лопнул какой-то особый пузырь, большой, как какое-нибудь важное слово.

— Радуетя, — сказал дед.

— Это Егор сказал, что будет Лариса, — сообщила Марина.

— Да? — удивлённо покосилась на неё свекровь, как будто сама не могла сообразить такой простой вещи.

Из комнаты раздался какой-то булькающий звук. Марина бросилась туда. Лариса не могла оторваться от коляски.

— Ну, парень, — пробормотал Перков.

— Какой тебе парень!

— Я имею в виду Егора. Они жили, наверно, год, а сам ни звука. Почему он тебе ничего не рассказал? И старик мог бы позвонить.

— Не мог, — сказала возвратившаяся Марина. — Мы поселились здесь, только когда у него уже удар. А так у меня в общаге больше всего. Никто не знал.

Потом добавила, обращаясь к поэту:

— Пойдёмте, там надо перевернуть.

Лариса осталась один на один с коляской. Держалась одной рукой за подоконник, другой очень остороженько прикасалась к подбородочку, к лобикку, к кончику носа, и каждый раз с ней происходило какое-то сладостное сотрясение во всём теле. При этом она не беспамятствовала в других отношениях, и раненый Егор, и расплющенный дядя Ли никуда не исчезли из её сознания. Но всё равно эта огромная, больная сложность производила не отчаянье, а что-то совсем другое в душе.

— Ла-арочка. Ну, теперь мы им покажем!

40

В доме остались одни мужчины. Марина с младшей Ларисой в городской квартире. На ней, помимо заботы о дочке, ещё и присмотр за инсультным Лионом Ивановичем. Кроме того — Егор, его тоже надо навещать в гарнизонном госпитале. Он пока никого не узнаёт, и будет ли когда-нибудь узнавать, врачи сказать не могут. Старшая Лариса решила, что его надо будет со временем забрать сюда, в большой дом в Пуговичино. Она была убеждена, что сын поправится, хотя вроде бы никаких оснований для особого оптимизма не просматривалось.

Переговоры о покупке второй половины участка уже прошли. Денег должно хватить. Места хватит всем.

Поэт Принеманский поселился в отопливаемой баньке, и, кажется, ему там нравилось. Николай Николаевич частенько к нему захаживал, чтобы ускользнуть от тихого скандала, который каждый раз раздражался, стоило Ларисе завести речь о переселении в общий дом Викторией Владимировны.

Нина Семёновна не сдавалась, хотя Лариса была убеждена, что это дело времени, так же, как и излечение Егора. Мать упиралась. Она готова была ходить не только за внуком, но даже за “артистом”, раз хороший человек, но “только не она”.

Тихое, несгибаемое сопротивление матери изводило Ларису. Какая у неё выстроилась стройная, гармоничная картина будущей жизни, все родные люди за одним большим столом, пусть кто-то не совсем здоров, это мелочи, и не такое переживали. Она часто бывала в госпитале у постели Егора, и хо-

тя улучшений пока не было заметно, демонстрировала железобетонный оптимизм. Вытащим!

Между тем устроились дела на работе. Михаил Михайлович отошёл от дел по состоянию здоровья, и как-то так получилось, что во главе ЦБПЗ оказалась Лариса Николаевна Конева. Успехам только стоит начаться, как их уже и не остановить. Хитрый-прехитрый Сергей Иванович подъехал к ней с предложением “войти в список”, пусть до выборов ещё далеко, но от неё ждут участия в руководящих структурах партии. Она даже не обрадовалась и взяла неделю на размышление. И Сергей Иванович это безропотно съёс.

Более того, предложил предварительно попробовать себя в публичном деле. Нужно было выйти на телевизионный поединок с представителем либерального лагеря. В одной из самых козырных программ, на одном из главнейших каналов. Лариса горько усмехнулась про себя: за неимением подходящего генерала придётся самой. А кто он, поинтересовалась, этот либеральный враг?

Хакамада!

Если до того она чуть-чуть и сомневалась — а стоит ли? — тут сразу заявила: да, я пойду! У них тоже некого выпихнуть на арену, у них тоже вся надежда на баб.

Что ж, значит, так.

И битва состоялась. Конечно, не в прямом эфире. Лариса привезла своим в деревню кассету с плёнкой, собираясь устроить коллективный семейный просмотр. У неё было ощущение, что с развязной полуяпонкой она “разобралась”. Но тут выяснилось, что у деревенского телевизора перегорел звук. Без звука смотреть словесную битву было бессмысленно. Лариса сказала, что ничего страшного. Завтра она привезёт новый телевизор.

Нина Семёновна ходила, как тень, по участку. Она поняла, что после этого просмотра у неё уже не будет аргументов против встречи с матерью, потому что дочь перейдёт как бы на государственный уровень, и даже её семейные интересы тоже станут как бы немножко государственными. Как страстно любящая мать не может не отпустить на фронт своего мужа или сына, так и она не сможет не пустить на свой порог Викторину.

Лариса посматривала на неё издали и искоса, ничего не говоря. Считала, что задумала правильно.

Но этому плану осуществиться было не суждено.

Утром принесли телеграмму от Стаси — подготовка к переезду Викторины Владимировны закончена, только вот случилось несчастье — она скончалась.

Мать и дочь, Нина Семёновна и Лариса, молча, деловито и быстро собрались и уехали. Ни капитану, ни тем более поэту не было предложено их сопровождать, да они даже и не решились поинтересоваться — нужны ли?

Вечером мужчины молчаливо накрыли на веранде стол. Развернули в комнате телевизор так, чтобы было видно экран с улицы через окно. Разлили. Капитан вставил кассету в немой прибор.

— Помянем? — спросил поэт, поднимая рюмку.

Капитан кивнул. Выпили. Капитан не знал, в курсе ли поэт той истории, что была у него в давние времена с тёщей, поэтому решил эту тему не развивать. Включили видеомэгафон. Снова налили.

Поначалу Хакамада выглядела предпочтительнее. Чувствовалась в ней привычка к такого рода затеям, она снисходительно улыбалась, пощёлкивала очками, ласково кивала ведущему. Он поражал своим сходством с официантом, который знает, что предложенное гостям меню, в общем-то, враньё.

Лариса сидела, набычившись и физически, и морально. Было заметно, что она знает — я здесь одна, и ни на кого рассчитывать не могу. Отвечала коротко, и, видимо, сначала не всегда впопад. Потому что не только улыбка змея, но и подсадные в зале посмеивались.

Перков незаметно для себя перешёл на сторону веселящегося большинства. Ему было даже немного приятно видеть, что его очень уж вознёсшуюся в последнее время супружницу немножко прикладывают физиономией об стол. Да, она сделала ему книжку и даже организовала три рецензии на его “Мои поражения”, и вечер с солидным фуршетом в Доме журналистов, но

всё это делалось сверху вниз. Но “сердце поэта сердито и вечно уязвлено”. И вот теперь — сатисфакция.

Капитан страдал. Он вновь почувствовал Ларочку своим ребёнком, и ребёнок этого какие-то зверящеры грызли в пещере телевизионного ящика. Он выпил два раза, даже не заметив протянутой к нему рюмки поэта.

Когда налил третью, что-то там, в виртуальном пространстве, случилось. “Официант” поперхнулся своей самоуверенностью, Хакамада нацеливающе поправила очки.

Ну-ка, ну-ка!

Подсадные как один наклонились вперёд. Теперь было не смешно, а интересно.

Долго, секунд двадцать пять, показывали только Ларису. Она говорила, и говорила великолепно, подрагивающая на щеке раненая жилка как бы удостоверяла — да, это так.

Хакамада попыталась броситься в контратаку, но натолкнулась лбом на невидимую стену. Ведущий теперь стоял так, чтобы всем было понятно — он на её стороне, но это не могло их спасти. Лариса говорила так, что начинало казаться, будто она уже не сидит в кресле, а встала в полный рост и сейчас двинется топтать их ногами.

Среди подсадных начались мелкие истерики, они тянули руки, вскакивали с мест, другие их дёргали за фалды.

Хакамада тоже встала и ввинчивала теперь свои аргументы в раскалённый воздух дискуссии длиннющей худой конечностью, как бы вооружённой скальпелем.

Лариса работала топором. Летели щепки, всем окружающим приходилось уворачиваться. Ведущий торопливо грёб к берегу дискуссии.

Когда всё кончилось, капитан сиял, поэт философски улыбался.

Они выпили.

— А всё-таки, согласись, пришло время баб.

— Что? — не понял Перков.

— Ну, вот посмотри, что такое мы. Сидим как овощи на даче, а все они, они вертятся. Всё в свои руки взяли.

— Скажем так, не всё.

— Нет, они пойдут дальше нас. Такие, как Ларка, конечно, редкость. Она да Нарочницкая, и всё. Но чую, их время впереди.

— Да ладно вам, товарищ капитан.

— Что ладно, взять того же тебя.

— Зачем? А впрочем, можно и взять. — Перков решительно вырвал огурец изо рта. — Вот вы говорите — пошли дальше нас?

— Да.

— А я, может быть, пошёл дальше Блока.

Капитан не понял, откинулся на спину стула.

— Да, да. Помните: “Ночь, улица, фонарь...”

— Не помню.

— Так вот, пока они там собачатся, я пошёл намного дальше: “Ночь, улица, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь...”

— Слушай, заткнись!

— Фонарь уходит в бесконечность, бесконечная улица с односторонним движением — это сама наша жизнь!

Капитан Конев махнул на него рукой.

— Не надо сбрасывать мужчин с корабля современности, а если сбрасывать, то только в вечность, как Пушкина.

— Вот только про Пушкина не надо мне! А что касается мужчин... вот нас с тобой не жалко.

Перков недовольно пожал плечами, почему это, мол?

— А кого жалко, сейчас покажу.

Он встал из-за стола. Ушёл в дом. Там перемотал плёнку на кассете, и заново запустил зрелище. Но имел в виду не его. Появился на вечеряющей веранде с картонной папкой, развязал тесёмки...

— Что это? — спросил Перков, заглянув внутрь.

— Это он рисовал.

— А, Егор?

Николай Николаевич выпил, занюхал чёрной горбушкой.

— А что Егор? Нет теперь Егора. Кома, она и есть кома.

Поэт тоже выпил и сказал:

— Чего полез? Кому хотел доказать, доброволец! Его же должны были комиссовать, глаз-то не было!

Капитан покачал головой.

— Глаз-то именно что был. Вот глянь. — Он пододвинул к собутыльнику принесённые листы бумаги. На одном была очень по-детски изображена зебра и под ней крупно было написано — “Конь Матроскин”.

— Смешно, — сказал Перков, жуя огурец. — А это что? Медведь?

— Да, “Мишка кашалапый”, потому что лапы у него в каше. А я думал, что у Егора проблемы с дикцией. С дикцией всё было нормально, вот по зрению он был, конечно, инвалид, но как-то сумел всех там убедить, и его взяли.

— Очень, значит, хотел. Доказать хотел. Матери, — усмехнулся нехорошо поэт и взял третий лист. Там были изображены — мужчина, женщина и почему-то самолёт. Сверху надпись: “Проводы камикадзе”. Под фигуркой мужчины написано “сын”, под фигуркой женщины “мать”. Из рта “матери” выдувается пузырь, внутри него написано: “Береги себя, сынок”.

— Смешно, — сказал поэт.

Капитан снова разлил самогон. Но не выпили. Капитан пустил мелкую, бесшумную слезу.

— Он, может быть, даже был талант. Может, даже художник.

— Сын поэта всегда может быть художником.

— Настоящий мужик. Характер, не то что... — Николай Николаевич имел в виду себя, но договаривать не стал, боясь обидеть зятя. Перков не смотрел на него и не старался понять, что он имеет в виду, у него была своя мысль.

— А вот интересно, мне, как отцу военного инвалида, полагаются же какие-то льготы?

— Что?! — тупо посмотрел на него капитан.

— А то — злая судьбинюшка, злющая. И жена, и дочка, и теперь вот сын — за что мне всё это? Может, без очереди в Союз можно.

Через полчаса, когда была допита вторая бутылка, капитан уснул, а поэт запел, подпирая квадратную голову с зажмуренными глазами:

— Прекрасное далё-око, не будь ко мне жесто-око, жесто-око не будь!

В наступившей подмосковной сладчайшей ночи Лариса вновь громила, громила ненавистную неправду с лицом возбуждённой Хакамады.

Мы чуем русские поля
В сырой осенней темени.
Не перечёркивай, земля,
Осуждённого племени.

Из зарешеченных глубин
Мы землю видим издали.
Там нежной волей
 пахнет тмин,
Летает ворон пристальный.

Мы сами выбрали судьбу,
Как обернулись тучею.
На нас наложено табу
И кара неминуемая.

Закон мы видели в гробу,
Ведь мы — страны агония.
У нас написано на лбу:
Мы — зона. Мы — колония.

Нас жёны перестали ждать,
Лишь мамка ждёт за ужином...
И ты прости, Россия-мать,
Своих сынов осужденных.

Нам так охота не пропасть!
Замри, судьба треклятая.
Мы — ЗЭКи. Мы — России часть,
Хотя и виноватая...

Поздравляем ВЛАДИМИРА СКИФА с 65-летием!

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

СВИТКИ ПАМЯТИ

* * *

....Ну, почему так милостлив Господь?
И почему светлы мои печали?
И радость мне мою не обороть.
И птицы по-осеннему вскричали.
И дух вновь подчиняет бренну плоть.

Да, птицы — по-осеннему... Пора.
Какое легкомыслие в природе!
Не сплю, пишу до самого утра,
хоть столько дел ещё на огороде —
доделать их хотел ещё вчера.

Не сплю — полумонашеский обет.
Как сладостна осенняя остуда!
Я не считаю ни побед, ни бед —
живу в предощущенье вечном чуда.
В окно сочится не вечерний свет.

Я не считаю — счёт на небесах.
Сочится свет, и прозревают дали.

ОСИПОВ Владимир Ильич родился в 1958 году в Самаре. Окончил режиссёрский факультет ВГИКа. Снимался в фильмах “Сталинград”, “100 солдат и две девушки”, “Дорога в Парадиз” и других. Создатель многих документальных лент, в том числе “Русские идут”, “Территория голода”, “Блаженная Мария”. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Всероссийской Православной премии им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в селе Майское Самарской области.

Предзимний снег струится в волосах —
меня как будто за Предел позвали.
Но душу не тревожит скорбный страх.

С небес сочится белый-белый свет.
Меня зовут... Я слышу, слышу, слышу!
Но смерти нет. Покоя тоже нет.
Ложится снег на старенькую крышу.
На огород пора тебе, поэт.

Поэт, пиши затёртые слова
на вырванном из памяти листочке.
В саду пусть цепенеют деревья,
и цепенеют на листочке строчки.
Мы доживём ещё до Покрова...

* * *

Как пили гречишный, янтарный
и липовый, словно угар
природы самой, в день базарный
упавшего неба нектар.
Как пили! Хмелит медовуха,
и солнце в зените звенит.
И жизнь — всё ещё молодуха,
и запах медвяный бодрит
Господнего вечного лета.
Медовый нас радует Спас.
И сколько рассыпано света!
И всё это, братья, для нас.

Живя на обломках Державы,
держитесь правее руля.
Не надо ни чести, ни славы —
лишь правильный курс корабля
и запах медового Спаса,
упавшего неба нектар...
Не надо копить нам запаса,
ведь завтрашний день — Божий дар.
И вечно лишь лето Господне.
Прекрасная в мире пора,
где нет ни вчера, ни сегодня,
где тихнут шальные ветра.

* * *

Под лежащий — вода, под лежащий.
Всё едино: что чёт, что не чёт.
Камень веры — великий и зрячий,
и вода под него всё течёт.
Ах, водица моя ключевая,
иорданская благодать!
Эх, житуха моя кочевая, —
всё едино: что взять, что не взять.
Всё едино: покой и тревога,
тишина иль с небес голоса.

Протянулась далече дорога,
где на каждом шагу — чудеса,
где на каждой развилке есть камень,
крест поклонный, сиянье в ночи...
Эту землю потрогай руками
и послушай, как птица кричит
не надрывно, не жутко — счастливо.
Что за надпись на камне сквозит?
Ты прочти, поклонись сиротливо;
снова слушай, как птица кричит:
“Там себя, здесь коня потеряешь,
прямоком — и себя, и коня...”
Всё едино: и ты это знаешь.
Жёстко колет сухая стерня,
дышит близкою осенью поле,
обдавая последним теплом.
Мне не надо свободы и воли,
всё уже получил — поделом.
Лишь тянулась бы долго дорога,
где на каждом шагу — чудеса,
от порога — к Единому Богу,
где другие слышны голоса.

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

АБРАМОВСКИЙ УГОР

К 90-летию со дня рождения Фёдора Абрамова

Проза Федора Абрамова — наше великое художественное достояние. Всё то, что было написано им — теперь, по истечении довольно длительного времени, приобретает ещё большую значимость, чем это было при жизни самого творца. Сейчас, как никогда, остро востребованы высокие нравственные ориентиры, которые писатель раскрывал в своих произведениях. Потребность в духовном обновлении давно назрела не только в молодежной среде, но во всём нашем обществе, так стремительно обнищавшем в культурном, нравственном и физическом смысле. Об этом Абрамов предупреждал нас ещё много-много лет назад. Он с апостольской несгибаемостью вёл неустовую духовную битву за утверждение лучших качеств в Человеке: совести, добра, справедливости, любви к тому уголку родной земли, где родился каждый из нас, благоговел перед отечественной историей, значимостью и величием России. Да, он всем своим творчеством, которое воспринимается не иначе как служение и подвижничество, проявил себя тем ярким и одержимым представителем так называемого колена А в а к у м о в а.

Благодарю судьбу за то, что мне так повезло — я знал и около десяти лет общался с Федором Александровичем. С юношеской пылкостью и обожанием относился я к нему не только как к выдающемуся писателю, но и как к верному в дружбе человеку... Почти каждую зиму жили мы когда-то в Доме творчества “Комарово”, работали над книгами, бродили по заснеженным тропинкам. Играли на бильярде. На февральской тропе, сбегавшей с Комаровского крутояра к Финскому заливу, любовались величественными золотистыми стволами сосен и заострёнными макушками елей, напоминающих ему ёлки веркольские.

Меня постоянно тянула к нему какая-то неизъяснимая сила его человеческого и писательского обаяния. Из того, что создал он и опубликовал, я успел многое прочесть ещё при его жизни. Я люблю прозу Абрамова за то, что в ней бесстрашно изображена жесточайшая правда жизни, в буквальном смысле — соль земли, за то, что веет она той языковой свежестью, которая отличает подлинного художника от его многочисленных эпигонов. Художественный текст его произведений насыщен густой и меткой образностью, отмечен особой северной фразой, являющей мудрость в познании народного бытия. И ещё той живой, весёлой озорницей, без которой невозможно представить современную сельскую жизнь. Его пронзительная проза — это луговое разнотравье, басовитое погудывание хвойных боров, зримые картины яркой морозной зимы, снежных буранных наметов, потемневших от непогоды дедовских изб, с растресканными охлупнями на тесовых крышах...

Поверьте, я счастлив оттого, что имел возможность дружить с Федором Александровичем, читать его книги, разговаривать с ним, слушать его замечательные выступления с писательских трибун и на секции прозы в Красной гостиной Союза писателей. С годами я всё чаще вспоминаю удивительный творческий вечер Абрамова, связанный с его юбилейной датой — 60-летием со дня рождения, проводившийся в Белом зале Шереметевского

особняка. Весь этот великолепный вечер мы простояли с Глебом Горбовским на ногах, ибо в зале Союза писателей не было свободных мест. Множество людей теснилось на лестницах и в проходах, слушая трансляцию по местному радио. Ах, какие это были восхитительные мгновения жизни!

Но разве знал я тогда, что по истечении всего-то трёх лет, весной 1983 года, он так неожиданно, глубоко озадачив многих близко знавших его людей, уйдёт из жизни. С горьким и скорбящим чувством провожал я его, великого писателя земли русской, в последний путь... Уже после кончины писателя я познакомился с его другом Фёдором Фёдоровичем Мельниковым, художником. Мы вместе ездили в Верколу, где в те годы проходили ставшие воистину народными многолюдные Абрамовские чтения, посвящённые Фёдору Александровичу. Пиршество образного северного слова, народной музыки, сцены из спектакля "Дом", выступления прозаиков, поэтов, литературоведов и критиков, художников и земляков Абрамова — всё это сливалось в единое целое — поклонение таланту Фёдора Абрамова.

Возвратившись однажды из очередной поездки в Верколу, ставшую такой родной, я написал этот цикл стихов, посвятив его близкому мне по мироощущению человеку, чьи рукопожатия и напутственные слова — всегда были для меня его сердечной, дружеской поддержкой на жизненных и творческих путях и перепутьях...

Памяти Федора Абрамова

1

...А Веркола в сугробах вязла,
Её знобило на юру.
И отдирал мороз от прясла
Полуистлевшую кору.

Полозья пошевной¹ скрипели,
Срывая корочку снежка.
Оцепенев, стояли ели
Вдоль пинежского бережка.

И в северной сторонке хвойной,
Где ночью веял снеговой,
Старинной песнею фольклорной
Встречали веркольцы гостей.

Синели тёмные ухабы,
Белел за Пинегой овин.
Порозовев, тянули бабы:
"Ах, Лебедин мой, Лебедин!"²

Слабел мороз, мерцало солнце,
А над перильцами крыльца,
Как золотое веретёнце,
Кружилась снежная пыльца.

И всё мне было как в новинку
В метельной северной тиши.
Вис небосвод лазурной льдинкой.
Порхая, каждая снежинка
Дарила свет его души.

2

Ледяной сугроб сутулится,
Хорохорится зима.
Здравствуй, северная улица,
Пятистенные дома!

*Нынче утро, ой, да ясное —
Отсвистулила пурга!
За осиновыми пряслами
Меркнут мягкие снега.*

*А от птичника до птичника —
Снегириный перелёт...
Прорезной узор наличника
Посреди зимы цветёт.*

*Бабы веркольские охнули,
Всполошив частушкой тишь.
И ворохнулись охлупни
На коньках тесовых крыш.*

*А у Дома да у самого
Запах пакли и сенца.
Я на родине Абрамова —
Вдохновенного певца.*

*И сугробная, морозная,
Сосульками звеня,
Супит бровь природа грозная,
Стужу гонит от меня.*

*Дрогнут худенькие сосенки,
Хмуры хвойные верхи,
Но выпархивает солнышко
Воробьём из-под стрехи!*

*Шумно охает околица:
“Задрала метель подол!
Но как только распогодится —
У коровушек отёл”.*

*Шубняки шушат и варежки...
Как светло от русских лиц!
И похрустывают шанежки
На зубах у молодежи.*

3

*Снегами Веркола слепила.
Искрясь, белела навесь крыш.
И горожан заморозила
Простора северного тишь.*

*И в тишине сухой, морозной,
В тот краткий сумеречный час
Урюмый мир природы грозной
Снежком и стужей метил нас.*

*Был тот снежок сыпучий — колок,
А под ногами — ой, скрипуч!
Мороз щетинил иглы ёлок,
Чуть розовел закатный луч.*

*В оконцах стыл узор гераней
За перепончатым ледком.
Топились низенькие бани,
Горчавым веяло дымком.*

*За пики ёлочек цепляясь,
Плыла вечерняя заря.
И пламенел, переливаясь,
Пуховый фартук снегиря!*

*И речь крестьянская медово,
Как водополицы напор,
Лилась: “У нас мужик за Словом
Пешком ходил до Карпогор!”³.*

*И закудахтали старушки,
С той простотой почти святой:
“То Слово в книжицах Федюшки
Сверкает рыбкой золотой!”*

4

*В родной земле, любимой с детства,
Лежишь... А рядышком река.
Оно с тобой, твоё наследство —
Поля, луга и облака,*

*И лес, и Пинега, и пожни,
Родной избы тепло и свет.
Ты рядом с нами мало пожил,
Познав не только соль клевет.*

*Да, ты азартно делал дело!
И со страниц правдивых книг
Нам Слово Севера звенело,
Как юркий веркольский родник,*

*Что под землей упруго бьётся
И с человеком ищет связь.
И упоённо к свету рвётся,
Сквозь щель булыжную сочась.*

*Сквозь все запруды и преграды,
Щебёнку, глину и сузём
Он к нам прорвался... Люди рады:
“Дай Бог, с водицею живём!..”*

*В разгар косьбы, лесоповала
И в год голодный, горевой
Нам так её недоставало,
Целительной и ключевой!*

*Теперь над ней шумят берёзы,
С ней наша родина видней.
И разве что людские слёзы
По чистоте сравнимы с ней.*

1987, Веркола — Ленинград

Примечания:

¹ “Полозья пошевной скрипели” — Пошевни — разновидность русских саней.

² “Ах, Лебедин мой, Лебедин!..” — старинная северная обрядовая песня.

³ Карпогоры — районный северный городок в Архангельской области.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 13

БЕЛАЯ ИНДИЯ

“Белая Индия” не была лишь творческой фантазией Николая.

“...Поверь мне, там, на Востоке – тайник богатых откровений”, – говорил Лермонтов Краевскому. Этот “тайник богатых откровений” манил и притягивал к себе на протяжении многих столетий.

Торговые отношения у России с империей Великих Моголов были установлены ещё в XVII веке и продолжены при Петре I, который пытался найти прямые пути в Индию. Сами индийские купцы заявляли, что пользуются в России привилегиями, каких не имели ни в Персии, ни в других странах Востока.

Сын староверов и великий русский энциклопедист Михаил Ломоносов, что ассоциировался у Ключева с самим народом (“за обозом народ – Ломоносов в пестрорадушном зипуне”), разрабатывал проект движения российских судов через Северный Ледовитый и Тихий океаны в Индию... Речь шла об обретении новых геостратегических основ России в мировом бытии. И, возможно, не только о грядущем геополитическом союзе шла речь, ибо, утверждал Ломоносов – “и целой Ориентальной академии быть бы полезно”. И если ранее поиски путей на Восток были вызваны именно стремлением к мирной торговле, то при Павле I Россия бросит прямой вызов Британской империи, отправив под началом генерала Платова казачий корпус в Индию – с целью, в том числе, и овладения Тибетом. Корпус прошёл 1564 версты, когда его настигло известие об убийстве императора. Как писал французский журнал “Монитор” – “Павел I умер в ночь с 24 на 25 марта. Английская эскадра прошла Зунд 31-го. История узнает связь, которая могла существовать между этими двумя событиями”.

Пройдёт менее 100 лет – и в 1893 году принявший православие тибетский врач Жамсаран Бадмаев представит Александру III доклад “О задачах русской политики на азиатском Востоке”, где впрямую напишет о необходимости присоединения к Российской империи Тибета, Монголии и Китая... “Восточный проект” поддержат митрополит Антоний Волынский (Храповицкий), архиепископ Феофан Полтавский (Быстров), архиепископ Андрей Уфимский (князь Ухтомский), позже перешедший в старообрядчество. И если при Александре II конфронтация между Россией и Великобританией на подступах к Британской Индии ослабла, а само русское правительство после успешных среднеазиатских походов решило, что “дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведёт только к ослаблению

* Продолжение. Начало в № 1–12 за 2009 год.

и раздроблению её сил”, то в дальнейшем ситуация начала ощущаться меняться, балансируя, как на качелях. В 1900 году в Бомбее было открыто русское консульство, в 1907 году при существенном давлении “англоманов” в русском правительстве было подписано англо-русское соглашение, регламентировавшее политику России и Англии в Афганистане, Персии и Тибете, ставшее важнейшей вехой на пути присоединения России к Антанте (“Тройственному союзу”), а уже в 1910–1914 годах Николаем II разрабатывается план присоединения на началах автономии к Российской империи Тибета, поддержанный с одной стороны далай-ламой, а с другой – германским императором Вильгельмом, напрямую заинтересованным вытеснить с Востока Британскую империю. Так что втягивание Антантой России в войну с Германией при помощи своей “внутренней партии” имело безусловный геополитический смысл.

Но одно дело – геополитика, другое – историческая и духовная связь Руси и Индии на протяжении долгой человеческой истории. Ещё в Древней Руси были сложены и переведены на русский “Слово о рахманах” и “Сказание об Индийском царстве”. “У рахман... народ благочестив, и живут они совершенно без стяжания и, уведав жребий, посланный им Божьей судьбой, обитают нагие и всегда восхваляют Бога. У них же нет и четвероногих, ни земледелия, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни золота, ни серебра, ни едены мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, ни игр, и не стремятся к преисыщению, но насыщаются сладкой дождевой влагой и свободны от всяких болезней и тления, довольствуются небольшим количеством плодов и сладкой воды, и веруют искренно в Бога, и беспрестанно молятся...” Рай на земле – словно ещё до согрешения Адама и Евы... И совершенно иная картина – в “Сказании об Индийском царстве” – царстве сказочного пресвитера Иоанна, “поборника православной веры Христовой, царстве, полном чудес, где за одним столом с Иоанном “обедают... каждый день двенадцать патриархов, десять царей, двенадцать митрополитов, сорок пять протопопов, триста попов, сто дьяконов, пятьдесят певцов, девятьсот клиросников, триста шестьдесят пять игуменов, триста князей”... Этот чудодейственный мир уже раздираем войнами – “а если идём на войну, когда хотим кого-нибудь покорить, предо мною идут и несут двадцать крестов и двадцать стягов... А когда идём к назначенному месту на бой, другие люди несут предо мною один деревянный крест с изображением Распятия Господня, чтобы мы вспоминали Господнее страдание и распятие. Рядом с крестом несут большое золотое блюдо, а на нём – одна земля: на землю глядя, вспоминаем, что из земли мы созданы и в землю же уйдём. А с другой стороны несут другое золотое блюдо, на нём драгоценные камни и отборный жемчуг: и те, кто видят их, прославляют нашу державу...” И завершается этот удивительный памятник древнерусского словесного искусства ещё одним напоминанием о том, что Иоанн – поборник православной веры: “А во дворце моём сто пятьдесят церквей; одни сотворены Богом, а другие человеческими руками”.

Это греческое творение XII века, написанное в форме послания индийского царя и священника-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу, при всей фантастичности отвечало давней мечте христиан Восточной Европы и Малой Азии о сильном православном государстве на Востоке, что противостояло язычникам и мусульманам. “Сказание об Индийском царстве” получило распространение на Руси во второй половине XV века, когда уже было сложено тверским купцом Афанасием Никитиным его знаменитое “Хождение за три моря” – в ту страну, куда издавна стремилась русская мечта и мысль, нашу пьющая подспудную тесную связь, соединяющую два мира. Никитин завершил своё “Хождение” прославлением Бога на арабском языке с цитатой из 59-й суры Корана и мусульманским перечнем Божественных имён.

В разное время и по-разному открывался русским людям таинственный Восток.

“В Юаньши, гл. XXIV, записано под 1330 г., что император Вэнь-цзун (1329–1332), правнук Кубилая, создал русский полк под начальством темника. Название полка – Сюан-хун – У-ло-се Ка-ху вей цинкюи – Вечно верная русская гвардия...” Это цитата из статьи Э. Брейтшнейдера “Русь и Асы на военной службе в Пекине”, напечатанной в “Живой старине” в 1894 году.

Речь идёт о тверичанах, разгромленных ордынцами и Иваном Калитой в 1327 году, угнанных в полон и ставших воинами, псарями и сокольничьими

при китайском императорском дворе. К ним – русским в средневековом Китае – мы ещё вернёмся.

О них писал Сергей Николаевич Марков уже в 1960-х годах в книге “Земной круг”, которая складывалась спустя тридцать с лишним лет после встреч автора с Клюевым и долгих и насыщенных с ним бесед.

“Русские невольники, – писал Марков, – разделяли с китайским народом все те тяготы, которым он подвергся во время правления хана Шунь-ди...”

И кто знает, может быть, русские люди принимали участие в освободительных восстаниях против монгольского владычества в Китае?.. Русские люди были свидетелями свержения ненавистного господства дома Юань в Китае. Может быть, последний великий хан увёл с собою своих русских невольников? Ответить на этот вопрос невозможно.

Но не здесь ли и скрыта вековая загадка Беловодья? Вспомните, как ещё лет сто назад бородастые алтайские кержаки искали свою страну обетованную в пределах Западного Китая, в Монголии, пробираясь к озеру Лобнор? Какие жизненные корни имела старая сказка о заповедном Беловодье, о звоне русских колоколов в самой глубине Центральной Азии? Может быть, привлекательная для русских раскольников легенда была основана на вполне жизненных событиях далёкого прошлого?

О русских людях, живших в Каракоруме ещё в XIII веке, рассказывали европейские путешественники. Когда столица дома Юань была перенесена в Ханбалык, там вместе с аланами появились и русские пленники. Тверская соха в 1330 году, возможно, не впервые прошла по земле Китая.

Китайские учёные, жившие в XIV веке, например, Ван Хой и Юй Тан-цзя даже пытались выяснить историческое прошлое русского народа. Они писали, что “алосы не кто иные, как потомки древнего народа усунь”.

А во второй половине XVII века, ещё до никонианской реформы, Русь посылала приказчиков в Индию “для отведыванья торгового промыслу”, о чём рассказывалось в книге В. Уляницкого “Сношения России с Индией и Средней Азией”, изданной в 1889 году.

О связи с дальним и прекрасным Востоком, об “Индеюшке богатой”, о таинственном Беловодье, где нет власти, людьми поставленной, где правой вере простор, где свободен дух человеческий, где обретает волю и покой тот, кто войти туда достоин, – повествовалось в староверческих апокрифах, многие из которых могли и не дойти до нас – ибо не подлежали лицемерию праздных глаз, оставались глубоко под спудом, передавались лишь в руки верных – и гибли в исторических катаклизмах, а то и вовсе не записывались, передавались из уст в уста, навреде того песнопения, которым уже после революции завершил Клюев своё стихотворение в прозе “Красный конь”:

*Эх ты, сердце наше — красный конь,
У тебя подковы — солнце с месяцем,
Грива-масть — бурливое Онегушко,
Скок — от Сарина Носа к Арарат-горе,
В ухе Тур-земля с тёплой Индией,
Очи — сполохи беломорские, —
Ты лети-скачи, не прядай назад; —
Позади кресты, кровь гвоздиная,
Впереди — Земля лебединая.*

Народная легенда о таинственном Беловодье передавалась из уст в уста, в тайных списках, что в XIX веке изымались и хранились в секретных полицейских архивах... Это и своего рода руководство для путника, что идёт к земле таинственной, обетованной чрез зашифрованные точки маршрута, что выписаны в тексте этой удивительной легенды о сказочной восточной земле:

“Маршрут, сиречь путешественник: от Москвы на Казань, от Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорск, на Выбернум деревню (Барнаул. – С. К.), на Избенск (Бийск. – С. К.), вверх по реке Катунь на деревню Устьюбу, во оной спросить странноприимца Петра Кириллова.

Около их пещер множество тайных и мало подале от них снеговья горы распространяются на 300 вёрст, и снег никогда на оных горах не тает. За оными горами деревня Умоменская (Уймон. – С. К.) и в ней часовня; инок

схимник Иосиф. От них есть проход Китайским государством, 44 дня ходу, через Губань, потом в Опоньское государство. Там жители имеют пребывание в пределах окяна-моря, называемое Беловодие. Там жители на островах семидесяти, некоторые из них и на 500 верстах расстоянием, а малых островов исчислить невозможно...

Проживающий народ на вышеозначенных островах беловодских при означенных церквах с духовным чином древняго поставления отклонившихся от гонения римских западных папешских еретиков в те восточные места. Также и россияне во время изменения церковного чина Никоном патриархом московским и древняго благочестия бежали из Соловецкой обители и прочих мест Российского государства немалое число, отправились по Ледовитому морю на кораблях всякого звания людей, а другия и сухопутным путём.

Бог наполняет сие место...

В том месте приходящих из России принимают первым чином: крестьят совершенно в три погружения и желающих там пребыть до скончания жизни...

В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управлют народы и всех людей духовныя власти. Тамо древа равны с высочайшими древами. Во время зимы морозы бывают необычайные с рассединами земными. И громы с землетрясением немалые бывают. И всякие земные плоды бывают; родится виноград и сорочинское пшено. И у них злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много. А оные опоньцы в землю свою никого не пускают, и войны ни с кем не имеют: отдалённая их страна. В Китае есть град удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не наберётся".

Эта легенда о таинственном Беловодье возникла ещё до раскола, но после него обрела новый смысл. Речь ведь идёт не о доселе неизвестной — о забытой земле, память о которой хранится в людских сердцах. И из поколения в поколение передаётся завет — найти тот край, дорога к которому позабыта, который, подобно Китеж-граду, что после Батыева разорения стал невидимым, сокрыт водами Светлояра, растворён в туманном мареве, — а лежит этот край в восточной земле, и бредут староверы на поиски некогда утерянного рая земного.

Георгий Гребенщиков, один из любимейших прозаиков Клюева, выпустивший в 1914–1915 гг. двухтомник "В просторах Сибири", в очерке "Алтай — жемчужина Сибири", написанном уже в эмиграции в 1926 году, утверждал, что легендарное Беловодье — и есть Алтай, Уймонская долина у подножия овечьей легенды горы Белухи, Бухтарминский край, долины рек Урянхая, Саянов и Тарбагатая.

"...Замечательно, что русские славяне одновременно пришли как на Алтай, так и в Забайкалье, на реку Селенгу, именно с одинаковыми побуждениями — сохранить древние основы их религиозного начала, начала того общезжития на Руси, когда религия управляла целым государством, повелевала царям и правителям, и когда "Господа ради" старцы и юноши искали уединения в лесах и на горах, и когда их скиты и починки вырастали в великие монастыри, в посады и целые большие города.

Также знаменательно и то, что в течение двух столетий сюда, в глухие горы и леса Алтая, пробирались не только ищущие Белых вод, но и гонимые за старую веру, а также беглые от тяжкой подневольной жизни, от каторжного непосильного труда в шахтах и от прочих степеней насилия над совестью и волей человека...

Обилие голубых и говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых непроходимыми лесами и лугами с многочисленными постоянно меняющимися цветами, — всё это делало в глазах отшельника Алтай обетованным местом, земным раем. И люди, окружённые лишь птицами да дикими зверями, обветренные безлюдием и тишиной, чувствовали близость Бога и полную неприкосновенность и защиту от насилия своих же братьев, а также столь необходимое им удаление от всякой суеты греховной. Потому даже злодеи и преступники, уединившиеся в горах Алтая, неожиданно превращались в мягких благоговящих людей и мужественно переносили тяжёлые лишения, одиночество, тревоги и страх за жизнь, пока с течением лет находили и увлекали в своё уединение и женщины, чтобы зажить очагом, семьёй и общиной.

И вот когда такая община, скованная единой волей и верой, строила в горах свой первый маленький бревенчатый храм-часовню, летописец мог с уве-

ренностью занести в свой свиток, что вековой уклад славянства на многие века утверждается в далёкой Азии и что в заплечной котомке простой скитник вместе с медным складнем-иконой занёс на великую гору Алтая весь тяжёлый груз труженика — пахаря и скотовода и все радости мечтателя, взыскующего и нашедшего святое место для своих молений”.

Там, действительно, оседали многие из русских странников, пустившихся на поиски Беловодья, но нельзя не вспомнить уймонскую песню, где поётся о том, что пришельцы остановились лишь передохнуть, а путь их — дальше, на Восток, в Афганистан, Китай, Индию — и далее, до пределов земли обетованной.

*Уж вы горы, гороньки алтайские,
Приютите вы нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, разбойничков.
Мы пришли к вам, гороньки, не век вековать,
Не век вековать, одну ночь ночевать.*

... Староверческую легенду хорошо знал замечательный русский писатель Александр Новосёлов, воплотивший её в повести “Беловодье”, что была напечатана в “Летописи” в 1917 году.

Умиравший старовер Панкрат наставляет своего сына Панфила, завещает ему перед смертью исполнение своей несбывшейся мечты.

— Скажи мне, веришь ли в землю Восеонскую, правой вере обетованную?

— Верю, батюшка.

— А как веришь?

Сын молчал.

— Как ты веришь, говорю? Всяко верят. Есть которые смеются. Из стариловских, из наших же такие есть. А другие опять рассудком затмились и ищут сказку богомерзкую... Думают, на белых водах калачи по берёзам висят... Не то надо искать... Не такое Беловодье.

— Понимаю, батюшка.

— Вразуми тебя, Господи! Беловодье, оно от всех стран отличительно... Найдёшь, небось...”

Трагичен финал этой повести. Погибает в пустыне Панфил, так и не нашедший Земли Обетованной. Оставляют его единоверцы, возвращаясь к родному очагу.

Поиски — поисками, а была ещё и прапамять, хранящая знание о едином истоке, истоке, о котором стали писать и издавать книги в России и Индии в начале XX века.

* * *

В 1903 году в Бомбее учёный и видный деятель Индийского национально-го конгресса, борец за освобождение Индии Бал Гангадхар Тилак издал книгу “Арктическая Родина в Ведах”, где утверждал, на основе анализа текстов индийских “Вед” и иранской “Авесты”, что родина предков индоиранцев, или “арьев”, находилась около Полярного круга на севере Европы, о котором в “Ригведах” говорилось, как о благодатном крае. “Я считаю, — писал Тилак, — что в древнейших книгах арийской расы, в Ведах и Авесте, содержится достаточно утверждений, чтобы доказать, что древняя родина ариев лежала где-то вокруг Северного полюса... Обращаясь к традициям, мифам и верованиям Вед, мы имеем возможность увидеть, что они возникли много тысяч лет тому назад и были без изменений переданы нам, а поэтому вполне возможно, что в этих древних книгах мы можем найти следы изначальной приполярной родины ариев, и то, что они жили в самые давние времена в пределах приполярного круга... Северный полюс и арктические области обладают особыми астрономическими характеристиками, и если в Ведах могут быть открыты указания на это, значит, предки ведических риши (пророки, мудрецы, авторы Вед. — С. К.) должны были знать эти характеристики, живя в этих областях, что было возможно только в период межледневековья...” Анализируя ведические мифы, связанные с богиней зари Ушас, с богом Индрой, борющимся с демонами-дасами, которых скрывает тьма, с богом Варуной, с мифами

о пленных водах и утренних божествах, с “тремя шагами Вишну” – Тилак приходит к оснополагающему выводу: “авторы Ригведы были знакомы с климатическими условиями, свойственными только арктическим областям... упомянутые божества... являют своё арктическое происхождение”.

Книга была переведена на несколько европейских языков и вызвала настоящую сенсацию. И даром что не был переведён этот труд тогда же на русский язык – основные его идеи излагались в книге русского учёного Е. Елачича “Крайний Север как родина человечества”, изданной в 1910 году, мимо которой не мог пройти Ключев.

Елачич также приводил многочисленные выдержки из “Ригведы” и “Авесты”, где полгода длится день и полгода – ночь, а “год человеческий – это один день и одна ночь богов”.

*По правде, это было много дней,
В течение коих до восхода солнца
Ты, о заря, была видна нам!
Многие зори не просветлились до конца,
О, дай, Варуна, нам зари до света прожить.*

Полярная ночь сменяется полярным днём, когда “свою колесницу бог Солнца оставил посреди неба” – так наблюдается движение солнца в северных широтах...

А теперь вспомним уже приводимую ранее цитату из “Песни о великой матери”, где Ключев вспоминал начало своего “образования”:

*С Воронограем список Вед,
Из Лхасы шёлковую книгу
И гороскоп — Будды веригу —
Я прочитал в пятнадцать лет.*

Оставим в покое возраст поэта – здесь может быть множество допущений и предположений. Но когда бы ни состоялось знакомство Ключева со священными книгами – он не мог не увидеть даже в названии рек и озёр Русского Севера их смыслового и звукового соответствия в санскрите, где река Алака расшифровывается через “завиток”, река Важа – через “ваджу” (“быстроту” и “воду”), река “Вандыш” соответствует “вандье” (“восхваляемому”), река Вара – “вар” (“воде”) и “варе” (“лучшей”). Варда (река в Пинежском уезде) на санскрите соответствует “варде” (“дающей воду”), а Варзуга, там же протекающая, – “варасу” (“широте”, “простору”). Приток Онеги Вега означает “поток” – и что уж говорить о реке Ганге в Онежском уезде или Гангозере в Лодейнопольском, чьи имена соответствуют не только названию священной реке Индостана, но и понятию “идущая” в санскрите... О многом же изначально говорили ему имена рек и озёр, по берегам которых он проходил в своих скитаниях – Карна, Кула, Лекшма, Мандера, Павана, Рокса, Санда, Шива... Человек, неустанно учившийся и расширявший свои познания, он не мог пройти мимо исследований и словарей по санскриту К. Коссовича, Ф. Крнауэра, П. Риттера, издававшихся в России во второй половине XIX – начале XX века. А, читая книгу “Махабхараты” – “Путешествие Бхагавана”, – не мог не остановиться на описании “Вознесенной” страны, где “возникают сияния” и проходит дорога “Золотого Ковша” – Большой Медведицы.

*Здесь семь риши и богиня Арунхати;
Здесь находится созвездие Свати, здесь помнят о его
величии;
Здесь, нисходя к жертве, Полярную звезду укрепил
великий предок;
Здесь созвездия, луна и солнце постоянно обходят
круги;
Здесь лучшие из дважды рождённых врата Певчей
страны охраняют.*

“Великим предком” слагатели Вед называли бога Индру, а Полярная звезда, соединяющая и крепящая невидимую ось, на которой Индра расположил небо и землю, именовалась “Друхвой” – “нерушимой”, “неколебимой”.

Замечательный искусствовед и этнограф С. В. Жарникова в своей книге “Золотая нить”, изданной в наши дни и посвящённой древнейшим корням народной культуры и связи русских архаических обрядов, ритуалов и самой мифопоэтической традиции с индоиранской, пришла на основании многолетних исследований к безусловному выводу: “Судя по текстам Ригведы, Махабхараты и Авесты, древние арьи прекрасно знали флору и фауну Европейского Севера, поклонялись Полярной звезде, Большой Медведице, созвездию Кассиопеи, Волопаса и Персея, т.е. созвездиям Приполярья и Заполярья... Великая река нашей Родины Волга вплоть до 2 века н. э. носила имя, под которым её знала священная книга древних иранцев Авеста – Ранха или Ра. Но Ранха Авесты аналогична реке Ганге Ригведы и Махабхараты, именно на её берегах жили древние арьи, предки современных индийцев и иранцев... Когда-то Гаврила Романович Державин писал: “Река времён в своём стремленьи уносит все дела людей”. Мы же столкнулись с удивительным парадоксом, когда реальные реки словно остановили поток времени, вернув в наш мир и тех людей, что когда-то жили по берегам этих рек, и их дела. Вернули нам нашу Память”.

Для Клюева книга Елачича могла стать лишь побудительным толчком “пробуждения Памяти”, когда разнородные наблюдения и сопоставления, проявляющиеся в зримых и звуковых формах, наконец, связываются в единый узел... К 1916 году, на который в его восприятии приходится пик противостояния вербы и железа, Руси и Запада – он обретает тайнознание этой связи – и её воплощение в поэтическом творчестве Николая растянется на ряд долгих лет. Ключевым в этом никак композиционно не организованном поэтическом цикле станет стихотворение (точнее, мини-поэма) “Белая Индия”.

“Сказка – алмазный узор”, утерянная Всевышним, что обронил её “в Глуби Глубин”, исчезла “на дне всех миров, океанов и гор” – и ни один архангел не смог отыскать её – ни у Смерти, ни у Времени, ни у Месяца, ни у Солнца, – до тех пор, пока

*Земля — Саваофовых брашен кроха,
Где люди ютятся средь терний и мха,
Нашла потеряшку и в косу вплела,
И стало Безвестное — Жизнью Села.*

Это “Безвестное” роднится с “Оно”, которое рефреном сопровождает написанную тогда же “Белую повесть”, посвящённую памяти матери. “Оно” – заветное предание, разлитое в воздухе родного села и родимой избы, беззвучно пронизывающее каждую строку поэта, погружённого в прапамять.

*Есть град с восковою стеной,
С палатой из титл и заставок,
Где вдовы-Ресницы живут
С привратницей-Родинкой доброй,
Где коврик моленный расшит
Субботней страстною иглой,
Туда меня кличет Оно
Куличевым сдобным трезвоном,
Христом разговеться и всласть
Наслушаться вешних касаток,
Что в сердце слепили гнездо
Из ангельских звонких пушинок.*

Бледный Конь Апокалипсиса, пришедший в родную избы, – преобразует одним прикосновением привычный мир. Смерть раздвигает зрение, которое собирает воедино времена и пространства. “И каждое око есть мир, сплав жизни и душ отошедших. “Изыди”, – воззвали Миры, и вышло Оно на дорогу...” В Белой же Индии обретение селом “Безвестного” влечёт “загадок и тайн золотой приворот”... И разгадка этих тайн приводит к прозрению путей, соединяющих современность с праисторией, когда арьи (в изначальном значении – пахари) слагали вещие гимны о своей прародине, уходя чрез горы и реки на юг, сохранив и приумножив тайное знание в джунглях Индостана.

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет.*

Знакомые с детства бытовые реалии обретают космический смысл, все-ленское значение, становятся символом счастливого бытия, несколько не теряя своего земного предназначения, более того, воплощаясь в конкретных земных формах — реальность существования Града Незримого настолько очевидна в клюевском восприятии и передаче, что поистине ошеломляет неподготовленного читателя. В этом Граде пиршество плоти и духа, вечное бессмертие, что, естественно, отсылает к сугубо материалистическому обоснованию преодоления смерти в “Философии общего дела” Николая Фёдоров, высоко ценимого Клюевым, воплощено в сугубо земных, плотских образах. Избяной космос и Белая Индия — прародина арьев — здесь едины в своём гармоничном соитии, и сокровища мирового духа и мировой культуры под пером олонецкого странника становятся в один ряд с нерукотворной красотой северных лесов, восточных пустынь, южных ароматных чащ, красотой Русской Избы и Индийской Пагоды... Трапеза за столом родного дома обретает смысл обретения Солнца и вызывает в памяти создание богом Вишну предков из трёх лепёшек... (И как тут не вспомнить процедуру выдерживания младенца Николая в хлебной квашне?)

*Повыйди в потёмки из хмарной избы —
И вступишь в поморье Господней губы,
Увидишь Предвечность — коровой она
Уснула в пучине, не ведая дна.
Там ветер молочный поёт петухом,
И Жалость мирская маячит конём,
У Жалости в гриве овечий ночлег,
Куриная пристань и отдых телег.
Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы, стучатся в тележный покой.
Впусти их раздумьем — и въявь обретёшь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
Нарушай ломтей, и Мирская душа
Из мякиша выйдет, крылами шуриша.
Таинственный ужин разделите вы,
Лишь смерти не кличьте — печальной вдовы...*

“Сократ и Будда, Зороастр и Толстой” — это соединение четырёх потоков мысли, изошедших из четырёх сакральных точек Земли — Греции, Индии, Персии и России. Всё сокровище человеческой мысли, унаследованное Землёй, исходит из этих четырёх источников, что соединяются воедино в “Белой Индии” — на Русском Севере — прародине человечества, в легендарной Гиперборее. Веды и Авеста повествуют о ней, а Эллада унаследована русской архаикой — чрез Византию, что одарила Русь словом Христовым. И неназываемая икона Спаса Нерукотворного осеняет клюевскую Белую (северную) Индию со всеми её сокровищами.

*В потёмки деревня — Христова брада,
Я в ней заблудиться готов навсегда,
В живом чернолесье костёр разложить
И дикое сердце, как угря, варить,
Плясать на углях и себя по кускам
Зарыть под золою в поминок векам,
Чтоб Ястребу-духу досталась мета —
Как перепел алый, Христовы уста!
В них тридцать три зуба — жемчужных горы,
Язык — вертоград, железа же — юры,
Где слюнные лоси, с крестом меж рогов,
Пасутся по взгорьям иссопных лугов...*

*Ночная деревня — преддверие Уст...
Горбатый овин и ощеренный куст
Насельников чудных, как струны, полны...
Свершатся ль, Господь, огнепальные сны?!*

Это символическое “саморасчленение” помимо всего прочего отсылает к древнеиндийскому мифу о великане Пуруше, из тела которого, после жертвоприношения, было создано всё мироздание: дух воплотился в луну, глаз — в солнце, уста — в богов Индру и Агни, дыхание — в ветер, пуп — в воздушное пространство, голова — в небо, ноги — в землю, ухо — в четыре стороны света... Стихотворение “Я здесь”, — ответило мне тело...”, позже названное “Путешествие”, воспроизводит путь по вселенной тела, где семь чакр, известных из учения йоги, — нервных сплетений, воздействие на которые регулирует здоровье человека, полностью соответствуют семи точкам, известных русским знахарям: сахасрара соответствует родничку, аджна — челу, вишудха — горлу, анахата — сердцу, мерударда — ярлу, манипура — животу, свадхистхана — роду. Ключевское плавание по миру тела — открытие новых материков с их собственной жизнью. В “сердце мысе” — “цветут миндаль и кипарис”, на “острове Печень” — “в долинах с жёлчными лучами отары пожранных овец”, живот — “плотьяные Печенег”, где “населяет гребни суши крылатый яростный народ”... Словно Одиссей, пройдя опасные земли, поэт причаливает к желанному краю — роду, где наслаждение неотделимо от восточных мотивов, а зарождение нового слова и нового учения неотрывно от самого процесса оплодотворения.

*Как звездотечностью пустыни
Везли семь солнц — пророка жён, —
От младшей Евы, в Месяц Скинний,
Род человеческий рождён.*

*Здесь Зороастр, Христос и Брама
Вспахали ниву ярых уд,
И ядра — два подземных храма
Их плуг алмазный стерегут.*

(Впрочем, здесь несомненно видны и следы чтения “Авроры” великого немецкого мистика, выходца из народной среды Якова Бёме, пользовавшегося особым вниманием Клюева, который безусловно разделял ненависть немца к учёности, как сугубо цеховой науке — “Я учусь у рябки, а не в Дерптах”... “Всё тело сего мира подобно человеческому телу, — вещал Бёме, — ибо в самой внешней своей окружности оно окружено звёздами или взшедшими силами природы; и в теле правят семь духов природы, а сердце природы — посреди них внутри”).

Клюевский космос сосредоточен в северной деревне, которая сама воплощает собой единый узел времён и пространств... И не стоит специально останавливаться на его великолепном знании орнаментальной символики на повседневной и праздничной одежде: рубахи-долгорукавки с прорезями-“окошками” для рук, столь характерные как для Русского Севера, так и для Московской губернии — имеют свой аналог в “Атхарваверде”, где боги облачают друг друга в одеяние, что дарует долголетие, власть и богатство. Индийская вышивка в технике “чикан” с использованием множества разнообразных швов соответствует вышивке “чекан”, что применялась в Олонецкой губернии. С. Жарникова в “Золотой нити” отмечала также, что “техника настильной глади из Гуджарата удивительно похожа на севернорусскую настильную гладь, широко распространённую в Олонецкой губернии”... Композиционные схемы вышитого и тканого орнамента, идентичные в Индии и на Русском Севере (богини с поднятыми вверх руками, утицы и павы, композиции из четырёх свастик, соотносящиеся с понятием “аскезы пяти огней” — стояния жреца между четырьмя кострами под лучами солнца, однородная символика плодородия на орнаментированной рубахе), были хорошо знакомы Клюеву... “В пёстрой укладке повойник и бусы свадьбою грезят: “Годов пятьдесят Бог насчитал, как жених черноусый выменял нас молодухе в наряд...” Женский повойник, также связанный с символикой плодородия, равнозначной у русов и арьев, — не только память о матери и свидетельство некогда бывшего достатка в доме (за

повойник отдавали две дойных коровы) — но и наглядное свидетельство той незримой нити, что пронизывает все стихи Клюева ближайших пяти-шести лет:

*Помнит моя подоплёка
Жёлтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.*

.....
*Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принёс...
Нилу, седым океанам,
Устье — запечный Христос.*

Так вещает сам тулуп поэта, висящий в чулане, а поэт, вслушиваясь в безмолвную речь одушевлённого друга, находит свой ответ:

*Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.*

И далее эта нота идёт по нарастающей:

*И мнится за печью седое Поморье,
Гусиные дали и просырь мерещ...
А дед запекает о Храбром Егорье,
Склонив над иглой солодовую плешь.*

*Неспора починка и стёг неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу...
То Индия наша, таинственный ужин,
Звенящий потирами в красном углу.*

Стихотворение это начинается строкой: “Печные прибои пьянщи и гулки...” В свежесрубленную избу издавна вносили угли из старого очага — этот обычай (на что обратила внимание киевская исследовательница Людмила Киселёва) был связан с культом небесного огня, с языческим богом Сварогом. “Его сын Сварожич — это огонь, горящий в печи и в кострах, частица космического пламени. Потому и в печи плещет прибором вселенского моря...” Стоит добавить, что имя Неба — Сварог — происходит от санскритского “сварга”, что и значит “небо”, а, соответственно, Сварожич — сын неба, у славян означал — солнце. Так в русской избе, как в микрокосме, заключён макрокосм, а древнейшая связь между мирами воплощена в обиходе, в каждой детали которого оживают древние смыслы.

*Под древними избами, в красном углу,
Находят распяты, алтын и иглу —
Мужицкие Веды: мы распяты все,
На жернове — мельник, косарь — на косе.*

.....
*Пусть стол мой и лавка-кривуша —
Умершего дерева души —
Не видят ни гостя, ни чаю, —
Об Индии в русской светёлке,
Где все разноверья и толки,
Поёт, как струна, карандаш.*

*Там юных вселенных зачатки —
Лобзаний моих отпечатки —
Предстанут, как сонмы богов.*

*И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.*

“Индия” неизменно ставится в красный угол, “все разноверья и толки” омываются в православной купели, а сама связь – таинственна, незрима и несказанна, доступна лишь ведающему тайну, разлитую в воздухе Божественного мира.

*Горем седеет и муха —
Одиночкой за зимней рамой...
Песнописцу в буквенное брюхо
Низвергают воды Ганг и Кама.*

*И, внимая трубам вод всемирных,
Рад поэт словесной бурной пене, —
То прибор, поход на ювелирных
Мастерочков рифм — собак на сене.*

* * *

Нельзя не сказать, что увлечение Индией в начале XX века в России приобрело и весьма широкое распространение, и весьма причудливые формы.

Ещё в 80-е годы XIX столетия в “Русском вестнике” стали появляться обширные записки Елены Блаватской “Дурбар в Лахоре. Из дневника русской”, “Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину”, “Загадочные племена. Три месяца на голубых горах Мадраса”... Блаватская писала об Индии, как о прародине человечества, и о том, что древнеиндийская мысль знала свойства природы и человека, неведомые науке. Ещё ранее ею были основаны в Нью-Йорке, в Бомбее и в предместье Мадраса Адьяре теософские общества с целью восстановить утраченные современностью знания скрытых сил природы, развития сверхъестественных сил человека и создания “универсальной религии” — ради достижения братства людей... Учение представляло собой синтез восточных религий и западной магии, восходящей к идеям неоплатоников и гностиков I–III вв. н.э., а также к мистическим европейским учениям XVI – XVIII веков — к трудам Бёме, Парацельса, Сведенборга, Сен-Мартена...

При всей странности её религиозных взглядов она, более половины жизни проведшая вне России и окончившая свои дни в Лондоне, оставалась убеждённой русской патриоткой. “Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестантство и католичество, как только дело дойдёт до православия, так душу так и тянет к русской церкви... А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю...” “Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию, торжествующую над врагами!” То, что подобные высказывания её абсолютно искренни, подтверждает следующий любопытный факт: ещё в 1872 году Блаватская предложила свои услуги начальнику III Отделения в качестве международного агента: “В эти 20 лет я хорошо ознакомилась со всей Западной Европой... со всеми выдающимися личностями политиков западных держав, как правительственной, так и крайне левой стороны... Занимаясь спиритизмом, прослыла во многих местах сильным медиумом... каюсь в том, что три четверти времени духи... отвечали моими собственными — для успеха планов моих — словами и соображениями. Редко, очень редко не удавалось мне посредством этой ловушки узнавать от людей... их надежды, планы и тайны... Я говорю по-французски, по-английски, по-итальянски, как по-русски, понимаю свободно немецкий и венгерский язык, немного турецкий... Я играла все роли, способна представить из себя какую угодно личность...” III Отделение отказалось от услуг исследовательницы и будущей теософки, но прими оно это предложение — Россия имела бы ценнейшего агента, вхожего во многие сферы — куда там легендарной певичке Мате Хари!

Во всяком случае, её записки дышат непримиримой ненавистью к колонизировавшей Индию Англии, а в кругу немногочисленных близких друзей она делилась своими мечтами о появлении отряда генерала Скобелева на от-

рогах Гиндукуша... Разговоры разговорами, но о том, в какой атмосфере в Индии жила Блаватская, готовая “положить жизнь за Родину, даже за царя” (по её собственному признанию), она писала издателю журнала “Ребус” В. Прибыткову: “...Англо-индийское правительство узрело во мне, с первого же дня моего приезда в Бомбей – “русскую шпионку”. Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть ту КОВАРНУЮ ЦЕЛЬ, которая могла заставить меня предпочитать “покорителям” ПОКОРЁННЫХ “тварей низшей расы”, как первые зазывают индусов. Оно окружало меня более двух лет почётным конвоем из мусульманских полицейских шпионов, делая мне, одинокой русской женщине, честь страшиться меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями...” Английская разведка работала чётко: вокруг Блаватской было создано густейшее облако из наветов и сплетен, чему, увы, способствовали и её собственные поступки – “для успеха планов моих...” В конце концов она была выслана из Индии, и репутация её была необратимо подорвана на многие десятилетия.

Но что интересно – в трёхтомной книге, посвящённой путешествию цесаревича Николая II на Восток в 1890–1891 годах, изданной в 1895 году, о Блаватской говорится в общем контексте распространения русского влияния на Индию и совершенно в ином тоне, чем стало принято писать о ней позднее.

“История наших отношений к Азии и к инородцам, населявшим когда-то добрых две трети Европейской Руси, ещё не написана и нам самим известна (в осмысленно-правдивом освещении) гораздо меньше прошлого иностранных государств. Когда неведение по этой части с годами рассеется, мы волей-неволей должны будем прийти к сознательно непреклонному убеждению, что Тот (на чьём челе магическими лучами сияют воедино венцы Великих Князей Югорского, Пермского и Болгарского на Волге, Царей Казанского, Астраханского и Сибирского, – чьи предки ещё в Белокаменной издавна величались “всея северные страны повелителями и иных многих великих государств государями и обладателями”) является единственным настоящим вершителем судеб Востока. Крылья Русского Орла слишком широко прикрыли его, чтобы оставлять в том малейшее сомнение. В органической связи с этими благодатными краями – залог нашего будущего.

Здесь, у Мадраса, в предместье Адиар (у маленькой реки того же названия) учредился центр нового оригинального братства. Деятельным помощником и другом нашей талантливой соотечественницы, приобретшей в России литературную известность под именем Радда-бай, явился американский полковник Олькот. Огромное число разветвлений мадрасской теософической логи возникло и в Азии, и в Америке, и в Европе. Несколько органов периодической печати специально посвятило себя констатированию и отчасти изучению необъяснимых психических феноменов из области психизма, то есть магических актов воли человека, для которого условия пространства и времени перестают существовать. Блаватская вызвала бурю обличений в шарлатанстве, чуть ли не в силу подозрительности англичан должна была навсегда покинуть преисполненный чудес и столь полюбившийся ей полуостров; но искусство её вызывать к себе симпатию и преданность туземцев, их смутная жажда сплотиться под знаменем этой странной северной женщины из народа, радикально чуждого Альбиону, – её постоянные разъезды по стране ради сближения с волхвами и в попытках быть допущенной к разным заветным тайнохранилищам браминов и джайнистов, – всё вместе взятое создало ей исключительное положение, какого с давних пор никто и нигде не занимал (пожалуй, начиная от тех отдалённо-блаженных дней, когда ясновидящие старицы на рубеже истории говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вешем языке богов!). Для Индии настоящего и будущего Е. П. Блаватская не умерла и не умрёт...

Англичанам остаётся пока, и замкнутым должно оставаться, самое важное: душа народов, которыми они правят. Глубоко и убеждённо преклоняясь перед искусством Британии властвовать над океанами и чужими царствами, всякий патриотично, но беспристрастно мыслящий русский не может и не смеет закрывать глаза на коренную противоположность её правильного и нашего далеко не упорядоченного хозяйничанья в пределах того же громаднейшего и населённейшего материка. Для одних это – приятная, однако весьма ненадёжная оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешёвым человеческим “трудом на других из-за куска хлеба”. Для антипо-

да Англии, для Азии Белого Царя, это есть домостройный принцип, недостаточно ещё перевоплощенный в туземную жизнь...”

Любое проникновение с русской стороны в индийский мир воспринималось англичанами как угроза их геополитическому могуществу, тем более когда речь шла о познании тех слоёв жизни “туземцев”, которые оставались непознанными высокомерными колонизаторами... Русские, в отличие от англичан, не только не смотрели на индийцев свысока — они познавали этот удивительный мир как близкий, родственный себе самим. А на Востоке продолжалась Большая Игра, та самая, о которой Редьярд Киплинг писал в своём знаменитом романе “Ким”. Один из героев романа Хурри Чендер утверждал, что “Большая Игра кончится тогда, когда умрут все. Не раньше”, и с гордой иронией вещал: “Я послал сказать, что дороги, за прокладку которых я плачу деньги землекопам, готовятся для ног чужестранцев и врагов” — и на вопрос: “Для кого?” — отвечает: “Для русских”. А в конце романа — снова — его же устами — Киплинг вещает о врагах — геостратегических противниках в Большой Игре: “Теперь все горцы уверены, что русские — нищие. Клянусь Юпитером! У них не было ничего, кроме того, что я доставал им. А я рассказывал простому народу — о, такие рассказы и анекдоты!.. Мы оба отличились!.. Видели бы вы, когда они удоставляли свои личности в Союзном банке! И, благодаря Всемогущему Богу, вы так хорошо добыли их бумаги... У вас будет всюду кредит на Игру”.

Интересно всё же, что “Книги джунглей”, стихи и роман Киплинга, получившего в 1907 году Нобелевскую премию “за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя”, пользовались большим успехом в России — многие узнавали таинственную и влекущую к себе Индию через его произведения. Не могу не упомянуть об одном интересном факте: мой прадед Аркадий Николаевич Куняев, всю жизнь посвятивший медицине, будучи достаточно образованным и начитанным человеком, но никак не связывавшим свою судьбу с литературным творчеством, напечатал в 1910 году в журнале “Вокруг света” рассказ “В таинственном Тибете” — авантюрное приключенческое сочинение, написанное одновременно и в подражание Киплингу и в полемике с ним. Герой рассказа индус Гобай служит проводником английскому отряду в Тибет и попадает с доктором Мифом в дом, где живёт некий англичанин Реджинальд, проделывающий чудовищные опыты: “в том доме... профессор... вырабатывал в своей лаборатории газ, обладающий свойством жадно поглощаться человеческой кровью... Он только и питался такою кровью!.. Мало того, он приучил к её употреблению свою жену и своего “управляющего”, который доставал жертв среди окрестных деревень...” В общем, вампир в виде “белого сахиба”, своеобразного “цивилизатора” ... Трудно отделаться от мысли, что этот рассказ с “жутким” сюжетом, на котором лежит определённый отпечаток бульварности, является и своеобразной пародией на многочисленные “восточные” сочинения того времени, в которых разнообразная “жуть” приписывается “туземцам”.

Помимо теософских журналов, щедро печатавших необуддистские сочинения, в России выходили быстро вошедшие в моду сочинения Свами Вивекананды “Практическая Веданта”, “Бог и Человек”, которыми, в частности, увлекался в юности Есенин и следы чтения которых сохранились в его ранних письмах Григорию Панфилову. Пересказывая отдельные мысли из “Веданты”, он, вне сомнения, позже делился этими же соображениями с Ключевым, в котором не мог не найти благодатного собеседника — многое вычитанное отсюда было изначально близко им обоим: “Всё едино: мысль, жизнь, душа и тело. Единственное различие в степенях развития. Мы не имеем потому никакого права смотреть с презрением на тех, кто не находится на одной с нами ступени. Не осуждай никого; наоборот, пользуйся оказавшись помочь каждому и делай это охотно...”

Нельзя не сказать, что распространение теософских сочинений у многих православных мыслителей вызывало активное отторжение, ибо было для них свидетельством наступления антихриста в преддверии грядущего конца света.

“Насколько усиленно идёт по миру подготовка царства антихриста, — писал Сергей Нилус, — можно, между прочим, видеть на современной деятельности одного из крупных разветвлений широковетвистого масонно-еврейского дерева, “Теософского Общества”, ныне совершенно открыто рекламирующего своих кандидатов в “боги” и “цари” для отступнического мира.

С 1-го января 1911 года теософами в лице председательницы их общества, разведённой жены методистского пастора и “подруги жизни” ныне умершего ирландского революционера Брэдли, мистрис Анни Безант учреждён “Орден Звезды Востока”. В члены этого ордена могут поступать все принимающие идею близкого второго пришествия мессии в физическом теле для тысячелетнего царствования на земле. Председателем этого ордена объявлен некий юноша-индус Кришнамурти (псевдоним “Альцион”). Юноше этому в 1916-м году исполнился 21 год. Это — “христос” от теософии, т. е. великий учитель, подобный Кришне или Будде, который поможет человечеству”.

И далее Нилус описывал со ссылкой на публикацию в “Биржевых ведомостях” мадрасскую школу “Дандарат” — школу “особого оккультного воспитания”, в которой “достигаются изумительные результаты при помощи гипноза. Воспитатели внушают детям, что те очень сыты и что атмосфера накалена. Под гипнозом они держат детей 14-15-летнего возраста, приучая их за этот период к бесстрашию и ясновидению... Обстановка и образ жизни в мадрасской школе вырабатывают истериков, каталептиков, припадочных разного вида и просто больных людей. Особо талантливые, т. е. особо нервные, из оканчивающих эту школу остаются в ней в качестве воспитателей, среди которых немало удивительных людей... Школа в Мадрасе содержится тайно, так как существуют предположения, что многие из воспитанников школы похищены европейскими и американскими оккультистами для увеличения числа адептов и жрецов “таинственной науки”.

Но это ещё “цветочки”. “Ягодки” у Нилуса следуют дальше.

“В том же теософском обществе существует отделение его, именуемое “Белой Ложей”. Надо полагать, что ложа эта состоит из членов, удостоившихся чести особого посвящения в тайны теософии, ибо в ней посвящённым показывается ныне якобы в эфирном теле некто, именуемый “Учитель учителей”, Иисус — Матерейя. Его видит председательница теософского общества Анни Безант, видят, вероятно, и другие члены ложи. Непосвящённым портрет этого “Учителя” выдаётся за идеальную голову мужской красоты...

Такова работа “врага рода человеческого” в мире великого отступления, когда-то бывшего христианским”.

(К слову: в 1941 году известный русский фантаст Александр Беляев выпустил отдельным изданием свой последний роман “Ариэль”, где описание Дандарата полностью соответствует описанию, данному Нилусом — вплоть до деталей. То же касается и портрета Матерейи, появляющегося перед воспитанниками школы:

“Учитель учителей” был одет в небесно-голубого цвета длинную одежду. Его голова с волнистыми, падающими на плечи волосами и небольшой бородкой напоминала изображения Христа итальянских художников. На красивом, слишком женственном — “сладостном” — лице застыла “божественная” улыбка...”

Цели мадрасской школы Беляев также излагал в унисон с Нилусом — за одним серьёзным исключением: он не мог противопоставить в романе, предложенном довоенному советскому издательству, теософии — православие.

“Мистер Пирс и сагиб — мистер Броунлоу — оба были англичанами, и оба работали на одном поприще. Религия — один из устоев общественной системы, которой они служили, — давала зловещие трещины, теряла своё обаяние в народных массах. Нужны были какие-то подпорки, суррогаты, “заменители”. Нужно было поддержать веру в божество, в дух, поддержать мистические настроения. И на сцену появились общества теософии, спиритизма, оккультизма, издававшие тысячи книг во всех странах мира. Центр их находился в Лондоне. Нельзя было не использовать Индию, окружённую в глазах европейцев и американцев ореолом таинственности с её “оккультными знаниями”, йогой и факирами. В самой же Индии религия так хорошо помогала англичанам поддерживать своё господство...”

Мадрасская школа существует неофициально. К этому побуждают не только своеобразный уклад и необычайные методы воспитания, но и некоторые причины более щепетильного свойства. Сюда помещают детей только те родители, родственники или опекуны, которые по той или иной причине на время или навсегда хотят избавиться от ребёнка. Некоторые же из детей просто похищаются у родителей агентами Дандарата”.

Точное описание типичной тоталитарной секты.

Если отвлечься от сугубо “атеистического” беляевского штампа — нельзя не прийти в изумление от очевидного факта: в стране, где книга “Близь есть при дверехъ” с “Протоколами Сионских мудрецов” давно была предметом преследования и поводом для тюремного заключения, советский фантаст вполне легально издаёт роман с почти дословным переложением идей сей книги — и до последнего времени эти текстуальные совпадения остаются незамеченными. Воистину: пути Господни неисповедимы.)

И невозможно не обратиться здесь к ещё одной ключевой фигуре русской культуры XX века, уже напрямую связанной с Клюевым — к Николаю Константиновичу Рериху.

* * *

Их личное знакомство состоялось в 1915 году в обществе “Краса” (как вспоминал позже Городецкий — Рерих “был не чужд” этому обществу). Сблизила их горячая любовь к русской истории и к древнерусскому искусству, духовные поиски “Града Невидимого” и стремление восстановить давно распавшуюся и почти позабытую связь между русским и индийским народами, доказать их извечную близость друг к другу.

Многое в “листах” Рериха тех лет было духовно родственно Клюеву.

“Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, каждая сосенка ещё милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает её не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что ещё недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили “куда следует”. Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю...

Знаю, пройдёт испытание. Всенародная, крепкая доверием и телом Русь стряхнёт пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт”.

Похоже на неспешную беседу, ведущуюся в глубоком раздумье — и тональность сродни тонкой цветовой и световой тональности полотен, оттеняющей глубокое внутреннее напряжение — из жизни Древней Руси: “Человечьи праотцы”, “Вестник”, “Знамение”, “Звёздные руны”, “Заклятие земное”, “Прокопий праведный за неведомых плавающих молится”.

И одновременно с Древней Русью создавались полотна, посвящённые далёкой Индии: “Дессавари Абунту”, “Дессавари Абунту с птицами”, прототипом которых служили фрески Аджанты. И в “листе” “Индийский путь”, написанном в 1913 году под впечатлением парижской выставки восточного искусства из частных собраний Рерих писал:

“Обычай, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи — всё это было так близко нашим истокам. Во всём чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрёт многое, что нам так близко...

Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон. Теперь иконы уже вошли в толпу, и значение их укреплено. Через Византию грезилась нам Индия: вот к ней мы и направляемся...

Живёт в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь”.

Пройдут годы — и Рерих в книге “Алтай—Гималаи” будет пересказывать “Индийское Евангелие” — “в рукописях, имеющих древность около 1500 лет”,

“как говорят в Гималаях о Христе”. “Индийское Евангелие”, о котором вспоминал и Ключев – и трудно подумать, что не вели они бесед между собой об этом удивительном сказании в год предреволюционного катаклизма.

“Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе с купцами из Иерусалима направился к Инду, за усовершенствованием и изучением законов Учителя.

Он провёл время в древних городах Индии Джаггарнате, Раджагрихе и Бенаресе. Все его любили. Исса жил в мире с вайшьями и шудрами, которых он обучал...

Исса не слушал речей браминов и ходил к шудрам проповедовать против браминов и кшатриев. Он сильно восставал против того, что человек присваивает себе право лишать своих ближних человеческого достоинства.

Исса говорил, что человек наполнил храмы мерзостью. Чтобы угодить камням и металлам, человек приносит в жертву людей, в которых обитает частица Высшего Духа. Человек унижает работающих в поте лица, чтобы приобрести милость тунеядца, сидящего за роскошно убранным столом. Но лишаящего братьев общего блаженства будут лишены его сами, и брамины и кшатрии станут шудрами шудр, с которыми Высший Дух пребудет вечно...”

Далее рассказывается, что Исса, предупреждённый о том, что его хотят убить, “оставил эти места... был в Непале и в Гималайских горах. Из другого источника, приводимого Рерихом, следует, что “Иисус преодолел горный проход, и в главном городе Ладакха – Лехе – он был радостно принят монахами и людьми низкого состояния. И Иисус учил в монастырях и на базарах; там, где собрался простой народ, – именно там он учил...”

Среди ладахкцев Иисус провёл много дней; он учил их лечению и о том, как превратить землю в небо радости. И они полюбили его, и, когда пришёл день ухода, печалились, как дети. И утром пришли множества проститься с ним.

Иисус повторял: “Я пришёл показать человеческие возможности. Творимое мною все люди будут творить. И то, что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран – это вода и хлеб жизни”.

Ключев совершал путь духовный – Рерих совершил путь физический и окончил свои дни в Индии, в долине Кулу. И уже с далёкого Востока раздавался его призыв:

“Итак, надо всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово “Шамбала”.

Поистине стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несёт с собою Шамбала, но это понятие должно быть произнесено в самой позитивной лаборатории истинного учёного. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного понимания сходятся Восток и Запад.

Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: “Мы будем вспоминать вас при восходе солнца, вспоминайте нас при закате”.

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: “Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стёрлась стена между Западом и Востоком”.

“Шамбала” – буквально “Белый остров”, а источник этого имени – в “Махабхарате” (страну вечного счастья, “блаженный остров” индусы называли “Шветадвипа” – что также означает “Белый остров”). И велик соблазн услышать в словах Рериха ключевскую ноту, прозвучавшую в стихах, написанных десятью годами ранее:

*Уплывём же, собратья, к Поволжью,
В папирусно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьём венце ледовитый Сапфир.*

*В русском коробе, в эллинской вазе
Брежжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.*

Велик соблазн воплотить тайную духовную связь в демонстрации “вселенского знания”, а то и в геополитических чертежах. Велик и подчас непреодолим соблазн для человека сочинить послание от имени махатм, где выражается полное удовлетворение уничтожением Церкви на своей бывшей родине, и, в конце концов, возмечтать о “союзе наций Азии”, что образуется при доброй воле американского президента...

Это всё произойдёт с Рерихом позже. Ключев избегнет подобных соблазнов благодаря своей неколебимой устойчивости в вере отцов, дедов и прадедов. Его “дух рыщет, где хочет” — но именно дух. Не “сказку богомерзкую”, якобы могущую воплотиться в геополитической реальности, искал он, “сказку”, что способна исказить любой поиск, предпринятый с самыми благородными целями.

...Тогда же, после начала I мировой войны, появились и первые работы будущих евразийцев, воспитанных в традициях либеральной академической среды — Г. Вернадского (“Против солнца. Распространение русского государства к Востоку”, 1914 г.) и П. Савицкого (“Борьба за империю. Империализм в политике и экономике”, 1915 г.), где подчёркивалась особая роль природного фактора в историческом процессе и естественное расширение России на Восток квалифицировалось, как образование “великой национальной русской цельности”. Симптоматично, что эти работы появились как, если угодно, идейное обоснование противостояния антиазиатским настроениям, идущим с Запада... Уже позднее появится “Закат Европы” Освальда Шпенглера, а ещё позднее, уже в эмиграции, “продолжатели дела” евразийцев, в частности, Н. Трубецкой, соблазнённый “жёлтой идеей”, будет поклоняться Чингисхану и выступать с позиций, враждебных Индии...

В этой пестроте теорий, мнений, взглядов, трудов и выступлений, что свидетельствовала о полной потере почвы под ногами у многочисленных представителей русского “образованного люда” в начале века, Ключев сохранял удивительную цельность и ясность в своей обрётённой опоре на незримую горизонталь, соединяющую Русь с Востоком, и устойчивое видение вертикали, соединяющей земной мир с небесным... В 1918 году в своих знаменитых “Скифах” Александр Блок по-своему декларировал “всечеловечность” русского сознания:

*Мы любим всё: и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно всё: и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

Но ещё за два года до блоковских строк Ключев начертал свой вектор устремления русской мысли и чувства:

*Беседная изба — подобие вселенной:
В ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь,
Где кормчому уму, душе многоплачевной
Под веретённый клир усладно отдохнуть.*
.....
*Индийская земля, Египет, Палестина —
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина —
Наш верный поводырь в обитель тишины.*

Этот мотив станет определяющим в его поэзии послереволюционных лет, когда он будет всё ярвственнее ощущать наступление ненавистного железа на любимую Россию.

(Продолжение следует)

БОРИС СЕРГУНЕНКОВ

ПУШКИНСКИЕ КЛЮЧИ

*В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа...*

А. С. Пушкин

Я расскажу вам о чуде, которое произошло со мной в минувшем году. Осень в Ворониче была без дождей, река обмелела, заливные луга подсохли, и я впервые с Арапкой ходил в Михайловское и обратно не по дороге, “изрытой дождями”, а вдоль Сороти, по рыбацкой тропе. Тут-то я и обнаружил под Савкино у края воды три изнорных ключа. Один ключ был обложен камнями, на другой наброшено бетонное кольцо, третий заключён в деревянную бочку. Все ключи древние; возраст их постарше Савкино. В первый раз я наткнулся на один ключ — он был скрыт в высокой траве — и испил из него.

Дома я взял томик Пушкина и прочитал стихотворение “Три ключа”. Под ним стояла дата — 1827 год. Я посмотрел другую книгу и уточнил, что в 1827 году Пушкин был в Михайловском. Мне всегда доставало в Михайловском родника. Хотелось пригубить хотя бы глоток из пушкинской чаши. Родника не было. И вот он явился. И я сразу уверовал, что Пушкин знал об этих ключах и написал о них: о ключе юности (жизни), ключе вдохновения (творчества) и ключе забвения (смерти). Из двух ключей я испил, а из третьего нет. Из какого же ключа я не испил?

* * *

Не удивлюсь, если русское духовное возрождение в будущем подарит миру образцы мощной духовной литературы, той самой, что недодали нам предки-молчальники, одарив вволю молчанием, хотя и предвижу сопротивление этому. Принцип “всё уже сказано святыми отцами” в традиции русской духовной мысли необычайно устойчив и силен. И это очень хорошо. Но и жизнь не стоит на месте и требует своего, скажем, дальнейшего обогащения, приращения к сотворённому. Действительно, всё сказано ранее, и вместе с тем есть ещё возможность и необходимость сказать нечто. Так был когда-то сотворён первый человек, но никто не отменил рождение других и новых. Вечность потому и прекрасна, что она включает в себя и мимолётное, быстролётное. Вот уж большое количество лет я открываю для себя молчание, примеряю и не перестаю ему удивляться и говорить о нём. Это ли не любовь,

СЕРГУНЕНКОВ Борис Николаевич родился 8 февраля 1931 года в Хабаровске. В 1955 году закончил отделение журналистики Киевского университета. Первый рассказ опубликовал в 1956 году. Первая повесть вышла в 1960 году. Немалое место в творчестве Б. Сергуненкова занимает пушкинская тема, животворящее начало которой наполняет особым светом творческие искания писателя. Живёт на Псковщине.

не влюблённость! Не уставая, я пою и пою любовные песни этой деве и, кажется, буду петь их до конца своих дней. У Сократа подобная любовь была к незнанию. У европейских рыцарей к Прекрасной даме. У русских крестьян – к Матери-земле. По-видимому, можно говорить об особенном русском отношении к природе, о платонической духовной любви. Некоторые называют это язычеством. Было у славян обожествление природы, но была и платоническая, духовная любовь. А это для меня вещи разные. Для русского природа та-кой же объект любви, как для Петрарки Лаура, для Данте – Беатриче.

* * *

Был на чтении и обсуждении книги одного критика о Пушкине. На его аполгетику Пушкина я ответил, что Пушкин живым богом был всегда, а для критиков и учёных всегда мёртвым идолом: до революции крепостником, при большевиках – революционером, при нынешних мудрецах – христианским подвижником, мучеником. За мной выступал воцерковленный Н. Он строго поправил меня, заявив, что богом может быть только Господь. На пушкинскую цитату о том, что русские спасли Запад от татар, возразил: спасителем может быть только Христос. Приехали.

* * *

Немец пишет: не понимаю Пушкина. Они и православия не понимают. И Россию. Пушкин – самый православный поэт. Поняли бы православие, поняли бы и Пушкина. Не надо понимать. Примите! Этого достаточно. А между тем высокомерие и вражда. А между тем мы почему-то понимаем и принимаем и Вольтера, и Данте, и Шекспира, и немца, и католичество, и Европу, и это почему-то считается не плюсом нашим, а минусом.

* * *

Приятель упрекает: ты заключил себя в башню из слоновой кости. Ско-рей: в своё сердце.

* * *

Для одних город Питер подполье, для других пустынь. Подполье – это понятно, это ещё с Пушкина, с Гоголя, с Достоевского. Впрочем, и пустынь с Пушкина. Но для пустыни в городе нужна хорошая земная твердь, ибо без неё нет и небесной, а таковой в городе мало или вовсе нет. Потому и преобладает подполье над пустыней. Город чаще подполье. А пустынь – это лес, это поле, это горы.

* * *

Чрезмерен русский человек. Если придёт гость – выставит всё на стол. Если жжёт и грабит дворянские усадьбы – так все до одной. Если строит коммунизм – так всем по пайку. Любит – до самозабвения, до самопожертвования. Ненавидит – до гроба. Если пустынь – то самая глухая. Если пушка – то Царь-пушка. Колокол – Царь-колокол. Если государство, то одна шестая мира. И при этом сам какой-то неяркий, неприметный, некликливый и внешне даже сероватый. Достоевский, зная об этой особенности народа, о его широте, говорил, что неплохо бы эту широту сузить. В шутку, конечно, говорил, потому как в этой чрезмерности и недостатки, и достоинства. И ещё нечто третье. Преображенье. Когда, доведённые до крайней точки, они, достоинства и недостатки, превращаются в свою противоположность.

* * *

Нынешние, да и вчерашние русские все рвутся в Москву. В Москву! В Москву! Как в “Трёх сёстрах” Чехова. Оно и дело. Столица земного царства для русских – Москва. Но столица для духовного царства была и осталась на Руси – пустынь. И об этом не надо забывать. И кто утвердил эту мысль в

своём сердце, тот благ, где бы он ни жил: в Питере, в Шантилихе, в Святых горах и даже в Москве. И ещё что хочется по этому поводу сказать. Возможно, пришёл такой срок, что светской русской литературе дальше хода нет — да и не дадут. И оттого — путь в духовную. И в места духовные. Ибо только в духе — свобода.

* * *

В своей знаменитой Пушкинской речи Достоевский говорит о всемирной отзывчивости Пушкина и русского народа к другим народам. И это верно. Но только ли отзывчивость к народам? А к природе? К Богу? И что значит отзывчивость к народам? Это не причина, а следствие его отзывчивости к Богу. Бог, Христос отзывчив к русскому народу, а народ отзывчив к Христу, к Богу, к природе. Когда говорили о русском народе как о народе-богоносце (тот же Достоевский), то возражали: мол, он бунты бессмысленные и беспощадные совершает, революции, топор любит. Но посмотреть в Библии на “избранный” народ, что он там только правую и левую щёки подставляет? Падения народные так же естественны, как и подъёмы, и ничего против избранности и богоносности не говорят. Что же касается Пушкина, то скорее надо было бы говорить не о всемирной его отзывчивости (не только о ней), а о том, как он ушёл от Вольтера и “Гаврилиады” к “Страннику”, к Татьяне, к Евангелию, как он легко и стремительно шёл от бесовства к ангельству. И в этом, мне думается, самая главная его особенность, как и самая главная особенность русского народа и других, подобных ему. Близость к Богу, к Христу. Да и сам Христос завещал любить Бога и ближнего. А про Бога-то в речи Достоевский и промолчал. И дал всяким дуракам твердить о всемирной отзывчивости русского народа (и Пушкина) до такой степени, что и Бога, и народ, и Пушкина в болтовне своей они потеряли.

* * *

Пути русской литературы: или приближение к Пушкину, или удаление от него.

* * *

Приятно было прочитать у Ельчанинова, что для того, чтобы быть русским, нужны язык и вера, и больше вера, чем язык. Это для эмигрантов. А для аборигенов: язык, земля и вера, но больше вера, чем земля и язык.

* * *

Русская святость XVI—XVII веков помогла русским не только повернуться лицом на Восток (Александр Невский) и потом освободиться от татар (Дмитрий Донской), но и подружиться с Западом (Алексей Михайлович, Пётр) — так хотелось бы рассматривать русскую историю. Она помогла русским на востоке дойти до Тихого океана и создать империю (Евразию), как когда-то византийская святость создала Византийскую империю, греческая — греческую империю, римская — Римскую, китайская — китайскую и так далее. Конечно, можно сказать, что князь Александр Невский повернул на Восток, что князь Дмитрий Донской разбил татар, что Пётр прорубил окно в Европу, и это будет правильно. Но можно сказать и так, что русская святость, русская Фиваида в лице русских подвижников, начиная с печёрских старцев, святых и кончая нынешними, помогла Руси глядеть то на Восток, то на Запад, оставаясь самой собой. А когда убывала святость, приходили смута и нестроение. Русские то взращивали своё духовное ядро, семя молчания, то теряли его, что естественно и за что расплывались. Русский народ свято верил, что где-то в середине Русской земли, Руси лежит Алатырь-камень, спасающий Россию от всех бед. Он и сейчас лежит, и будет лежать века веков, тысячелетия, только русские — то помнят о нём, то забывают. Он где-то в земле лежит зарытый, а на самом деле он в сердце каждого русского человека. Но открыть его в своем сердце бывает труднее, чем откопать в земле.

* * *

Россия не Европа, не Азия, не Евразия, хотя, конечно же, и то, и другое, и третье, Россия — это Дом Троицы, Дом Богоматери, Дом русского духа (Святая Русь). Стеснилась она между двух мировых океанов — Атлантическим и Тихим и пребудет во веки веков.

* * *

Говорят: в России писатель должен жить долго. Кто с этим спорит! Конечно — хорошо, когда старость не конец, а венец.

* * *

Соседка, восьмидесятилетняя старуха, ослепла и просит почитать ей Гомера.

* * *

Был холодный ветер. Редкие облака быстро бежали с севера на юг. После заката и ухода солнца небо приобрело какой-то серо-зелёный цвет. Он почему-то упрямо сочетался у меня с понятием мужества, хотя, что было в нём мужественного, я бы никогда не смог сказать.

* * *

Последнее время, то ли потому что стар становлюсь, и ноги не имеют той прыти, какую имел ещё совсем недавно (а в давние времена я бегал, прыгал, как козёл), то ли по какой иной причине, стал я ходить не в Михайловское, что для меня стало слишком далеко, а до трёх сосен — всего до половины пути к цели.

Этого для меня вполне достаточно. Раньше мне только Михайловское и надо было. Теперь я утешаюсь половиной пути. Дойду до трёх сосен, сяду на дубовую скамеечку, — благо тут их две, — сначала три поставили, а потом одну увезли, — и сижу, греюсь на солнце. Посижу и отправляюсь в обратный путь. И доволен, и рад. И полон чувств и мыслей. Я теперь ни в Михайловское не ходок, ни в Тригорское, ни в какие другие заветные кущи. Мне эта дорога до трёх сосен самая радостная. Одного боюсь, что скоро я и туда ходить перестану. Буду сидеть у себя дома на завалинке или, что ещё вероятнее, лежать в постели, — и этому буду рад. Но пока я завалинкой не удовлетворяюсь. И уж тем более не хочу валяться в постели. Пусть на неё другие находят любители. Пока мой путь к трём соснам (а ещё недавно в Михайловское!) и обратно. Впрочем, мне кажется, что я только туда хожу... А обратно не возвращаюсь. Или остаюсь на месте, а они, сосны, сами от меня уходят, и я каким-то чудесным образом оказываюсь у себя дома.

* * *

В майский праздник Победы возвращался с прогулки речным лугом, и на небе белые облачка, как щиты, несущие души погибших воинов ещё с той давно прошедшей войны, летели с запада на восток.

* * *

Для русского человека мало того, чтобы литератор, художник был божественным творцом, он хочет, чтобы он ещё был божественным творением. Не случайно из сонма прекраснейших имён он выбрал в русской литературе одного Пушкина. Не только за то, что тот писал хорошие стихи, но и за то, как прожил жизнь. В Пушкине для него творец соединился с творением, и оба удались на славу. Гоголь чувствовал это и понимал, когда говорил о двухстах годах ожидания новых Пушкиных. Он не угадал. Сие случается значительно реже, может быть, и вообще один раз в национальной истории. И за то Гос-

поду спасибо. Правда, в русской литературе был ещё один божественный творец, соединивший в себе и божественное творение, – Рублёв. Но это уже не человек, а ангел. Рублёв и Пушкин – вот два типа русского гения, один ангел, другой человек. И оба ангела. Оба совершенные творцы и оба совершенные творения. Образно можно сказать, что Пушкин – это Рублёв девятнадцатого века. Гоголь прав, Пушкин был действительно совершенным человеком. И это при всех его слабостях, пороках, падениях и грехах! Иные тут же скажут: совершенство в несовершенстве. И тут же попадут в десятку, но и промажут. Потому что совершенство включает в себя и несовершенство. Оно соединяет в себе эти несоединимости. Оттого и божественно. Мирское и не от мира сего. Пушкин – дитя, как на рисунке Фаворского.

* * *

Был на празднике в Михайловском. Видел воздушный шар. Он то поднимал, то опускал в корзине желающих. Рядом с эстрады поэты, как всегда, читали стихи. Шар то и дело шипел, пшикал, зажигалась и гасла газовая горелка, наполняющая шар тёплым воздухом, а казалось, что это поэты выпускают последние поэтические вздохи. Впрочем, проходя мимо, я услышал из уст какой-то поэтессы сначала слово о великой радости, потом слово о великой библейской природе и, наконец, различил первую строчку её стихотворения: “Пора копать картошку”.

Почему-то, когда поэты читают на эстраде михайловской поляны свои стихи, мне всегда становится стыдно. Наверное потому, что читают они их, как мне кажется, не людям, а травам, соснам, солнцу, облакам, словом, природе. Людям соврать ещё как-то можно. Природа не терпит никакой лжи. В небольшой компании ещё можно послушать поэтические бормотания. Но когда читают стихи на природе, с эстрады, да ещё кричат во весь голос, хочется пойти к торговым рядам и купить кулёк бубликов и пяток помидор. И думаю, что никто никого за это не осудит. Даже Пушкина не представляю, читающего здесь на поляне свои стихи. Не говорю о лживых стихах, о них разговор особый, есть в самом этом чтении какая-то ложь. Тут просится карнавал, игры, гуляние, зрелища, воздушный шар, наконец. Словом, народное гуляние. А “пора копать картошку” – это ведь очень серьёзно.

* * *

К концу своей короткой жизни Пушкин интересовался проблемой безумия. И писал об этом. “Пиковая дама”, “Медный всадник”, “Не дай мне Бог сойти с ума”. Высшей, конечной точкой отсчёта жизни у него становилась не смерть, а безумие. Он словно жизнь заменял творчеством, лад творчества противопоставлял хаосу безумия, счастливо соединяя эти несоединимые вещи (“Медный всадник”). Для него безумие было равно смерти. С ним можно было бы полностью согласиться, если не существовало бы безумия подвижника, святого, сказочника, безумия равного жизни.

* * *

Существует мнение, что русская литература началась с гоголевской “Шинели”. А Гоголь откуда вышел? Не из облака же, подобно Зевсу? Утверждаю, что Гоголь вышел из Пушкина. Посмотрите, как смело он пользуется приёмом, изобретённым Пушкиным в “Медном всаднике”! Соединение двух несоединимых тем, в сюжете одно, а в авторском отступлении другое. У Пушкина Пётр, Петрополь и Евгений. У Гоголя Собакевич, Манилов и русская тройка. После Пушкина писать Гоголю было легче лёгкого. Умирать трудней.

* * *

Для русского литератора писательство – священный акт, это и богопознание, и самопознание, и миропознание, – искание истины, правды, добра, красоты. Это ещё с Кирилла и Мефодия идёт, с их грамоты. Слава им в вышних и на земле благоволение! На Западе писательство тоже прекрасно, но это нечто другое. Для нас, по словам нашего поэта, это труд, завещанный от

Бога. И это никакое не великое открытие – это повседневность, это знает не только каждый литератор, это знает каждый, умеющий читать.

* * *

Повстречались столичные туристы. Учтиво спрашивают:

- Как вашу собаку зовут?
- Арап, – отвечаю я.
- Араб или Арап? – уточняют. Видно, любители творчества Пушкина, словесники, блюстители политкорректности.
- Арапка, – отвечаю я.
- Арапка Петра Великого, – с удовлетворением подытоживают они.

* * *

Со времён Белинского о романе “Евгений Онегин” говорят как об энциклопедии русской жизни. И это правильно. Сейчас я его перечитал, и у меня родилась мысль, что Пушкин больше в нём умолчал, чем сказал. И это, может быть, самое ценное и в Пушкине, и в его романе.

* * *

В десять часов вечера при звёздах вышел погулять, дошёл до Поклонной горы, повернул назад, глянул вверх и обомлел: вся северная сторона неба, которая только что была за спиной, горела! Это было сияние. С левой стороны, с западной, над Тригорским сияние было и красным, кровавым, с правой, над Михайловским, голубым, ангельским, прямо по северу – светлым до белизны, как будто над Носовым поднималось солнце. Сияние двигалось и переливалось из одного края в другой. Казалось, небо то сворачивалось, то разворачивалось, как свиток. И если в этот миг на земле время измерялось секундами и минутами, то на небе – тысячелетиями и миллионолетиями.

* * *

Утром проснулся, открыл глаза и увидел в окне зарю. Она росла и одновременно угасала. Казалось, ещё немного, и она заполнит собою всё небо или, сократившись, угаснет, погрузив утро во мрак. Но ни того, ни другого не случилось, заря не захватила собой небо и не ушла, приведя ночь. Медленно, но уверенно наступал мрачноватый день.

* * *

Вспомнил Пушкина “К морю” и особенно “В леса, в пустыни молчаливы”, свою первую повесть и слова московского критика М., связавшего мою слабую повесть со стихом Пушкина. С той только разницей, что Пушкин заточился в пустынь невольно, а я по своей воле. Будучи лесником, я спасал лес, а он меня. И, кажется, он преуспел больше, чем я. Худо-бедно, но я всё-таки – пришёл к Богу, а лес спасти, сохранить не смог. Или, как у нас сейчас говорят: окружающую среду. Но главная мысль была не об этом. Это был лишь подступ к ней. Почему Шаламов ушёл от Христа и пришёл к лесу? Разочароваться в человеке не трудно. Но разочароваться в Христе? Но при христианстве разочаровалось же человечество в природе, назвав её окружающей средой. Почему для меня главным в изображении стала природа, а не человек, не человеческая среда? Не только же потому, что я был лесником? Шаламов взбунтовался не против Бога, а против антропоцентризма современного христианства. Так же, как когда-то христиане взбунтовались против обожествления природы язычниками. Для современного человека слишком много человека и мало природы. А что будет, когда на Земле будет 16, 32, 64 миллиарда человек? Сколько тогда будет сосен? Сколько лягушек, слонов, одуванчиков? Сколько тогда будет в человеке человека? Сколько леса? Сколько Бога?

* * *

Грех современных светских людей – тщеславие, церковников – гордыня.

* * *

В небе над Тригорским появились дельтапланы с моторчиком. Пассажиров, надо полагать, особо почитающих гения, за солидную плату могут показывать по воздуху, полюбоваться пушкинскими местами с высоты птичьего полёта. Зато, потревоженные шумом, перестали селиться в Тригорском аисты. И шест им новый для гнезда стоит, а аистов нет. А раньше селились десятки и, думается мне, сотни лет подряд. Место-то насиженное. В Михайловском после реставрации на плотине между Верхним и Нижним прудами вместо тоненькой трубы воздвигли монументальный каменный каскад – сооружение для Ниагары, не меньше. Сколько камней туда уложили! Сколько мыслей было потрачено архитекторами и строителями, чтобы воздвигнуть это грандиозное чудо! Сколько труда и денег! А звук падающей воды пропал. Не бежит вода по каскаду. Пуст он и сух. Пробивается вода тоненькой струйкой где-то у самого основания плотины. После всего сказанного хотелось бы задать такой вопрос: а согласилось бы человечество на то, чтобы навсегда пропал звук падающей воды в мире, чтобы исчезли аисты, чтобы исчезла тишина, а остался бы один рёв летательных машин над головой? Мне кажется, никакая реставрация, даже заслуживающая самого высокого уважения, никакая коммерция не может заменить звука одной капли падающей воды в усадьбе поэта, знавшего цену и тишине, и звуку.

* * *

Гений и злодейство совместны или нет? Задал Пушкин задачу для простаков вроде меня. Одно время я твердил: совместны. В другое: несовместны. Наконец, добрал до третьего: совместны и несовместны. Это по тому, какую силу выражает собой гений. Есть две силы, светлая и черная. Если гений выражает божественную силу, светлую, то несовместны. Если дьявольскую, чёрную – совместны.

* * *

Шёл из Михайловского в Воронич, устал, вспотел, и небо было впереди унылое, забитое серыми тучами, и уже на подходе к Вороничу оглянулся назад и увидел совсем другую картину: голубое небо и редкие белые облака (такие облака, такое небо способны вечно радовать душу!), и пожалел я, что, двигаясь вперёд, шёл я как бы назад, а не двигаясь назад – вперёд.

* * *

Соединение ума с безумием не даёт мудрости. Но ум порождает безумие. Так Пушкин, столкнувшись со своим умом, задумался о безумии. Вот откуда у него и Герман, и бедный Евгений, и “Не дай мне бог сойти с ума”. Следующим этапом была смерть. И она к нему пришла. Ум – безумие, но не ум – молчание. Но как он мог прийти к молчанию, когда обязан был писать? Когда сделал ставку на писательство? Один гений звал его в пустынь, а другой в издательство. История с Дантесом – это только предлог, мелочный и скучный. Не с царём он дрался, не с высшим светом, а с самим собой. И тут подвернулся Дантес. И умер он (погиб) на переломе судьбы. Его смерть чем-то похожа на смерть Гоголя: приятие смерти внешней, а не внутренней. Как человек он умереть мог, а как поэт не мог. Свою судьбу поэта он (они) ставил выше судьбы человека. Как только он объявил себя профессиональным литератором, он разделил свою судьбу на две судьбы: поэта и человека. Традиция русского слова не могла не потребовать его к смерти. Но он выбрал не смерть поэта, а смерть человека. Обычно говорят: Пушкин – первый профессиональный поэт. Но и последний. Гоголь уже не профессионал. Он на поприще. На Пушкине началась и завершилась трагедия русской литературы (русского литераторства).

* * *

Сколько шагов спуститься с горы? Не считал. Сколько подняться? Тоже не считал. Спускаешься, считаешь, а потом глянешь вокруг, красоте внимая, сердце замрёт, тут не до счета, глядишь, красоте внимаешь. Или поднимаешься в гору. Жарко. Тяжело. Одышка одолевает. Остановишься передохнуть. Со счёта сбился. Однажды всё-таки, от нечего делать, посчитал. Сколько? Столько-то. И что же? Гора от этого стала и выше и ниже.

* * *

Не скромничая, могу торжественно заявить, что вот уже более десяти лет хожу по пушкинскому пути к прекрасным дамам от Воронича к Михайловскому и обратно. Вот и сегодня с Арапчиком я совершил этот замечательный путь, с той только разницей, что вначале обогнули мы озеро Маленец, обошли мельницу, прошествовали мимо “холма лесистого” и уж потом пошли (вернулись) по известной и, как говорится, накатанной дороге, “изрытой дождями”, что, думается нам, ничуть не искривило ни путь наш, ни умалило пути гения. Что же мы увидели? По дороге встретился нам один фотограф, три дамы, одна сообщила, что собирает на суп щавель, кобелек с Савкиной горы по кличке Грей, молодой художник с этюдником, сторож в будке, охраняющий въезд в заповедник, бегущие по небу облака, несколько машин и девочка на велосипеде. Была вторая половина дня, день был прохладный (от быстрой ходьбы мы вспотели), дул лёгкий северо-восточный ветер, изредка сквозь облака светило солнце, дымка и ещё что-то неуловимое извещало о предстоящей холодной ночи и даже, может быть, лёгком заморозке, так что я подумал: всё ли у меня убрано в огороде? Путь был лёгок, скор, необременителен, как любой путь, к дамам особенно. Арапчик лаял звонко, дорога была от сухости жестковата, но зато крепка, вырисовывались по сторонам ещё зелёные лесные дали, чернели и желтели на скошенных лугах угасшие травы, дышали, выделяя озон, три сосны, солнце клонилось к западу, небо очищалось, мир готовился к покою. И тишина. Всё, что мы встретили, было мягко, доброджелательно, улыбочато, даже мрачноватый пес Грей не цапнул Арапчика, проявившего чрезмерное любопытство к гревскому хвосту, правда, вода в Маленце показалась неприятно-грязноватой от взбаламученных водорослей, но и она не портила вида дороги и нашего настроения. Словом, путь, как и предполагалось, удался. Что там ни говори, а по такой дороге к дамам ходить одно удовольствие. Значит, знал поэт, куда ходить и по какой дороге. Ну а мы лишь повторяем смиренно его путь.

* * *

Если у меня и есть что-то общее с человеком, жившим в этих краях около двухсот лет назад, то это одно: и он, и я в двадцать шесть лет познали горечь и сладость одиночества.

* * *

В споре между Пушкиным и митрополитом Филаретом Дроздовым (“Дар напрасный”) митрополит занимает сторону книжника, а Пушкин Христа. И это тем более странно, что правда не на стороне поэта Пушкина, а на стороне митрополита Филарета. Митрополит говорит от лица книги, Пушкин от лица живого опыта гения. И он убедительней. Казалось бы, тут-то и поставить вопрос: что важнее: книга или живой опыт? Церковь, не уставая, говорит: книга. Но, может быть, и вопроса не надо ставить, где и так понятно, что ценен живой опыт, поднявшийся до книги, и книга, подкрепленная живым опытом. В данном же случае дар живого поэтического и человеческого опыта поэта перевешивает знание мёртвой буквы церковника.

* * *

Со времён Пушкина русские гении обижаются на народ. Мол, не признаёт их народ. Не там они родились. Вот и Свиридов о трагедии заговорил.

И они правы. Не признаёт своих гениев русский народ. Но он и себя не признаёт! Или не его топчут и убивают, обманывают и отбирают последнее, а он молчит и не высовывается, — терпит? А ещё лучше — живёт своей жизнью. Иногда пробует обидеться, но худо для него это обходится. Но и не признаёт-то при жизни! А после смерти кто обойдён был славой? Может, сам Александр Сергеевич Пушкин? Да при наших порядках, если бы при жизни гениев величали, все дураки их места заняли. Или такого мы не знали? Нет, гений — это человек не от мира, а от Бога, и человеческий мир ему не указ. Это Александр Сергеевич понимал. А уж если так, то сиди, милый друг (это я к себе обращаюсь), и, как говорится, не рыпайся. Делай своё скромное дело и радуйся. И помни: русскому человеку, гений ты или бездарь, жить в пустыне — благо.

* * *

В одном из черновиков стихотворений (“Вновь я посетил”) Пушкин говорит: “Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой” (о Михайловском). Хомяков пишет Языкову: “Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось, и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от неё отделаться или её возобновить”. Воскресить, — сказали бы мы. О Пушкине можно сказать: поэзия воскресила его, она же его и убила. И тут же для полноты добавить: поэзия убила Пушкина, она же его и воскресила.

* * *

Пушкин собой подтвердил и утвердил святость Святых гор. В чём уникальность Михайловского? В соединении святости и гения, святости Святых гор и гения поэта.

ВЛАДИМИР ПОЗДНЯКОВ

СОВЕТНИК В КАНДАГАРЕ

ЭПИЗОДЫ РАБОТЫ

Шла война

18 февраля 1983 года по решению ЦК ВЛКСМ и по собственному желанию я оказался в славном городе Кандагаре – древней столице Афганистана. В то время его называли “афганским Сталинградом” из-за огромных разрушений. Результаты многочисленных БШУ (бомбово-штурмовых ударов) вертолётов и штурмовиков, обстрелов и т. п.

Ещё дня два тому назад я был в мирной Москве.

Первое, что меня поразило при посадке в Кабуле – обилие вооружённых людей, которых я увидел из иллюминатора ТУ-104. Воюющая страна!

В аэропорту встретили Толя Житнухин, Саша Потапов и другие мушаверы (советники). Приветы, подарки, письма, обед, перешедший в ужин. Знакомства, рассказы, предостережения и напутствия на Кандагар. Многих из ребят я уже знал, так как летом мы вместе проходили специальную подготовку в Узбекистане (Ташкент, Чирчик).

Официальный групповой заезд команды молодёжных советников проходил в ноябре 1982 года – я туда не попал и прибыл только в феврале для замены заболевшего гепатитом нашего товарища Н. Плотникова из Харькова.

В Кабуле начальство со мной особо не церемонилось (обычно полагалась адаптация в течение недели, лекции, индивидуальные беседы, то есть вхождение в обстановку). Но уже на следующий день старшие мушаверы провели со мной собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Демократической организации молодёжи Афганистана (ДОМА) ознакомили с документами провинциальных комитетов ДОМА зоны “Юг”: Кандагар, Заболь, Урузган. Выдали “калашников”, “макаров”, массу пропагандистской литературы. Ну и, конечно же, поставили первоочередные задачи...

Вечер с друзьями 17 февраля прошёл столь же бурно, как и накануне. (Я получил подъёмные, заработную плату, “норму” из посольского магазина...)

Утром 18 февраля со всем багажом меня толкнули в “вертушку”, и через два-три часа я был уже в Кандагаре, точнее, в местном аэропорту. До города порядка 30 км, а до ООНовского городка (места моего будущего жительства) 24 км.

Разбитая автомобильная дорога контролируется нашими бойцами только в трёх-четырёх точках: мосты и пикеты на вершушках близлежащих скал и барханов. Обычно движение по дороге начинается в 8–8.30 утра. Вначале проезжают сапёрные машины, следом за ними несколько БТР с военными советниками, а затем едут те, кому надо быть в Кандагаре по долгу службы.

Гражданские машины ездят до 17 часов (не позднее) на свой страх и риск, без бронированного сопровождения.

Наши “вертушки” прибыли в аэропорт Кандагара около 12 часов дня. Моя персона никого не интересовала. Автобусы не ходят, такси не ездят, броня вся-

кая движется либо по приказу больших военных начальников, либо по договорённости с хорошо знакомыми прапорщиками. (Кстати о прапорщиках. В Афганистане в те годы ходила пословица: “Всё, что создано народом – принадлежит прапорщикам”.) Знакомых в аэропорту у меня, естественно, не было.

Детали чудесного обретения БТРа с сопровождением второго БТРа для транспортирования меня в ООНовский городок я опускаю. Но через пару часов я сидел внутри бронированной машины. Молодые бойцы смотрели на меня с некоторым интересом. У скоростного БТР 8 колёс, но дорога такова, что особо не разгонишься. Желание же побыстрее проскочить эти километры у моих защитников и помощников было велико.

Мой приезд на виллу ООНовского городка произвёл фурор – как снег на голову. Меня не ждали, точнее, ждали, но не в этот день. Накануне ночью в город вошла банда, и там сильно стреляли, в том числе из пушек и орудий. Обычно на следующий день после боя в город советские люди из числа гражданских лиц на работу не выезжали. Информация должна была быть доведена до моего руководства в Кабуле через спецорганы. Но, как водится, этого сделано не было.

В городке в двух соседних виллах проживало шесть человек из СССР. Кроме того, в городке жили жёны военных советников различных ведомств. Остальные – военнослужащие из охраны городка и советники силовых ведомств: ХАДа (КГБ), царандоя (МВД), работники различных спецслужб. Всего около 30 человек.

Встретили меня и радостно и настороженно. Кто ты?

Неприкосновенный запас для знакомства мне удалось сохранить (привёз из Москвы). Отметим.

Тот первый день поездки на работу 19 февраля 1983-го помню очень хорошо. Дорога от нашего городка до провинциального комитета ДОМА (это 7–8 км) проходила мимо городского мусульманского кладбища. На нём после вчерашней стрельбы добавилось несколько новых могил. Они были обозначены длинными шестами с зелёными флажками.

Следует отметить, что любая жертва, смерть, гибель афганца, кто бы ни стрелял в городе или его окрестностях, чаще всего приписывалась действиям моих соотечественников – советским людям. “Шурави убил нашего”, таково было отношение к любому русскому, независимо от того, в военной ли он форме, в гражданской ли одежде.

В этих условиях мне предстояло работать.

Мои коллеги уже не первый месяц в Афганистане. Они спокойны. А у меня ходуну ходят ноги, руки, нервной дрожью трясёт всё тело. И ничего не могу с собой поделаться. И тут пришла спасительная мысль: “Сам выбрал работу, страну, провинцию, ну и работай, живи, делай своё дело, отработай свой срок и живым вернись домой. Не привлекай к себе беду”.

В Кандагаре с момента введения института молодёжных советников я был уже четвёртым. И выстраивалась некая лесенка: первый советник Игорь Колотко был досрочно отозван, вывезен из Кандагара из-за проблем с головой, второй, Григорий Семченко – контужен при падении с БТРа во время подрыва, третий – вывезен с гепатитом. И вот я тут нарисовался... Эту негодную традицию надо было прекращать. В какой-то мере удалось. Благополучно после меня отработали Игорь Мальярчук, Саша Юрьев – мой друг и по настоящее время (кстати, так случилось, что Саша заменял меня в качестве руководителя агитпоезда “Комсомольская правда” на БАМе в 1978 г.). Других советников, работавших в Кандагаре, я не знаю. А вот Грише Семченко – он работал повторно седьмым по счёту советником – не повезло. Во время одного из миномётных обстрелов городка Гриша был тяжело ранен. Затем больше года пролежал в госпиталях Кабула, Ташкента, Ленинграда. Хоть ногу и удалось спасти, но вылечить окончательно не удалось.

Первые дни пребывания в Афганистане врезались в память навсегда. Эти дни были, с одной стороны, необычными с точки зрения человека, живущего в мирных условиях, а с другой – были обычными рабочими днями молодёжного советника в Афганистане.

Я, находясь в ДРА, часто думал, что не мешало бы всё население Советского Союза пропустить через Афганистан. Узнали бы, почём фунт лиха. По другому бы относились к советской действительности. К тому же ещё Афган лучше любого рентгена высвечивал человека: мерзавец и светлый проявля-

лись там очень ярко и отчётливо. Мы видели каждого, кто чего стоит и на что он способен. И, возвратясь в Союз, относились к ним, исходя из афганского опыта.

Несколько слов о географическом и социально-экономическом положении в провинциях юга Афганистана.

Протяжённость границы с Пакистаном составляет 840 км. На севере зоны расположены горы Западный Гиндукуш, средняя высота 2500–3000 метров. На юге пустыня Регистан. Климат сухой, осадков выпадает около 50–60 мм в год в осенние и зимние месяцы. В равнинной части снежного покрова не бывает. Дневная температура в летнее время достигает +60°C в тени и держится по несколько недель.

На территории провинций проживают пуштунские племена, составляющие большинство населения, среди которых ещё прочно сохраняются родо-племенные отношения. Население, включая кочевников и полукочевников, занимается сельским хозяйством. На орошаемых землях выращиваются пшеница, хлопок, ячмень, овощи, бахчевые, фрукты. В животноводстве преобладает мелкий рогатый скот.

Экономика провинций находилась тогда в запущенном состоянии. Местные власти не прилагали усилий по исправлению положения. Предприятия, фабрики простаивали либо работали по два–три часа в сутки. Нехватка топлива, электроэнергии, сырья, рабочей силы. Готовая продукция не реализовывалась: либо отсутствовал транспорт, либо совершались диверсионные акты при перевозке.

В сельском хозяйстве повсеместно использовался ручной труд. Имеющаяся сельскохозяйственная техника была физически и морально устаревшей. Некоторые работы проводились по очистке каналов, арыков, ремонту плотин и дамб, посеву и уборке зерновых, обработке фруктовых насаждений.

Одним словом – шла война.

Между “Парчамом” и “Хальком”

Сохранившиеся родоплеменные отношения причудливым образом наложили свой отпечаток на состояние и усугубление фракционных разногласий в правящей партии и афганском комсомоле.

В Народно-демократической партии Афганистана существовали две фракции: “Парчам” (знамя) и “Хальк” (народ).

В стране было два официальных языка – дари (персидский) и пушту (пуштунский).

Всё население Афганистана можно было разделить на две неравнозначные группы. Первая, малочисленная, группа – это правящая элита, к ней примыкали наиболее образованные люди, учителя, врачи, интеллигенция, проживающие в городах, и вторая группа – основная масса населения, в основном пуштуны.

Правящей частью партии являлись представители “Парчам”, они всегда общались на языке дари, даже если они являлись пуштунами по национальности. Знание и общение на языке дари для них – признак цивилизованности, принадлежности к знати, элите. Язык пушту – язык плебеев, простых людей, быдла.

Знатные пуштуны, вступая в НДПА, примыкали к “Парчам” для получения ещё более высоких должностей. Они презрительно относились к своим необразованным соплеменникам. Образование, как правило, получали на Западе, в США и по взглядам были сторонниками буржуазного образа жизни. К социалистическим преобразованиям они относились своеобразно: “Ваша власть, вы и защищайте её”, – говорили они нам, советским людям.

Халькисты были ближе к трудовому народу. Многие из них обучались в Советском Союзе (в основном военные). Боролись они за власть в НДПА и, естественно, за власть в стране.

Парчамисты и халькисты смертельно ненавидели друг друга. Всё это мешало восстановлению народного хозяйства. Одни стремились сохранить, другие захватить власть. Советских они использовали по своему усмотрению. Мы же, советники, хотя и стремились приглушить межфракционные разногласия, невольно становились на точку зрения местного руководства.

Эти разногласия в полной мере я ощутил в своей работе. Руководство провинциального партийного комитета НДПА были “парчамисты”, а руководитель провинциального ДОМА — “халькист”. Руководство ЦК ДОМА — “парчамисты”. Ко мне, советнику халькистов, мои руководители из ЦК ВЛКСМ (В. Сидоров — руководитель группы молодёжных советников, работавших в среде “парчамистов”) и крупные афганские партийные боссы относились как к “халькисту”. Парадокс, но это было так и очень мешало нашей общей советнической деятельности.

По итогам работы в Афганистане от советников требовался подробный отчёт о служебной командировке “за речку” — так называлась наша засекреченная поездка в Афганистан. Дополнительно просили у нас подготовить записку о своих наблюдениях, замечаниях, выводах, предложениях, которые нельзя было включать в официальный отчёт. В такую вот конфиденциальную записку я включил своё наблюдение, полученное после изучения положения дел в медресе. Медресе — учебное заведение для мальчиков, которое готовило священнослужителей — мулл — для работы в мечетях. В Кандагарном медресе обучались дети погибших родителей, в основном пуштуны. Среди преподавателей были и пакистанцы. Воспитание шло в жёстком фундаменталистском исламском духе, в духе джихада и ненависти к Советскому Союзу. Видимо, работали там и представители пакистанских спецслужб.

Позднее стало известно, что именно в Кандагаре сформировалось движение “Талибан”, основу которого оставили студенты, слушатели, семинаристы медресе юга Афганистана и Пакистана.

Завершая своё небольшое повествование, скажу: уверен в том, что благодаря нашей работе в Афганистане был сформирован костяк молодёжных и партийных кадров для работы в ДОМА и НДПА, которым была ясна вся трагедия фракционности в правящей партии Республики. В определённой мере нам удавалось стабилизировать ситуацию и не обострять разногласия между “Хальк” и “Парчам”. Свидетельство тому — единение и многолетнее сопротивление Талибану после вывода советских войск из Афганистана.

Помогали мы молодым афганцам глубже понять цели и задачи Апрельской революции, проводимых преобразований во имя трудового народа Афганистана. Тысячи юношей и девушек направлялись нами в средние, средне-специальные и высшие учебные заведения во многие города Советского Союза. Многие афганцы своими глазами видели и ощущали на себе всё то, что смогла дать советская власть простому народу.

Годы нашей работы не прошли даром ни для наших подсоветных, ни для нас самих. Я благодарен судьбе за время работы, которое я провёл в Афганистане. И не наша в том вина, что произошло позднее с Советским Союзом, с Демократической Республикой Афганистан.

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РАЗРУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Во время перестройки и реформы главным объектом воздействия было **культурное ядро** советского общества. При достаточной глубине его разрушения терял связность и волю советский народ, а значит, можно было ликвидировать СССР, сменить политическую систему, произвести передел собственности и кардинально перераспределить доходы.

Удар был нанесён столь сильный, что была повреждена культура России в целом, как система, во всех её элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства и даже самоускорения. Этот процесс стал угрозой, чреватой перерастанием в **национальную катастрофу**.

Никакой программы блокирования этого процесса и восстановления повреждённых частей не выработано ни в государстве, ни в обществе. Спротивление носит молекулярный неорганизованный характер, и шансы на его решающий успех невелики. Требуется программа и организация.

Рассмотрим инструменты разрушения и типы повреждений, которые нанесены российской культуре. Подойдём прагматически, видя в культуре систему, необходимую для существования народов России и самой России как страны.

Кризис культуры всегда связан с кризисом её философских оснований. По ним и били. В центре любой национальной культуры – ответ на вопрос **“что есть человек?”** Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Человек создан (преображён из животного) миром культуры. Первое дело культуры – заставить и научить нас быть **людьми**. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура даёт нам **квалификацию** – быть членом общества. Она загоняет нас в рамки **дисциплины**, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет **цензуре**. Культура даёт нам знания и умения быть частицей **народа**, а не соринкой в человеческой пыли. Это сложное обучение и трудное дело.

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее, что “человек человеку брат”! Конечно, общество усложнялось, эта идея изменялась, но её главный смысл был очень устойчивым. И вдруг культурная элита в конце XX века кинулась вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм. **Конкуренция – это наше всё!**

Кризис культуры возникает, когда в неё внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры – люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о Добре и зле. Внедрение в массовое сознание антропологической модели социал-дарвинизма велось как специальная программа. Целью её и было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего **представления о человеке**.

Этот поворот был предопределён историческим выбором 80-х годов, сделанным частью номенклатуры в союзе с частью элитарной интеллигенции. Проект имитации общественных институтов Запада и отказ от цивилизационной траектории России требовал принять и западную антропологическую модель, которая лежит в основании идеологии буржуазного общества. Под давлением соблазнов и новой идеологии часть русских, особенно молодёжи, пыталась изжить традиционное представление о человеке. Результатом стало разрыхление связей русского народа (и даже появление прослойки людей, порвавших с нормами русского общежития – изгоев и отщепенцев).

Культура – это и есть те силы, что собирают народ. Представления о добре и зле, о человеке и его правах, о богатстве и бедности, о справедливости и угнетении – часть национальной культуры. Из этих представлений выводятся и принятые в нашей культуре нравственные нормы, ими же питается и искусство. Растёт ли или затухает угроза деградации культуры, инициированная изменением представлений о том, “что такое человек”? Видимо, динамика неблагоприятна, и нынешнее неустойчивое равновесие обманчиво. Тут наше национальное сознание дало сбой, общество не смогло ни понять угрозы, ни организовать для защиты и укрепления важнейшего **культурного устоя**. Посчитало, что такие вещи в усилиях по их сохранению не нуждаются.

Нам казалось, что заданное нам культурой представление о человеке очень устойчиво, что в нём есть как будто данное нам свыше жёсткое ядро. Специально об этом не думали, а теперь оказалось, что оно подвижно и поддаётся воздействию образа жизни, образования, телевидения. Культура – это огромная машина, которая чеканит нас в основном по чертежу, заложенному в неё сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, подправляем чертёж, изменяем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон угроз широк, возможностей от них уклониться часто не хватает.

В массе своей советские люди исходили из того представления о человеке, которым был проникнут **общинный крестьянский коммунизм** как версия “народного православия”. Они считали, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу. Как говорилось, таков уж его “национальный характер”. А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно. Была такая неосознанная уверенность.

Эта вера породила ошибочную в важной своей части антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа и братских народов России, которые были присущи им в период становления советского строя, были приняты за их **природные** свойства.

Считалось, что их надо лишь очищать от “родимых пятен капитализма”. Задача “модернизации” этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4–5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шёл мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышло поколение, в культурном отношении очень отличное от предыдущих.

Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 50–60-е годы вполне можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, Россия преодолела бы кризис и продолжила развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории культуры.

С этой задачей советское общество не справилось. Оно потерпело поражение и сдало страну “новым русским”. Надо признать, что для этого были предпосылки, которые корнями уходят в XIX век, в то влияние, которое оказал на русскую интеллигенцию романтизм классической немецкой философии. В советское время это влияние было закреплено марксизмом. В результате в мышлении (точнее, в когнитивной структуре) советской гуманитарной интеллигенции был силён **эссенциализм** – вера в наличие в основе общест-

венных явлений некоторой устойчивой сущности, отвечающей объективным законам исторического развития. Эта сторона нашей культуры, видимо, пока что не была глубоко изучена, но кризис 90-х годов побудил высказать важные суждения.

Так, социолог Г. С. Батыгин писал: “Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-тёмный стиль, приближавший её к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом. ...В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализованная проза, она также перенимала неистовство поэзии” [1].

Это выразилось в том, что гуманитарная культура не смогла в должной мере интегрироваться с социально-научной рациональностью, вследствие чего после смены поколений в 60–70-е годы “мы не знали общества, в котором живём”. Не знали – не могли и защитить.

Следствием этого срыва являются не только разрушение СССР и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания нашей культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в “ловушку”. Прежняя траектория исторического развития опорожена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутья идет сдвиг к **эгоцентризму** (к человеку-“атому”). Этот дрейф к утопии “Запада” как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублён попыткой “стариков” подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шёл под давлением идеологической машины КПСС. Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону распада русского и других народов России. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

Пока что культура нынешней России находится в отступлении. В среде новой “элиты” возникли течения, следующие гротескному, болезненному ницшеанству. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей (“сверхчеловека”), а нового **биологического вида**, который даже не сможет давать вместе с людьми потомства. Они предвидят “революцию интеллектуалов”.

Что это значит? ИА “Росбалт” устроило в Петербургском университете проект “Мировые интеллектуалы в Петербурге”. Там делают доклады “признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния”. Доктор философских наук А. М. Буровский ведёт там такие речи: “Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. “Цивилизованные” людены всё дальше от остального человечества – даже анатомически, а тем более физиологически и психологически... Различия накапливаются, мы всё меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры” [2].

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов нашей Северной Пальмиры. Все эти “лидеры влияния” не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект “Постчеловечество”, перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот статья В. Иноземцева в книге “Постчеловечество”. Она называется “On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века”.

Иноземцев пишет: “Государству следует обеспечить все условия для ускорения “революции интеллектуалов” и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями “низов”, быть готовым не столько к уступкам, сколько к жёсткому следованию избранным курсом” [3].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики **постчеловека**. При этом сразу встаёт вопрос: а как видится в этих проектах судьба **человека**? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жёстких тезисах виды “постчеловек-человек” представлены как “кроманьонцы-неандертальцы”. Помягче, это “элои-

морлоки” (из фантазий Уэллса), совсем мягко – “людены-люди” (из Стругацких). А по сути, различия невелики.

Вот рассуждения А. М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: “Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что “когнитивное расслоение” будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив всё человечество на две самостоятельные расы: расу “генетически богатую”, представляющую собой сообщество “управляющих миром”, и расу “генетически бедную”, обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...”

Современные “морлоки” с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения” [4].

Что ж, спасибо за откровенность. Если эта угроза не сдохнет сама, люди по крайней мере будут предупреждены и, скорее всего, снова на время успокоят “белуюкуру бестию”, уж эти-то навыки имеются.

Пройдём по некоторым другим сферам культуры, которые подвергаются деформации на наших глазах.

Фундаментальный элемент культуры – язык. В нём записываются, воспроизводятся и развиваются все смыслы мировоззрения. Как говорят, “человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа”. Поэтому та деформация языка, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет – вовсе не следствие безграмотности. Это – операция той холодной гражданской войны, в состоянии которой мы находимся.

Язык обладает огромной силой: “Словом останавливали солнце, словом разрушали города”. В русской культуре слово обладает святостью, и его использование сопряжено с большой ответственностью (“Слово гнило да не исходит из уст ваших”). Тут есть латентный конфликт с идеей “свободы слова” в ее западном понимании.

Недавно по вагонам московского метро был расклеен плакат: “Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли”. И подпись: Макиавелли, итальянский мыслитель. Это – замечательное признание наших новых духовных пастырей. Ведь Макиавелли заострил вопрос до предела, утвердив дезинформацию как важное средство власти. Он признался в одном письме от 17 мая 1521 г.: “Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю её такой ложью, что её трудно обнаружить”. Вот у каких “мыслителей” заставляют сегодня учиться народ России, для которого Слово всегда было свято.

Деформируется не только словарь языка, но и строение фразы, ритм. Послушайте многих телеведущих или дикторов радио – они говорят как будто уже не по-русски. Язык слабеет как средство взаимопонимания людей, их соединения через музыку речи, передачу тонких смыслов интонациями. Тургенев сказал о русском языке: “В дни сомнений, в дни тягостных раздумий **ты один** мне поддержка и опора...” Эту опору, данную нам культурой, можно утратить, угроза этого вполне реальна. Значит, надо язык защищать – сознательно и умело.

Нравственное чувство людей оскорбляла начатая ещё во время перестройки интенсивная кампания по внедрению в язык “ненормативной лексики” (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном информационном пространстве вызывало общее чувство неловкости, разъединяло людей.

Это была важная диверсия в сфере языка. Ведь для каждого его средства есть своя ниша, оговоренная выработанными в культуре нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжёлую болезнь всего организма культуры.

Опросы 2004 г. показали, что 80% граждан считали использование мата на широкой аудитории недопустимым. Но ведь снятие запрета на использо-

вание мата было на деле частью культурной политики реформаторов! Это был акт войны, сознательная диверсия против одной из культурных норм, связывающих народ. Недаром 62% граждан одобрило бы введение **цензуры** на телевидении [5].

Произошёл разрыв большой части художественной интеллигенции с траекторией русской культуры, с **корпусом художественных образов**, которыми питалось наше самосознание. Это фундаментальное проявление кризиса, но политики и деятели культуры сводят его к нехватке денег. Этот вульгарный материализм — плохой признак. Рвётся связь с главной нитью мысли и душевного поиска Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Платонова и Шолохова! Оставить такое наследство ради чечевичной похлёбки Ерофеева — какой духовный и эстетический провал...

Поднявшаяся наверх вместе с новой властью новая художественная элита исходила из небывалой в истории культуры установки необратимого разрыва непрерывности, полного отрицания культуры нескольких прежних поколений. Такие радикальные течения быстро подавлялись и распадались даже в больших революциях (как это произошло с Пролеткультом и РАППом в русской революции). В антисоветской революции обрыв корней производился систематически при поддержке государства. В. Ерофеев в редкостной по ненависти статье “Поминки по советской литературе” пишет: “Итак, это счастливые похороны, совпадающие по времени с похоронами социально-политического маразма” [6].

Удивительна самонадеянность и детская радость В. Ерофеева от того, что значительная часть стариков (можно было бы сказать, “ветеранов войны и тыла”) **страдает** от тех перемен, которые происходили в стране. Он пишет “о настоящей **шекспировской** трагедии, происшедшей с частью пожилого поколения, которое к семидесяти годам осознаёт бессмысленность своего земного существования, отданного ложным идеалам”. О ком он это пишет? О поколении тех, кому в 1941 г. было по 20 лет. Они почти все погибли на фронте — и теперь посредственный литератор из номенклатурной семьи приписывает им “осознание бессмысленности своего земного существования”. Удивительна наглость иных глупых людей.

Так началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало **право сильного**. Оттеснили на обочину, как нечто устаревшее, культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама — в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде “джипов”), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни — милиционера и чиновника, офицера и учителя... Всё это — следствие культурной революции двух последних десятилетий.

Удар нанесён по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек — носитель русской культуры XX века, **человек советский**.

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и Православия, и Просвещения, вошла в “симфоническое” взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип — **русского трудящегося** XX века. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внёс в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX века — и Запада, и Востока (назову Грамши и Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди).

Появление этого типа — не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде — культуру высокого, “университетского” типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты **типом** культуры. Это — именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это “общее дело” — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Теперь идет разделение народа на классы (“расы”) по культурному признаку — машина культуры этим и занята.

Втопано в грязь массовое **художественное чувство**. Говорят, всему виной рынок. Неправда! Продукт “новой” культуры не может конкурировать как товар – ни с советскими, ни с западными продуктами. Почему посещаемость театров в России за годы реформы снизилась в три раза? Да потому, что по своему качеству театр никуда не годится, как люди ни тянутся к этому искусству. Сравните с советскими спектаклями, которыми нас иногда балует канал “Культура”, и всё станет ясно.

Средства, которые применялись при подавлении “старой” культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры – Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение культурной палитры, которое произвели “хозяева” России за двадцать лет, – особый тип измены Родине.

За последние двадцать лет художественная элита России стала “играть на понижение”. Как будто что-то сломалось в её мировоззрении. В отношении внешних норм приличия российские СМИ “американизировались”. Вот небольшой штрих. Долгие годы во всём мире пробным камнем, на котором проверялись нравственные установки политиков и газет, было отношение к войне США во Вьетнаме. Эта война трактовалась гуманитарной интеллигенцией как аморальная. Её и представляли с этой точки зрения, как символ кризиса культуры.

С середины 90-х годов телевидение России стало предоставлять экран для голливудских фильмов, обеляющих и даже прославляющих эту войну. Почему? Разве узнали что-то новое о той войне? Нет, изменились критерии благородства. Стиль, конечно, свой, а тип тот же.

Дикторы телевидения заговорили с ёрничеством и улыбочками, программы наполнились невежеством и дешёвой мистикой. По отношению к “чужим” для США фигурам (Кастро, Чавес, Лукашенко) – ирония и плохо скрытое хамство лакея. Наше телевидение стало говорить на том же языке, с теми же ужимками, что и на Западе. Но там в личных разговорах интеллектуалы сами признают, что с падением СССР Запад “оскотинился”. Это понимание – шаг к выздоровлению. У нас такого понимания не видно. На телевидении возникла особая мировоззренческая и культурная система, работающая “на понижение”. Экран испускает поток пошлости, в которой тонет проблема Добра и зла. На этот поток нельзя опереться, в нем захлёбывается сам вопрос о бытии. Произойди совмещение того, что должно быть разделено.

В отношении отодвинутой от “праздника жизни” половины населения России наша официальная культура ведёт себя, как в отношении низшей расы. Её просто не замечают, как досадное явление природы, а если и упоминают, то с “романтической” или глумливой подачей. Социальная драма миллионов людей не вызывает минимального уважения. Гастарбайтеры, бомжи, пьяницы – колоритные фигуры российского телевидения.

Наш “средний класс” наконец-то переборол старые нормы чести и достоинства. Личная совесть, конечно, осталась, но она без социально контролируемых норм не столь уж действенна. Да, человек в душе раскаивается, а общество сползает в грязь. А ведь без того, чтобы восстановить обязательный минимальный уровень благородства, ни о каком сплочении для выхода из кризиса и речи быть не может.

Достоевский сказал странную фразу: “Красота спасёт мир”. Блаженная мысль? По трезвому расчёту, да. И в то же время много в ней верного, если не понимать её буквально. В ней надежда на то, что в последний момент невидимые силы поддержат человека, не дадут ему упасть.

Сейчас положение хуже, чем во времена Достоевского, красоте явно не справиться. Но вспомним и другие невидимые и слабые силы. Вместе они были бы для нас большой опорой. Но подлецы это как будто предвидели и начали загодя вытравлять их из общественного пространства, сживать со света. Но вспомнить о них надо, что-то ведь осталось. Есть такая вещь, которая когда-то была привычной и обыденной – **благородство**. Теперь о нём говорить не принято, это вещь чуть ли не реакционная.

Благородство укрылось на уровне личности, в виде совести, которая редко выглядывает наружу, а грызёт человека ночью. Но о совести говорить не будем, это сущность тайная. Скажем о простой, внешней скорлупе благород-

ства – элементарных нормах общественных отношений, о приличиях, без которых невозможно даже минимальный порядок.

Здесь с момента краха советской мировоззренческой системы, подкрепленной военным потенциалом СССР, в мире наблюдается поразительно быстрая и глубокая деградация. Просто распад. Похоже, что Запад к этому давно тяготел, да “двухполюсная” структура мира не позволяла расслабиться. Теперь препятствий нет.

Средством принижения человека стал в России и подрыв **культуры мышления**. Была проведена большая кампания по разрушению рационального сознания и механизмов его воспроизводства. Целенаправленное воздействие было оказано на все каналы социодинамики культуры – на школу и вузы, на науку и СМИ, на армию и искусство. **Невежество стало действенным!** Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия.

Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить. Он из тех, которые тянут на дно, как камень на шею – пока не сбросишь, не выплывешь. Речь о том, что элита присвоила себе **право на ложь**. Мораль затрагивать не будем. Важнее, что общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нём слепнут и поводыри.

Есть преуспевающие “пиратские страны”, стоящие на принципе “Не в правде Бог, а в силе”. В век Просвещения этот принцип был прикрыт ложью, ушёл в молчание круговой поруки – ложь была направлена вовне, а не против своей же нации. У нас произошёл другой поворот – элита стала лгать именно “своему” народу.

Стратегия реформ изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что “мы не знали”. Уход от рефлексии загоняет болезнь всё глубже, ложь формирует особый тип рациональности. Обман стал социальной нормой реформаторской элиты России – вот главное.

Кризис советской политической системы начался с XX съезда, когда верховная власть партии применила фундаментальный (в отличие от ритуального) обман как средство управления самой партией. Тогда в своём известном докладе Н. С. Хрущев пошёл на заведомый и сознательный подлог в заявлении о количественных масштабах репрессий сталинского периода. Это положило начало развитию **культуры лжи** в политической верхушке. При этом та часть номенклатуры, которая приняла эти нормы, сразу стала сдвигаться к антисоветизму.

А. Н. Яковлев писал в “Черной книге коммунизма”: “После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычлнить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционризму вообще” [7].

С тех пор по лестнице партийной (в том числе в общественных науках) иерархии быстрее всего стали продвигаться люди **двуличные**. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты.

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа Л. Н. Митрохина: “К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”), уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”. ...Да, Федор Васильевич Константинов ...был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был

заведующим сектором, секретарём партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену...

Главное в том, чтобы важно отличать от несущественного, от мимолетных эмоций и слов. А состоит оно в том, что все вы (а список людей, причастных к рождению отечественной социологии, более или менее определен) выступали против духовного ГУЛАГа, против митиных и константиновых" [8].

Кажется, это – небывалая в истории культуры деформация сознания, произведённая перестройкой. Воспоминания Л. Н. Митрохина полны достоинства и уважения к самому себе. Но если ему "была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки", из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он "был заведующим сектором, секретарём партбюро Института", работал под началом "одной из самых мрачных фигур того времени"? Если он делал это из шкурных побуждений, то зачем откровенничать, да ещё принимать благородную позу? Это ненормально. Ведь чтобы после этого себя уважать и на своём примере учить жизни молодёжь, должно же быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Но почему же он её не называет?

Я думаю, его сознание перевернуто перестройкой, и он теперь **постеснялся бы** как раз того объяснения, которое в норме послужило бы разумным оправданием его поведения. Ну как с такой интеллектуальной элитой может не впасть в кризис страна? Интеллектуальные авторитеты, выведенные теперь на авансцену, передают обществу расщепление своего сознания. Мы не говорим о циничной части представителей номенклатуры, которые после 1991 года пустились во все тяжкие, занялись коррупцией и глумятся над доверчивыми людьми. У этих сознание не расщеплено.

Л. Н. Митрохин не раз возвращается к теме "двуличия" виднейших советских гуманитариев. Так, он пишет об академике Ю. П. Францеве, который очень много сделал для создания научных учреждений социологии в СССР: "Францев вступил в партию и стал делать быструю карьеру по линии МИДа. У меня, однако, сложилось впечатление, что она сопровождалась всё более мучительными переживаниями. С одной стороны, он (заместитель главного редактора "Правды", позже ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС) уже тогда видел убожество и догматизм официальной идеологии, порочность порядков, ею охраняемых. С другой, – понимал, что сознательно обрёл себя на служение этому строю, и продолжал настойчиво, порой просто талантливо, восхвалять мудрость ЦК КПСС".

Он представляет Францева почти как своего двойника. Но никакого объяснения тоже не даёт. Так хоть бы сказал, что здесь есть какая-то загадка, которую надо было бы разгадать. Это необходимо для выхода из нынешнего культурного кризиса. Можно было бы и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не "сопровождается всё более мучительными переживаниями"? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между **несоизмеримыми ценностями**. Де Токвиль писал: "Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство". Отсюда и переживания.

Но ведь даже и свобода на деле представляет собой вовсе не гармоничский набор благ, а систему конкурирующих между собой и даже несоизмеримых свобод. Есть ситуации, в которых "не существует пристойного, честного и адекватного решения", и это не зависит от воли или наклонностей [9]. Может ли политик пожертвовать адекватностью решения? Да, если он в этом конфликте выше адекватности поставит свою репутацию "пристойного, честного" человека. Но будет ли это честным?

Эти драматические ситуации – реальность, а "убожество и догматизм официальной идеологии" – шелуха на этой реальности. И академик Францев сделал честный и адекватный выбор – не обращая внимания на эту шелуху, он выполнял то, что считал нужным для укрепления страны – "служил строю" и "восхвалял мудрость ЦК КПСС". Было бы, конечно, ещё полезнее, если бы он смог преодолеть "убожество и догматизм" общественного сознания, дать советскому строю хорошую теорию. Но, думаю, он трезво осознал, что такой возможности у него нет – не созрели для неё условия и запас знания, они только-только начинают появляться как продукт нашего кризиса.

Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как двуличную, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в цинизм.

Какую роль сыграл этот обман, вошедший в норму? Приняв **логику обмана**, элита отошла от рациональности. Позже стало можно игнорировать **фактическую информацию**, в том числе количественную. Общество утратило инструменты для познания реальности. Лжец теряет контроль над собой, как kleптоман, воруящий у себя дома. Речь идёт о сдвиге в мировоззрении, подрыве жизнеспособности нашей культуры. Это произошло в самой доктрине реформ и за эти годы стало элементом “культурного ядра” общества. Это программа-вирус нашего сознания.

Большим и резким изменением в культуре стал тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились учёные, обладающие “удостоверением” разумного, беспристрастного человека (иногда завоевавшего доверие и своей профессиональной работой). Это подрывало систему престижа, важную опору культуры.

Во время перестройки множество академиков, писателей и народных трибунов доказывали, что строительство “рукотворных морей” и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Н. П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: “Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель” [10]. Но это неправда! Водохранилища отнюдь не “поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель”, зато позволили оросить 7 млн га засушливых земель и сделали их действительно плодородной пашней. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га – 0,35% всей пашни*.

Честный человек должен был бы сообщить и такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объёмом более 100 млн м³), а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае – 24 119, в США – 6 389, в Канаде – 820, в Турции – 427 и в России – 62 [11]. Отставание России в использовании гидроэнергетического потенциала рек колоссально, но общество убедили в том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы**.

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество просто контужено массивированной ложью.

Тяжёлый удар по культуре нанесла ложь, которой был пропитан весь идеологический дискурс перестройки, представляющий её переходом к **демократии** и **правовому** государству. Для тех, кто лично общался с этими идеологами и читал их тексты, эта ложь стала очевидной уже в 1989–1990 гг., но основная масса населения искренне верила в лозунги и обещания – общество действительно dorocло до общей потребности в демократии. Но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали издеваться над обманутым населением с удивительной глумливостью.

Валерия Новодворская писала в 1993 г.: “Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила своё, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена) – не должны. Право – понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух” [13].

А. С. Панарин говорит о катастрофических изменениях в жизнеустройстве и добавляет: “Но сказанного всё же слишком мало для того, чтобы пере-

* Если уж вводить меру потерь “плодороднейших земель”, то надо вспомнить, что в Российской Федерации нынешняя рыночная реформа “поглотила” 45 млн га посевных площадей – они выведены из оборота и зарастают кустарником.

** Стыдно образованным людям не знать, что за счёт ГЭС сильно снижается цена электроэнергии в стране, что сказывается и на производстве, и на быте. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп./кВт·час. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании “Иркутскэнерго” [12].

дать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: всё то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, всё чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму “господствующего дискурса” и господствующей моды” [14].

За последние двадцать лет в России, в основном, завершилась смена общественного строя. Новое жизнеустройство представило свои принципиальные признаки. Что произошло при этом переходе с одним из главных условий безопасности основной массы людей — их защищённостью от **преступника**? Произошло событие аномальное — в одной из самых благополучных в этом смысле стран мира почти искусственно раскручен маховик жёсткой, массовой, организованной преступности. Страна перешла в совершенно новое качество — новый политический режим сдал население в лапы “братвы”.

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР от убийств погибли 11,3 тыс. человек (с учётом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2006 г. от преступных посягательств погибло 61,4 тыс. человек и получили тяжкий вред здоровью 57 тыс., а число грабежей и разбоев достигло 417 тыс. Число таких преступлений, видимо, стабилизируется на высоких уровнях. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано 340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн в год (к тому же сильно сократилась доля тех преступлений, что регистрируются и тем более раскрываются).

Это значит, что официально примерно в 5% семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! А сколько ещё близких им людей переживают эту драму. Сколько миллионов живут с изломанной душой преступника, причинившего страшное зло невинным людям! Только в местах заключения ежегодно пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Таким образом, жертвы преступности, включая саму вовлечённую в неё молодёжь, ежегодно исчисляются миллионами — и это только начало раскручивания страшного маховика*.

Как взрастили эту угрозу? Ведь это — новое явление. Был у нас в 60–70-е годы преступный мир, но он был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без расширения масштабов. Общество — и хозяйство, и нравственность, и органы правопорядка — не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины её нынешнего роста известны, и первая из них — социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь “лица без постоянного источника дохода”. Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Изменились социальные условия! Честным трудом прожить трудно, на этом “рынке” у массы молодёжи никаких перспектив, реформа “выдавила” её в преступность.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. В России возникли новые культурные условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные “фирмы”, как на нормальную работу.

Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку всё больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

* В 2008 году выявлено лиц, совершивших преступления, 1,26 млн. Пострадало от преступных действий 2,3 млн человек, из них погибло 46 тыс. и получили тяжкий вред здоровью 48,5 тыс. человек. В 2000 году погибли и получили тяжкий вред здоровью 151 тыс. человек. И так — каждый год.

Это – массивный социальный процесс, который не будет переломлен наибольшими “социальными” подачками. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространённость алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300% [15].

Но главная проблема в том, что преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Культ денег и силы! На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена оплачивается прежде всего **детьми и подростками**. Американский социолог К. Лэш пишет в книге “Восстание элит”: “Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребёнке... [Дети] подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка”.

Растворяющее воздействие телевидения образует **кооперативный эффект** с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в России сильнее всего обеднели семьи с двумя-тремя детьми. И глубина их обеднения не идёт ни в какое сравнение с бедностью на Западе. А вот, как пишет Лэш, что там принесла неолиберальная реформа: “Самым тревожным симптомом оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накопление зачётов – всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадёжности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своём стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлении с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними” [16].

Именно это, и в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали – в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии – таков был социальный заказ элиты культурному слою.

Вот один из последних примеров – сериал “Сонька – Золотая Ручка”, который снял Виктор Иванович Мережко. Он восхищён ею – “талантливая воровка”. В этой воровке, которая действовала в составе банды, он видит героя, востребованного нынешним обществом: “Она уже легенда. И войдёт в число женщин-героинь обязательно! Это наша Мата Хари. Но не шпионка, а воровка”. Национальная героиня России! В этих похвалах Мережко поддерживает телеканал “Россия”: “Её таланту и авторитету в уголовном мире не было равных”.

В русском фольклоре с уважением отзывались о мятежниках, иногда и о разбойниках с трагической судьбой, но не о профессиональных ворах и грабителях. Мережко говорит о том, что его побудило прославлять Соньку: “Уникальность и романтичность личности. Другой такой в нашей истории не было. Она не бандит вроде Пугачёва или Разина”. Вот теперь о ком надо слагать народные песни типа “Есть на Волге утёс”.

Режиссёра спросили, хотелось бы ему встретиться с живой Сонькой. В ответ: “Конечно! Обязательно выразил бы ей свой восторг, уважение”. Уважение! Мережко воровку уважает и детей учит: “Мы с дочкой даже сходили на Ваганьковское кладбище, где, по легенде, лежит Золотая Ручка. Нашли мраморный памятник, цветочки положили...” [17].

Чтобы этот особый дух “уважения к вору” навязать, хоть на время, большой части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была – устранить общие нравственные нормы, которые были для людей написаны законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность.

Российское общество подходит к пороговому моменту в исчерпании ресурсов советской культуры. При этом никаких ресурсов альтернативной культуры (например, “западной”) не появилось. До сих пор даже и антисоветская мысль в России питалась советской культурой и была её порождением, а теперь и она – как рыба, глотающая воздух на песке.

Обрезав советские корни, жители России не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Но исход вовсе не предопределён. Если молодёжь России хочет выжить как большая культурная общность, она ещё имеет время, чтобы хладнокровно рассмотреть все варианты будущего и определиться. Главные устои культуры быстро не исчезают, а лишь уходят вглубь, становятся сокровенными и теряют качества активных социальных факторов. Нужны усилия, чтобы их “оживить”.

Литература

1. Б а т ы г и н Г. С. “Социальные учёные” в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. – В кн. “Социальные науки в постсоветской России”. М.: Академический проект, 2005, с. 43.
2. Б у р о в с к и й А. М. После человека. – “Постчеловек”. М.: Алгоритм, 2008, с. 208.
3. И н о з е м ц е в В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. – “Постчеловечество”. М.: Алгоритм, 2007, с. 71.
4. С т о л я р о в А. М. Розовое и голубое. – “Постчеловек”. М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.
5. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Алгоритм – ЭКСМО. 2005, с. 80, 258.
6. Е р о ф е е в В. Поминки по советской литературе. – Апрель, 1900. Вып. 2.
7. Я к о в л е в А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М.: Три века истории. 2001, с. 14.
8. М и т р о х и н Л. Н. Тернистые пути отечественной социологии. – В кн. “Социология и власть”. 2008.
9. Г р е й Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003, с. 143.
10. Ш м е л ё в Н., П о п о в В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989, с. 140–143.
11. Б е л я к о в А. А. Стратегические проекты России в условиях кризиса. – “Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование”. 2009, т. 2, вып. 3.
12. “Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г.” – <http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381>.
13. Н о в о д в о р с к а я В. Прощание славянки. М.: Захаров, 2009, с. 307.
14. П а н а р и н А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006, с. 297.
15. И в а н е ц Н. Н., К о ш к и н а Е. А., К и р ж а н о в а В. В., Н. И. П а в л о в с к а я Н. И. Демографические последствия роста наркомании и алкоголизма. – В кн. Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. М.: ИСПИРАН, 2007.
16. Л э ш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс. 2002, с. 79, 169.
17. Р о м а н о в Н. Сонька на скорую руку. – Литературная газета. № 20 (6120) 16 – 22 мая 2007 г. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/ig202007/Polosy/10_1.htm).

ВЛАДИМИР РОДИН

ГЕРМАНИЯ: ЛЕВЫЙ МАРШ И ПРАВЫЙ ПОВОРОТ

(К итогам парламентских выборов)

Левые празднуют победу “со слезами на глазах”

Успех на выборах Левой партии, поражение СДПГ и создание правоцентристского правительства ХДС/ХСС—СвДП во главе с канцлером Ангелой Меркель свидетельствуют о перегруппировке политических сил в ФРГ, их поляризации. Большое влияние на исход выборов оказал, судя по всему, финансовый кризис. Зародившись в США, он как смерч пронёсся по всей планете и потряс не только экономику, но и моральные и нравственные ценности капиталистической системы. Репортажи из США об арестах американских миллиардеров-мошенников вызвали глубокое разочарование у тех, кто наивно верил в “американскую мечту”, заокеанскую свободу и демократию. Недалеко ушли от американских финансовых жуликов и некоторые их собратья в Европе. Острые дебаты в ходе выборов вызвали настойчивые попытки американцев поглубже втянуть немцев в войну в Афганистане.

Из всех политических партий, участвовавших в выборах, Левая партия наиболее решительно критиковала как внутреннюю, так и внешнюю политику правительства Ангелы Меркель. В результате партия укрепила свои позиции на западе Германии и вышла на федеральный уровень.

Кто бы мог, на самом деле, подумать, что бывшие коммунисты ГДР, то есть к р а с н ы е, объединившись с левым крылом СДПГ, получают 11,9% голосов избирателей, что означает 76 мандатов в бундестаге (на 23% больше, чем на выборах в 2005 году)? И это в юбилей (20 лет) крушения Берлинской стены! Левая партия обошла “Зелёных” и окончательно превратилась в федеральную политическую силу.

Но сначала всё по порядку: ХДС/ХСС получили 33,8% (–1,4%), СДПГ – 23,0% (–11,2%), СвДП – 14,6% (+4,8%), Левая партия 11,9% (+3,2%), Союз 90/“Зелёные” – 10,7% (+2,6%), прочие 6,0%.

Ангела Меркель сохранила кресло федерального канцлера, в чём мало кто сомневался. Германия выстояла в кризисе. И в этом, безусловно, её личная заслуга. Она оказалась политиком жёстким и решительным, способным перестраиваться и извлекать уроки из ошибок. Это касается прежде всего попыток неоллибералов в ХДС/ХСС, которые на выборах в 2005 года грозились пройти кривой по социальным завоеваниям трудящихся в Германии. Выиграв тогда с небольшим отрывом от СДПГ выборы, Ангела Меркель тут же приняла социальную программу (10 млрд евро), один из пунктов которой предусматривал оказание помощи семьям. “Она стала самым главным социал-демократом страны, – подчёркивает авторитетный журнал “Шпигель”. – При обсуждении вопросов минимальной заработной платы труда, пособий

по безработице, внеплановых повышений пенсий она политически нейтрализовала социал-демократов (партнёров по коалиции. — В. Р.), присваивая просто-напросто их соображения” (“Шпигель”. Специальный номер, посвящённый выборам, 28.09.2009). Эта политика позволила Меркель урвать часть голосов социал-демократов. Она же оттолкнула от ХДС/ХСС немалое число их традиционных избирателей — они не простили партии “покраснения”. В результате христианские демократы удержались у власти, но с худшим за всю историю партии результатом.

Во внешней политике Меркель держала курс на тесное сотрудничество с Америкой, укрепление ЕС. В отличие от Герхарда Шрёдера, Меркель строила отношения с Россией не на двусторонней основе, а в формате Европа—Россия. Берлин занял довольно двусмысленную позицию по факту агрессии Грузии в Южной Осетии. Меркель сдерживала инициативы своего партнёра по коалиции министра иностранных дел Штайнмайера, направленные на продолжение конструктивной восточной политики в отношении России. Тем не менее Меркель поддержала проект “Северный поток” и выступила против скоростного приёма Украины и Грузии в НАТО. И на том спасибо.

Несмотря на известные разногласия, американцы поддержали Ангелу Меркель в ходе её предвыборной кампании. Это особенно проявилось в истории с продажей автогиганта “Опель” канадско-российскому консорциуму “Магна—Сбербанк”. С молчаливого согласия “Дженерал моторс” — владельца “Опеля” — Меркель широко разлекармировала намеченную сделку как вклад её правительства в сохранение рабочих мест. Она заручилась поддержкой рабочих и профсоюзов, что обеспечило ей немало голосов на выборах. Но когда выборы прошли, то руководство “Дженерал моторс” с застенчивой улыбкой заявило, что “Опель” не продаётся.

А уж какой шум (победный) был у нас по этому поводу: Россия получит новые технологии, “эта сделка — самое яркое подтверждение прагматического подхода Берлина к отношениям с Москвой” (“Известия”, 26.10.2009). А вот русская мудрость гласит: “Не говори гоп, пока не перепрыгнешь”.

Второй сенсацией на выборах стал “вертикальный взлет” СвДП — партии либералов. В послевоенной истории ФРГ эта партия, представляющая интересы мелких и средних предпринимателей, адвокатов, лиц свободных профессий, всегда играла роль золотой гири на весах большой политики.

Бросая свой вес на чашу весов ХДС/ХСС или СДПГ, либералы определяли, какая из этих партий придёт к власти. Причём делали они это подчас на крутых поворотах истории ФРГ. Когда в семидесятые годы реваншистская и милитаристская политика ХДС/ХСС во главе с Аденауэром завела внешнюю политику Западной Германии в тупик, СвДП поддержала восточную политику лидера СДПГ Вилли Брандта, направленную на примирение с народами Советского Союза и Восточной Европы. В 1970 году канцлер ФРГ Вилли Брандт и министр иностранных дел Вальтер Шеель (СвДП) подписали в Москве знаменитый Московский договор, в котором было зафиксировано признание послевоенных реалий в Европе. Однако социальную политику своего партнера по коалиции либералы поддерживали до тех пор, пока это было выгодно капиталу. В начале 1982 года либералы взяли курс на развал коалиции с СДПГ. Лидер СвДП Г.-Д. Геншер заявил, что “социальные льготы в ФРГ превратились в гамак для бездельников”. Либералы перешли на сторону ХДС/ХСС, и канцлером в 1982 году стал Гельмут Коль. Но дело было не только в разногласиях по внутренней политике. В 1976 году Советский Союз — без должного политического обеспечения этой военной акции — приступил к развёртыванию в Европе своих ракет СС-20. Правящие круги ФРГ очень болезненно восприняли этот шаг и обратились к американцам с просьбой разместить на Рейне свои ракеты средней дальности. Опасаясь, что СДПГ, как антивоенная партия, не выдержит этого испытания, в Бонне (по согласованию с Вашингтоном) было решено отправить её в отставку. Вот и сегодня, когда американцы крайне заинтересованы в более активном участии бундесвера в войне в Афганистане, вытеснение из правящей коалиции СДПГ — с помощью либералов — им очень к стати.

Но помимо проамериканского лобби в ФРГ есть ещё и избиратели. СвДП одержала серьёзную победу на выборах, подчёркивал “Шпигель”, хотя “она стоит близко к банкам”. Очки она заработала, вероятно, на том, что “во время кризиса ХДС/ХСС и СДПГ позволили государству активно вмешаться в эко-

номику, а убеждённые рыночники из обеих партий повернулись к СвДП, которая всегда держалась подальше от государства” (“Шпигель”, 28.09.2009).

Чем дальше ХДС/ХСС сдвигалась влево в рамках Большой коалиции (так что временами казалась даже более социал-демократической, чем СДПГ), тем больше сторонников христианских демократов перебежало на сторону СвДП, тем более что в качестве главного лозунга в предвыборной борьбе либералы выдвинули требование снижения налогов.

Самое крупное поражение за всю свою послевоенную историю потерпели социал-демократы – партнёры ХДС/ХСС в правящей коалиции. Как и предполагали эксперты, большинство голосов у неё отобрала Левая партия (1,1 миллиона). У избирателей сложилось впечатление, что СДПГ не является больше гарантом социальной справедливости из-за жёстких мер в социальной области, которые социал-демократы начали принимать в ходе реформ по модернизации общества, начатых в 1998 году (ограничение прав безработных при получении пособий, повышение до 67 лет пенсионного возраста и пр.), что, мол, противоречит самому духу СДПГ. Партию наказали за политику, которую “скорее ожидали от канцлера Ангелы Меркель”.

Правящий бургомистр Берлина социал-демократ Клаус Воверайт заявил после выборов, что “СДПГ должна будет сделать более чётким свой социальный профиль”.

Поражение СДПГ было с огорчением воспринято даже её идейными противниками в Германии. Партия вписала немало светлых страниц в историю Германии, историю немецкого рабочего движения.

Как серьёзный урон для социалистического движения в Германии и в Европе в целом восприняли поражение СДПГ и сторонникилевой партии. Поэтому и свою победу на выборах они праздновали “со слезами на глазах”. Левые понимают, что новое правительство постарается теперь возложить тяготы, связанные с выходом из кризиса, на плечи трудящихся.

Левая партия выступает за создание в XXI веке современного общества социальной справедливости, общества без обездоленных, включая мигрантов. Партия бескомпромиссно борется за преодоление глубокого социального неравенства в Германии, предлагая конкретные проекты для решения проблемы безработицы – этого бича современного общества. “Богатство для всех”, – заявляют левые, развивая идею Эрхарда “Благосостояние для всех”. Мне кажется, что Левая партия опирается на лучшие традиции немецкого рабочего движения, которые были живы после войны в обоих германских государствах. На память приходят строки из знаменитого левого марша:

*Und weil der Mensch ein Mensch ist, drum hat er die Stiefel ins Gesicht nicht gern.
Er will unter sich keinen Sklawen sehen und über sich keinen Herrn*.*

Левая партия взяла на вооружение всё хорошее, что было при социализме в ГДР, и призывает использовать в нынешних условиях богатый опыт сотрудничества между ГДР и СССР.

Но левые – не упёртые талмудисты. Вот как характеризует Оскара Лафонте – одного из лидеров левых – “Шпигель” (в специальном номере, посвящённом выборам).

Оскар Лафонте заявил после выборов: “Мы владеем самым острым оружием. Мы та сила, которая противостоит системе”. Но Лафонте отнюдь не догматик. Он очень гибкий тактик. “Ни один немецкий политик не может сравниться с таким мастером диалектики, как Лафонте. Никто не обладает искусством примирить такие, казалось бы, непримиримые постулаты: революционные пароли и прагматизм. Двойная стратегиялевой партии никогда не утверждалась, но давно уже применяется на практике. Лафонте знает, что путь к красно-красно-зелёной (Левая партия – СДПГ – “Зелёные”) альтернативе буржуазному правительству (ХДС/ХСС–СвДП) ведёт лишь через примирение с социал-демократами” (“Шпигель”, 28.09.2009).

Но для достижения этой цели потребуются, на мой взгляд, годы очень серьёзной работы. Смена власти в Германии, как известно, происходит на длинной волне.

* А так как человек есть человек, то ему не нравится, когда ему тычут сапогом в лицо. Он не хочет видеть под собой раба, а над собой господина.

Предвижу ухмылку наших либералов: “Этих бывших коммунистов только до власти допусти. Они столько дров наломают!” Сразу же замечу, что дров в России наломали как раз наши либералы. Один лишь их знаменитый гуру Чубайс чего стоит. Оставил нам памятник при жизни в виде разрушенной Саяно-Шушенской ГЭС.

Что же до левых в Германии, то они уже много лет работают на земельном уровне в правящей коалиции в Берлине во главе с Клаусом Воверайтом. Ну и как выглядит Берлин в результате правления красно-красной коалиции (СДПГ – Левая партия)? Неплохо. Берлин – крупнейший центр промышленности, науки и культуры Европы, лаборатория инновационных разработок и смелых научных проектов. В Берлине заботятся об охране окружающей среды. В Берлине не убивают людей на улицах среди бела дня, не давят на “зебрах”, то есть на переходах. Там созданы условия для участия инвалидов в жизни общества. В Берлине живут сто тысяч русских, которые вносят свой вклад в многообразную культуру столицы Германии. Разумеется, в таком крупном городе есть свои проблемы, но где их нет?

Политика побеждает в борьбе идей

Два немецких эксперта Иохен Вайхольд и Хорст Дитцель сделали сравнительный анализ предвыборных программ политических партий, их позиций по кардинальным проблемам внутренней и внешней политики Германии. Этот очень любопытный документ позволяет лучше разобраться в современной обстановке в ФРГ, а также заглянуть в будущее: в каком направлении двинется дальше немецкий корабль со старым капитаном, но уже обновлённой командой? Ведь все матросы в красных тельняшках сошли на берег.

1. Социальная рыночная экономика

Как ХДС/ХСС, так и СДПГ видят в оживлении социальной рыночной экономики центральную идею для преодоления кризиса и обеспечения будущего. Но есть различия. Христианские демократы считают, что им удалось превратить в жизнь оправдавшие себя принципы, которые должны быть теперь реализованы в рамках всей Европы. Таким образом можно будет избежать кризисов, подобно нынешнему.

СДПГ полагает, что кризис – это результат идеологии, при которой в центре внимания находится не человек, а максимальное извлечение прибыли. “Век рыночного радикализма закончился крахом. Мы находимся в переходном периоде”. СДПГ высказывается в пользу сильного, дееспособного государства.

ХДС не согласно с тем, что государство – лучший предприниматель. Христианские демократы утверждают, что государственные экономиксы не создают благосостояние, а “отнимают свободу у людей”. Государство должно быть “блюстителем порядка” и помочь вновь “пробудить силы рынка, которые сами лечат его болезни”.

Для СвДП социальная рыночная экономика – это “свобода, ответственность и как можно меньше опекунов со стороны государства”. Хорошая работа “должна цениться”. Либералы хотят, чтобы у мужчин и женщин “больше оставалось денег, заработанных тяжёлым трудом”. Они выступают поэтому за “простые, низкие и справедливые налоги”. СвДП называет себя “адвокатом средних слоёв общества”.

Левая партия исходит из того, что рыночный радикализм провалился. Партия называет капитализм системой, “презирающей человека”. Представители этой системы “исчерпали себя, им нельзя больше доверять страну”. Левые считают, что другие партии выступают за политику “и дальше – также”. Они добиваются изменений лишь в деталях. Глубокий социальный раскол в обществе, отмечают левые, это не судьба, а результат политики “зелёных, либералов, социал-демократов и консерваторов”.

Левые заявляют, что речь идёт “об альтернативе: или верх возьмёт модель общества, ориентированного на извлечение прибыли, и большинство населения вынуждено будет заплатить за это. Или же мы завоюем вступление

в другое общество, где в центре внимания будут потребности человека”. Главная мысль в программе левых: “чем сильнее Левая партия, тем больше социальной справедливости в нашей стране”.

2. Экономика и рынок

ХДС/ХСС выдвигает на передний план три ключевых требования: укрепление среднего сословия, инновации и создание эффективной инфраструктуры. Христианские демократы отклоняют установление законом минимума заработной платы. Политику на рынке труда ХДС/ХСС определяет так: “только меры, которые позволят безработным найти работу с перспективой. Они должны практиковаться и впредь”. В скрытой форме консерваторы высказываются против социальных льгот: “Социальным является то, что создается трудом”.

СвДП считает, что самая лучшая экономическая политика – это “политика, направленная на укрепление среднего сословия”. Либералы – за более жёсткий курс в отношении рабочего класса. Они выступают за ограничение прав рабочих на участие в управлении предприятием и их прав на социальную защиту. (Расходы на участие рабочих в управлении предприятиями должны быть ограничены, а количество членов производственных советов сокращено.)

Левая партия требует разработать программу создания 2 млн рабочих мест. С этой целью левые предлагают ежегодно инвестировать 100 млрд евро в образование, здравоохранение, защиту среды и в транспорт. Экономическая демократия – центральный пункт в программе левых. В чём её смысл? Участие коллективов в работе крупных предприятий. Государственная помощь должна предоставляться “только в обмен на доли собственности, которые переходят государству или коллективу предприятия”.

Национализация или частичная национализация должны проводиться под демократическим контролем с участием трудовых коллективов. Должны быть запрещены массовые увольнения с предприятий, которым не угрожает банкротство. Партия намерена отменить ограничения на проведение забастовок и добиться права на политическую забастовку, как это имеет место в других странах Европы.

Под заголовком “хорошая работа” левые выдвигают требования, которые далеко выходят за рамки установок СДПГ и “Зелёных”. Они предлагают повсеместно ввести – по французскому образцу – минимальную зарплату, которая должна возрасти на 10 евро и ежегодно увеличиваться по мере возрастания расходов на жизнь. Рабочую неделю следует ограничить 40 часами. 35-часовая рабочая неделя – при компенсации заработной платы – должна быть согласована с профсоюзами.

Левые требуют уравнивать зарплату и пенсии для граждан Западной и Восточной Германии. Более того, преимущества Восточной Германии в таких сферах, как уход за младенцами, образование и воспитание, многообразие “культурного ландшафта”, должны быть сохранены и “перенесены на Запад”.

3. Налоги

Левые хотят повысить не облагаемый налогом доход до 9 300 евро. Они требуют восстановления “налога на миллионеров”. Лица, обладающие собственностью свыше миллиона евро, должны платить налог в размере 5%. Одновременно левые предлагают повысить до 200 евро ежемесячные детские пособия для нуждающихся семей.

Между прочим, этот краткий экскурс показывает, что существующая в нашей стране плоская шкала налогов – самая отсталая в современном мире.

4. Внешняя политика

Все партии выступают в программах в целом за хорошие отношения как с Америкой, так и Россией. Но есть детали, “в которых прячется дьявол”.

Христианские демократы утверждают, что интенсивность развития отношений с Россией зависит, дескать, от того, “насколько Россия готова выполнять свои обязательства в рамках ООН, ОБСЕ, Европейском Совете, по Евро-

пейской энергетической хартии, а также по её соглашениям с ЕС". Иными словами: насколько Россия будет поддаваться давлению со стороны Запада.

СвДП высказывается за "критический диалог и прагматическое сотрудничество с Россией". Именно потому, что Германия "тесно связана в историческом и культурном плане с Россией, СвДП с большой озабоченностью наблюдает шаги назад в её демократическом и государственно-правовом развитии".

В то же время либералы отклоняют американский план по размещению их систем ПРО в Польше и Чехии.

Левая партия разработала целую программу развития партнёрских и кооперационных соглашений между ЕС и Россией. Расширение партнёрских связей с бывшими республиками СССР должно происходить, как считают левые, "с учётом интересов безопасности России". Поэтому партия отклоняет "оборонительный ракетный щит" в Польше и Чехии.

5. НАТО, Афганистан

По вопросам отношения к НАТО и укрепления военного сотрудничества в Европейском Союзе имеется непреодолимый ров между позициями ХДС/ХСС, СвДП, СДПГ, "Зелёными", с одной стороны, и Левого партии – с другой. В то время как буржуазные партии заявляют о своей приверженности НАТО, левые требуют роспуска этой организации и замены её системой коллективной безопасности при участии России. Левые против "любых попыток расширения НАТО". В то время как ХДС/ХСС, СвДП, СДПГ и "Зелёные" выступают – при определённых расхождениях – за создание "вооружённой руки ЕС для предотвращения и улаживания кризисов", Левая партия требует замены Европейского оборонительного агентства на Агентство по разоружению и прекращение военных операций в рамках европейской внешней политики.

6. Афганистан

ХДС/ХСС, СвДП и СДПГ выступают в принципе за продолжение нынешней политики в отношении Афганистана. Только Левая партия требует вывода бундесвера с территории Афганистана.

* * *

Сенсационный успех Левого партии на выборах в бундестаг объясняется рядом причин. После капитуляции Германии во Второй мировой войне немцы в Западной Германии извлекли уроки из истории. Они не хотели больше иметь однопартийную систему. В ФРГ была создана многопартийная система, и правительства приходили к власти на коалиционной основе. Не отрицая известных пороков капиталистической системы, следует признать, что в Германии существует довольно высокая политическая и правовая культура. Немцев отличает активность в политике. В недавних выборах приняли участие 70% избирателей. Через политические партии, профсоюзы, производственные советы на предприятиях немцы могут оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику правительства. Большой вес имеет общественное мнение, выразителем которого является пресса. Власти Германии уделяют много внимания формированию политической культуры среди населения. Заседания бундестага проходят при переполненных трибунах для гостей и прессы. Ведутся прямые репортажи. Дебаты отличаются высоким накалом страстей, проходят с участием блестящих ораторов. В ожесточённых спорах рождаются решения по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики. Оппозиционные партии имеют доступ к средствам массовой информации, включая ТВ.

В канун выборов лидеры правящей и оппозиционной партий излагают в прямом эфире свои позиции по самым злободневным вопросам.

Новые политические партии в Германии рождаются в результате творчества масс, внепарламентских действий. В 70-х годах "Зелёные" вырвались на арену большой политики, благодаря их смелой борьбе за сохранение окружа-

ющей среды и прекращение гонки вооружений. Свою нишу на политическом ландшафте нашла Левая партия. После объединения Германии немцы из Западной Германии стали воспринимать восточных немцев как людей второго сорта, сдавшихся на “милость победителей”. Выросло целое поколение униженных восточных немцев. Выразителем их протестных настроений стали бывшие коммунисты ГДР. Они создали новую партию – ПДС (Партия демократического социализма), а позже – объединившись с левым крылом СДПГ – Левую партию.

Призрак однопартийности бродит по России

Невольно сопоставляешь голосование в Германии с региональными выборами, прошедшими в то же время в России. Они закончились поражением оппозиционных партий. Произошла, правда, консолидация протестных настроений вокруг КПРФ, но этого всё же мало.

“Справедливая Россия”, которая заявляет о своих претензиях на роль второй оппозиционной партии, успеха не добилась. Все упреки в фальсификации итогов выборов “Единая Россия” отвергала высокомерно и заносчиво, что свидетельствует об отсутствии в РФ элементарной культуры дискуссии с политическим оппонентом.

Такая тенденция навеивает грустные мысли. Не хочется говорить банальности, но сильная оппозиция – неотъемлемая часть демократии. Она призвана контролировать власть, заботиться о том, чтобы та “ловила мышей”, не погрязла в коррупции, в самодовольстве и уверенности в собственной непогрешимости. Оппозиция улавливает настроения в массах, выдвигает новые идеи.

Но для этого оппозиция должна показать себя в спорах с правящей партией. В том числе в парламенте. А что мы видим сегодня в Госдуме? Вечно полупустой зал заседаний. Бегают депутаты (очевидно, дежурные по фракциям), нажимают кнопки. И всё. Где дебаты по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики? Заседания проходят в ускоренном режиме. А многие вопросы вовсе не выносятся на повестку дня высшего органа власти. Сегодня общественность горячо обсуждает соглашения с Китаем о совместной разработке полезных ископаемых Сибири. Встаёт вопрос: чьё богатство – России или Китая – будет прирастать Сибирью? Госдуме к обсуждению таких проблем не подпускают. “Если восторжествует линия на то, что Госдума не является местом для дискуссий, о чем говорилось вслух, то это будет означать начало деградации всей российской общественно-политической системы” (Евгений Примаков. “Мир без России”. Стр. 36). Не в этом ли причина утраты интереса в народе к политике?

Оппозиция редкий гость на ТВ. В эфире два человека – и вы их знаете. Закрыты интересные программы, где с участием зрителей обсуждались самые острые, актуальные вопросы, волнующие общественность. Вместо этого обществу упорно – ежедневно и ежечасно – навязывается перманентная борьба с “преступлениями сталинского режима”.

* * *

Под занавес ещё несколько слов о результатах избирательной кампании в ФРГ. Что важнее – правый поворот, зафиксированный на выборах, или примечательный успех германских левых? Трудно дать однозначный ответ. Политическая ситуация зависит от многих условий. В том числе и от умения левых искать компромисс с социал-демократами и от готовности лидеров СДПГ к такому компромиссу. Как бы то ни было, низы, чувствующие себя ущемлёнными, послали ясный сигнал немецкому истеблишменту. В отличие от наших верхов, немецкая элита чутко прислушивается к общественным настроениям. Какие бы решения ни принимались в Берлине, правящую коалицию будет постоянно тревожить вопрос: а что если левые и социал-демократы объединят усилия? Да ещё возьмут в союзники “улицу”?

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ВНОВЬ О КАТЫНИ

(70-летие катынского расстрела — как ложка дёгтя к юбилею Великой Победы)

*Затевая спор настоящего с прошлым,
мы обнаружим, что потеряли будущее.*
У. Черчилль

До 65-й годовщины Великой Победы советского народа над фашизмом осталось немного времени. В этот день Россия отдаёт дань памяти павшим героям и жертвам войны, чествует ветеранов, отстоявших свободу и независимость нашей Родины.

К сожалению, в этом году праздник “со слезами на глазах” может быть серьёзно омрачён событиями и мероприятиями, связанными с 70-летием расстрела польских офицеров в Катынском лесу. Казалось бы, эти две вышеупомянутые даты не могут быть противопоставлены друг другу. Поляки, как и россияне, имеют полное право достойно почтить память своих погибших соотечественников. Если бы...

Вот об этом **“если бы...”** следует поговорить особо, так как польско-российское катынское противостояние входит в завершающую фазу, которая для России может иметь весьма неприятные последствия. Суть в том, что, с одной стороны, катынское преступление **перешло под международную юрисдикцию**, а с другой — предпринимаются попытки **путём договорённостей в “верхах” тихо “закрыть” Катынское дело**, оставив единственным виновником катынской трагедии СССР и Россию как его правопреемника.

В этой связи к теме Катыни необходимо вернуться ещё раз. Напомним, что материалы о катынском преступлении были опубликованы в № 2 и 4 за 2007 год журнала “Наш современник”. В декабре 2007 года была издана книга “Тайна Катыни”.

Катынское дело

Прежде всего напомним историю Катынского дела. Это необходимо, поскольку попытки российского, как в своё время советского, руководства достойно разрешить польско-российское катынское противостояние окончились неудачей.

Сутью Катынского дела является трагическая судьба 21,5 тысячи польских офицеров, полицейских чиновников, взятых в плен и арестованных на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году. С весны 1940 года об их судьбе не было ничего известно до тех пор, пока 13 апреля 1943 года “Радио Берлина” не сообщило, что под Смоленском в катынском лесу (точнее, в урочище Козьи Горы) были обнаружены захоронения **десяти тысяч польских офицеров**, якобы расстрелянных большевиками весной 1940 года.

В ходе немецкой эксгумации 1943 года в катынских захоронениях были обнаружены останки **четырёх с небольшим тысяч польских военнослужащих и гражданских лиц**. Тем не менее **катынское преступление** стало общим определением судьбы **21 857** польских военнопленных и гражданских лиц, пропавших без вести на территории СССР во время Второй мировой войны.

В январе 1944 года в освобождённых от нацистов Козьих Горах работала специальная советская комиссия под руководством академика Н. Н. Бурденко. Её выводы гласили: польские военнопленные летом 1941 года находились в трёх лагерях “особого назначения” под Смоленском и были захвачены немцами. Осенью того же года они были расстреляны в катынском лесу “*немецко-фашистскими палачами*”.

Следует признать, что комиссия Бурденко работала поспешно и не вполне досконально исследовала ситуацию. Так, советские судебно-медицинские эксперты утверждали, что в катынских захоронениях общее количество останков польских военнопленных составляет **11 тысяч**. Однако действий, подтверждающих эту цифру, не было предпринято ни в 1944 году, ни позднее.

*Примечание. Сегодня на мемориальных плитах Польского военного кладбища в Катыни установлена **4071** табличка с именами жертв. Всего же, по утверждению польской стороны, достоверно установлены фамилии **4411 из 4421** погибших польских офицеров из Козельского лагеря НКВД. Почему имена 340 жертв так и не были увековечены поляками, остаётся загадкой.*

Попытка советской стороны в 1946 году закрепить выводы комиссии Бурденко решением Нюрнбергского трибунала не имела успеха. “Синдром победителей” оказал плохую услугу советским обвинителям, которые небрежно подготовились к заседанию трибунала. Обвинение по катынскому преступлению было составлено с формальными ошибками. Допрос немецких обвиняемых в зале суда советские прокуроры фактически провалили. В итоге “катынский эпизод” **был исключён** из текста окончательного приговора Нюрнбергского трибунала.

К сожалению, надлежащие выводы из этого провала советским руководством не были сделаны. Версия о вине нацистов за расстрел польских военнопленных в части доказательной базы по-прежнему считалась безупречной и господствовала в социалистическом лагере до 1988 года. Тогда польские историки, члены Комиссии советских и польских учёных по истории взаимоотношений между двумя странами, проанализировав доказательства и выводы комиссии Бурденко, объявили их “несостоятельными”. И вновь советское руководство, уже во главе с Горбачёвым, **не сочло нужным отреагировать на доводы польских историков**, хотя Горбачёв ещё в июле 1986 года, после визита в Польшу, на Политбюро ЦК КПСС заявил, что “придётся разобрататься с Катынью”.

В конце 1980-х годов усиление политического влияния “Солидарности” в Польше и начало польско-советского противостояния заставило руководство СССР обратить внимание на катынскую проблему. В фондах Особого архива разрешили работать трём советским историкам. Под нажимом главы польского государства генерала Войцеха Ярузельского, без серьёзного дополнительного расследования, только на основании косвенных доказательств и не вполне корректных гипотез этих историков, Горбачёв дал команду опубликовать **13 апреля 1990 г. заявление ТАСС**. В нём признавалась ответственность “за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что оно представляет одно из тяжких преступлений сталинизма”.

Это заявление было поспешным и недостаточно обоснованным, так как в тот период в советских архивах хранились документы, подтверждающие **причастность нацистов** к расстрелу польских офицеров. Тогда они “не интересовали” ни политиков, ни историков. Однако недавно об одном из них стало известно. 28 мая 2009 года сопредседатель Группы по сложным вопросам российско-польских отношений, ректор МГИМО, академик РАН Анатолий Торкунов в Кракове дал интервью РИА “Новости” и польской “Газете Выборчей”. Он заявил, что из военного архива ему прислали материалы, которые “не отрицают, что польские офицеры стали жертвами сталинских репрессий, но говорят о том, что, возможно, **какая-то часть офицеров была уничтожена немцами**”. Но далее Торкунов сделал поистине ошеломляющий вывод: “**Я не считаю, что это меняет что-то в корне, нюансы не меняют сути**”.

Вывод господина Торкунова по сути не менее циничен, чем заявление Парламентской Ассамблеи ОБСЕ летом 2009 года о тождестве нацизма и сталин-

ского режима. В данном случае Торкунов фактически выступает с позиций адвоката нацистов, обеляя их участие в катынском преступлении. Заметим, что это позиция человека, который на общественно-государственном уровне **представляет Россию** в историческом споре с Польшей. В этой связи становится ясно, почему Россия в дискуссиях с бывшими союзниками по соцлагерю постоянно находится в позиции оправдывающейся и извиняющейся стороны.

Заявление Торкунова в России осталось без внимания. Если бы польский председатель Группы по сложным вопросам Адам Ротфельд подобным образом признал или даже попытался признать вину Польши за гибель десятков тысяч пленных красноармейцев в 1919–1921 годах, то скандал в Польше был бы грандиозным. Надо полагать, что возглавлять польскую часть Группы Ротфельд больше не смог бы.

Добавим, что факты причастности немцев к расстрелу польских офицеров не единичны и их нельзя оценивать, как **“нюансы”**. В июне 2009 года по запросу депутата Государственной Думы Виктора Илюхина Центральная экспертная комиссия Министерства обороны РФ рассекретила два архивных документа, содержащие **сведения о причастности немецких военнослужащих к расстрелу польских офицеров в Катынском лесу**. Сколько подобных документов ещё скрыто в российских архивах, остаётся только догадываться.

В этой связи следует напомнить, что в мае 2006 года депутат Государственной Думы Андрей Савельев обратился в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ с просьбой рассекретить и предоставить архивную копию протокола допроса немецкого военнопленного, **принимавшего осенью 1941 года личное участие в расстреле польских граждан в Катыни** (фонд д. 35, оп. 11280, д. 798, л. 175).

Помимо этого депутат запросил копии советских и трофейных немецких разведывательных аэрофотоснимков районов **возможного базирования лагерей “особого назначения” НКВД под Смоленском периода Великой Отечественной войны**. Однако “экспертная комиссия” МО РФ, оценив документы по Катынскому делу, находящиеся на хранении в ЦАМО, **“сделала заключение о нецелесообразности их рассекречивания”**.

До сих пор документы, способные прояснить ситуацию в Катынском деле, засекречены. Это более чем странно, так как сверхсекретные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР о катынском преступлении, обнаруженные в “закрытом пакете № 1” “Особой папки” ЦК КПСС, обнародованы осенью 1992 года. Возникает вопрос, **почему засекречены менее важные документы о Катыни?** Ответ напрашивается только один. Видимо, они **противоречат официальной версии катынского преступления и вышеназванным сверхсекретным документам**.

Документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР однозначно “подтверждали” вину довоенного руководства СССР в совершении катынского преступления. Заметим, что история обнаружения этих документов вплоть до последнего времени была покрыта густой завесой лжи. Подробнее об этом позже. А в 1992 году “внезапно”, но весьма своевременно обнаруженные катынские документы из “закрытого пакета № 1” были предоставлены в Конституционный суд как доказательство “бесчеловечной сущности” КПСС. Тогда же они были переданы польской стороне, которая не преминула использовать их в качестве повода для новой антироссийской кампании.

Президент России Б. Ельцин в августе 1993 года сделал новый шаг к примирению с Польшей. Он возложил венок к памятнику жертвам Катыни на варшавском кладбище Повонзки и попросил у поляков прощения за катынское преступление. С этого момента считается, что в “Катынском деле” всё предельно “ясно”.

Расследование уголовного дела № 159 **“О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле – мае 1940 г.”** (так называемого Катынского дела) велось следственной бригадой Главной военной прокуратуры РФ в соответствии с официальным мнением, озвученным вначале Президентом Горбачёвым, а впоследствии Президентом Ельциным. Оно длилось в течение 14 лет, с 1990-го по 2004 год. В сентябре 2004 года дело № 159 было прекращено “за смертью виновных”.

Согласно выводам Главной военной прокуратуры РФ в событиях 1940 года отсутствует факт геноцида, однако **“имели место общеуголовные преступ-**

ления, связанные с отдачей незаконных приказов, а также превышением должностных полномочий лицами высокого ранга”. Из 183 томов этого дела 116 томов были засекречены и оказались недоступными польской стороне.

Польшу итоги российского расследования не удовлетворили. Она обособленно требовала **рассекречивания** материалов катынского уголовного дела № 159 и настаивала на признании расстрела польских военнослужащих **геноцидом и публичном озвучивании фамилий виновных**. Польские родственники погибших офицеров также требовали **реабилитации** конкретных военнопленных как жертв политических репрессий и возобновления расследования в рамках уголовного дела № 159 событий 1940 года.

Однако российская Фемида, как в “добрые советские времена”, в течение трёх лет занимала глухую оборону и на все польские иски отвечала **отказом**. Польша в ответ стремилась передать расследование Катынского дела под международную юрисдикцию. После того как 29 декабря 2008 года военная коллегия Верховного суда РФ **признала законным** прекращение уголовного дела № 159 о массовых убийствах пленных польских офицеров в 1940 году, поляки **получили право** обратиться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Заметим, что о подобном развитии ситуации неоднократно писалось в российских СМИ. Однако проблемы в России, как правило, замечаются лишь тогда, когда “грянет гром”. В нашей ситуации грома осталось не так долго ждать.

Российское и европейское правосудие

Впервые 70 родственников погибших в Катыни польских офицеров обратились в Европейский суд в апреле 2006 года. Вопрос стоял о ненадлежащем расследовании Россией катынского преступления.

Однако Европейский суд принимает к рассмотрению частные иски лишь в том случае, когда истцы проходят всю вертикаль национального правосудия. Как выше говорилось, польские родственники предприняли такие попытки, обратившись к российскому правосудию. Но они оказались безуспешными. Поэтому в конце ноября 2009 года Европейский суд **принял к рассмотрению иски** семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в годы Второй мировой войны в Катыни. Рассмотрению этих исков был придан **приоритетный статус**.

В этой связи Европейский суд незамедлительно обратился к России с рядом вопросов. В частности, о сокрытии постановления о прекращении следствия по катынскому преступлению, об эффективности, а точнее – о справедливом и надлежащем разбирательстве по делу, о том, были ли родственники допущены к ознакомлению с имеющимися материалами, и т. д. Ответить на эти вопросы России следует **до 19 марта 2010 года**.

Естественно, российским военным прокурорам придётся приоткрыть завесу секретности, окутывающую оставшиеся 113 томов уголовного дела № 159. Полагать, что там скрывается нечто сенсационное, наивно. По всей вероятности, это набор документов, показаний, свидетельств, фактов и статистики, подтверждающих версию о безусловной виновности довоенного советского руководства. Европейский суд это вполне устроит. Однако более чем вероятно, что даже по одному формальному мотиву (родственники были лишены возможности ознакомиться с материалами расследования) суд может признать 14-летнее расследование № 159 дела несправедливым и ненадлежащим. Кстати, о таком повороте в Катынском деле ещё **в июне 2008 года** писал английский “The Economist”.

Свою победу в суде польская сторона сумеет довести до логического конца. Разговоры о том, что поляки готовы удовлетвориться моральной компенсацией, не более чем слова. Польша всегда двигалась к поставленной цели “шаг за шагом” и, когда чаша весов клонилась на её сторону, действовала жёстко и решительно. За последние 40 лет она неоднократно предъявляла к СССР и России претензии материально-финансового плана.

В этой связи зададимся двумя вопросами. Удовлетворится ли польская сторона, в случае положительного решения Европейского суда, **моральным аспектом Катынского дела**? Что помешает родственникам погибших поль-

ских офицеров и репрессированным полякам **предъявить финансовые претензии к России?** Тут счёт может пойти на миллиарды евро. Напомним, что ещё в ноябре 2006 года польский Президент Лех Качиньский заявил, что отношения с Москвой должны быть *“такими, чтобы они Польше что-то приносили”*.

Да и польский премьер Дональд Туск в июне 2008 года после встречи с членами Группы по сложным вопросам недвусмысленно заявил, что *“в течение нескольких месяцев мы будем иметь возможность представить первые сообщения о конкретных решениях по наиболее трудным историческим вопросам, таким, как Катынь – и с юридической и с финансовой точек зрения”*.

Заявления российских политиков о том, что от России можно получить только *“дохлого осла уши”*, не аргумент для Европейского суда и Евросоюза. В случае необходимости будут **арестованы активы РФ за рубежом, которые пойдут на компенсации полякам**. Претензии небезызвестной фирмы “Noga” к России по сравнению с теми компенсациями, которые может определить польским истцам Европейский суд, покажутся просто смешными.

Тем не менее самым страшным для России является моральная сторона Катынского дела, бросающая тень на победу СССР над нацизмом. Учитывая невероятную поспешность, с которой Европейский суд начал рассматривать иски поляков, весьма вероятно, что **оглашение вердикта по этим искам будет приурочено к кануну 65-й годовщины Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне**. Напомним антисоветскую и антироссийскую вакханалию накануне празднования 60-й годовщины праздника Победы. Можно не сомневаться, что накал антироссийских страстей в 2010 году существенно превзойдёт 2005 год.

Политическая ситуация в Европе благоприятствует этому. Как уже говорилось, летом 2009 года депутаты ПА ОБСЕ приняли резолюцию о тождестве нацизма и сталинского режима, что позволяет ставить вопрос о **равной ответственности Германии и СССР** за начало Второй мировой войны. Без сомнения, в канун 65-й годовщины Победы в Европе будет активно насаждаться мнение о том, что Россия, как правопреемник *“преступного” СССР, не имеет морального права праздновать Победу*.

Расследование по указке “сверху”

Оставим европейское правосудие и поговорим о российском расследовании уголовного дела № 159. Существуют ли мотивы считать официальную версию Катынского дела **неполной и частично ошибочной**? Если да, то насколько эти мотивы **обоснованы**?

В этой связи следует рассказать об итогах встречи автора статьи с военными прокурорами, занимавшимися уголовным делом № 159: генерал-майором юстиции Валерием Кондратовым и полковником юстиции Сергеем Шаламаевым. Встреча состоялась **30 марта 2006 года** в помещении Главной военной прокуратуры РФ (ГВП). В ходе непродолжительной двухчасовой беседы удалось выяснить следующее.

Следственной бригаде ГВП с самого начала было предписано проводить расследование Катынского уголовного дела в жёстких временных рамках, ограничиваясь только событиями, происходившими с **марта по май 1940 года**. **В этой связи версия о причастности немецких оккупационных войск к расстрелу поляков в катынском лесу осенью 1941 года вообще не рассматривалась**. Прорабатывалась только версия о безусловной вине руководства СССР в катынском расстреле. Попытка следователей увязать факт расстрела части польских офицеров с их участием в военных преступлениях в 1919–1920 годах была пресечена сверху.

Кстати, один из бывших руководителей следственной бригады по Катынскому делу старший военный прокурор Анатолий Яблоков в статье **“Винным назначен Берия”** (Новая газета, 22.04.2009) пишет о том, что в начале 90-х годов **“прокуроры были заняты лишь оформлением политической воли руководства страны”**. И хотя Яблоков писал о порядке реабилитации репрессированных, несомненно, подобный подход к рассмотрению дел в ГВП в то время был повсеместным.

За основу доказательной базы уголовного дела № 159 были положены результаты польского расследования катынского преступления. Это подтвер-

ждает содержание заключения комиссии экспертов Главной военной прокуратуры, работавшей в ГВП в 1992–1993 гг. Сопоставляя итоги встречи в ГВП с обширной информацией о судьбе польских военнопленных, находящейся в научном обороте, можно сделать вывод о том, что следствие по уголовному делу № 159 **не установило всех реальных виновников** катынского преступления и **не выявило в полном объеме обстоятельства и места гибели** на территории бывшего СССР в период Второй мировой войны **значительной части польских военнопленных**. В этой связи позволю изложить предположения об обстоятельствах гибели польских военнопленных в 1940–1941 годах.

По некоторым данным, органы НКВД в 1939–1940 гг. **расстреляли около 3 200** граждан бывшей Польши: генералов, офицеров, полицейских, чиновников и др., вина которых в совершении воинских и уголовных преступлений была доказана. Часть польских офицеров осенью 1941 года в катынском лесу **расстреляли нацисты**, другая часть **погибла по различным причинам в лагерях НКВД** в период войны, **часть пленных поляков выжила**, но в Польше о них предпочитают говорить, как о катынских жертвах.

Однако сторонники официальной версии утверждают – окончательную точку в Катынском деле поставили сверхсекретные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР из “закрытого пакета № 1”. Согласно этим документам **21 857 польских военнопленных и граждан** были расстреляны сотрудниками НКВД весной 1940 года. Как установило следствие, местами их захоронений являются: урочище Козьи Горы близ посёлка Катынь под Смоленском (Катынский лес), спецкладбище Калининского УНКВД “Медное” под Тверью (бывшим Калинин) и спецкладбище Харьковского УНКВД “Пятихатки” (лесопарковая зона Харькова). Места захоронений польских граждан, расстрелянных в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не установлены.

Кремлёвские документы для российских прокуроров являются базовым свидетельством **единоличной вины** довоенного советского руководства в гибели польских военнопленных. Об этом свидетельствует ответ Главной военной прокуратуры РФ на обращение уже упомянутого депутата А. Савельева к Генеральному прокурору РФ Ю. Чайке от 22 ноября 2006 г., в котором был поставлен вопрос о **возобновлении расследования** уголовного дела № 159 по вновь открывшимся обстоятельствам.

В ответе Главной военной прокуратуры РФ было сказано, что поскольку **“подлинность документов Политбюро ЦК ВКП(б) по Катыни, приобщённых к материалам этого дела, не вызывает сомнения”**, то возобновление следствия по уголовному делу № 159 **“нецелесообразно”**. Аналогичный ответ на своё обращение к Президенту РФ из ГВП в июле 2008 года получил и я.

Казалось бы, катынские документы, хранившиеся в “святая святых” – в “закрытом пакете” “Особой папки” архива Политбюро ЦК КПСС, не могут подлежать сомнению. С этим можно было бы согласиться, если бы не были известны **вопиющие нарушения при хранении этих документов и невероятные ошибки в их оформлении и содержании**.

Заметим, что доктор исторических наук Инесса Сергеевна Яжборовская, одна из авторов книги **“Катынский синдром”**, считает, что в кремлёвских катынских документах присутствуют лишь **небольшие неточности: “там то не так, это не так”**. А в целом, по её мнению, это **детали**, в которых **“любят копаться любители”**. Кстати, о деталях. Известно выражение “дьявол кроется в деталях”. Это верно, так как благодаря “деталям” были раскрыты многие громкие преступления.

Ну, а теперь познакомим читателей с тем, как ориентируются **мэтры истории** в “детальях” катынского преступления. 9 августа 2009 года г-жа Яжборовская на радиостанции “Эхо Москвы” поведала, как в Твери (Калинине) весной 1940 года расстреливали польских полицейских. По её словам, после опроса жертвы в “Ленинской” комнате ей предлагали выйти в другую дверь, за которой **сразу же** начинался подвал, где жертве стреляли в голову.

В этом рассказе есть одна неувязка. “Ленинская” комната в Калининском УНКВД, как выяснилось, в 1940 году была расположена на втором этаже здания и **не могла иметь дверь, ведущую в подвал** (на самом деле на подвал, а цокольный полуподвал, в котором находилась внутренняя тюрьма НКВД и расстрельное помещение). От “Ленинской” комнаты расстрельное помещение отделяли два лестничных марша и коридор. Ошибку Яжборовской можно было бы простить, если б вышеупомянутая **деталь** не меняла в корне всю картину расстрела в Калининне.

К сожалению, Инесса Сергеевна не единственная из специалистов по Катыни допускает при изложении обстоятельств Катынского дела досадные ошибки. Без тени смущения некоторые историки рассказывают **невероятные вещи** о порядке хранения особо секретных документов в архиве ЦК КПСС, о взаимоотношениях в Политбюро ЦК КПСС и т. д.

А теперь пора обратиться непосредственно к катынским документам.

Зыбкая надёжность катынских документов

Ключевым документом, подтверждающим вину довоенного советского руководства в расстреле поляков, считается 4-страничная записка наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии Сталину за № 794/Б от “__” марта 1940 года из “закрытого пакета № 1”. Эта записка одновременно является подлинником решения Политбюро ЦК ВКП(б) П13/144-оп от 5 марта 1940 года о расстреле **25 700** пленных и арестованных польских граждан.

В записке Берии присутствует немало несуразностей и ошибок. Но ключевой ошибкой является **отсутствие даты**. Само по себе это не является чем-то исключительным. Известны записки НКВД, в которых дата проставлена рукой Берии. Возможно, на записке № 794/Б просто забыли поставить дату. Бывало и такое. Правда, не с документами такой важности. В нашем случае ситуацию усугубляет то, что записка датирована **мартом без указания числа**, а в секретариате НКВД СССР она была зарегистрирована **29 февраля 1940 года**.

В этой ситуации записку № 794/Б по формальным признакам следует считать **подложной**. Согласно официальной регистрации Сталину была направлена записка № 794/Б от **29 февраля 1940 г.** Фактически он “получил” (как утверждается) записку № 794/Б, отправленную в **марте 1940 г.**, без указания конкретного числа. Ни один нотариус, ни один суд не признают записку Берии, датированную мартом, достоверной. Представьте себе паспорт гражданина, заполненный с ошибками, в котором датой выдачи значится март, а в записях отдела внутренних дел указано, что этот паспорт выдан в феврале. Паспорт будет признан недействительным.

Для руководителя секретариата центрального аппарата НКВД СССР Степана Мамулова **ошибки**, допущенные при регистрации записки № 794/Б, должны были стать **роковыми**. Выявление первой ошибки (отсутствие даты) неизбежно влекло выявление второй (регистрацию другим месяцем). Но ничего подобного не произошло.

Известно, что все документы, направляемые Сталину, проходили обработку его личным секретарём Александром Поскрёбышевым. Получив записку для Сталина без даты, Поскрёбышев **непрерывно уточнил бы дату** в секретариате НКВД. Если бы выяснилось, что записка была зарегистрирована **февралём**, а датирована **мартом**, то последствия для Мамулова были бы печальными.

Мог ли Мамулов совершить подобную ошибку? Судя по его биографии – нет. Мамулов до НКВД долгое время работал в партийных органах и прекрасно знал о наказании за ошибки, которые носят признаки **подлога документа государственной важности**. Степан Соломонович в должности начальника секретариата НКВД–МВД СССР успешно проработал с 1939-го по 1946 год, регулярно получая **поощрения и звания**. Сведения о каких-либо взысканиях Мамулова в этот период отсутствуют.

Ситуация с датой на записке Берии весьма наглядно характеризует подход историков-катыноведов и военных прокуроров к документальным свидетельствам Катынского дела. Датировку записки Берии **“не позднее 3 марта 1940 г.”** в 1990-х годах осуществила главный российский “катыновед” Наталья Лебедева. Она исходила из содержащихся в тексте записки статистических данных о численности военнопленных поляков в спецлагерях НКВД, которые соответствовали состоянию на 2 марта.

Между тем для **точного установления** даты регистрации записки № 794/Б достаточно было установить исходящие даты **предыдущей и последующей корреспонденции**, отправленных в 1940 году из секретариата НКВД. Эту простую, но длительную по времени процедуру в 2004 году осуществил мой соавтор по книге “Тайна Катыни”, координатор международного проекта “Правда о Катыни” Сергей Стрыгин.

В результате поисков в архивах и запросов в Управление регистрации и архивных фондов ФСБ РФ удалось выяснить, что письмом Берии за **“№ 793/Б”** было зарегистрировано в секретариате НКВД **29 февраля 1940 года** (РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 621, лл. 86–90). Этой же датой было зарегистрировано письмо за **“№ 795/Б”**. Естественно, что **записка № 794/Б могла быть зарегистрирована только 29 февраля**. Более подробно об этой ситуации рассказано в книге “Тайна Катыни”.

Датировка записки не позднее 3 марта 1940 заставила катынцеведов придумать невероятную цепь событий, связанных с направлением записки Сталину. Якобы Берия задержал записку для того, чтобы внести в неё самые свежие статданные. А чтобы не нарушать сроки представления материалов на Политбюро ЦК ВКП(б), записку зарегистрировали февралём. 5 марта 1940 года Берия якобы лично передал записку Сталину.

Подобные рассуждения абсолютно некомпетентны. Более того, они показывают, как легко в Катынском деле рождались мифы, подтверждающие официальную версию. Установлено, что Берия в период с **28 февраля и по 6 марта 1940 г. не был у Сталина**. Не участвовал он и в заседании Политбюро **5 марта**, когда принималось решение по полякам.

Заметим также, что Поскрёбышев, для лучшего восприятия Сталиным текста, размечал его разноцветными карандашами. Красным карандашом **отмечались** наиболее важные места в документах, синим – количественные данные и места, требующие внимания. Архивные документы, адресованные Сталину, так и пестрят разноцветными пометками Поскрёбышева.

Но в таком важном документе, как записка Берии № 794/Б, содержащем массу цифр, имеются всего две пометки Поскрёбышева. На 3-й странице сверху тёмно-синим карандашом написана прописная русская буква “П”, а фраза **“Предложить НКВД СССР”** подчёркнута красным. Ни одна из цифр записки не помечена цветным карандашом, хотя в них допущены грубейшие ошибки.

Так, в резолютивной части записки предлагалось расстрелять на **36 военнопленных поляков меньше и на 315 арестованных больше**, нежели было указано в пояснительной части. Трудно поверить, что подобные вещи Поскрёбышев не заметил. Он хорошо знал, что Сталин не терпел неточностей в документах. Уже упомянутый Хрулёв писал, что он **“давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил...”**.

К вышесказанному следует добавить факт **перепечатывания отдельных страниц** записки № 794/Б. Причём одна страница перепечатывалась на другой машинке. Заметим, что небольшую по объёму записку Берии опытная машинистка могла перепечатать за 15 минут. Поэтому перепечатывание отдельных страниц **было лишено всякого смысла**, а для документов такого уровня это попросту **недопустимо**.

Ситуацию с запиской № 794/Б ещё более запутывает информация бывшего Президента СССР Михаила Горбачёва. В своих мемуарах **“Жизнь и реформы”** он пишет о записке Берии, которую он обнаружил в декабре 1991 года, вскрыв **“закрытый пакет № 1”**. Горбачёв утверждает, что последняя часть записки была **“отчёркнута, а сверху написано синим карандашом Сталина: “Постановление Политбюро”. И подписи: “За – Сталин, Молотов, Ворошилов...”**.

Пакет с этой запиской Берии и другими катынскими документами Горбачёв 24 декабря 1991 года, предварительно прочитав её вслух, передал Ельцину. Вторично на “свет” катынские документы были извлечены в 1992 году. Однако в записке Берии, обнаруженной в 1992 году, сталинский отчерк и запись синим карандашом **“Постановление Политбюро”**, о чём писал Горбачёв, **отсутствовали**. Подписи также следовали в другом порядке: **“За – Сталин, Ворошилов, Молотов...”**. Вдобавок на последней, четвёртой странице записки почерком Сталина синим карандашом была зачёркнута фамилия Берии и вместо неё вписана фамилия Кобулова, заместителя Берии.

Возможно, Горбачёв в своих воспоминаниях что-то напутал, или же он видел другую **записку Берии?!** В этой связи вполне обоснованно возникают сомнения в достоверности записки № 794/Б, найденной в 1992 году. Эти сомнения укрепляет реальная история нахождения кремлёвских документов. **Официально** считается, что **“закрытый пакет № 1”**, в котором находилась записка Берии и документы Политбюро ЦК ВКП(б), был обнаружен 24 сентября

1992 года в Архиве Президента РФ (бывшем Архиве ЦК КПСС) комиссией в составе руководителя президентской администрации Ю. Петрова, советника Президента Д. Волкогонова, главного архивиста РФ Р. Пихоя и директора Архива А. Короткова. Вскрыв пакет, члены комиссии поняли важность найденных документов и **немедленно доложили** о них Президенту. Ельцин *“распорядился, чтобы Рудольф Пихоя, как главный архивист России, вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе”* (Катынский синдром. М., РОССПЭН, 2001, с. 397).

15 октября 2009 года депутат Госдумы Андрей Макаров на заседании “круглого стола” **“Фальсификация истории и исторические мифы, как инструмент современной политики”** рассказал реальную историю обнаружения катынских документов. Они действительно были обнаружены в сентябре 1992 года в период процесса над КПСС, но не в Архиве, а **в личном сейфе Ельцина**. Макаров рассказал, что он (вероятнее всего, с Шахраем) пришёл к Ельцину. *“Мы и говорим: Борис Николаевич, фигово идёт процесс по делу КПСС. Он открыл сейф, чтобы было просто понятно, как это происходит, достал оттуда 6 папок и сказал: ладно, берите. Мы смотрим при нём, что это такое. Он две отобрал обратно и говорит: нет, сегодня об этом ещё рано говорить. Вот я случайно увидел название, о чём, волосы дыбом встают. А ведь в стране об этом пока вообще больше никто не знает. А вот проблема в том, что одной из тех папок, которые легли, была Катень”* (“Наше время”, № 139 от 26 октября – 01 ноября 2009 г.).

В этом рассказе вызывает сомнение только то, что Макаров увидел папку с названием “Катень”. Этого не могло быть, так как ни на папке, ни на “закрытом пакете” не было надписей, имеющих отношение к Катюни. Для того чтобы узнать о катынских документах, следовало вскрыть не только папку, но и “закрытый пакет”. Абсолютно ясно, что “закрытый пакет № 1” Макаров вскрыл в кабинете Ельцина.

Известно, что врать о том или ином событии начинают лишь при желании скрыть какую-то неприятную правду. В нашем случае информация о том, что “закрытый пакет” почти год хранился у Ельцина, заставляет поставить неприятный вопрос. **Почему Ельцин не передал катынские документы польскому Президенту Леху Валенсе 21 мая 1992 года, когда тот находился в Москве с официальным визитом?**

Несомненно, Валенса при личной встрече с Борисом Николаевичем вопрос о Катюни поднимал. Для поляков эта проблема в отношениях с Россией всегда была первостепенной важности. Но, видимо, тогда Ельцин обошёлся общими рассуждениями и о катынских документах в своём сейфе промолчал.

Но уже в сентябре 1992 года Борис Николаевич **первым делом** дал команду направить катынские документы в Варшаву. **А что мешало ему сделать это ещё в мае того же года?** Хочешь, не хочешь, а приходится прислушиваться к тем исследователям, которые утверждают, что **документы были “в работе” и их не успели надлежащим образом “оформить”**.

Ситуация несколько прояснилась после того, как известный российский историк Юрий Жуков **в мае 2008 года** на радиостанции “Серебряный дождь” сообщил, что в начале 1990-х годов в связи с процессом по “делу КПСС” он запросил в Архиве Президента РФ материалы о так называемой “преступной” деятельности КПСС.

Ему вручили “тоненькую папочку”, внутри которой среди других документов Ю. Жуков обнаружил ксерокопию **“записки Берии Сталину” на одном листе**. В ней предлагалось **расстрелять две или три тысячи** пленных польских офицеров, виновных в военных и других преступлениях. В известной сегодня **четырёхстраничной** “записке Берии”, обнаруженной в 1992 году, предлагается **расстрелять 25 700** пленных и арестованных поляков.

Объяснения типа, что по вопросу расстрела поляков Берия направил Сталину одну за другой **две записки**, просто не серьёзные. В КПСС, а ранее в ВКП(б) существовала практика. По вопросам, имеющим государственное значение и требующих решения “наверху”, происходило **обязательное** предварительное устное согласование. Поэтому **согласованные предложения и просьбы в Кремль готовились в окончательном варианте**. Более того, **инициатива принятия решения по пленным полякам могла исходить только от Сталина**. Он дал указание Берии подготовить записку. В этом случае о двух записках не может быть и речи.

Несомненно, Жуков видел и держал в руках ксерокопию **подлинной** записки Берии Сталину № 794/Б от 29 февраля 1940 года. Свидетельство Юрия Николаевича имеет дополнительное подтверждение. В декабре 2007 года мне довелось встретиться с Галкиным Виктором Ефимовичем, сотрудником Общего отдела ЦК КПСС, работавшим с “закрытым пакетом № 1” по Катynie. Галкин рассказал, что в **апреле 1981 года** по поручению заведующего Общим отделом ЦК КПСС К. Черненко он доставлял записку Берии из “закрытого пакета № 1” тогдашнему председателю КГБ Ю. Андропову. Запись об этом событии есть на папке, в которой находился “закрытый пакет № 1”.

Галкин утверждал, что записка Берии, которую он возил Андропову, была напечатана **на одном листе** и в ней говорилось **о расстреле примерно 2–3 тысяч польских офицеров**. Он видел её в кабинете Черненко. После того как Константин Устинович вскрыл “закрытый пакет № 1”, он поручил Галкину законвертировать (то есть вложить в конверт и заклеить) записку. Относительно **четырёхстраничной записки** Берии (точнее, её цифрового цветного скана) Галкин заявил, что подобного документа не видел и не помнит.

В тот момент я с сомнением отнёсся к заявлению Виктора Ефимовича, полагая, что он спутал записку с выпиской из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., которая напечатана на одном листе. И лишь после заявления Жукова понял, что **память Галкина не подвела**. Более определённо высказаться о записке Берии № 794/Б можно будет высказаться только после независимой и объективной экспертизы.

Экспертизы ждут и другие документы из “закрытого пакета № 1”. С **серьёзными нарушениями** оформлены выписки с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. На выписке для “Тов. Берия” отсутствует печать ЦК и оттиск факсимиле с подписью Сталина. Фактически это не документ, а простая информационная копия. Направление исполнителю **независимой** выписки без печати Центрального Комитета противоречило элементарным правилам работы аппарата ЦК. Почему же именно **копия** хранилась в “закрытом пакете”?

Вопросы возникают и после ознакомления с выпиской из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., направленной в феврале 1959 года Председателю КГБ Александру Шелепину. Этот экземпляр также был отпечатан в марте 1940 года. Но в 1959 году **с него удалили дату “5 марта 1940 г.” и фамилию старого адресата**, после чего впечатали новую дату 27 февраля 1959 г. и фамилию Шелепина. В итоге получилась **выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1959 года**.

Уродливый бюрократический гибрид, проходящий как выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1959 года, документом считаться не может, так как в **феврале 1959 года** вместо ВКП(б) была КПСС, а вместо Политбюро высшим партийным органом был Президиум ЦК КПСС. По всем канонам партийного делопроизводства дата и фамилия адресата указывались **только в сопроводительном письме, но не на архивном документе!**

Важнейшим подтверждением факта расстрела сотрудниками НКВД в 1940 году 21 857 польских граждан считается **записка** Председателя КГБ Александра Шелепина Первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву за № 632-ш от 3 марта 1959 года. Однако записка содержит многочисленные неточности и явные ошибки о местах расстрела поляков, составе расстрелянных, о международном признании выводов комиссии Бурденко и т. п.

Трудно поверить, что автор записки (Шелепин не был автором, он её лишь подписал) обладал **объективной и достоверной информацией** относительно обстоятельств расстрела польских граждан. Известно, что в НКВД и КГБ СССР было запрещено говорить о Катынском деле. Но, как всегда, в аппарате “слухи ходили”. Создаётся впечатление, что часть информации об обстоятельствах расстрела поляков в записке Шелепина была почерпнута из этих слухов.

Вызывает недоумение следующий факт. Согласно решению Политбюро надлежало расстрелять 25 700 польских граждан, а в записке Шелепина говорится о расстреле только 21 857 человек. О судьбе 3 843 поляков, избежавших расстрела, в записке вообще не упоминается. В то же время в СССР частичное выполнение решения Политбюро приравнивалось **к невыполнению и строго наказывалось**.

Несмотря на вышеизложенные факты, кремлёвские документы признаны **надёжными** историческими документами. В этой связи следует сформулировать нелицеприятный для российского следствия вопрос: **каким образом в 1992 году в Кремле были проведены почерковедческая и криминалистическая экспертизы, которые, подтвердив “подлинность” кремлёвских документов, оставили без внимания все имеющиеся в них грубейшие ошибки и неточности?**

Помимо этого возникает вопрос к историкам — сторонникам официальной версии. Почему до сих пор никто не **них не дал вразумительного и исчерпывающего ответа относительно ошибок и несуразностей, присутствующих в исторических документах?**

Невероятные показания

Доводы по поводу сомнительности кремлёвских катынских документов сторонники официальной версии пытаются опровергнуть, ссылаясь на свидетелей. При этом называют фамилии бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д. Токарева, бывшего председателя КГБ А. Шелепина и др.

Показания 89-летнего генерала КГБ в запасе Дмитрия Токарева во время допроса, состоявшегося 20 марта 1991 года, следователь ГВП Анатолий Яблоков охарактеризовал как **“бесценные и подробные”**, позволившие **“детально раскрыть механизм массового уничтожения более 6 тысяч польских граждан в УНКВД по Калининской области”**.

Токарев на допросе рассказал о процедуре **поимённого, индивидуального расстрела польских полицейских в 1940 году**. По его словам, каждую жертву выводили из камеры внутренней тюрьмы. Допрос и сковывание жертвы наручниками производились в упомянутой “Ленинской” комнате (которая в 1940 году находилась **на втором этаже здания**). Потом вновь возвращали в полуподвал, где в небольшой камере расстреливали. Пройти свой путь внутри здания областного управления НКВД жертва **не могла быстрее 5–6 минут**. У нас этот путь беглым шагом **занял 4 мин**. Телегруппа из аналитической программы “Посткриптум” времени затратила гораздо **больше**.

При таком раскладе времени на одну жертву ясно, что утверждение Токарева о расстреле в единственной камере за тёмное время суток 250 человек — **ложно**. Следует заметить, что если бы “Ленинская” комната даже и находилась в помещении внутренней тюрьмы НКВД (что исключено статусом этого помещения), то время на описанную Токаревым процедуру расстрела одной жертвы должно было составить около 4 минут. И в этом случае показания Токарева о расстреле 250 человек за ночь также не реальны.

Кстати, Токарев мог утверждать, что за ночь в тюрьме расстреливали 250 человек, и ему бы поверили, если бы не его уточнения о процедуре расстрела. Известны случаи, когда за ночь расстреливали и большее количество жертв. Токарев же, как бы специально, закладывал в свои показания информацию, которая в случае проведения простейшего следственного эксперимента, позволяла признать его показания ложными.

Нереальность утверждений Токарева о расстреле 6 тысяч польских полицейских можно объяснить только одним. 89-летний генерал-чекист, пытаясь обеспечить себе спокойное доживание в начавшее “смутное” время, предпочёл рассказать следователям ГВП то, что они хотели услышать.

Всего же во внутренней тюрьме Калининского УНКВД (ориентировочно с 5 апреля по 17 мая 1940 года), по словам Токарева, было расстреляно 6 295 человек. Без сомнения, **какая-то часть** представителей польских полицейских и карательных органов, виновных в преступлениях, весной 1940 года в Калинин **была расстреляна**. Но полагать, что их было более 6 тысяч, сомнительно. Сомнения в этом утверждении укрепляют два следующих факта.

Во-первых, на спецкладбище НКВД “Медное”, где, по официальной версии, захоронено польские полицейские, до войны было захоронено около 5 тысяч репрессированных советских людей. Это установили в 1995 году активисты тверского “Мемориала” совместно с сотрудниками областного управления ФСБ. Однако останки репрессированных советских граждан в “Медном” так и не были найдены, хотя мемориальная доска этому посвящена.

Польские археологи в 1991 году утверждали, что на спецкладбище “Медное” они **не обнаружили** ни одного “советского” захоронения. Были выявле-

ны только 25 польских захоронений, в которых покоятся останки 6311 польских полицейских. К такому же выводу пришли и специалисты Тверского УФСБ, проводившие в 1995 году зондажные бурения в “Медном”. Однако существуют неопровержимые доказательства, что репрессированных советских людей захоранивали именно в “Медном”. Их останки не могли испариться.

Возникает подозрение, что в “Медном” произошла та же история, что и в киевской Быковне. Там во время эксгумации польских захоронений в 2001-м и 2006 году **150–270 расстрелянных в 1940 году поляков стараниями польских политиков и археологов превратились в 3500**. Благо, что количество останков репрессированных советских граждан позволяло это сделать. О скандале в Быковне 11 ноября 2006 года писал киевский еженедельник **“Зеркало недели”**.

Во-вторых, в Российском государственном военном архиве российским исследователем Геннадием Спаськовым был обнаружен отчёт 155 полка войск НКВД по охране Беломорско-Балтийского канала. В нём сообщалось, что в январе 1941 года в лагерь “около 2-го шлюза” прибыл этап с “заключёнными из западных областей Белорусской и Украинской ССР, исключительно бывшие полицейские”. Известно, что абсолютное большинство **бывших польских полицейских из западных областей** (не считая содержавшихся в тюрьмах) были размещены именно в Осташковском лагере НКВД.

Вероятность того, что в район Беломорско-Балтийского канала были привезены полицейские из Осташковского лагеря, избежавшие расстрела, весьма велика. Проверить это не удаётся, так как архивные материалы Маткожненского лагеря, в котором, вероятнее всего, были размещены вышеназванные польские полицейские, в российских архивах **странным образом “отсутствуют”**.

О том, что в 1940 году не все польские служители закона из Осташковского лагеря были расстреляны, свидетельствуют научные сотрудники мемориального комплекса “Медное”. По их словам, последний этап в количестве 8 человек, называемый “полковничьим”, направленный 19 мая из Осташковского лагеря в Калинин и считающийся расстрелянным, на самом деле остался жив. Но на эту тему сотрудники “Медного” распространяться не любят, так как причиной такого развития событий явилась банальная “вербовка” высокопоставленных польских полицейских сотрудниками НКВД.

Примечание. Этапы из Осташковского лагеря направлялись в Калинин с 5 апреля по 13 мая 1940 года. По данным начальника Осташковского лагеря Борисовца, на 17 мая в Калинин было направлено 6229 человек.

Однако вернёмся к свидетелям по катынскому уголовному делу № 159. Бывший руководитель следственной бригады и бывший старший военный прокурор Анатолий Яблоков в ходатайстве в Басманный суд от 2 сентября 2009 года утверждает, что **подлинность кремлёвских документов** из “закрытого пакета” подтвердил в ходе допроса бывший Председатель КГБ Александр Шелепин (“**Он лично допрашивал Шелепина и Судоплатова. И за это отвечает**”). Новая газета. 02.09.2009). В данном случае Яблоков лукавит. Шелепин мог подтвердить лишь подлинность своей записки, которую он направил Хрущёву 3 марта 1959 года.

Да и в отношении записки у Шелепина возникли сомнения. Не случайно он требовал у Яблокова оригинал записки. Но тот на допрос-беседу принёс только копию. Не вызывает сомнений, что российское следствие преувеличило роль Шелепина в уголовном деле № 159, как бывшего главы КГБ. На самом деле Катынское дело Шелепина интересовало только с точки зрения обеспечения секретности и ненанесения ущерба престижу СССР. Не случайно он заявил Яблокову, что знает о преступлении в Катини “только то, что сообщалось в газетах”.

Примечание. Ко времени назначения Шелепина председателем КГБ (декабрь 1958 года) версия об ответственности Сталина и его окружения за расстрел всех польских офицеров уже имела место. К этому времени Хрущёв сумел обвинить Сталина во всех мыслимых преступлениях.

О “ценности” показаний Шелепина свидетельствует следующий факт. Во время допроса Шелепин рассказал следователю ГВП Яблокову совершенно **невероятную историю** о порядке получения из Архива ЦК КПСС выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) с решением от 5 марта 1940 года. Якобы **эту выписку ему принёс какой-то сотрудник аппарата КГБ! Этого не могло быть ни при каких обстоятельствах!**

Для получения документа из “Особой папки” Политбюро ЦК КПСС требовалось получить **разрешение непосредственно у Первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва**. Документ из “Особой папки” или “закрытого пакета” в запечатанном виде доставлял **лично адресату только спецкурьер ЦК КПСС**. Он же после прочтения забирал документ (в запечатанном виде) и доставлял его обратно в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС (Архив КПСС). Вышесказанное позволяет утверждать, что порядок хранения и работы с документами “Особой папки” российские военные прокуроры полностью так и **не уяснили**.

Для иллюстрации об этом порядке напомним ситуацию, произошедшую в 1989 году с членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС Александром Яковлевым. Он, не добившись внятного ответа от Горбачёва по поводу катынских документов, решил по собственной инициативе выяснить, хранятся ли они в VI секторе (Архиве) Общего отдела ЦК КПСС. Ему однозначно ответили — такие документы отсутствуют. Без санкции генсека работники Общего отдела не имели права об этих документах говорить **даже с членами Политбюро**.

Трудно поверить, что Шелепин забыл этот порядок. Вероятно, старый чекист решил проверить **компетентность военного прокурора** и в соответствии с этим выстроил свои весьма уклончивые показания. Поэтому ценность информации, сообщенной Шелепиным военному прокурору Яковлеву в декабре 1992 года, сомнительна.

Дабы не утомлять читателя, не будем касаться противоречий в показаниях других свидетелей по уголовному делу № 159. О них рассказано в книге “Тайна Катыни”.

Добавим, что военные прокуроры проигнорировали свидетельство Алексея Лукина, бывшего начальника связи 136-го отдельного конвойного батальона конвойных войск НКВД, летом 1941 года охранявшего Катынский лагерь с находившимися в нём польскими военнопленными. Рассказ Лукина журналисту Владимиру Абаринovu о том, как он **в июле 1941 года** участвовал в попытке эвакуации поляков из Катынского лагеря, **2 мая 1990 года** зафиксировала на видеокамеру группа редактора польского телевидения Анджея Минко.

Бывший курсант Смоленского стрелково-пулемётного училища, ныне полковник в отставке Илья Кривой в своём заявлении в Главную военную прокуратуру РФ от 24 октября 2004 года подробно описал встречи **летом 1940 года и в начале лета 1941 года** с подконвойными военнопленными польскими офицерами и солдатами. Это было под Смоленском. Заявлению Кривого в ГВП также не был дан ход.

Дело Гитлера—Гebbельса живёт?

Особо следует сказать о немецкой эксгумации катынских захоронений весной 1943 года. Советское руководство, признав в 1990 году вину НКВД за расстрел польских офицеров в катынском лесу, тем самым согласилось с точкой зрения польских историков о том, что выводы комиссии академика Бурденко являются, мягко говоря, несостоятельными.

Увы, господствующая ныне версия катынского преступления в значительной мере базируется на результатах эксгумации, осуществлённой в Катыни в марте-июне 1943 года немецкими экспертами при участии специалистов Технической комиссии Польского Красного Креста.

Видимо, не случайно **13 марта 1943 года** Гитлер прилетал в Смоленск. Там он встречался с начальником отдела пропаганды вермахта полковником Хассо фон Веделем, офицеры которого, на основании февральских частичных раскопок польских захоронений в Козьих Горах, готовили первичные пропагандистские материалы по Катынскому делу. **После этой встречи “добро” на акцию “Катынское дело” было дано.**

Уже **6 апреля 1943 года** на совещании у Гebbельса в министерстве имперской пропаганды акцентировался вопрос **“привлечения членов польского Красного Креста под немецким контролем”** при идентификации расстрелянных в катынском лесу поляков.

Контроль за ходом эксгумации в Катыни осуществлялся тремя ведомствами: немецкой тайной полевой полицией, Главным управлением имперской пропаганды и военной разведкой группы армий “Центр”. Эти ведомства практически ежедневно посылали отчёты в Берлин. Но **ни один советский,**

а впоследствии и российский историк так и не удосужился побывать в немецких архивах. Не интересует это и поляков.

Вызывает удивление, что первую значительную “экскурсию” польских представителей и зарубежных журналистов по Козьим Горам 17 апреля 1943 года провёл лично начальник разведки группы армий “Центр” полковник **Рудольф фон Герсдорф**. Он же отвечал на вопросы журналистов. И он в 1942 году заявил командиру дислоцированного в районе Козьих Гор 537 полка связи вермахта Фридриху Аренсу, что **знает всё о расположенных там захоронениях.** Об этом полковник **Аренс говорил на заседании Нюрнбергского трибунала, но советский прокурор Смирнов не обратил на это внимания.**

Сегодня с большой степенью вероятности можно утверждать, что большинство польских офицеров в Козьих Горах были расстреляны нацистами. Поэтому в 1943 году немецкие эксперты, пытаясь скрыть преступление в катынском лесу, проводили эксгумацию с вопиющими нарушениями, позволяющими им осуществлять манипуляции с останками польских военнопленных и обнаруженными на них вещественными свидетельствами.

Сопоставление свидетельств очевидцев, посетивших Катынь весной 1943 года, и немецких эксгумационных записей позволяет сделать вывод о том, **что реальные даты вскрытия катынских захоронений существенно отличались от официальных.** Так, немецкие эксперты утверждали, что к 17 апреля было **идентифицировано 420 трупов** и раскопки захоронений находились в начальной стадии. Однако бывший бургомистр Смоленска адвокат Борис Меньшагин, отличавшийся великолепной памятью, в своих воспоминаниях, изданных в 1988 году в Париже, утверждал, что **18 апреля 1943 г.** он видел в Козьих Горах **около пяти – пяти с половиной тысячи трупов**, в том числе и останки двух польских генералов Мечислава Сморовиньского и Бронислава Бохатеревича.

Ситуацию в Козьих Горах на 18 апреля 1943 года Меньшагин описывал так: *“Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы”.* Ничего подобного польские и иностранные экскурсанты за день до этого, 17 апреля, не видели. Вероятно, экскурсию фон Герсдорф провёл по определённому маршруту, а его подчинённые обеспечили, чтобы экскурсанты не отклонялись от этого маршрута. Как видим, загадок немецкой эксгумации в Катыни более чем достаточно.

К вышесказанному добавим, что под номерами 1 и 2 в немецком эксгумационном списке значатся польские генералы: Сморовиньский и Бохатеревич, эксгумированные не позднее 8 апреля 1943 года. Если согласиться, что польских генералов расстреляли сотрудники НКВД, то их останки должны были находиться в могиле № 1 на глубине примерно 3 метров, **в восьмом или девятом слое останков**, считая сверху. Но немцы утверждали, что извлекли их в числе первых (как будто знали, где они захоронены).

Ещё одна загадка связана с формированием немецкого эксгумационного списка. Недавно стало известно, как немцы устанавливали фамилии некоторых катынских жертв. Об этом в 2006 году в своих **“Воспоминаниях и размышлениях”** рассказал известный польский юрист профессор Ремигиуш Бежанек (Bierzanek, Remigjusz). Он числился в списках катынских жертв **под № 1105**, но после войны прожил в Польше долгую жизнь.

Бежанек писал, что весной 1943 года в польской печати появились сообщения о находке массовых польских захоронений в Катыни и были названы фамилии первых эксгумированных жертв. Польские семьи, у которых родственники попали в советский плен, стали обращаться в отделения Польского Красного Креста (ПКК) с просьбой выяснить, нет ли сведений об их близких.

Вскоре польские подпольщики заметили странную особенность. В ряде случаев, после обращения в Красный Крест, фамилия искомого человека через какое-то время появлялась в списке катынских жертв. Подпольщики решили проверить это предположение. Они направились в местное отделение ПКК и сообщили там фамилию Бежанека, как военнопленного, находящегося в СССР. В итоге фамилия Р. Бежанека вскоре **появилась** в списках катынских жертв.

Это далеко не полный перечень странностей, происходивших в период немецкой эксгумации в Катыни. Добавим, что в катынском лесу при расстреле польских офицеров использовалось немецкое оружие и боеприпасы, что

80% жертв укладывались в выкопанные, “под линейку”, рвы с чисто немецкой аккуратностью, слоями “валетом”, т. е. “голова-ноги” и т. п. Полагаю, сказанного достаточно для того, чтобы поставить под сомнение итоги немецкой эксгумации 1943 года.

Давайте жить дружно

Изложенные выше факты и свидетельства показывают, что у России существует серьёзная возможность существенно снизить катынское противостояние, **переведя его в плоскость совместного российско-польского конструктивного расследования катынского преступления**. Однако российское руководство пытается продолжить советскую практику умиротворения соседей, реализуя призыв кота Леопольда “Ребята, давайте жить дружно!”

При этом российская сторона делает вид, что катынская тема в польско-российских отношениях исчерпана, и предлагает польской стороне без повода её не упоминать. Поляки вроде бы соглашаются, но свою политику давления на Россию не меняют. В этой ситуации позиция российского МИДа, состоящая в том, что **“историю следует оставить историкам”, абсолютно неконструктивна**. Подобный подход мог быть эффективен только в случае отсутствия по поводу исторических событий XX века **огромного количества политических оценок и решений, заложниками которых, в первую очередь, являются историки**.

Для России сугубо “исторический подход” к спорным проблемам чреват негативными последствиями, так как в этом случае российским историкам будут противостоять оппоненты, опирающиеся на силу законов и государственных структур других государств. Например, в Литве на законодательном уровне введена **уголовная ответственность за сомнения в “советской агрессии в 1940 году” и “отрицание советского геноцида”**. Какой литовский историк после этого попытается разобрататься в этих проблемах? Он просто обязан отстаивать их “с пеной у рта”.

В Польше также приняты законы, предусматривающие уголовную ответственность **за отрицание преступлений нацизма и коммунизма и за использование нацистской и коммунистической символики**. Помимо этого и в Литве и в Польше существует такой **диктат общепринятого общественного мнения, что он может быть сопоставим с репрессивными мерами**.

Немало необоснованных политических оценок и решений в отношении истории советского периода было принято под занавес перестройки в СССР и в России в ельцинский период. Пока эти оценки и решения не будут пересмотрены, российские историки будут их заложниками.

В определённой мере ситуацию в России по отношению к историческим проблемам характеризует работа совместной Группы по сложным вопросам истории польско-российских отношений. Эта Группа является преемником ранее упомянутой Комиссии советских и польских учёных по истории взаимоотношений между СССР и Польской Народной Республикой, созданной в 1987 году. Но в 1988 году деятельность Комиссии закончилась полным поражением советских историков. Это было обусловлено тем, что **из-за засекреченности архивных материалов по Катыни они не смогли достойно противостоять доводам польских историков**.

В 2002 году вместо Комиссии была создана совместная Группа по сложным вопросам истории польско-российских отношений. Реально свою деятельность она начала в 2008 году. К сожалению, история повторилась, но в худшем варианте. Неоправданная засекреченность в российских архивах материалов, имеющих отношение к катынскому преступлению, вновь лишила Россию возможности обоснованно противостоять нападкам польских политиков и историков.

Что же касается в целом российских историков, занимающихся польской тематикой, то большинство из них ведут научную деятельность в основном на польские гранты. Более того, некоторые из них отмечают государственными наградами Польской республики, регулярно приглашаются в Польшу на научные мероприятия, сопровождаемые отлично подготовленной культурно-бытовой программой и т. п. Отсюда вывод – **“кто платит, тот и заказывает музыку”**.

Часть таких российских историков оказалась в Группе по сложным вопросам. Учитывая позицию главы российской части Группы А. Торкунова, о которой уже говорилось, естественно, что позиция польской стороны, поддерживаемая некоторыми российскими членами Группы, оказалась довлеющей. Глава польской части Группы бывший министр иностранных дел Польши Адам Ротфельд как-то даже проговорился, заявив, что в процессе работы группы **её российские участники приняли польскую точку зрения.**

В этой связи несколько слов о составе российской части Группы. По сути, её следовало бы назвать бригадой г-на Торкунова. Из пятнадцати человек пятеро представляют Московский институт международных отношений, ректором которого является Торкунов. Это не вызвало бы вопроса, если бы они были специалистами в области российско-польских отношений. Но это не так. Большинство представителей МГИМО специализируются по проблемам международных отношений в Юго-Восточной Азии.

Анатолий Торкунов, ректор МГИМО и член коллегии российского Министерства иностранных дел, также известен как ведущий востоковед, специалист по международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северо-Восточной Азии. Наши попытки связаться с ним по телефону закончились неудачей. Его секретарь заявила, что Анатолий Васильевич занимается более важными проблемами, нежели Катынь. Как говорится, комментарии излишни.

Два историка-катыноведа, Наталья Лебедева и Инесса Яжборовская, члены российской части Группы, являются яростными защитниками официальной версии катынского преступления. Юрист Александр Третьцкий, бывший руководитель следственной бригады ГВП в 1990–1992 году, также сторонник официальной версии. Для этих троих сомнения в официальной версии Катыни – удар по их профессиональному престижу.

Единственным широко известным специалистом в области российско-польских отношений является профессор Геннадий Матвеев. Но он не специалист по катынской тематике. Не сомневаясь в степени научного профессионализма остальных пяти членов российской части Группы, говорить об их ведущей роли в изучении истории российско-польских отношений можно с большой натяжкой. Завершает список российской части Группы деятель культуры Станислав Бэлза. Человек он известный. Большой эрудит. Но вряд ли Бэлза специализируется в области российско-польских отношений.

В то же время состав польской части Группы говорит сам за себя. Эти двенадцать человек являются “зубрами” польской истории и политики. Россия для них “предмет особого внимания”. Глава польской части Группы её сопредседатель Адам Ротфельд, бывший министр иностранных дел Польши, знает проблемы польско-российских отношений не понаслышке.

В настоящий момент, по словам сопредседателей А. Торкунова и А. Ротфельда, Группа уже пришла к единой оценке катынского преступления. Не вызывает сомнений, что эта **оценка предполагает признание единоличной вины СССР**, соответственно России, как его правопреемника, за катынское преступление.

Сопредседатели Группы, в связи в приближением 70-й годовщины катынской трагедии, предлагают **“снять катынскую проблему до этой даты”**. Однако не уточняют, каким образом это осуществить. Известны предложения Группы, выработанные на последнем заседании, состоявшемся 9 ноября 2009 года в Москве. Так, предлагается создать историко-мемориальные центры, которые бы занимались вопросами совместной истории. К трагической годовщине Катыни попытаться выйти на возможность принятия предварительного документа о создании этих центров;

в апреле 2010 года предлагается провести мемориальную церемонию в Катыни и специальное заседание Группы в Смоленске. Несомненно, основная церемония в Катыни состоится во **Всемирный день памяти катынских жертв, то есть 13 апреля 2010 года.**

Также предложено отметить 90-летие советско-польской войны с соответствующими мемориальными церемониями в местах захоронения погибших и умерших в плену. Планируется подготовить и издать ряд совместных сборников исторических материалов по сложным проблемам.

К сожалению, все эти меры вряд ли снизят уровень польско-российского противостояния. Этого не позволит сделать общественно-политическая ситу-

ация в Польше, которая уже не раз “губила” на корню попытки СССР и России преодолеть катынский раскол. Это и является тем **“если бы...”**, которое предварило данную статью.

Напомним, что в 1990 году Советский Союз пошёл навстречу требованиям польской стороны и без должного расследования признал вину за гибель польских военнопленных офицеров. После развала СССР Россия дала оценку катынскому преступлению, полностью устраивающую польскую сторону. В 1992 году Ельцин сделал ещё один шаг “доброй воли”, передав сверхсекретные документы по Катыни Леху Валенсе. Как уже говорилось, в 1993 году Борис Николаевич **попросил у поляков прощения за катынское преступление**. Тем не менее и после этого русские в Польше воспринимались как враги. Примеры этого общеизвестны.

Весной 2006 года Президент России В. Путин обратился к бывшим союзникам по Варшавскому блоку с призывом **“обнулить счётчик взаимных обид”**. Но польские политики вновь предпочли не услышать этот призыв. Катынь продолжала использоваться как мощнейшее средство нагнетания антирусских настроений в Польше.

Напомним только один факт. 14 августа 2008 года в Варшаве состоялся отборочный матч на кубок УЕФА между варшавской “Легией” и командой “Москва”. С самого начала польские болельщики стали скандировать оскорбления в адрес России. Польские игроки на поле действовали грубо и по-хамски, нанеся травмы нескольким российским игрокам, но, тем не менее, проиграли 1:2. Комментатор на стадионе даже не попытался урезонить хулиганов. Польский тренер после игры не извинился. Говорят, что это была реакция на события в Южной Осетии. Но эта реакция, прежде всего, плод польской почвы, щедро удобренной Катынью.

Катынская трагедия стала центральным звеном общенациональной польской пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвящённых Катыни. Во многих городах имеется улица “Героев Катыни”, гимназия “имени Жертв Катыни”, местный “Катынский крест” и т. д. и т. п.

В ноябре 2007 года по инициативе президента Л. Качиньского в Варшаве состоялась помпезная публичная двухсуточная акция **посмертного (!) повышения в воинских званиях всех 14 тысяч польских военнопленных**, фигурирующих в Катынском списке. Подобных прецедентов мировая история не знала. Таких почестей не были удостоены даже 300 великих спартанцев во главе с царём Леонидом.

Добавим к этому, что фильм **“Катынь”**, который, по утверждению его создателя, известного польского режиссёра Анджея Вайды, не носит антироссийской направленности, формирует отношение к России, как показали опросы общественного мнения среди поляков, как к врагу Польши.

1 сентября 2009 года российский премьер Путин вновь проявил добрую волю и приехал в польский Гданьск на траурную церемонию по случаю 70-летней годовщины нападения Германии на Польшу. Конструктивное и, в целом, благожелательное для Польши выступление Путина, как и его статья в “Газете Выборчей”, было встречено польским политическим истеблишментом неоднозначно. Тон задал польский президент Лех Качиньский. Выступая в Гданьске, он сравнил расстрел польских офицеров в катынском лесу **с геноцидом и холокостом**. В конце сентября Сейм Польской республики принял резолюцию о событиях 1939–1940 годов в духе выступления Качиньского.

Жест примирения, который сделал Путин в Гданьске, буквально на следующий день вызвал неадекватную реакцию главы Бюро национальной безопасности Александра Щигло (бывшего министра обороны Польши). **2 сентября** он принял решение опубликовать доклад Бюро национальной безопасности (БНБ) при президенте Польши **“Историческая пропаганда России в 2004–2009 годах”**, обвиняющий российские власти и спецслужбы в целенаправленной фальсификации истории и внедрении полонофобских настроений в сознание россиян. В докладе даже визит Владимира Путина в Гданьск был расценен как элемент “исторической пропаганды”, как попытка **создать впечатление открытости России в дискуссиях о прошлом**.

Такой подход не нов для Польши. Известный польский общественно-политический деятель, главный редактор журнала “Новая Польша” профессор Ежи Помяновский ещё в 2005 году в статье **“К истории дезинформации”**

(Новая Польша, № 5) утверждал, что в России целенаправленно проводятся кампании “возбуждения у русских ненависти к Польше и полякам”. Это абсурд, хотя бы потому, что абсолютное большинство россиян, в том числе и интеллигенция, относятся к современной Польше без всяких эмоций, как одной из второстепенных стран Европы. Поэтому нет никакого смысла заниматься кампаниями разжигания ненависти к полякам. Во имя чего? Воевать с Польшей Россия не собирается. Особых претензий к Польше у России нет. Другое дело, что ворох претензий есть у поляков к России.

К сожалению, создаётся впечатление, что российское руководство без должного внимания относится к проблеме польско-российского противостояния. Иначе Группа по сложным вопросам формировалась бы по другому принципу. Что же касается авторов, которые подобно мне пишут на польскую тему, то полемические статьи появляются, как правило, только в ответ на польские выпады в адрес России. На официальном уровне Россия лишь безмолвно “утирается”. **В итоге у многих россиян складывается ложное впечатление, что поляки правы.** Они “белые и пушистые европейцы”, а мы – “восточные варвары”.

В то же время, как только в Польше согласятся на “нулевой вариант” взаимных обид, то российские контрстатьи и книги канут в Лету. Делать политику на истории контрпродуктивно. Это неоднократно подчёркивал У. Черчилль. Уверен, в России народ не злопамятный. Напомним 1960–1980-е годы. Весь СССР был в восторге от Польши. Это факт. Хотелось бы, чтобы эти времена вернулись. И сегодня польская культура, кино, эстрада, мода россиянам намного ближе, чем любая другая в Восточной Европе.

Для меня одним из величайшим мыслителей и гуманистов современности является польский режиссёр Кшиштоф Занусси (Krzysztof Zanussi). Слушая этого обаятельнейшего человека и смотря его фильмы, не чувствуешь внутреннего противоречия. Его размышления о жизни обогащают понимание о предназначении человека на Земле. Уверен, что К. Занусси был прав, когда в интервью “Российской газете” в октябре 2008 года сказал, что “польская молодёжь соскучилась по русским фильмам”. Я бы добавил, и российская молодёжь соскучилась по польским фильмам. К сожалению, потепление в отношениях между Россией и Польшей слишком эфемерно. И это вина не столько России (хотя и она виновата), сколько Польши.

Не секрет, что Качиньский в Гданьске озвучил мнение большинства поляков. Согласно социологическому опросу, **более 75% населения Польши** ждали от Путина в Гданьске извинений за события 1939–1940 годов. Иного быть не могло, потому что современные поляки практически мало что знают о реальных событиях, предшествовавших началу Второй мировой войны, и роли в них Польши. Ситуация в современной Польше в какой-то мере напоминает ситуацию, представленную в польском фильме “**Новые амазонки**”.

Режиссёр Юлиуш Махульский показал в этом фильме общество, в котором память о прошлом подверглась чудовищной вивисекции, в результате которой виновными во всех бедах были объявлены мужчины. В современной Польше главным виновником всех бед объявлена Россия и русские. Слово “**русский**” в польском языке носит **уничжительный характер** (типа “чурка”), поэтому использовать его в литературной речи считается неприличным. Вместо этого используется синоним “россиянин”.

Утверждают, что в фильме “Новые амазонки” была фраза, которую говорили герои, выбравшиеся из подземного бункера: “Внимание, группа! Направление – на восток, там должна быть цивилизация!”. Эту фразу вырезали, так как, согласно общепринятому мнению, на Востоке не может быть цивилизации. Польская элита считает, что только **Польша способна принести цивилизацию на Восток. Идея создания великой Восточной империи на территориях раздробленной России, объединённых под польским протекторатом**, господствует ещё со времён Ягеллонской династии.

Известно, что в предвоенный период Польша развила активную деятельность по разжиганию националистических и сепаратистских настроений в России в рамках проекта “**Прометей**”. “Прометеизм” должен был стать путём реализации амбициозного лозунга Речи Посполитой “**Польша от моря и до моря**”.

Эта тема и сегодня жива в Польше. Лех Качиньский в своих интервью неоднократно подчёркивает, что его идеал – Юзеф Пилсудский, “**идейное наследие**” которого актуально и по сей день. Это наследие в последнее время

получило новую подпитку. Известный американский политолог, основатель частного разведывательно-аналитического центра “Stratfor” Джордж Фридман в книге **“Следующие сто лет: прогноз на XXI век”**, изданной в 2007 году, предрёк, что **Польша в будущем войдёт в круг мировых держав**. Объясняется это стратегическим положением Польши, находящейся между двух гегемонов Европы: Германией и Россией. Опасаясь обоих, Польша, пользуясь возрастающим покровительством США, будет стремиться расширить своё влияние в Европе и мире.

Эти же мысли Фридман повторил в ноябре 2009 года в интервью польской газете “Dziennik”. Каждому мало-мальски знакомому с ситуацией в Польше ясно, что это живительный “бальзам” для польских политиков. Развитие современной ситуации пока идёт в направлении, предрекаемом Фридманом. И это способствует поддержанию соответствующего настроения среди польской элиты.

Не случайно Польша в отношениях с Россией ведёт себя, по меньшей мере, как мировая сверхдержава. На любую попытку правдиво осветить роль Польши в предвоенные годы она незамедлительно отвечает нотами протеста.

Так, в июне 2009 года посольство Польши выразило протест в связи показанным в “Вестях недели” сюжетом **“Пакт Молотова–Риббентропа: историческое расследование”**. Полякам не понравилось, что их страна упоминается в качестве потенциального союзника Германии (как оно и было на самом деле в 1930-е годы). *“Описание событий искажено и недостоверно. Это яркий пример фальсификации истории”*, – говорилось в заявлении посольства. Ниже мы предоставим документальные свидетельства союзнического рвения Польши в 1930-х годах.

Аналогично польские журналисты реагировали 1 сентября 2009 года во время пресс-конференции, посвящённой презентации сборника рассекреченных документов Службы внешней разведки России (СВР) **“Секреты польской политики. 1935–1945”**. По поводу этого сборника разразился негодованием глава Института национальной памяти (ИПН), а точнее современной польской инквизиции, Януш Куртыка. Он пафосно заявил, что *“ИПН ответит на российские попытки фальсифицирования истории публикацией материалов, которые подробно раскроют механизмы этой лжи”*.

Что можно сказать по этому поводу? Польская сторона пока смогла обвинить составителей сборника лишь в *“методических ошибках”* и незнании польской истории *“даже на уровне школьного учебника”*. Поводом для этого явилась тривиальная ошибка. Один из документов попал не в тот хронологический раздел. Но от этого содержание сборника не изменилось, так как включённые в него документы являются **подлинными и неопровержимо свидетельствуют о тесных союзнических связях между Польшей и Германией**.

Пан Куртыка ещё раз продемонстрировал неспособность польских политиков вести аргументированный диалог. Их логика – это логика обиженного мальчика в коротких штанишках, который на все серьёзные аргументы оппонента заявляет: *“А ты сам такой!”*.

В то же время необходимо знать, что большинство польских политиков, журналистов, историков и всех тех, кто занят в сфере политики и идеологии, **лишены возможности считаться с очевидным**. Они являются **заложниками жёстких политических и идеологических установок**, господствующих в польском обществе. Подобно тому, как люди этой категории в своё время были заложниками партийных установок в СССР.

У польского общества есть большой опыт расправы с инакомыслящими. Поучительной является судьба польского историка Казимира Валишевского, посмевшего в XIX веке высказать своё мнение. На основе анализа многочисленных исторических документов и свидетельств Валишевский пришёл к неоднозначному для польской исторической науки выводу.

В книге **“Потоцкий и Чарторыйский”**, увидевшей свет в 1887 году, он позволил себе написать, что **не столько злая воля европейских держав в польском вопросе, сколько непродуманная, недалёковидная политика самой польской власти привела к потере страной государственной независимости и разделу её между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией**. За это он был отлучен от польского научного общества и в 1889 году был вынужден переехать во Францию, где в 1935 году умер, так и не сумев побывать на родине.

Судьба Валишевского стала серьёзным предупреждением для многих в Польше. Не случайно позиция современной польской элиты уже десятилетия остаётся неизменной. Единственное, чему они научились, это громко говорить о необходимости “широкого диалога” и “признания исторической правды” в польско-российских отношениях. **Диалог поляки понимают как безоговорочное согласие с их аргументами.**

В ряде случаев, говоря о взаимопонимании между двумя странами, поляки тут же делают обратное. Возьмём, к примеру, события последних месяцев. На фоне разговоров о преодолении катынского противостояния в Польше началась **всепольская акция по очередному увековечиванию памяти катынских жертв под названием “Дубы памяти жертв Катыни”**. Она посвящена 70-й годовщине катынского преступления, в её ходе планируется **посадить 21 473 дуба в память поляков, погибших в СССР.**

Девиз акции **“Катынь... Спасти от забвения”**. По утверждению организаторов, она призвана придать новый импульс памяти местных героев, убитых в Катыни. В польской памятке написано: *“Каждый ДУБ ПАМЯТИ посвящён конкретному лицу, “убитому в Катыни” (один дуб = одно имя из катынского списка). Каждый ДУБ ПАМЯТИ имеет собственный именной сертификат и мемориальную табличку Героя”*. Напомним, что в Катыни, по польским данным, постоит всего 4 с небольшим тысячи человек.

Посадка каждого дуба фиксируется в специальном отчёте на 4 листах. За каждым дубом закрепляются шефы. Попутно реализуется программа **“Моя малая родина”**, основной задачей которой является *“открытие конкретных Героев Катыни в ближайшем регионе на территории действия образовательного учреждения и представление их истории в различной – в зависимости от этапа осуществления программы – форме”*.

Учитывая длительный процесс роста и жизни дубов, эта акция задумана минимум лет **на СТО**. Посадка последнего дуба должна произойти в Катыни. По некоторой информации, организаторы акции тешат себя мыслью, что **в апреле 2010 года на церемонию в Катынь приедет кто-то из руководства России, посадит дуб и в очередной раз покается перед Польшей.**

По мнению Николая Сванидзе, автора телевизионного цикла “Исторические хроники”, высказанному в интервью “Газете Выборчей” (от 20–23 августа 2009 г.): *“Было бы прекрасно, если бы Россия извинилась за сталинские преступления, как немцы извинились за Холокост, когда канцлер Вилли Бранд встал на колени перед памятником жертв варшавского гетто”*.

Аналогичную мысль высказала и английская журналистка Мэри Дежевски (Mary Dejevsky) в статье **“Пора очиститься от давнего и болезненного наследия Катыни”** (“The Independent” от 23 июня 2009). Она считает, что *“Медведев в силах эту ситуацию исправить: он может провести официальную церемонию в Катыни, формально взять на себя ответственность, или даже пригласить Вайдю показать его фильм в России. Такие шаги не изменят всё в мгновение ока, но это будет скромное начало новой, более правдивой эпохи”*.

Пусть эти предложения изучают те, кому они предназначены, а мы вернёмся к “Героям Катыни”. Споры нет, память о погибших священна. Тем не менее, всегда учитывается, как они погибли, или в бою, как Александр Матросов, закрывая собой вражеский пулемёт, или в плену. В России чтят память тех и других. Только одних считают героями, а других – жертвами, не противопоставляя друг другу.

В Польше же происходит нечто странное. Создаётся впечатление, что там нет других героев, кроме поляков, сдавшихся в плен в сентябре 1939 года. Почему такое же внимание, как катынским жертвам, не уделяется героям полуострова Вестерплатте, первыми принявшими удар нацистов, героям обороны Варшавы в сентябре 1939 года и др.? Пока сведения о том, что они посмертно повышены в звании или в их честь по всей Польше высаживают дубы, отсутствуют.

Почему с таким же пиететом не отмечают жертвы Варшавского восстания? Варшавяне в 1944 году показали пример истинного героизма и патриотизма. Польская столица потеряла более 10 тысяч героев, погибших с оружием в руках, и 150 тысяч мирных жителей. Было ранено 25 тысяч варшавян, 5 тысяч пропали без вести. Десятки тысяч были направлены в концлагеря и на принудительные работы в Германию, а 350 тысяч выселены из Варшавы. Добавим, что руководитель восстания генерал Бур-Комаровский, в то время

как нацисты расправлялись с варшавянами, на **немецком самолёте** был отправлен в Швейцарию.

Почему внимание к солдатам армии генерала Андерса, сформированной в СССР из **взятых в плен поляков, существенно ниже, нежели к катынским жертвам?** Эта армия, вооружённая и обмундированная в Советском Союзе, в 1942 году отбыла в Иран. А в мае 1944 года покрыла себя славой при битве в Италии за Монте-Кассино. Однако поляков, погибших при Монте-Кассино, посмертно не повысили в звании. Может быть, потому, что они не имели прямого отношения к освобождению Польши?

Ну, а что же с польскими солдатами, которые вместе с Красной Армией освобождали Польшу, брали Берлин, а потом победным маршем прошли по Красной площади? Вот их в Польше не забыли. Правительственное управление по делам ветеранов и репрессированных лиц намерено **лишить их статуса ветеранов войны**. “Эксперты” упомянутого Института национальной памяти пришли к выводу, что Армия и Гвардия Людова не были частью польских вооружённых сил, поэтому их бывшие бойцы не являются польскими ветеранами.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод: **главной** для польских политиков и идеологов является лишь **та память, которая напоминает о “врагах с Востока”**. Как говорилось, акция **“Дубы памяти жертв Катыни”** рассчитана минимум на 100 лет. Видимо, польские политики планируют ещё столетие использовать против России “катынскую карту”, позволяющую создавать нужную эмоциональную атмосферу в польском обществе. **Естественно, эти сто лет молодое поколение в Польше будет воспитываться в духе русофобии.**

В этой связи расчёт российского руководства на то, что в Польше, рано или поздно, возьмут верх прагматики, сознающие, что улучшение **отношений с Россией выгодно, не оправдан. Сегодня отношения с Польшей следует строить максимально уважительно, но при бескомпромиссной и жёсткой защите российских позиций.** Нашим дипломатам и историкам этому следует поучиться у польских коллег.

К сожалению, современные российские отношения с Польшей в какой-то мере напоминают советскую практику. Тогда межгосударственные отношения с Народной Польшей строились практически без учёта национального менталитета, традиций и истории страны. **Главным считалась “дружественная” позиция польского руководства, которая представлялась “вечной и нерушимой”**. Время показало, что это совсем не так. Поэтому вполне вероятно, что в случае ухода с политической арены вменяемого прагматика польского премьера Туска и его команды ситуация в Польше вернётся на круги своя.

Следует уяснить, что **перелом в польско-российском противостоянии наступит только тогда, когда произойдёт сдвиг в польском общественно-политическом сознании.** Начало этому процессу может дать **переосмысление Катынского дела на основе вновь открывшихся обстоятельств и возобновление его объективного расследования без всяких секретов и утаиваний.**

Имея серьёзные свидетельства ущербности официальной версии катынского преступления, **России в споре с Польшей следует перестать занимать размытую, двойственную позицию.** Так же следует вести себя и в вопросах дискуссий по **проблемам пакта Риббентропа–Молотова и так называемого “удара в спину” 17 сентября 1939 года.**

России следует быть готовой к тому, что после преодоления катынского противостояния обострится противостояние по поводу двух вышеназванных событий. Здесь у России более выгодные позиции, так как предвоенная Польша была далеко не безгрешной. Небольшой исторической экскурсией в предвоенную Европу и хочется завершить наш рассказ.

Кое-что из истории Польши

Современная польская историография представляет довоенную Польшу как безгрешного борца за справедливые и равноправные отношения в Европе. А вот известный политик мирового масштаба премьер-министр Англии сэра Уинстон Черчилль был несколько другого мнения. В своих мемуарах **“Вторая мировая война”** он, оценивая действия Польши в отношении Чехословакии в

сентябре 1938 года, писал, что она “с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства” (Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 166).

Заслуживает внимания и другая характеристика, данная Черчиллем поведению Польши накануне Второй мировой войны. “Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И всё же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости” (там же. С. 146–147). В какой-то мере слова Черчилля созвучны словам Валишевского.

С уверенностью можно заявить, что с момента обретения независимости в конце 1918 года и в течение последующих двух десятилетий Польша была одним из самых агрессивных европейских государств. Ультиматумы и силовой захват территорий были излюбленным способом её общения с соседними государствами. Не случайно Пилсудский не был приглашён в 1918 году на Парижскую мирную конференцию по переустройству Европы. **В межвоенный период прирост территории Польши за счёт соседних государств был самым значительным.**

Представляют интерес отношения обретшей в 1918 году независимость Польши и Советской России. Уже 29 августа 1918 года Правительство РСФСР декретом провозгласило отказ от договоров России с Германией и Австро-Венгрией о разделах Польши. Однако поляки намеренно затягивали установление нормальных отношений с Советской Россией, пытаясь воспользоваться её слабостью и добиться максимальных территориальных приобретений на Востоке.

Стремление покорить Россию всегда присутствовало в польской политике. Ещё в феврале 1814 года Михал Сокольніцкий, бывший сподвижник Тадеуша Костюшко, ставший начальником контрразведки Наполеона, предлагал французскому императору **расчленение** Российской империи на ряд подконтрольных Франции государств, при доминировании Польши.

В 1904 году Юзеф Пилсудский, будущий начальник польского государства, писал, что целью Польши должно быть **“расчленение государства Российского на основные его составные части и освобождение силой включённых в состав империи стран... Россия, лишённая своей периферии, будет ослаблена настолько, что перестанет быть грозным и небезопасным соседом”**.

Накануне Первой мировой войны Пилсудский заявил: “Когда я возьму Москву, то на стене Кремля велю написать: **“Говорить по-русски запрещается”**. Это были не пустые слова. Когда Польша в 1938 году захватила Тешинскую область Чехословакии, там немедленно было запрещено говорить на чешском языке. За чешское приветствие “Наздар!” штрафовали на 4 злотых. Поэтому чехи в Тешине нередко приветствовали друг друга словами “Четыре злотых!””.

16 ноября 1918 года Пилсудский уведомил все страны, кроме РСФСР, о создании независимого польского государства. 26–28 ноября советское правительство заявило о готовности установить дипломатические отношения с Польшей, однако поляки ответили отказом. В декабре 1918 года советская сторона трижды предлагала установить дипломатические отношения, но Польша всякий раз отказывалась от этих предложений. А в начале февраля 1920 года польское руководство предъявило РСФСР **фактический ультиматум**: вывести советские войска с территорий, до 1772 года лежащих в границах Речи Посполитой, **то есть признать польскими территории, лежащие западнее Смоленска.**

В это время польское правительство сумело договориться с отступающей немецкой армией о пропуске частей Войска Польского через занятые немцами территории в Белоруссии. В результате продвижение польских войск на восток продолжалось на всём протяжении 1919 года и первого полугодия 1920 года. Боевые стычки между частями Войска Польского и Красной Армии происходили повсеместно.

Польские и некоторые прикормленные ими российские историки голословно утверждают, что агрессором являлась Советская Россия. При этом перечисляются многочисленные части РККА, которые якобы готовились для похода на

Польшу. Действительно, большевистское правительство России лелеяло планы использовать территорию Польши как коридор для разжигания революционного пожара в Европе. Но в 1918-м и 1919 году положение большевиков в самой России было весьма шатким. Ни о каких значительных воинских силах на советско-польской границе **не могло быть и речи**.

Это подтверждает и донесение американского представителя при миссии Антанты в Польше генерал-майора Дж. Кернана на имя президента США Вильсона от 11 апреля 1919 года. В нём говорится: *“Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идёт речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного”*.

25 апреля 1920 года польские войска, воспользовавшись ситуацией и обеспечив почти трёхкратное численное превосходство в силах, атаковали позиции Красной Армии по всей протяжённости украинской границы. **Так началась полномасштабная польско-советская война 1920 года**. 7 мая 1920 года поляки взяли Киев. Контрнаступление Красной Армии началось лишь в начале июня 1920 года. Первая Конная армия прорвала оборону поляков и через неделю освободила Киев. К началу августа Красная Армия оказалась на подступах к Варшаве. Положение Польши стало критическим.

16 августа 1920 года Пилсудский начал осуществление задуманного контрудара. В итоге произошло так называемое “Чудо на Висле”. Части Красной Армии были отброшены от Варшавы и отступили на всей территории Белоруссии и Украины. Итогом этой войны стали огромные территориальные приобретения Польши на Востоке. Граница между Речью Посполитой и РСФСР, согласно Рижскому договору от 1921 года (подписанному РСФСР, как говорят, “с пистолетом у виска”), прошла в 30 километрах западнее Минска. С тех пор **основным противником СССР** на Западе в течение 20 лет считалась и была Польша.

Советское руководство, понимая неравноправный характер договора 1921 года, в течение 18 лет было вынуждено с ним соглашаться. В 1932 году между СССР и Польшей был подписан договор о ненападении, который признавал, что мирный договор 1921 года остаётся основой взаимных отношений и обязательств.

Однако, как свидетельствуют рассекреченные документы, польские военные деятели рассматривали договор 1932 года как “дымовую завесу”. В августе 1937 года польский Генштаб подготовил директиву № 2304/2/37, в которой сказано, что конечной целью польской политики является **“уничтожение всякой России”**.

В декабре 1938 года II отдел польского Генштаба подготовил доклад, в котором говорилось: *“Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России”* (см. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. Warszawa, 1968, str. 262, 287).

МИД Польши по тому же поводу подготовило секретную записку **“Польская политика на Кавказе”**, в которой говорилось, что *“Польша заинтересована в отторжении от России Грузии, Азербайджана и ряда других территорий”*.

Организация **“Прометей — Лига угнетённых Россией народов...”**, созданная в 1929 году II отделом польского Генштаба (разведка и контрразведка), раскинула свои щупальца по всей Европе и СССР. В 1937 году польский Генштаб принял новую директиву **“О работе разведки против СССР”**. В ней речь шла о реорганизации лиги “Прометей”, перед которой ставилась задача дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в СССР путём усиления работы с эмигрантскими национальными элитами. Теперь им предписывалось всеми силами способствовать *“распаду Советской империи на национальные элементы и племена”, а также вызывать “брожение националистического характера на тех территориях, где население проявляет пассивность”*.

Помимо этого Польша готовилась к прямым военным действиям против СССР. 4 марта 1939 года польское командование после длительных политических, экономических и оперативных проработок утвердило план войны против СССР **“Восток”** (польск. “Wschod”). (См. Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, R-16/1).

Агрессивность и территориальные претензии Польша демонстрировала и в отношении других соседних государств. Пилсудский эти планы маскировал намерением создать федерацию Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой, так называемое “Междуморие” (Międzymorze) на территориях прежней Речи Посполитой. Но в действительности главная ставка делалась не на добровольное вхождение вышеупомянутых государств в эту федерацию, а на военную силу. В феврале 1920 года Пилсудский в интервью газете “Эко де Пари” заявил: **“Мы на штыках несём этим несчастным землям свободу без всех оговорок”**.

Известно, что Литва не желала вступать в польскую федерацию. Реализуя установку Пилсудского, польские войска в 1919-м и 1920 годах занимали столицу Литвы Вильнюс и Вильнюсский край. На протесты Литвы Польша отвечала в ультимативной форме. Наконец, 9 октября 1920 года войска польского генерала Люциана Желиговского, нарушив условия только что заключённого польско-литовского перемирия, вновь заняли Вильнюс, который почти на 20 лет становится польским городом. Но претензии Польши к Литве на этом не кончились.

17 марта 1938 года Польша предъявила Литве **ультиматум** с требованиями заключить конвенцию, гарантирующую права польского меньшинства в Литве, и отменить параграф литовской конституции, провозглашающий Вильнюс столицей Литвы. На выполнение требований ультиматума поляки **дали 24 часа**. После чего грозили двинуться на Каунас (тогдашнюю столицу Литвы) и полностью оккупировать Литву.

Советское правительство предупредило Польшу, что в случае вооружённого нападения на Литву оно денонсирует польско-советский пакт о ненападении и оставит за собой свободу действий. В этой связи поляки ограничились требованиями к Литве **одним пунктом** — установлением дипломатических отношений.

Польское руководство политику ультиматумов проводило и в отношении соседних государств. 22 сентября 1938 года Польша предъявила **ультиматум** правительству Чехословакии, целью которого было присоединение “земель с польским населением”. СССР вновь предупредил Польшу, что денонсирует соглашение о ненападении между СССР и Польшей, если польские войска перейдут границу Чехословакии. Тем не менее 1 октября 1938 года, сразу же после Мюнхенской конференции, Польша предъявила Чехословакии **второй ультиматум** с требованием передать в её состав Тешинскую область. **Вечером в Тешин вошли польские войска**. Вышеизложенные исторические факты довольно полно характеризуют волка в “овечьей шкуре”, который в 1918–1939 годах обитал на берегах Вислы.

Ну, а что же можно сказать по поводу того, что предвоенная Польша была фактическим сателлитом нацистской Германии? Это важный вопрос, так как польские политики и историки постоянно обвиняют СССР в том, что он был “верным союзником” Гитлера. Вновь обратимся к историческим фактам, которые позволяют оценить, кто в действительности являлся союзником фюрера.

Но прежде заметим, что в Советском Союзе факты сотрудничества Польши с нацистской Германией замалчивались. За это поляки должны благодарить Сталина, который, ценя Польшу, как важного союзника, считал, что не следует акцентировать грехи довоенного польского руководства. Тем не менее после войны в СССР был издан сборник архивных документов Министерства иностранных дел Германии **“Документы и материалы кануна второй мировой войны: Ноябрь 1937–1938 гг.”** (Т. 1. М.: Госполитиздат, 1948). В этом сборнике немало свидетельств довоенного сотрудничества Польши и Германии.

В 1933 году Польша стала первым государством, которое сразу же после прихода нацистов к власти установило с ними дружеские отношения. После выхода Германии 14 октября 1933 года из Лиги Наций польская дипломатия **добровольно взяла на себя защиту интересов** Германии в этой организации.

26 января 1934 года Польша (также первая в Европе) подписывает с гитлеровской Германией Пакт о ненападении сроком на 10 лет. В **секретной** части соглашения, которая скрывается до сих пор, была договорённость о военной помощи. Кстати, в соответствии с этой договорённостью **в сентябре 1938 года польские и немецкие военные договаривались** о линии демар-

кации войск в случае совместного вторжения в Чехословакию. В чешских газетах описывались сцены “боевого братства” между германскими и польскими военными.

В начале лета 1934 года в Варшаве начальник польского государства, а точнее полноправный диктатор, маршал Юзеф Пилсудский (номинальным президентом Польши в то время являлся Игнацы Мосьцицкий) с королевским размахом принял министра имперской пропаганды Йозефа Геббельса. Неоднократно приезжал в Польшу поохотиться в Беловежской пушче рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в нацистской Германии. Он восхищался действиями польских карательных органов, преследовавших не только коммунистов, но белорусов и украинцев, боровшихся за свои национальные права.

Польша, опираясь на Германию, строила далеко идущие планы. В июне 1935 года американский посол в Берлине Уильям Додд писал, что он получил от высокопоставленных немецких чиновников информацию о том, что **Германия в союзе с Польшей готовится к захвату Балтийских государств и западных территорий СССР**. После Мюнхена в Польше стали разрабатываться планы новых захватов украинских земель.

В 1935 году Франция и СССР заключили военное соглашение о защите Чехословакии от немецкой агрессии. Это был реальный шанс предотвратить развал Чехословакии в 1938 году и остановить Гитлера. Тогда этому **воспрепятствовала Польша, выступившая верным союзником Германии**. Она заявила, что немедленно начнёт военные действия против СССР, если он попытается направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии.

Позицию Польши в отношении Чехословакии, как союзника Германии, подтверждают переговоры министра иностранных дел Польши Юзефа Бека с рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером, состоявшиеся 14 января 1938 года. Фюрер тогда заявил: *“Чешское государство в его нынешнем виде невозможно сохранить, ибо оно представляет собой в результате губительной политики чехов в Средней Европе небезопасное место — коммунистический очаг”*. Эту позицию, как было сказано в официальном польском отчёте о встрече, Бек *“горячо поддержал”*.

23 февраля того же года Бек, встречаясь с наци № 2 Германом Герингом, заявил о готовности Польши считаться с германскими интересами в Австрии и подчеркнул интерес Польши к **“чешской проблеме”**.

Немало интересных фактов о тесном сотрудничестве Польши и Германии содержится в сборнике рассекреченных документов **“Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы”**, изданном МИД РФ в 1990 году.

1 октября 1938 года посол Польши Юзеф Липский сообщал в Варшаву о том, что был принят министром иностранных дел Германии Иохимом фон Риббентропом, который заявил: *“В случае польско-советского конфликта правительство Германии займёт по отношению к Польше более чем доброжелательную позицию”*. Затем посол был приглашён к Герингу, который подчеркнул, что *“в случае советско-польского конфликта польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства”*.

28 декабря 1938 года состоялась беседа советника посольства Германии в Польше Рудольфа фон Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Яном Каршо-Седлевским. Последний заявил: *“Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения”*.

Новые свидетельства тесного духовного и военного сотрудничества Польши с Германией содержатся в сборнике рассекреченных документов из архива СВР под названием **“Секреты польской политики. 1935–1945”**, представленного российской общественности 1 сентября 2009 года.

Так, приводится высказывание Германа Геринга, сделанное в беседе с польским маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы: *“Польша — наш духовный союзник. У нас прекрасно складываются отношения, и мы будем с вами до конца”*. Восторгу Рыдз-Смиглы и других польских лидеров не было предела.

Представляет интерес запись беседы польского посла в Вашингтоне Ежи Потоцкого с госсекретарём США Корделлом Хеллом. Когда Хелл поинтересовался, действительно ли только Красная Армия способна дать отпор агрессору в случае войны в Европе, посол с раздражением ответил, что с **Германией у них дружба, а главный враг – СССР**.

В рамках этой дружбы 5 января 1939 года польский министр иностранных дел Бек был принят Гитлером в его личной резиденции Берхтесгадене. В ходе встречи Гитлер предложил **Польше участвовать в планируемом “крестовом походе” против СССР**. Фюрер заявил, что существует “единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза” и что “каждая использованная против СССР польская дивизия означает экономию одной немецкой дивизии”.

Однако Польшу тогда не устроили выдвинутые немецкие условия по Данцигу и Данцигскому коридору, а также пугали перспективы утратить территории западных областей Украины и Белоруссии, захваченные в 1920 году. Это и стало **главной причиной разногласий между Польшей и Германией**. Сегодня в Польше, а кое-кто и в России, утверждают, что такой причиной явилось стремление Польши соблюсти польско-советский договор 1932 года. На фоне целенаправленно враждебной антисоветской политики довоенного польского руководства это утверждение воспринимается как курьёз.

Нацистское и предвоенное польское руководство объединяла не столько зоологическая ненависть к коммунизму, сколько территориальные претензии к СССР. Так, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп в начале января 1939 года писал о беседе с Бекем в Берхтесгадене: “Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил, что они уже были в Киеве и что эти устремления, несомненно, всё ещё живы и сегодня”.

Улыбки улыбками, а Риббентроп тогда решительно потребовал согласия на присоединение Данцига к Германии и согласия на строительство экстерриториальной железной дороги и автостреды, которые связали бы Германию с Восточной Пруссией. Польское руководство начало уклончивую игру с нацистами, пытаясь реализовать свои планы выхода к Чёрному морю. 26 января 1939 года Бек в беседе с Риббентропом, состоявшейся уже в Варшаве, вновь заявил, что “Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю”. Но Германия не спешила гарантировать Польшу территории, на которые претендовала сама. Союзники вновь не нашли общего языка.

21 марта 1939 года Риббентроп в беседе с польским послом Липским жёстко поставил требования в отношении Данцигского коридора. В тот же день Гитлер подкрепил эти требования меморандумом. Польское правительство ответило отказом. Маршал Рыдз-Смиглы утвердил оперативный план войны с Германией “**Запад**”. Позиция Польши была обусловлена тем, то она предпочла сделать ставку на новых гарантов безопасности своей территориальной целостности: Францию и Англию. 31 марта 1939 года Великобритания объявила о гарантиях для Польши в случае агрессии против неё.

В апреле 1939 года Гитлер денонсировал Пакт о ненападении с Польшей, заключённый в январе 1934 года. **Союзнические дружба и любовь Польши и Германии рухнули**. Польша поспешила броситься в ненадёжные объятия Франции и Англии.

Далее последовали драматические события, завершившиеся сентябрьской катастрофой. Итог общеизвестен – Польша стала жертвой агрессии Германии. В таком развитии событий решающую роль сыграла недалёковидная и неумная позиция польского военно-политического руководства в последние предвоенные месяцы. Но об этом в Польше предпочитают не вспоминать.

Стремятся забыть и о позиции СССР в отношении западного соседа. 10 мая 1939 года по поручению наркома иностранных дел Вячеслава Молотова его первый зам Владимир Потёмкин встретился в Варшаве с польским министром иностранных дел Юзефом Бекем и передал тому, что СССР “**не откажет в помощи Польше, если она того пожелает**”. На следующий день, 11 мая польский посол в Москве Вацлав Гжибовский явился к Молотову и заявил, что “Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР, т. к. это угрожает её независимости”. Тем не менее 25 мая 1939 года во время визита к Беку советский посол в Варшаве Николай Шаронов вновь под-

твердил **готовность Советского Союза оказать военную помощь Польше**. Предложение вновь было отвергнуто.

В августе 1939 года в основном из-за категорического отказа польского руководства пропустить советские войска через свою территорию к границам Германии сорвалась попытка **создания антигитлеровского военного союза Франции, Великобритании и СССР**. Ситуация для Страны Советов становилась крайне опасной. Её осложняли **три обстоятельства**.

Во-первых, в это время Германия вела переговоры о заключении договора о ненападении (пакта) не только с СССР, но и с Великобританией. В Берлине одновременно готовились два полёта для подписания договора: **Риббентропа в Москву и Геринга в Лондон**. При подписании пакта Геринга–Галифакса СССР оставался один на один со всем капиталистическим миром.

Достаточно сказать, что в сентябре 1938 года министр иностранных дел Англии лорд Галифакс заявлял, что: *“...Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России”*.

Польский посол в Вашингтоне Ежи Потоцкий в письме в Варшаву от 21 ноября 1938 года сообщал о своей беседе с послом США Буллитом, который сказал: *“Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России”*.

Член знаменитой “кембриджской пятёрки” Дональд Маклин, работавший в британском министерстве иностранных дел, и его коллега Гай Бёрджес, одновременно сотрудник английской разведки, в 1939 году сообщали в Москву, что основная политика Лондона состоит в том, чтобы *“работать с нацистской Германией во что бы то ни стало и, в конце концов, против СССР”*. Для Сталина было абсолютно ясно, что СССР в предвоенный период для Запада был жертвой, которую следовало скормить нацистскому зверю.

Не случайно англичане в вопросах подписания Пакта с Германией проявляли большую активность, нежели СССР. В июле 1939 года советник британского премьера Вильсон подготовил программу англо-германского сотрудничества, известную под названием **“плана Вильсона”**. В середине августа Риббентроп получил очередной вариант этого плана. Согласно ему предусматривалось заключение между Англией и Германией *“оборонительного союза”* на 25 лет, постепенное возвращение Германии колоний, *“разграничение сфер интересов, включая признание специальных интересов Германии”* и т. д.

Во-вторых, Советский Союз в августе 1939 года был вовлечён в серьёзный вооружённый конфликт с союзником Германии Японией на реке Халхин-Гол. Общая численность советских и японских вооружённых сил, принимавших участие в боевых действиях в районе Халхин-Гола, составляла более 130 тысяч человек. В военных действиях участвовало около 700 танков, более тысячи орудий и минометов, свыше 1200 самолётов. По сути, шла малая необъявленная война, грозившая перерасти в большую. Следует иметь в виду, что это была уже третья попытка Японии вооружённым путём проверить прочность советских границ.

В-третьих, у Сталина не было альтернативы подписанию Пакта с Германией, так как в противном случае граница СССР с Третьим рейхом сдвигалась бы **на восток на 250–300 км**. Более того, для Сталина не были секретом планы Гитлера, после захвата Польши, оккупировать страны Балтии, благо там правили дружественные профашистские режимы.

В августе 1939 года Советский Союз стоял перед выбором, **пойти на соглашение с нацистской Германией или в будущем воевать на два фронта и войну начинать под Минском и под Ленинградом?** Сталин выбрал первое. Успеху дипломатии Сталина способствовало то, что Гитлер в последний момент остановил выбор на СССР, а не на Англии.

Заключение Пакта с СССР было величайшим просчётом Гитлера, предопределившим крах Третьего рейха. Бывший “наци” № 2 Герман Геринг во время Нюрнбергского процесса постоянно твердил об этой роковой ошибке фюрера. **Последующие события показали, что Пакт в конечном итоге явился большой победой советской дипломатии**. СССР в войне против нацизма получил в союзники Англию и Соединённые Штаты Америки, что

предопределило поражение нацизма. **Пакт позволил Человечеству изменить своё будущее.**

Заявления о том, что Польша устояла бы в схватке с Германией, просто наивны. Хотя Франция и Великобритания 3 сентября 1939 года объявили войну Германии, реально начинать военные действия они не спешили. Великобритания ограничилась вялыми попытками организовать морскую блокаду Германии, а Франция не пошла далее формального объявления войны. Через год она, располагавшая несравненно более мощной армией, нежели польская, была повержена Германией за 6 недель.

Несостоятельны также заявления о том, что без пакта Риббентропа—Молотова войны удалось бы избежать. Гитлер изначально создавал самую мощную в мире военную машину для **расширения немецкого жизненного пространства и уничтожения унизительной Версальской системы.** Для этого летом 1933 года была принята “программа национального вооружения”, лозунгом которой было “пушки вместо масла”. При явном поощрении западных держав Германия за 3 года без единого выстрела стала крупнейшей капиталистической страной в Европе **с населением в 70 млн человек.** Франция в то время **насчитывала 34 млн, Англия — 55 млн человек.** К 1939 году вермахт, насчитывающий более 3,2 млн солдат, подпитываемый экономикой трети Европы, был готов к реализации планов фюрера по расширению “немецкого жизненного пространства”.

В результате победы над Польшей Гитлер расчистил себе путь к границам СССР, а потом **отомстил,** как и обещал, Франции и Англии **за унижения Версаля.** Не случайно капитуляцию Франции в 1940 году Гитлер принял в том же вагоне, в Компьене, где в 1918 году кайзеровская Германия подписала акт о капитуляции. Выходя из этого вагона, Гитлер **приплясывал от удовольствия.**

Некорректны заявления о том, что Пакт, а точнее секретный протокол к нему, преступен, так как предполагал **раздел сопредельных стран.** Западные державы, теша себя надеждой, что мощь нацистской Германии обрушится на СССР, **в течение 4 лет помогали Гитлеру делить Европу и захватить** Рейнскую область, Австрию и Чехословакию. Но по логике современных исторических геростратов, Запад тогда проводил миротворческую деятельность, а вот СССР, пытавшийся отодвинуть опасность от своих границ, был агрессором. И только Черчилль, тогда лишь депутат английского парламента, пророчески заметил в 1938 году: *“Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горести, которую мы будем пить год за годом”* (Черчилль. Вторая мировая война. Кн. I. М., 1991. С. 149.) Заметим, что Черчилль говорил **о расплате Запада, а не СССР,** за предвоенную политику.

Что же касается “секретного протокола” к Пакту, который на Западе стремятся сделать неким жупелом, то перед Второй мировой войной Польша не гнушалась этой практики. 25 августа 1939 года в Лондоне **лорд Галифакс, министр иностранных дел Великобритании, и посол Польши в Великобритании граф Рачинский** подписали Соглашение о взаимопомощи Великобритании и Польши. К этому соглашению прилагался **СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ.** В нём в весьма двусмысленной формулировке упоминались страны (без их ведома): Бельгия, Голландия, Литва, а также Латвия, Эстония и Румыния в случае агрессии против Польши.

Напомним также, что на основании секретных договорённостей в августе 1941 года войска Англии, США и СССР были введены в Иран.

Секретные договорённости, публично осуждаемые Западом, до сих пор являются методом западной дипломатии. В начале 1960-х годов США и Япония заключили **секретный пакт о возможности пребывания американского ядерного оружия** на территории Японии. Это соглашение позволяло американским боевым кораблям и самолётам с ядерным оружием на борту находиться в Японии. Это соглашение могло в любой момент поставить планету на грань войны.

Что же касается сфер влияния, то на современном этапе США, пользуясь своим правом мировой сверхдержавы, уже открыто декларируют **право считать зоной своего влияния весь мир,** в том числе и территории государств, граничащих с Россией. Это не вызывает осуждения западного сообщества. Интересно, как бы оно отреагировало, заяви Россия, что в зону её жизненных интересов входит Канада, Мексика и Панама?

Особо следует высказаться по поводу оценок, данных пакту Риббентропа—Молотова **II Съездом народных депутатов СССР**. Не вызывает никаких сомнений, что **эта оценка является тенденциозной и исторически необоснованной**. Эта оценка вырабатывалась на основе принципа **“PER SE”**, то есть рассмотрение явления, как если бы оно существовало **“само по себе”**, вне связи с предыдущими и возможными последующими событиями. Это абсолютно антиисторичный подход. По-другому и не могло быть. Возглавлял группу народных депутатов, готовивших проект постановления съезда по Пакту, секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, впоследствии признавшийся, что он уже в то время являлся антикоммунистом. Наиболее активными его помощниками в группе были депутаты от Прибалтики.

Соответственно постановление II Съезда НД СССР **явилось и является основным правовым аргументом для заявлений стран Балтии об их оккупации Советским Союзом в 1940 году**. Официально Россия отрицает оккупацию Прибалтики, однако в ряде случаев неудачно ссылается на оценку Пакта II Съездом НД. Если же российское руководство планирует вести конструктивный политический диалог с Прибалтикой, то, видимо, настало время **преодолеть этот правовой нонсенс**. Следует иметь в виду, что Пакт в каких-то частях действует до сих пор. Об этом свидетельствует, например, факт нахождения Вильнюсского края в составе Литовской Республики.

Говоря о правовой оценке Пакта, следует высказаться по поводу так называемой его **аморальности**.

Во-первых, рассуждения на эту тему с современных позиций некорректны. Напомним, что в предвоенные годы английские, французские и американские политики считали за честь общаться с Гитлером. Американский журнал “Тайм”, не предполагая, что Гитлер будет признан величайшим преступником в мировой истории, назвал его **“человеком 1938 года”** (“Time”. Jan. 02, 1939). Кстати, нам сегодня тоже не дано знать, кого из современных “уважаемых” политиков потомки назовут преступником. Кандидатов на это звание немало.

Во-вторых, аморальность ведения переговоров со всеми, кто планирует или совершает преступные деяния, общеизвестна. Тем не менее правительства нередко ведут переговоры с террористами, чтобы выиграть время для спасения заложников. В 1939 году в заложниках политики Запада и Германии оказалась многомиллионная Страна Советов, оказавшаяся **один на один со всем враждебным капиталистическим миром**. В подобной ситуации заключение пакта с Германией было единственным выходом, **гарантирующим СССР время и пространство для подготовки к неизбежной войне**.

В завершение темы Пакта заметим, что польским политикам и историкам, твердящим о том, что Советский Союз 17 сентября 1939 года якобы “вонзил Польше нож в спину”, следует ответить на один вопрос: **Что было бы с Европой и миром, если бы Гитлер в августе 1939 года оккупировал всю территорию довоенной Польши?**

История Второй мировой войны показала, что **значение Пакта** состоит, прежде всего, в том, что удар вермахта в июне 1941 года был амортизирован территориями Западной Украины и Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии. Если бы вторжение в СССР нацистская Германия начала из-под Минска и эстонской Нарвы, вермахт с ходу мог бы взять Ленинград. Далее вся гитлеровская группировка “Север” заворачивала бы на Москву. В этом случае сибирские дивизии вряд ли смогли бы остановить немецкое наступление в декабре 41-го года на столицу СССР. Ну, а далее Япония вступила бы в войну, и, возможно, мировую историю сегодня писали бы историки Третьего рейха.

В случае поражения в 1941 году СССР **Гитлер получал природные и людские ресурсы, а также территорию огромной страны**. Никакая сила тогда не могла бы ему помешать осуществить план завоевания мирового господства. Не вызывает сомнений, что Англия сдалась бы на милость фюрера. Соединённые Штаты предпочли бы традиционно отсиживаться за океаном, пока германские учёные и инженеры не завершили бы создание новых видов оружия: атомной бомбы, межконтинентальной баллистической ракеты, реактивной авиации и т. п. Известно, что в 1945 году Гитлера от массового производства этого оружия отделили лишь месяцы. Получив в 1941 году ресурсы СССР, Германия создала бы новое оружие значительно быстрее. В итоге человечество было бы обречено на нацистское рабство. О том, что Гитлер умел

добиваться поставленных целей, говорят результаты его деятельности в 1933–1939 годах.

Следует признать, что пакт Риббентропа–Молотова был той ценой, которую Польша и прибалтийские государства заплатили за заигрывание с Гитлером. Это, прямо скажем, ничтожная цена, если учесть, что в случае победы нацисты, как подчеркнул Гитлер 17 октября 1939 года, планировали **тщательно зачистить территорию Европы от “евреев, полячишек и остального сброда”** (Хенё Г. Орден “Мёртвая голова”. История СС. С. 360).

Сегодня ряд политиков и историков пыжатыся изо всех сил, пытаясь доказать преступность замыслов и политики довоенного советского руководства. В основном это люди, которым судьба не дала почувствовать тяжкое бремя власти и ответственности за решения, способные изменить не только ход истории страны, но и мира. Каждый из них страдает синдромом футбольного болельщика, суть которого **“мнить себя стратегом, видя бой со стороны”**. Полноте, господа, оценку предвоенным событиям в своё время дали политики мирового масштаба.

Напомним высказывание Уинстона Черчилля, сделанное в 1938 году, о “горестной расплате” Запада. А в феврале 1945 года министр иностранных дел Англии Энтони Иден в своей речи в палате общин признал: **“Может ли кто-нибудь сейчас сомневаться в том, что, если бы в 1939 г. было единство между Россией, Британией и Соединёнными Штатами, которое было создано в Ялте, никогда бы не разразилась эта война?”**.

Будущий Президент США Линдон Джонсон, выступая в 1947 году в палате представителей, заявил: **“Франция могла остановить Гитлера, когда он вторгся в Саарскую область. Франция и Англия могли бы предотвратить оккупацию Австрии, а позднее не дать нацистам захватить Чехословакию. Соединённые Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию”**.

Завершить экскурс в историю Польши и Европы следует разоблачением заявлений польских политиков о том, что Сталин стремился уничтожить Польшу как государство. Это ложь. Другое дело, Сталину не нравилось, что СССР на Западе граничит с государством, руководство которого целенаправленно ведёт враждебную политику. Кстати, точно так рассуждал в отношении России маршал Пилсудский. Только он хотел Россию расчленить и уничтожить как государство, Сталин же хотел иметь соседом **дружественную и сильную Польшу**. Кстати, оба руководителя некогда вылупились из одного и того же социалистического гнезда. Пилсудский тогда носил партийную кличку “Товарищ Виктор”, а Сталин – “Коба”. Характеры и внешность обоих были весьма схожими.

Но Сталин в отношении Польши занимал достаточно доброжелательную позицию. На Ялтинской конференции 6 февраля 1945 года он заявил: **“...для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.**

...Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надёжно закрыт изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства”.

У. Черчилль соглашался с утверждением Сталина о том, что, **“имея общие границы с Польшей, Советский Союз имеет право добиваться дружественного правительства в Польше и никогда не сможет одобрить враждебного правительства. К этому обязывает, помимо прочего, кровь советского народа, обильно пролитая на полях Польши во имя её освобождения”**.

В своей телеграмме британскому МИДу Черчилль так оценил роль СССР в судьбе Польши: **“Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стёрта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать. ... Нации, которые оказались не в состо-**

янии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас”.

Однако Армия Крайова, действовавшая по указанию лондонского эмигрантского польского правительства, в период освобождения Польши Красной Армией занимала крайне враждебную позицию в отношении СССР. Об этом свидетельствует приказ, изданный в сентябре 1944 года руководителем Варшавского восстания генералом Бур-Комаровским. Этот приказ был расклеен на стенах домов Варшавы. Приведём только его концовку: “Поляки, решительный момент нашей героической борьбы потребует от всех непоколебимой веры в победу, готовности к жертвам во имя нации и дисциплины перед руководством. Провозглашаю следующий приказ:

Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Наша окраина, Вильно и Люблин взывают к мести. Большевицкий враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания ещё не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой обяжал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами. Да здравствует свободная Польша. Бур – Главный Комендант вооружённых сил в стране” (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 178503. Д. 4. Л. 127–130).

СССР не только спас Польшу от нацистского рабства и уничтожения. Он в значительной степени компенсировал тот территориальный ущерб, который Польша понесла в сентябре 1939 года. Уже в ноябре 1943 года на Тегеранской конференции **Сталин предложил** взамен возвращённых СССР западных областей Украины и Белоруссии передать Польше бывшие немецкие территории в Восточной Пруссии и Силезии. Сталина поддержал Черчилль. “Следует сказать полякам, что русские правы, что ими предлагается справедливая и выгодная сделка”, – признал британский премьер-министр. И пообещал, что скажет полякам, что если они не примут предлагаемой границы, то будут дураками.

В 1945 году Польша получила более 100 тысяч кв. км территории. Правда, её вряд ли можно назвать “исконно польской”. Однако в 1939 году Польша потеряла 196 тысяч кв. км территории (20 тысяч кв. км этих территорий были возвращены Польше в 1945 году), которая также никогда не была “исконно польской”. Они вошли в состав Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 года, как “приданое” “Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных... Сегодня эти территории по историческому и этническому праву принадлежат Белоруссии и Украине. Но и Польша, благодаря позиции Сталина, не обижена в территориальном плане.

Однако в Польше предпочитают помнить не о советских, а о нацистских союзниках. Иначе как понимать тот факт, что до сих пор почётными гражданами городов Щецин, Колобжег, Легница, Ольштын и других до сих пор являются **нацистские бонзы**. Так, в списке почётных граждан Гданьска, размещённом на официальной интернет-странице города, фигурирует **А. Гитлер**. Там же – **рейхсмаршал Г. Геринг и гауляйтер Гданьска А. Форстер**.

В этой связи польским политикам, обвиняющим СССР в союзничестве с Гитлером, а Россию в попытках “обелить сталинский режим”, хочется напомнить старую библейскую истину: **“Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего”** (Матф., 7:5).

60 лет Сергею Александровичу ТРАХИМЁНКУ!

Талантливый прозаик, знакомый читателям “Нашего современника” по острозаметным произведениям, не раз публиковавшимся в нашем журнале, встречает юбилей в расцвете творческих сил. В России и Беларуси, где он сейчас проживает, вышло несколько его новых книг. Такой же творческой продуктивности, здоровья, долголетия желаем ему и впредь.

Редакция

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

IV. Холокост и голодомор в одном флаконе

Большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями.

Виктория Мунблит

Современная еврейская газета “Форум”, издающаяся в Нью-Йорке на русском языке, в номере от 28.12.2007 опубликовала в своей постоянной рубрике “Холокост” материал под внешне скучным названием: “Научные конференции по истории Холокоста на Украине”. Однако начало статьи – сплошная песня.

“Осень 2007 года оказалась урожайной для исследователей истории евреев в эпоху нацизма и Второй мировой войны в странах Восточной Европы, в первую очередь на территории Украины”.

Оказывается, только в сентябре–ноябре 2007 года в мире прошли десятки научных конференций по Холокосту, а “две из них – в Париже и Черновцах – были полностью посвящены Холокосту “украинскому”. На Украине вот уже как 5 лет создан центр изучения истории Холокоста, внедряющий преподавание этой фундаментальной науки в украинских учебных заведениях; при центре издаётся журнал “Холокост и современность”; центр имеет свой официальный сайт в интернете; организаторами парижской конференции по “украинскому” Холокосту выступил, конечно же, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, мемориал Холокоста в Париже, Сорбонне, общество “Яхад-ин Унуш”... Аж целых 20 докладов было прочитано по Холокосту на конференции, её ход освещало агентство Ассошиэйтед-Пресс... А конференция в Черновцах также была организована Вашингтонским музеем Холокоста... А кроме того, в то же время в США, в Университете Теннесси, также прошла конференция по украинскому Холокосту и по проблемам “коллорационизма на Украине в годы Холокоста”. На всех конференциях “кроме докладов были серьёзные дискуссии о проблемах украинско-еврейских взаимоотношений в период Холокоста”.

Бедная Украина! И так-то у неё столько тьмы в собственной “доевропейской” истории! До сих пор историки “незалежной” не сумели убедительно доказать, что бич Божий Аттила был украинским хлопцем, что некогда в пойме Днепра – в районе нынешних правительственных дач, в киевской “Рублёвке” – была цветущая империя укров. А тут ещё их Холокостом достают. А что там изучать в “украинско-еврейских взаимоотношениях”, если там один сплошной Богдан Хмельницкий, Сагайдачный, Колиивщина, – погром на погроме! А в XIX веке единственный классик – Тарас Шевченко со священной

Продолжение. Начало в № 1 за 2010 год.

ненавистью к “евреям и москалям” — как быть с ним? Поклоняться ему жрецы Холокоста не дадут, не дай Бог, ещё заставят изъять великого Тараса из школьных программ.

А в XX веке — вообще начался сплошной шабаш.

Героя украинской новейшей истории Симона Петлюру в 1926 году в Париже за организацию погромов застрелил еврей Шварцбарт. В 90-е годы на Украине Петлюре поставили памятников, улицы и площади названы его именем, а теперь, в связи с внедрением в украинскую историю уроков Холокоста, как будут ходить местные евреи по этим улицам и глядеть на эти памятники? Конечно же, с законной ненавистью и отвращением. А если Петлюра и на гривнах появится рядом с Мазепой? Да эти бумажки будут обжигать еврейские руки! А с Бандерой и Романом Шухевичем что делать? Бульвары, названные их именами, жрецы Холокоста заставят переименовать. К счастью, когда эпидемия Холокоста докатится до России, с нашими деньгами всё будет в порядке. Ярослав Мудрый на наших бумажках останется. Слава Богу, что его нарисовали на купюрах, а не Мономаха, при котором в Киеве был первый погром. Да у нас вообще нет исторических знаменитых, сразу узнаваемых в лицо юдофобов вроде Бандеры и Петлюры. Можно ли на российских деньгах представить лик Шульгина, или Василия Розанова (кто их в лицо помнит?), или Дмитрия Васильева, ныне позабытого лидера “Памяти”? А ведь Дмитрием Васильевым в разгар перестройки еврейские матери пугали своих детей. . . Шафаревича в лицо на деньгах народ тоже не признает. Разве что одного покойного Солженицына можно на сторублёвку за книгу “200 лет вместе” . . .

А тут ещё Ющенко выступил с инициативой, чтобы украинская Рада приняла закон о привлечении к уголовной ответственности лиц, оспаривающих число жертв двух исторических катастроф — Холокоста и голодомора. Ну, с Холокостом всё налажено — конференции проходят, учебники пишутся, денежки текут ручейком, украинские антисемиты зубами клацают. А с голодомором заминка произойдёт. . . И загвоздка здесь не только в России. Поучительная история на эту тему произошла недавно. Русскоязычная газета “Вечерний Нью-Йорк” опубликовала в номере от 20 июля 2007 года статью журналистки Виктории Мунблит о голодоморе. В статье была такая фраза: *“Должна ли Украина игнорировать существование Израиля и вообще евреев, памятуя, что большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями”*. Что началось! Еврейская американская пресса сразу же обрушилась на дерзкую журналистку. В сентябрьском номере еженедельника “Форум” (2007, № 149) появилась громкая статья за подписью трёх разгневанных мужчин — Виленя Левитова, Дмитрия Маргулиса и Даниила Голубева. Возмущению их не было предела:

“Трудно представить себе более возмутительную по своей ядовитости форму выражения ненависти к евреям и еврейскому государству! В связи с такой постановкой вопроса позволительно спросить: а должен ли Израиль и вообще евреи игнорировать существование Украины и украинцев, памятуя, что абсолютное большинство погромщиков, проливавших веками реки еврейской крови в Малороссии, были украинцами?” Вот каких джиннов выпустил из бутылки Ющенко, попытавшийся объединить в одном флаконе голодомор и Холокост. . . Нельзя, оказывается, говорить всю правду о голодоморе, не обижая евреев. И кто подсунул Ющенко эту шизофреническую идею? Ну, он и сам должен соображать: как можно, награждая карателей оуновцев из дивизии “Галичина”, у которых руки в еврейской крови, одновременно внедрять в украинские умы благоговение перед жертвами Холокоста?

Но главный вывод статьи из еврейского “Форума” был таков:

“Евреи никогда не составляли большинства в карательных органах советской власти ни на одном этапе её истории”, это “один из главных антисемитских мифов, упорно повторяемых юдофобами всех мастей от Шульгина до Макашова”. “В 30-е годы в местных органах госбезопасности по всей стране служило 1776 евреев, что составляет 7,4% от всего численного состава ОГПУ. . .”

Честно говоря, не хочется мне заступаться за украинцев, поскольку главными виновниками голодомора их нынешние вожди объявили русских, а украинцы промолчали. Но правда — превыше всего. Журналисты из “Форума” должны знать, что “архипелагом” ГУЛАГ с 1935 по 1938 год руководил М. Берман с тремя заместителями — Я. Раппопортом, Н. Плиннером и З. Кацнельсоном, что в украинском ОГПУ в эпоху голодомора служили на разных должностях 925 евреев и 1518 чекистов всех остальных национальностей Советского

Союза (то есть почти 40% сотрудников ОГПУ на Украине были евреи); сведения эти содержатся в толстом фолианте “Россия, XX век. Документы. ГУЛАГ. 1918–1960” (Международный фонд “Демократия”, издательство “Материк”), в справке, подписанной начальником сектора кадров НКВД Я. М. Вейнштоком. А вот итоговый вывод из книги популярного историка Г. В. Костырченко “Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм” (М., 2002, изд-во “Международные отношения”, издана при финансовой поддержке Российского еврейского конгресса). Автор, кстати, недавно вместе с Марком Дейчем и многими деятелями еврейской культуры награждён престижной премией, о чём сообщено в “Еврейской газете”.

“С 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности (какой – уточнять не надо. – Ст. К.) возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел”.

А что делать с правительственным указом, опубликованным в газете “Известия” в конце ноября 1935 года, который свидетельствует, что верхушка НКВД – 39 комиссаров госбезопасности I, II и III ранга – более чем наполовину (21 человек) состояла из чекистов той же национальности? Дело ведь не только в “общем среднем проценте”, а в том, кто стоит на высших этажах власти. Говоря словами Сталина, кадры решали всё. В том числе и вопросы с голодомором.

Конечно, Виктория Мунблит имела немалые основания для подобной трактовки истории. Вспомним хотя бы историческую встречу комиссара Когана и украинского крестьянина Опанаса из знаменитой поэмы Багрицкого, на которой Коган сидит за столом в хате Опанаса, ужинает “житняком и мёдом” и допрашивает запуганного хозяина:

*Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посеви? Как налоги?
Падают ли овцы?*

А если Опанас чуть-чуть взбрыкивал, то его тут же ставили на место, о чём он жалуется Нестору Махно, как бежавший “из продотряда от Когана-жида”:

*А не то поднимешь бучу:
— Не шуми, братишка!
Усом в мусорную кучу —
Расстрелять, и крышка.*

Вторая волна “когановских репрессий” настигла “украинских опанасов” в годы коллективизации, и обе эти волны – “продотрядовская” и “коллективизация”, – конечно же, не могли не породить кровавое возмездие в лице Романа Шухевича и его соратников, внезапно, как из-под земли, выросшее чуть ли не на другой день после падения советской власти на Украине под ударами “железного вермахта”.

Вся эта историческая ситуация, увы, не покрыта архивной пылью, она живёт своей уродливой жизнью и сегодня. Вот публикации из еврейско-американской газеты “Форум” от 1–7 августа 2008 г.

“27.07.08, КИЕВ. Украинский еврейский комитет заявляет, что недавно опубликованный службой безопасности Украины на основании архивных документов первый “Список партийных и советских работников, сотрудников Объединённого государственного политического управления (ОГПУ), а также документов, которые стали организационно-правовой основой для проведения в Украине голодомора-геноцида и репрессий” фактически возлагает этническую ответственность за трагедию голодомора на евреев и латышей, сообщает пресс-служба УЕК.

В списке приведено 19 фамилий, среди которых преобладают еврейские фамилии. Если человек поменял имя или фамилию, то в скобках указывается его подлинное имя и фамилия. В списках приведены фамилии работников ОГПУ, которые в силу своих обязанностей не могли иметь непосредственного отношения к репрессиям. Так, например, указаны имена сотрудников статистического и транспортного отделов ОГПУ.

УЕК удивлён появлением в списке фамилии Ивановского (Гибшмана) Израиля Давидовича, главы ОГПУ в Крыму, поскольку Крым в то время был частью Российской Федерации, а не Украины.

УЕК считает, что публикация подобных списков – попытка завуалировать истинных виновников голодомора.

Украинский еврейский комитет заявляет, что одновременно с указанными неточностями в опубликованном документе не указаны главные виновники голодомора – Г. Петровский, председатель президиума Верховного Совета УССР, В. Чубарь, глава Совнаркома УССР, генеральный прокурор УССР Н. Скрипник и другие.

Украинский еврейский комитет отмечает важность проводимой СБУ работы и призывает руководителей этого ведомства более тщательно и ответственно подходить к составлению и публикации столь серьёзных документов, которые могут нарушить межнациональный и межконфессиональный мир и спокойствие в Украине.

Американский форум Всемирного конгресса русскоязычного еврейства выражает солидарность с заявлением Украинского еврейского комитета. АФ ВКРЕ предпримет необходимые усилия, чтобы донести информацию до американской общественности и политических кругов с целью осуждения акции украинских властей”.

Да, допустила страшный прокол служба безопасности Украины, опубликовавшая на основании архивных документов “Список партийных и советских работников, сотрудников ОГПУ”, виновных в голодоморе.

Рядом с заявлением Украинского еврейского комитета на той же полосе завёрстана колонка Михаила Немировского, который безо всякой дипломатии открытым текстом загоняет украинскую ЧК и Ющенко с его неуклюжей попыткой обвенчать голодомор с Холокостом в стойло для быдла:

“Независимая Украина, которая так лихо стремится в Европейское сообщество, награждает головорезов званием героя, называет улицы именами тех, кто уничтожал украинских евреев, допускает марши ветеранов гитлеровских формирований и вот докатилась до предвзятого опубликования списков “героев” голодомора, из которых можно сделать вывод, что именно евреи виноваты! Ну, кто-то же должен быть виноват? А они вот тут, под рукой! Дывись!

Какой великолепный подарок нынешним престарелым бандеровцам и оуновцам, националистическим группам и партиям, просто бандитам, готовым под такую идеологическую подкладку начать осуществление лозунга “Бей!..” У ветеранов эсэсовских украинских формирований есть чему учить потомков и чем оправдывать геноцид еврейского народа в Украине немецкими фашистами и их украинскими пособниками.

Мы можем считать публикацию списка прямым подтверждением возврата Украины к государственному антисемитизму. Или у президента Ющенко и премьера Тимошенко другое мнение?”

Одна небольшая радость, что в этой еврейско-хохляцкой потасовке и те, и другие взаимно виноватые хоть на время, но о России забыли...

Нынешний синедрин жрецов Холокоста как бы говорит Ющенко и всей националистической украинской элите, разыгрывающей “еврейскую карту”: “Один раз ради разрушения СССР мы закрыли глаза на ваших антисемитов – петлюровцев, эсэсовцев, оуновцев, бандеровцев, героев “СС Галичина”, руховцев, западенцев. Но порезвились ребята, помогли вам завоевать “незалежность” – и basta! То, что идеология нашего Холокоста получает в Украине государственную защиту и становится обязательным предметом изучения в школах – это мы поддерживаем. Но сей факт не даёт вам никакого права копаться в вашем голодоморе и выискивать, насколько в нём виноваты евреи. Побаловались своим утробным антисемитизмом в 90-е годы прошлого века – и хватит! Становитесь в строй мировой демократии и нового мирового порядка! Антисемиты! Смирно! Не забывайте, кто ваши хозяева: к ноге!”

Так приказывают охотники собакам.

В сущности, по схожей схеме происходила смена режима Звиада Гамсахурдиа на режим Шеварднадзе, да и в Эстонии с Латвией менее наглядно, но по тем же законам протекают процессы сегодняшней истории. А между прочим, муравьиная работа по постижению “непостижимого” Холокоста в России, ни сном ни духом не ответственной за деяния фашистской Европы, идёт полным ходом. “Литературные вести” за июнь-июль 2007 г., которые редак-

тируются бывшим выпускником Высшей партийной школы при ЦК КПСС Валентином Оскоцким, несколько лет подряд в разгар перестройки оравшим с пеной у рта на площадях Москвы “Фашизм не пройдёт!” – сообщают:

“29–30 марта научно-просветительский центр “Холокост” (Москва) и Калининградский областной институт повышения квалификации и подготовки работников образования при поддержке министерства образования Калининградской области и РАО ЕС (это значит, что деньги на мероприятия дали Чубайс и губернатор Боос. – Ст. К.) провели семинар “Холокост”... Это уже третий семинар по теме в Калининграде за последние 5 лет.

Первый из семинаров был проведён со шведскими коллегами. После второго семинара в школы области поступил комплект основной учебной литературы по истории Холокоста. Особенностью третьего семинара, на котором присутствовало более 140 педагогов города и области, стало приглашение учителей не только истории, но и литературы. Лекции по методике преподавания темы прочёл автор учебных пособий, профессор Московского института открытого образования Сергей Козленко. Мастер-класс впервые провели местные педагоги: историк Елена Войтович и литератор Светлана Горбачёва, которые ранее приняли участие в стажировках в Израиле и США”.

В декабре 2007 г. фонд “Холокост” отмечал своё десятилетие. В юбилейном выпуске бюллетеня на первой полосе важное сообщение: президент РФ выделил для фонда грант “на проведение образовательных семинаров и издание литературы по теме “Холокост”. Московское правительство, чтобы не отставать от Кремля, приняло решение о проведении 28 января 2008 года в школах города “Урока терпимости”, посвящённого жертвам Холокоста”. По словам Аллы Гербер, напечатанным в бюллетене, функционеры фонда “провели свыше 40 семинаров для преподавателей, проехав по всей России. С 2001 г. ежегодно группа из 20 преподавателей России направляется на стажировку в “Яд Вашем”, а школьники СНГ участвуют в международной конференции в Бресте”.

Но и это только цветочки. По информации сопредседателя центра “Холокост”, соратника А. Гербер – Ильи Альтмана, готовится издание “Энциклопедии Холокоста на территории СССР”, планируются экспедиции молодёжи по местам Холокоста на территории России. “Наша задача, – сказал Альтман, – чтобы во всех местах, где расстреливали евреев, были мемориалы, чтобы отмечался национальный день памяти жертв Холокоста, чтобы эту тему преподавали в школах и вузах, чтобы был создан государственный музей Холокоста...”

Переведём дух и осмыслим всё это, поскольку посол Израиля в России Анна Азари поздравила фонд с юбилеем и выразила “надежду, что в будущем 27 января – День памяти жертв Холокоста – будет государственным праздником”.

Вот, оказывается, с чего надо было начинать, а то мы столько никчёмных государственных праздников нагромодили: 12 июня – день независимости России, 21 августа – день освобождения неизвестно от чего, 4 ноября – вообще запутались, что это за праздник. Да отменить бы их все, оставить только один праздник всех праздников – День Холокоста...

Вот только сложность будет с установкой мемориалов “во всех местах, где расстреливали евреев”. Ну где ставить мемориалы на месте расстрела Генриха Ягоды, начальника ГУЛАГа Бермана и его заместителей Кацнельсона, Раппопорта, Плиннера, всей верхушки строительства Беломорканала, начальников почти всех лагерей ГУЛАГа и более половины состава комиссаров госбезопасности I, II и III ранга?.. Разве найдёшь сейчас места, где покоятся их останки, чтобы воздать им должную память и “передать об этом детям нашим”?

Так что трудную задачу ставят себе Гербер и Альтман. Евгений Ясин, пришедший поздравить фонд с юбилеем, на такие фантастические проекты не замахивается. Он всего лишь “выразил надежду на то, что в Москве появится музей Холокоста, не стыдный для такой страны, как Россия”. А чего нам стыдиться? У нас ни Петлюры, ни Бандеры не было. Нам бы для начала музей рассказывания построить где-нибудь в Ростове. Но разве ленивые русские патриоты угонятся за Аллой Гербер?

Всё, что я перечислил, заявлено лишь на первой страничке бюллетеня, а их, страниц этих, аж шестнадцать. На второй полосе именное перечисление школьников, студентов, преподавателей вузов – победителей конкурса

“Уроки Холокоста – путь к толерантности”. На пятой полосе важная информация в дипломатическом тоне: “Ректор Брянского института повышения квалификации работников образования И. В. Пихенько выразил готовность к сотрудничеству с Российским центром Холокоста”. Небось, бедный, денег для института ищет. . .

А вот ещё нечто любопытное:

“27 ноября в Кондопоге на районном методическом объединении учителей истории с сообщением “Преподавание темы “Холокост в школе” выступила Г. Остапчук. Она познакомила коллег с литературой, полученной на семинаре в Петрозаводске и на летней сессии в Подмоскowie”.

Вот ведь как получается: только что в Кондопоге прошли кровавые русско-чеченские разборки, а школьникам впихивают в программу изучение еврейского вопроса.

Шестая страница: информация о том, как в ноябре 2007 года десять преподавателей из разных городов России под руководством А. Гербер и И. Алтмана слетали в Америку, чтобы обсудить методологию уроков Холокоста с американскими коллегами.

Приложена фотография учителей и учительниц с широкими улыбающимися русскими лицами: наконец-то в Америке побывали!

10–11 ноября 2007 года. В Подмоскowie прошёл семинар “Рауль Валленберг. Трагедия гуманизма в XX веке”, организованный Институтом толерантности (оказывается, уже есть такой институт. . . интересно, на чьи деньги организован). Участвовали в семинаре преподаватели из Чехова, Улан-Удэ, Владимира, Вологды, Тайшета. . . Когда я после института приехал работать в районную тайшетскую газету, у нас там служила корректором Роза Израилевна, по-моему, единственная еврейка на весь двадцатитысячный сибирский городок. А сейчас тайшетские преподаватели уже над судьбой Валленберга слёзы роняют.

А ведь его судьба – такое белое пятно или тёмное место истории! Я помню, как после августовского путча хлынули в коридоры Лубянки правозащитники и демократы. Мы с сыном изучали в те дни документы, связанные с судьбой Сергея Есенина, его друзей и родных, и видели, с какими самодовольными и торжественными лицами шастали по архивам и кабинетам Лубянки и Белла Куркова, и Евгения Альбац, и целые стаи журналистов и историков, жаждавших сенсаций и разоблачений. И, конечно же, о Валленберге нашли бы – если было бы что найти. Всё, что можно, раскопали или сочинили: про все тайны ГУЛАГа, про Катынь, про Михозлса, про Берию. А про Валленберга – кумира жрецов Холокоста – молчок. Значит, ничего не нашли. А если нашли, то нечто не должное появиться на свет: ну, допустим, о связях шведского дипломата с каким-нибудь Эйхманом, о торговле простонародной еврейской кровью. Ведь громадное семейство автомобильных венгерских магнатов Вайсов (более 50 человек) ведомством Эйхмана с помощью жрецов Холокоста было отправлено отнюдь не в Освенцим, а в курортную Испанию.

А в это время и Валленберг был в Будапеште, где выдавал избранным евреям паспорта через шведский Красный Крест. А то, что такая торговля еврейскими судьбами в ту пору была обычным делом, отражено весьма подробно в известном фильме “Список Шиндлера”. Был, конечно, и “Список Кастнера”, и, возможно, “Список Валленберга”. . . Но всегда надо помнить, что у каждого из жрецов было по два списка: один – небольшой с перечнем имён спасённых “нужных” евреев, и другой – многотысячный, заполненный фамилиями несчастных, отправленных на каторжные работы, в многочисленные гетто, в лагеря смерти, в которых “сухие ветви” пылали, озаряя пламенем пол-Европы.

До сих пор не разгадана причина ареста Валленберга сотрудниками советского СМЕРШа в январе 1945 г. и тайна его смерти в застенках НКВД. Историкам, желающим разгадать эти загадки, скорее всего надо обратить внимание не на советский или еврейский след в судьбе Валленберга, но на американский.

В энциклопедии “Холокост”, изданной в Лондоне в 2001 г. и переизданной через несколько лет в России, об этом “американском следе” сообщаются любопытнейшие подробности, которых нет ни в одном из исследований об исчезновении Валленберга:

“Деньги на операцию спасения (венгерских евреев. – Ст. К.) поступали Валленбергу из американского Совета по делам военных беженцев. Рассекре-

ченные к настоящему времени документы Управления стратегических служб США показывают, что перед ним ставились и другие задачи. Американец, перед которым он отчитывался о своей работе <...> работал также и на Управление стратегических служб, организацию – предшественницу ЦРУ <...> единственным, на кого могла опереться американская разведка в Будапеште, был Валленберг <...> Его действия, похоже, хорошо согласовывались с инструкцией директора Управления стратегических служб Уильяма Donovan <...> Конечная цель инструкции, как указывается в рассекреченном документе национального архива США, заключалась в том, чтобы сковать и изолировать 18 германских дивизий, дислоцированных на Балканах. Ролью эmissара американской разведки объясняется, возможно, и визит Валленберга к Хорти”.

В январе 1945 г. Валленберг по неизвестным причинам вошёл в контакт с советскими частями, каким-то образом перейдя линию фронта, добрался до Дебрецена, где находился региональный штаб советского командования.

“Что произошло с Валленбергом в Дебрецене, неизвестно. В конце января 1945 года он уже был заключён в тюрьму НКВД <...> непосредственно после войны разведка США официально замалчивала факт исчезновения Валленберга из опасения, что упоминание его имени может подтвердить советское обвинение (в судебном порядке так и не предъявленное), что Валленберг – американский шпион” (стр. 114–115).

Если всё, что пишет энциклопедия “Холокост”, правда, то можно предположить, что Валленберг был арестован не “за то, что спасал евреев”, как пишет “Еврейская газета” (№ 3–4, 2002 г.), а за то, что выполнял задание американцев по удержанию 18 немецких дивизий на Восточном фронте для борьбы с наступающей советской армией. Возможно, американцы боялись, что эти дивизии могут быть переброшены на Западный фронт против армий Эйзенхауэра. В наше время историкам ясно, что семена будущей холодной войны между СССР и западными союзниками уже зимой 1945 года засеивались в европейскую почву, и, скорее всего, Валленберг был одной из первых жертв этой ещё не объявленной войны.

Ещё одной версией его ареста может быть то, что он, как и Кастнер, отправляя часть “нужных евреев” на Запад, другую, куда более многочисленную, посылал на строительство оборонительных сооружений против наступающих советских войск, что во время войны могло считаться преступлением... А именно за это еврейские мстители убили после войны сбежавшего в Израиль главу будапештской общины доктора Кастнера. Так что жрецам из фонда “Холокост” надо решить, чью память они хотят увековечить в Москве: коллаборациониста или сотрудника американских спецслужб. Но в обоих случаях документы из архивов КГБ о “деле Валленберга” должны были во время августовской революции 1991 года исчезнуть безвозвратно, дабы нимб спасителя евреев над его головой не потускнел ни на йоту...

И. Альтман, функционер фонда Холокост, пишет в бюллетене, издаваемом Аллой Гербер:

“Власти Венгрии (в отличие от России) декларируют тезис, что венгерский Холокост является частью национальной истории” (№ 1, 2007 г.). А что этим венгерским фашистам-антисемитам оставалось делать? “В отличие от России” они отправили в 1944 году в лагеря смерти чуть ли не полмиллиона евреев всего лишь за 42 дня. “В отличие от Венгрии” у нас ведь не было ни эйхманов, ни кастнеров. Так что не надо господину Альтману всё сваливать с большой головы на здоровую. У них действительно Холокост “является частью национальной истории”. А у нас – увы...

Восьмая страница бюллетеня: “Голодомор и Холокост в Украине”. Интересные мысли в статье о том, что при рассмотрении этих трагедий “важно воздержаться от разоблачительного пафоса, унаследованного от советской системы”. То есть нас призывают не вспоминать деяния ни Петлюры, ни Бандеры, ни Шухевича, ни Ягоды, ни Косиора... “Необходимо сменить акценты с разоблачения палачей на героизм жертв...”

Здесь же “круглый стол” “Память о Холокосте. Россия и Швеция”. Где Швеция, там опять статья о Валленберге с главной мыслью: “поддержать письмо-обращение к мэру Москвы Лужкову и председателю Мосгордумы Владимиру Платонову с просьбой назвать одну из улиц столицы именем шведского дипломата Рауля Валленберга”. Надо переименовать Арбат, где живут дети Арбата. Пусть они будут называться “Дети Валленберга”.

Есть, правда, одно маленькое препятствие в щепетильных вопросах создания музеев, переименования улиц и т. д. В Международный день памяти жертв нацизма президент Российского еврейского конгресса Вячеслав Кантор, выступая в Доме кино, внёс предложение о создании в Москве музея, посвящённого знаменитому “охотнику за нацистами” Симону Визенталю. Правда, он ловил нацистов где угодно – в Аргентине, в Канаде, в Австралии, во Франции – только не в России. Ну можно, конечно, учитывать заслуги Визенталья перед еврейством, сварганить и в Москве какой-нибудь музейчик, если бы не одно “но”: Норман Финкельштейн в своей книге “Индустрия Холокоста” пишет о том, что в Швейцарии “Визенталь позволяет центру носить своё имя за 90 тысяч долларов в год” (стр. 155). Не думаю, чтобы Визенталь или его наследники разрешили Кантору организовать музей имени Визенталья бесплатно. Так что готовы денежки, господа из Российского еврейского конгресса. Уверен, что имя знаменитого Валленберга стоит дороже, чем имя Визенталья. И чтобы даром это имя украшало какую-то улицу в Коньково, Деревлёво или в Митино, конечно, не дадут. Слупят с Лужкова и Платонова так, что мало не покажется.

На следующей странице важная информация: “Одна из парламентских комиссий израильского кнессета выдвинула российского поэта Евгения Евтушенко на соискание Нобелевской премии 2008 года”. Жаль, что не получил. Всё бы ему тогда простила мировая общественность – и панегирики Сталину, и восхваление Ленина, и душераздирающие признания “Коммунизм – это высший интим”, и связи с Лубянской. “Мы имеем право иметь своих мерзавцев”, – сказал Хайм Вейцман. (А может быть, Бен Гурион?)

Здесь же информация о том, что отряд журналистов из российских СМИ (“Итар-ТАСС”, “Новая газета”, “Московский комсомолец” и т. д.) только что вернулся из Израиля. В числе возвращенцев журналистка Наталья Морарь, которую в феврале 2008-го по каким-то таинственным соображениям ФСБ не пустила в Россию, а вынудила вернуться в Молдавию, чьей гражданкой Морарь является. Скандал, регулярно раздуваемый радиостанцией “Свобода”, длился месяца два, потом, как по команде, всё заглохло.

... На последних страницах бюллетеня “Холокост” несколько незначительных сообщений вроде того, что в Волгограде наконец-то установили памятный знак на месте, где расстреливали евреев – на площади Дзержинского (где же ещё немцам расстреливать, как не там?).

А в конце – важная информация: в Израиль на стажировку в Холокостный центр “Яд Вашем” едут 20 эстонских учителей, что стало возможным лишь после введения с 2005 года в эстонских школах урока о Холокосте и после принятия Эстонии в “международную организацию по сотрудничеству в увековечении и изучении Холокоста”. Так что в Эстонии Холокост увековечен. Организация международная и называется “Таск фарс”. Всё правильно. Эстонцев надо в этом вопросе “натаскивать”. Надо из них выколачивать их тевтонско-нордические комплексы. Хватит им учиться у их знаменитой земляка Розенберга.

А вот ещё выдержки из нью-йоркской газеты “Форум” и свеженьких бюллетеней “Холокост” выпуска 2008 г.

“01. 02 в С. -Петербурге прошёл семинар методистов и учителей города на тему “Рауль Валленберг – и один в поле воин”. Ну Валленберг – это святое, это как “Отче наш”, это “наше всё”. В семинаре принимал участие и представитель семьи Валленбергов, некий Микаэль Вернстедт.

“Группа выживших в Холокосте и их потомков (! – Ст. К.) выступила против признания Римского Папы Пия XII святым”. “Губернатор Земли Нижняя Саксония Христиан Вильф принёс извинения еврейской общине за то, что сравнил меру по сокращению высоких зарплат с “погромом”. “Виды сохранения памяти о Холокосте в Германии разнообразны, например, у домов, из которых были выселены евреи, устанавливаются мемориальные знаки”. (Представляете, каково жить нынешним немцам в этих домах?)

“Полиция задержала трёх неонацистов, совершивших в Праге нападение на еврея”, – и это в “златой толерантной Праге”!

Особое внимание надо уделить сборнику “Тень Холокоста” (материалы II Международного симпозиума “Уроки Холокоста в современной России”. Российская библиотека Холокоста, Москва, 1998 г.). Состав участников был потрясающ – все знаменитости старой гвардии: Стивен Спилберг, А. Дани-

эль, А. Гербер, И. Альтман, А. Асмолов, С. Ковалёв, П. Полян, Т. Жванецкая и др. плюс ещё представители от 11 государств Европы целых 4 дня рассказывали друг другу о Холокосте. Сборник издан роскошно, все выступления на двух языках – русском и английском. Невозможно удержаться, чтобы не привести несколько примеров изысканного красноречия: “Латыши решили, что советскую власть привели в Латвию евреи. Потому что среди подпольной компартии Латвии, среди тех, кто радостно встречал Красную Армию, было большое количество евреев. На горе евреям первым комиссаром НКВД Латвии – всего на три месяца – стал еврей Семён Шустов, но этого было достаточно, чтобы с приходом немцев все газеты, которые выходили в то время, заговорили о том, что евреи уничтожили латышей и мы должны отомстить за кровь наших братьев <...> начался совершенно дикий шабаш” (Л. Коваль, Латвия). (Вот почему именно латыш в новогоднюю ночь 1961 г. оскорбил нашу подругу Аллу Гербер! – Ст. К.) А вот отрывок из её речи на семинаре:

“Сегодня это особенно опасно, потому что когда кризис, когда тяжело, когда люди не получают зарплату, когда не получают пенсию, когда выходят с протестом на улицы, то можно поднять глаза и сказать: “За этим окном живёт банкир по фамилии такой-то. А за этим окном живёт генеральный директор по фамилии такой-то. А за этим окном писатель, который врёт, потому что на одну четверть еврей. А за этим окном актриса, которую надо убить, потому что в ней есть капля еврейской крови”.

Как говорят в этих случаях – “без комментариев!”

Из выступления А. Даниэля:

“История СССР, история России в XX веке – это часть истории Холокоста”. Собственной истории у России нет.

А вот описание того, как проходит урок по изучению Холокоста в 199-й московской школе. Из выступления учительницы Е. Батенковой.

Тема: “Разоблачение предрассудков”. Сценарий таков. “Я предлагаю добровольцу встать перед всем классом, а остальным детям рассказывать анекдоты, персонажи которых, волей автора, имеют национальную принадлежность. По мере того как дети рассказывают анекдоты, я обматываю его верёвкой, до того момента, когда он уже не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни что-либо сказать. На следующем этапе работы дети должны были обозначить тот предрассудок, который заложен в рассказанном ими анекдоте, и назвать усматриваемые ими причины этого предрассудка. Далее, по мере того как дети вскрывали причину предрассудков, я постепенно распутывала добровольца, и так до тех пор, пока паутина предрассудков не спала с него совсем”.

А что это, если не садизм?

Уникален рассказ о том, как проходят в ещё одной московской школе, созданной в 1991 году и подчиняющейся двум министерствам образования – российскому и израильскому, – уроки по истории Холокоста. Ведёт их преподаватель А. Рыбаков, который сообщил конференци:

“У нас в школе постоянно стараются делать упор на эмоциональное восприятие Катастрофы. 5 мая у нас был совершенно потрясающий мемориальный урок, посвящённый Катастрофе. Выходили девочки 5-го, 6-го, 7-го классов и рассказывали очень подробно о своих родных, погибших в Катастрофе или переживших её. Они просто начинали рыдать, и голос у них сбивался. Это произвело очень сильное эмоциональное впечатление.

Урок закончился тем, что были сорваны все последующие уроки, потому что народ просто рыдал. Никто из зала не уходил. Там горели свечи в виде шестиконечной звезды на полу. Ни учителя, ни ученики не могли больше работать, и на этом учебный день завершился. Я сам был тронут до слёз. Для меня, как организатора урока, это было высшей наградой. Это проходит через кровь, через сердца. Это больше, чем любые бумаги и любые цифры. В этом я глубоко убеждён”.

Ну что добавить? Бедные овцы стада израилева. Даже не овцы – ягнята! Да вашего пастуха давным-давно лечить надо в одной палате с Аллой Гербер. Впрочем, и в самом Израиле со школьниками тоже не церемонятся и тоже “закаляют” их психику по экстремальным программам, о чём пишет Норман Финкельштейн в книге “Индустрия Холокоста”:

“В своей речи на вашингтонской конференции по Холокосту Дэвид Харрис с воодушевлением говорил о том, какое глубокое впечатление производит

<...> паломничество в нацистские лагеря на еврейскую молодёжь. Газета “Форвард” описала одно такое мероприятие с особым пафосом.

Под заголовком “После посещения Освенцима израильские тинэйджеры забавляются со стриптизёршами” газета рассказывает, что учащиеся кибуца по совету специалистов “пригласили стриптизёрш, чтобы избавиться от вызванных экскурсией тяжёлых чувств”.

Получается как бы выстрел по юным душам дуплетом: сначала душевное потрясение, потом сексуальное. Разрушение (или растление) подростковой психики в квадрате.

Заключительным итогом этого московского семинара было обращение ко всему цивилизованному миру: слёзы слезами, а дело делом.

Москва

7 мая 1997 г.

Мы, участники II Международного симпозиума “Уроки Холокоста и современная Россия”, представляющие Россию, Украину, Беларусь, Молдову, Латвию, Литву, Германию, Израиль, США, Францию и Польшу, призываем правительства и парламенты, международные фонды, научные и просветительные учреждения, общественные организации всего мира:

1. Приложить все усилия к созданию в столицах государств, граждане которых стали жертвами Холокоста, тематических музеев и мемориалов. Особенно актуален этот вопрос для Москвы – столицы государства, на территории которого в годы войны погибла треть из 6 000 000 евреев – жертв нацизма. Память погибших должна быть увековечена в каждом населённом пункте.

2. Тема Холокоста должна найти отражение в образовательных стандартах и программах, в процессе преподавания в высшей и средней школе. Необходимы государственные программы, включающие подготовку и переподготовку преподавателей, издание учебных пособий и производство учебных фильмов на тему Холокоста.

3. Способствовать законодательным инициативам в области преследования в уголовном или гражданском порядке за разжигание межнациональной розни, включая ответственность за отрицание Холокоста.

4. Установить ежемесячную компенсацию жертвам Холокоста, проживающим на территории России и других государств бывшего СССР, в размерах, соответствующих пенсиям жертв Холокоста, проживающим в Западной Европе, США и Израиле. Произвести им дополнительную единовременную компенсационную выплату в размере 5 000 дойчмарок (по аналогии с уже полученной гражданами других государств компенсацией от Германии) из вновь создаваемых швейцарского и международных фондов”.

Особенно важен здесь последний пункт, которому можно дать заголовок: “А где деньги взять?” – А кто распределять будет? – опять “конференция по притязаниям”? Обо всём этом прописано в книге Нормана Финкельштейна “Индустрия Холокоста”... А книга “Тень Холокоста” появилась у меня случайно. Узнав в интернете адрес фонда “Холокост”, я послал туда редакционного шофёра Мишу, чтобы он заехал на Садовническую улицу и выпросил у сотрудников фонда или купил хотя бы парочку последних бюллетеней мне для работы над этой статьёй. Торжествующий Миша вернулся с двумя тяжёлыми упаковками бюллетеня за 2006-й, 2007-й и 2008 годы, а в придачу и в благодарность за внимание к фонду ему с радостью вручили (даром, лишь бы взял!) ещё несколько пачек сборника “Тень Холокоста”, которыми, оказывается, был завален офис фонда. ... Ни подписки нет, ни покупателей. Алла Ефремовна, а не зря ли Ваш фонд тратит драгоценные “холокостные” деньги? Ох, как непросто они достаются жрецам Холокоста, а Вы так легко их проматываете... Книга, которой цены нет, – лежит невостребованная целое десятилетие¹. Представляю себе, как эта история с офисом, заваленным холокостной литературой, сегодня утешает антисемитов. Надо работать по-другому, более эффективно. А то вроде бы всемирная организация, работающая на новый мировой порядок, а на деле местечковый бардак. Может, вы действительно надоели не только нам, но и, страшно сказать, самим себе. Читаешь это всё, и еретическая мысль приходит в голову: может быть, наша власть после того, как рели-

¹ На последней странице бюллетеня “Холокост” есть надпись: “Издаётся при поддержке Claims Conference (США)”... Плакали ваши денежки, господа...

гия Холокоста будет внедрена во все поры жизни, разрешит всё-таки русским людям ввести в наших школах и уроки Закона Божьего и веры православной. Как говорится, нет худа без добра. А то ведь посмотрите, что произошло за последние два десятилетия в американских средних и высших школах после того, как в учебные американские программы был запущен вирус Холокоста. Свидетельствует преподаватель Нью-Йоркского городского университета:

“Профессора высших школ могут засвидетельствовать, что гораздо большее число студентов сможет правильно указать век массового уничтожения евреев нацистами и назвать цифру убитых, чем в случае с войной между Севером и Югом. И в самом деле, массовое уничтожение евреев нацистами – чуть ли не единственное историческое событие, о котором сегодня говорится на учебных мероприятиях в университетах. Согласно опросам, больше американцев могут правильно цитировать Холокост, чем нападение на Пёрл-Харбор или атомные бомбардировки Японии”.

(Н. Д. Финкельштейн, “Индустрия Холокоста”).

Холокост – это не только новая религия, пытающаяся заменить Христианство, но это ещё и новая история человечества, вытесняющая историю народов и государств. В сумме две эти замены и породят “новый мировой порядок”, о котором говорится в эпиграфе к этой главе и о котором мечтают жрецы Холокоста.

* * *

Религия Холокоста впаривается во все извилины общественного сознания с гораздо большей энергией и изобретательностью, нежели сталинская “История ВКП(б)” в советское время.

Включаю телевизор 28 апреля 2008 г. – идёт рекламный рассказ о том, что в Испании создан мюзикл по дневникам святой Холокоста Анны Франк. Ведущий особенно настаивает на том, что этот мюзикл необходимо посмотреть в России. Да смотрите его сами! Вы, европейцы, соблазнённые Гитлером, виноваты в её судьбе, вы и аплодируйте этому мюзиклу, сочинённому на основе дневника, часть которого написана шариковой ручкой послевоенного производства, через несколько лет после смерти Анны Франк.

Алла Ефремовна Гербер призывает давать уроки Холокоста русским школьникам, чьи деды и прадеды победили фашизм и спасли остатки европейского еврейства от уничтожения. Пусть лучше внедряет холокостные уроки в Прибалтике, где перед самой войной сохранились отдельные пляжи на взморье для христиан и евреев, где её оскорбил недобитый латышский нацист; или в Польше, где уже после Освенцима в 1946 году сразу в нескольких местах произошли еврейские погромы со многими человеческими жертвами; или в Венгрии, где пережившие поражение венгерские фашисты-антисемиты во время восстания 1956 года брали реванш – вешали вниз головой на будапештских липах венгерских евреев... И повторяю: всё это происходило уже “после Освенцима”.

Нет, пожалуй, прав Александр Проханов, недавно написавший в газете “Завтра” о возможном завтрашнем дне нашей Родины:

“Распад России спишет в очередной раз все преступления, замусолит имена злодеев, зальёт красной горячей жижей следы несусветных зверств.

И есть ли сегодня хоть одна политическая партия, или политическая группа, или собрание моральных людей, которые скажут об этом вслух? Или так и будем, по настоянию Аллы Гербер, изучать в ещё оставшихся школах “холокост”, а на диспутах правозащитников призывать к десталинизации России? Сталин грядёт”.

V. Уши Амана

Мы больны.
А. Гербер

Жрецы Холокоста, навязывая человечеству идею о его сакральности и непознаваемости, любят и умеют для достижения результата впадать в транс, а если говорить простым языком – в истерику. Причём понять, естественная ли это истерика или наигранная, бывает непросто.

Помню, несколько лет тому назад в “Независимой газете” (15.04.99 г.) было опубликовано “Слово психолога Президенту России в день памяти жертв Катастрофы”:

“Пробудитесь, господин президент!”, “Набирает скорость бронепоезд национал-патриотизма и политического антисемитизма!”, “Иного нет у нас пути... Лишь в Холокосте остановка”, “мы уже провалились в эту колею, господин президент”, “на карте России оттенки красно-коричневого цвета уже покрыли Краснодарский край” (это сказано о слабых попытках администрации этого края воспрепятствовать захвату земель всяческими криминально-племенными структурами Северного Кавказа. — **Ст. К.**). До нападения банд Басаева на Дагестан оставалось всего лишь два месяца.

Все эти “независимые” шаманские заклинания, видимо, были венцом сезонного обострения психики А. Асмолова. Психическая экзальтация весьма высокой степени у профессора и доктора психологических наук, заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ, видимо, была его профессиональным недугом или в лучшем случае хобби.

А вот случай посложнее. В третьем-четвёртом номере “Еврейской газеты” за 2002 год некто Михаил Садовский рассказывает о том, как он приехал в главный американский музей Холокоста — вашингтонский. А там, оказывается, каждый входящий должен не просто купить входной билетик, но во время осмотра музея ещё и сыграть роль реального человека, погибшего в эпоху Катастрофы, “влезть” в его судьбу, в его шкуру, словом, перевоплотиться, подобно актёру всемирно-трагического спектакля под названием “Холокост”. Такого рода роли служители музея предлагают всем посетителям при входе в музей. Однако не все могут выдержать подобные нервные перегрузки, и у несчастных людей начинается “съезжать крыша”, что и случилось с Садовским, когда он “напялил” на себя жизнь и смерть погибшего в Освенциме местечкового украинского сиониста Симхи Перельмутера, который жил в 30-е годы в городке Хорошев, что на Львовщине.

“В сентябре 1939 г. <...> Советский Союз оккупировал Восточную Польшу, — пишет Садовский-Перельмутер, — где был расположен Хорошев. Несмотря на советскую оккупацию, Симха продолжал преподавать в Университете”.

“Советская оккупация восточной Польши”, как помнят все люди с нормальной психикой, — это возвращение в состав УССР Западной Украины, которую в 20-м году поляки отхватили у нашей страны, ослабшей от гражданской распри. А ещё должно заметить, что если бы местечко Хорошев в 1939 году перешло под власть фашистской Германии, то с “университетским преподаванием” Симхи было бы покончено сразу. А может быть, и с ним самим, поскольку спустя неделю после 22 июня 1941 года, когда войска вермахта вошли в Хорошев, “как еврей и учёный, — пишет Садовский, — Симха стал предметом преследования германских властей”.

За ним вскоре пришли украинские полицейские, и родные больше не увидели Симху Перельмутера. Но именно вот тут Михаил Садовский (он же якобы Симха) впал в состояние глубочайшего истерического транса. Нет бы ему вспомнить антисемита Степана Бандеру, или палача евреев Львовщины Романа Шухевича, oprичники которого отправили Симху в Освенцим, но нет, он ни с того ни с сего заверещал голосом Александра Асмолова:

“Где те составы, которые приготовил великий вождь Страны Советов для депортации евреев, чтобы окончательно решить этот проклятый “еврейский вопрос”? Они на запасном пути? Вы не знаете, что они есть?”, “А за что НКВД отплатило Валленбергу? За то, что спасал евреев?”, “А вы, уцелевшие и новые жители Европы и мира? Молчите?... Но разве за это убивают? Нет, за это не убивают. Убивают за то, что ты еврей!!!”

Три восклицательных знака, украсивших полосу “Еврейской газеты”, свидетельствуют о том, что или психика Садовского не выдержала испытания на сцене Вашингтонского музея, либо о том, что он, как актёр, почувствовал, что наступил его звёздный час:

“Я, Симха Перельмутер, сошёл в земной ад в полосатом тряпье нацистского покроя! Я прошёл весь скорбный путь Симхи... Люди, люди, значит, не кончился Холокост...”, “Но разве за это убивают?”

Перельмутер-Садовский, видимо, забыл, что в XX веке люди убивали друг друга за всё. Русских убивали на рубеже 80–90-х годов в городе Грозном за то, что они не убегают, не бросают свои дома, за то в итоге, что они — рус-

ские. Если вы скажете, что за депортацию 1944 года, я отвечу: русские женщины, которых насиловали в 90-м году басаевские и радуевские головорезы, не выселяли их отцов и матерей в Казахстан в 1944 году. Палестинцы убивают евреев за то, что евреи вырезали население арабских деревень, разрушили их дома и отобрали землю, — за то, что они оккупанты. Евреи убивают палестинцев за то, что те живут на земле, которую Иегова обещал (“земля обетованная”) в незапамятные времена евреям, и за то, что палестинцы обстреливают ракетами “их поселения”, построенные на земле “обетованной”.

Американские школьники и студенты расстреливают своих товарищей лишь потому, что в гражданском обществе Америки так принято удовлетворять свои комплексы.

Потерявшие работу американцы расстреливают своих удачливых сослуживцев, мстя за свою “неконкурентоспособность”, за безразличие общества к их судьбе.

Мусульмане убивают “жёлтых” европейских журналистов за оскорбление их пророка.

Американские солдаты убивают иракцев и афганцев от страха, что те могут выстрелить первыми.

Одни иракцы убивают других, своих коллаборационистов, за сотрудничество с оккупантами.

Вояки НАТО убивали сербов за то, что те не сразу подняли руки и не сдались мировому правительству.

Русские скинхеды убивают таджиков за то, что те продают в России наркотическую отраву.

Кондопогские русские восстали против чеченцев за то, что гости изуродовали своей хищной волей жизнь тихого городка.

В этом мире всех убивают за всё. А не только евреев за то, что они евреи. И не стоит впадать в истерику с тремя восклицательными знаками: “Но за это не убивают!!!” Убивают за всё.

Во многих “холокостных” книгах их авторы пытаются “реконструировать” историю, создавая в своём воспалённом воображении “художественные картины” описываемых событий. Вот, к примеру, какую сцену разговора Сталина с Лаврентием Берия о “деле врачей” сочинил генерал-полковник Д. Волкогонов в книге “Триумф и трагедия”:

“В тот последний вечер Сталин два-три раза (какая документальная точность! — Ст. К.) интересовался ходом следствия. Наконец спросил ещё раз чрезмерно услужливого в последнее время Берия:

— А как Виноградов?

— Этот профессор кроме своей неблагонадёжности имеет длинный язык. У себя в клинике стал делиться с одним врачом, что-де у товарища Сталина уже было несколько опасных гипертонических приступов...

— Ладно, — оборвал Сталин. (Пишет Волкогонов так, как будто сам сидел под столом, прослушивая и записывая эти разговоры! — Ст. К.) — Что вы думаете делать дальше? Врачи сознались? Игнатьеву скажите: если не добьётся полного признания врачей, то мы его укоротим на величину головы...

— Сознаются. С помощью Тимашук, других патриотов завершаем расследование и будем просить Вас разрешить провести публичный процесс...

— Готовьте, — бросил Сталин и перешёл к другим делам” (“Триумф и трагедия”. Книга II, часть 2, стр. 192, 1989 г. Книга была издана в АПН тиражом в 300 тысяч экземпляров).

С той поры прошло двадцать лет, но “художественные” домыслы в нашей историографии окончательно стали играть роль документов. Вот отрывок из книги “Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем” (М., 2008 год. Авторы и составители П. Полян и А. Кох).

Вот как Павел Полян “реконструирует” разговор в эпоху Холокоста палача и жертвы средствами “художественной изобразительности”:

“А ты, чернявый, кто будешь? Политрук? Еврей? Ну, скажи “кукуруза”, ну, покажи нам свой хер! Нет, вроде не жид. Но ведь похож, ну до чего похож! А может, всё-таки жид? А вот Мыколу спрошу: он-то местный, он-то ваших знает, отличает, чует! Видишь, он кивает — жид, значит... — Сиги в расход!” — Тут даже Симхе Перельмутеру далеко до такой экспрессии!

Да, тяжело читать садо-мазохистские стенания зомбированных людей, загнанных в зловещий театр Холокоста его пастухами и жрецами, его над-

смотрщиками и режиссёрами. Может быть, Симху Садовского надо отправить на излечение к Асмолову? Но лечится ли садо-мазохизм? Помню, как в 1990 году академик Гольдманский, телешоумен Владимир Молчанов (то ли маленький жрец Холокоста, то ли обычный шабесгой), главный редактор “Огонька” Виталий Коротич и прочие небескорыстные кликуши с упоением запугивали еврейских обывателей воплями о том, что 5 мая в России должны произойти погромы, организованные могучей нацистской организацией “Память”. Помню текст из “Литературной газеты” тех дней: “Звонят читатели: – извините, погромы будут в Москве и Ленинграде или в Киеве тоже? Подскажите, куда вывезти семью?” (“ЛГ”, 1990 г. № 6, 2-я полоса)¹. Обратим внимание, как деловито спрашивают, как будто просят совета, куда, на какой черноморский курорт вывезти детей от наступающей майской жары. Вот это и есть управление обществом при помощи СМИ. . . Очень точно об этой политтехнологии рассказал Исраэль Шамир в статье “Иерусалимский синдром”:

“В послевоенные годы сионисты не останавливались ни перед чем для достижения своей цели и не щадили “свой народ”. Это проявилось в организации массовой волны эмиграции из Ирака, подробно описанной известным израильским журналистом Томом Сегевом в книге “1949”, а до этого – ближневосточным корреспондентом английской газеты “Гардиан” Дэвидом Херстом в книге “Ружьё и оливковая ветвь” (Фабер и Фабер, 1977).

Массовая иммиграция евреев из Ирака была спровоцирована тремя взрывами в синагогах Багдада. Со временем выяснилось, что взрывы были произведены агентами израильской разведки. Другим мощным фактором были непрерывные сообщения в американской просионистской прессе о “близзящихся погромах” в Ираке (как это напоминает разговоры о неминуемых погромах в России в 1990 году!). Сассон Кадури, главный раввин Ирака, писал в своих мемуарах: “К середине 1949 года пропагандистская война в Америке началась не на шутку. Американские доллары должны были спасти иракских евреев – вне зависимости от того, нуждались ли они в спасении. Каждый день были погромы – на страницах “Нью-Йорк таймс”, в корреспонденциях из Тель-Авива. Почему никто не спрашивал нас?. . . В Ираке стали появляться сионистские агенты, пользовавшиеся общим напряжением в стране и сулившие золотые горы евреям. Начались требования разрешить массовую эмиграцию, стали обвинять иракское правительство в том, что оно преследует евреев”.

Наконец, под давлением демонстраций и торгового бойкота, иракское правительство капитулировало и издало указ о массовой эмиграции евреев <...>.

Подобным образом была организована и массовая эмиграция из Советского Союза в 1990–1993 годы. Распускались провокационные слухи о близзящихся погромах, они бесконечно умножались, пропущенные через призму западных агентств новостей, сочетаясь с рассказами о прекрасной жизни в Израиле. Годы спустя я встретил в Иерусалиме Аллу Гербер, московскую еврейскую писательницу, активную участницу “дела Осташвили”.

– Вы, израильтяне, должны воздвигнуть мне памятник, – сказала она. – Это я прислала вам миллион русских евреев.

Выяснилось, что Алла Гербер (вместе с Щекочихиным и Черниченко) пустила в эфир дезу о близзящихся погромах с якобы установленной датой – 5 мая. Созданная этими слухами волна панического бегства способствовала дестабилизации Советского Союза и ускорила его гибель. Конечно, слова Аллы Гербер не имели никакого эффекта, если бы они не были многократно усилены всей пропагандистской машиной сионистского пиара. Не она, так кто-нибудь другой прошептал бы нужные слова, повторенные послушным аппаратом, и неискушённые “советские граждане еврейского происхождения” потянулись бы вереницей подметать улицы Тель-Авива, стрелять по палестин-

¹ И до сих пор продолжается этот провокационный шабаш! В американско-еврейской русскоязычной газете “Форум” (№ 233, 2009 г., апрель) рядом с портретом функционера П. Алатмана из герберовского фонда “Холокост” присутствует такой текст: “Нацисты и им сочувствующие намерены устроить всероссийский погром 5 мая. На этот день намечены убийства иностранцев, поджоги зданий МВД, ФСБ, госучреждений, офисов “Единой России”. Об этом говорится в заявлениях, распространяемых на их сайтах, пишет “Московский комсомолец”.

Опять “сакральная” дата 5 мая, опять вброс в общественную жизнь провокационной информации. . . Ну разве это не разжигание межнациональной розни? Ну когда же их за это судить будут в нашем правовом государстве?

ским детям, умирать и ложиться в неосвящённую землю за забором еврейского кладбища на далёкой земле”.

В начале перестройки в издательстве “Московский рабочий” был издан женский сборник “Новые амазонки”. Он открывался дневником амазонки из города Пермь. Вот несколько отрывков из этого документального произведения “Покаянные дни, или В ожидании конца света”:

“Пришла Галя К. и сказала, что будет <...> погром. Еврейский. Даже если это слух, то какая подлость по отношению к евреям.

— Если начнётся заварушка, нужно делать ноги, — говорит мой муж, преподаватель иврита.

Я выронила бутерброд с маслом, конечно, маслом вниз”... “Ночью проснулась от грохота. Началось? Что делать в первую очередь? Вскочила, смотрю: это кошка уронила со шкафа наши сто коробков спичек”.

Нина Горланова, видимо, русская женщина. Замужем за евреем. Она, её дети, её друзья, приносящие на кухню всяческие слухи, живут в такой исторической атмосфере, что на них и обижаться грешно. У неё бутерброд с маслом выпадает из рук при слове “погром”, но это цветочки: “вывихнула руку, когда в бешенстве тушила сигарету”, “Это какие-то сверхъевреи, — кричу я, заведаясь и размахивая руками и роняя вазу с цветами”.

“Читаю младшим вслух “Воспоминания Вишневской”. В том месте, где Вишневская плачется со сценой Большого театра, мы все зарыдали. Агния (младшая дочь. — Ст. К.) от перевозбуждения даже заснула”.

“Друзья мужа — евреи — звонили в МВД Перми, спрашивали, готовы ли спасти от погромов жителей города. — К нам не поступило никаких сигналов! — был ответ. — А если уехать на дачу? — спрашивает Люся Г., жена еврея. — Может, там отсидимся?

— Это ещё хуже, там ни телефона, ни больницы... — говорю я. — Я собираюсь позвонить друзьям-евреям и пригласить их ночевать эту роковую ночь у нас. Может, вместе-то отобьёмся”. “До катаклизма (погрома. — Ст. К.) остался один день. А ночь? Ночью начнётся.

Нурия, маленькая девочка, дочь моей знакомой:

— Тётя Нина, а в городе образовалось общество, которое ловит евреев”.

И не приходит в голову русским женщинам Нине и Гале стукнуть кулаком по столу, чтобы опомнились их мужья-психопаты, и прикрикнуть: — Не сходите с ума и нас не сводите! И детей пожалейте!

Нет, наверное, уже поздно, болезнь слишком далеко зашла, начинаются галлюцинации:

“Я бормочу, идя по улице в магазин. Видимо, со мной что-то не то, потому что боковым зрением вижу, как на сохе пролетел по небосклону Василий Белов. А ведь был вроде писатель”.

Не только Белову, но достаётся от амазонки, когда она находится в припадке юдофильской истерики, и Достоевскому тоже, мол, последний “путал евреев с буржуазией”. Это напоминает мне, как некий профессор Металлов, читавший после войны в Литинституте лекции о творчестве Льва Толстого, частенько выговаривал Льву Николаевичу: “Ну этого старикашка не понимал!”... Вот так-то: Горланова и Металлов всё понимают, а Толстой и Достоевский, увы!

“Со мной случилась истерика... Подруга ушла, пришли другие гости, истерику не смогли остановить... Вызвали “скорую” — нет одноразового шприца, а их шприц рискованно-грязный”...

Прочитав слова Бунина о Катаеве (из “Окаянных дней”), о том, что последний за тысячу рублей якобы готов был убить человека, чтобы модно одеться, Горланова вгоняет себя в очередной приступ:

“А сейчас во главе “Памяти” всё писатели, поэты да критики. И они не за тысячу рублей, а совершенно бесplatно готовы убить всех евреев в нашей стране. Вот что значит 70 лет советской власти”.

Но пик болезни, после которого никакая “скорая” уже не сумеет помочь, настал в конце повести.

“Полночь. Мужа нет дома. Он уехал к Бруштейнам обсуждать, как заниматься самообороной, на лестнице шаги, много мужских ног. Бегом обратно от нашей площадки. Почему бегом? Потому что бомбу подложили и спешат убежать, чтобы не подорваться. Значит, началось. Я — дрожь — выхожу в коридор, включаю свет всюду (на кухне тоже зачем-то) и протягиваю руку к замку.

Страшно. Но я должна быстрее открыть, схватить бомбу и скинуть на головы тем, кто сейчас будет выбегать из подъезда, тем, кто её подложил. Выскакиваю на площадку – ничего нет. Поднимаюсь на чердак – лужа мочи. Ага, это всего лишь анонимные алкоголики заходили по своим интимным делам... Тут и муж вернулся. Рассказываю, он мрачнее тучи.

– И всё же лучше погибнуть от погрома один раз, чем много раз мысленно. Ложись спать”.

Успокойся! Ну какие после этого будут сны? Только такие: “Сон, будто мы уже переехали на квартиру Соколовских, нам обещанную. Там из коридора есть дверь в кабинет, её мы закрыли стеллажами с книгами, словно нет тут дверей. И там спрятали всех своих друзей-евреев и моих детей. Входят из “Памяти” (все мои знакомые) и мимо двери-стеллажа, но тут вдруг оттуда смех моей Агнии...” Агния, младшая дочь, выдала себя погромщикам! Ну как тут с ума не сойти! “Проснулась, заплакала в туалете”...

Да, это посильнее даже Симхи Перельмутера!

Ну как тут не пожалеть бедных детей Нины Горлановой (а их у нее немало). Они, как и она со своим мужем и друзьями-евреями, ждут конца света, называемого “погромом”: “Мама, ты мне купишь гусёнка? – опять умоляет Агния. Обещаю купить.

– Ура! Значит, я надую гусёнка и поплыву, спасусь шестьдесят второго числа, да?

Шестьдесят второе число (как у Гоголя в “Записках сумасшедшего” – 38 марта) – это день Икс, когда должно начаться светопреставление, именуемое погромом. После такого что делать? Материнских прав лишать с формулировкой “за издевательство над детьми”?

А пока “светопреставление” не началось, дети Горлановой питаются слухами о погроме и о том, что пермские рабочие на металлургическом комбинате ловят бродячих котят и “их там в печь бросают (металлурги)”. И, глядя своего домашнего котёнка по спине, пермская амазонка добавляет: “Это наши советские люди”.

Бедные еврейские овцы, нет вам пощады от ваших пастухов и от их овчарок, от расчётливых и властных жрецов, которые тащат вас на жертвенник! Навеки все вы обречены примерять на себя освенцимскую полосатую робу Симхи Перельмутера и рыдать над агитками Павла Поляна. Жрецы знают об уязвимости вашей психики хотя бы потому, что сто лет тому назад один из этих жрецов-психиатров (Асмолов той эпохи) так описал незаживающие язвы овец своего стада:

“...Тяжёлые условия жизни евреев, особенно в тех странах, где они ограничены в правах, влияют на их психику и способствуют развитию среди них нервных заболеваний. Вредное влияние оказывали также преждевременные браки и браки между близкими родственниками, благодаря чему физические недостатки известной семьи, в особенности нервность, являются более концентрированными в потомстве. К числу моментов, предрасполагающих евреев к нервным заболеваниям, следует отнести и особенную чувствительность их сосудодвигательной системы... Большинство специалистов считают евреев самым нервным народом в мире, а характерным заболеванием являются среди них... так называемые функциональные неврозы. К этой группе заболеваний относятся: истерия, неврастения, эпилепсия, невралгия, истероэпилепсия, пляска св. Витта и тик. ...Характерными чертами истерии у евреев считают необыкновенную мнительность, прислушивание к своим ощущениям, преувеличение своих страданий и порой симуляции...”

Это диагноз не освенцимского врача-убийцы Менгеле, не идеолога расизма Розенберга и не покойного Дмитрия Васильева. Это из статьи профессора С. Черняховского “Нервные и психические заболевания”, опубликованной в почтенном научном издании “Еврейская энциклопедия”, С. Петербург, 1912 год.

Если поверить “Еврейской энциклопедии”, то становится понятным, что атмосфера, в которой поколениями пребывала еврейская коллективная психика, умело и корыстно использовалась пастырями еврейства. Не потому ли доля всемирных знаменитых отморозков террора, вышедших из еврейской среды, куда весомее, нежели у других народов?

Вспомним лишь знаменитостей XX века – организатора террора в России Евно Азефа, убийцу Столыпина Мордехая Богрова, убийцу графа Мирбаха

Якова Блюмкина, Леонида Каннегисера, застрелившего Моисея Урицкого, Фанни Каплан, стрелявшую в Ленина, убийцу Симона Петлюры – Шварцбарта, Гершеля Гриншпана – убийцу германского дипломата Эрнста фон Рата, Игала Амира, застрелившего израильского премьер-министра Ицхака Шамира. А кто был замешан в покушении на Кеннеди? – Ли Освальд, которого застрелил Джек Руби... Список этот можно продолжать и вспомнить ипатьевский дом и Якова Юровского, а к нему добавить имя главного организатора терактов в сталинскую эпоху Наума Эйтингона.

Происхождение этого “истерического терроризма” имеет древние корни. В 1989 году мои рижские читатели прислали мне издававшийся в Риге “Вестник еврейской культуры”. В этом вестнике была рубрика “Для самых маленьких”, в которой излагалась широко известная библейская история о еврейской красавице Эсфири и о персидском царе Артаксерксе, о противостоянии еврея Мордехая и злого антисемита Амана, об истреблении евреями персидской знати и об учреждении праздника Пурим во имя этой победы.

Но воспитывать детей из века в век на таких кровавых мифах опасно. Такое воспитание зароняет в их душах семена истерической жестокости, мстительности и коварства. Как тут не вырасти в очередном поколении новым Богровым и Блюмкиным? Я часто размышлял об этом, перечитывая Ветхий завет. Я знал, что еврейские дети ежегодно празднуют Пурим и, как пишет рижский “Вестник”, *“каждый год четырнадцатого адара евреи в синагогах слушают “Книгу Эстер”. При упоминании имени Амана мы свистим и шикаем. Мы не хотим слышать это злое имя. Зато, когда произносятся имена Эстер и Мордехая, мы хлопаем в ладоши и восхваляем их смелость”*.

Однако “Рижский вестник” сообщил мне одну неизвестную доселе ритуальную подробность из празднования Пурима для детей: *“Мы едим хаменташен, пирожные в форме амановых ушей”*. Такая гастрономическая подробность поразила меня. Почему? Ну, это всё равно, как если бы после Куликовской победы в меню русской народной кухни появился паштет из печени Мамаю.

Памятуя об этом ветхозаветном ритуале, нечего удивляться такому количеству террористов из еврейской местечковой среды. А что за дети вырастут завтра, слушая причитания асмоловых, полянов, борщаговских, резников и Аллы Гербер? Чему уж тут удивляться, когда понимаешь, что этих “жрецов” в детстве перекормили “ушами Амана”. Кстати, недавно на нашем TV был перформанс – весёлая компания с удовольствием разрезала и съедала торт, сделанный в виде мёртвого Сталина. Это всё из той же оперы, которая называется “Уши Амана”. Да и торты в виде православных церквей, которыми торгует в финале гнусного фильма Г. Абуладзе “Покаяние” его главная героиня, приготовлены на той же Пуримовской кухне... Ведь нужно “съесть” купола, кресты, часовенки...

Поразительно, что книга Эсфири о том, как еврейское племя не просто было спасено, но уничтожило 72 тысячи антисемитов из высшего персидского сословия, стала культовой.

Две тысячи пятьсот лет из года в год евреи (и еврейские дети!) радостно отмечают этот праздник кровавого возмездия. Ну это всё равно, как если бы русский народ, как никто другой пострадавший от гитлеровского нашествия, праздновал не просто День Победы – 9 мая, а день Возмездия – 16 октября 1946 года, когда в Нюрнберге была повешена фашистская верхушка, или как если бы американцы плясали, били в бубны, танцевали и изображали в театральных постановках День атомной бомбардировки Хиросимы. Известный историк и публицист Эдуард Ходос, еврей по национальности, живущий в Харькове, в своей книге “Выбор-2006: между Спасителем и АнтиХристом” так проецирует историю Эсфири (Эстер) с ушами Амана на наше время: *“Напомню, что вторая война против Ирака была объявлена США в марте 2003 года akurat в еврейский праздник Пурим <...> Саддам Хуссейн по убеждению Хабадников – новый Аман, повешенный на дереве благодаря хитрости Эстер” <...> “Война против Ирака была войной <...> против ритуального религиозного врага <...> во время которой ритуальное действие было отыграно до последнего акта – вплоть до убийства сыновей Хуссейна, полностью соответствовавшего “сценарию Пурима”, когда были убиты сыновья Амана”...*

А всё ведь начинается с пожирания пирожных, испечённых в виде “амановых ушей”.

Жрецам всё время нужно заботиться о будущем своего культа, постоянно воспитывать новых поклонников, делать прививку вируса истеричности вступающему в жизнь новому поколению. В 2001 году в Москве вышло «Учебное пособие для 9-го класса средней общей образовательной школы» с названием «История Холокоста на территории СССР». Авторы – руководители фонда «Холокост» И. Альтман, А. Гербер, Д. Полторак. Вот их методические разработки:

«Обсудим в классе вопросы: «Вас отправляют в гетто – что бы Вы взяли с собой?», «Напишите письмо из гетто»; «Надо ли нам знать имена тех соотечественников, которые принимали самое активное участие в «акциях»? (примечание: «акции» – внезапный увоз из гетто группы обитателей в концлагерь на расстрел»); «Почему мы выделяем еврейское население в особую категорию жертв нацизма?»; «Расскажите, как Вам представляется жизнь евреев в Германии после нюрнбергских законов?»; «Как Вы думаете, возможно ли появление законов, подобных нюрнбергским, в нашей стране <...>?»

Дорогой читатель! Ну скажите, зачем русским детям писать сочинения на эти темы? Даже у взрослых людей, когда они входят в роль Симхи Перельмутера, «едет крыша». У Асмолова, Садовского, Поляна и многих других она, видимо, поехала давно, но мы, как православные христиане, должны их понять и пожалеть.

А вот методология уроков по Холокосту для российских школьников одиннадцатого класса по теме «Бабий Яр»... План нескольких уроков («Холокост», № 2, 2006) на тему о том, как обманывали киевских евреев, собирали их в колонны, как вели на окраину Киева, как убивали их украинцы из зондеркоманды.

Уроки проходят под декламацию стихотворения Евтушенко «Бабий Яр», под чтение отрывков из повести А. Кузнецова «Бабий Яр», под цитаты из статьи В. Гроссмана и И. Эренбурга «Бабий Яр», под просмотр кинофильмов «Список Шиндлера» Спилберга и «Дети бездны» П. Чухрая (младшего).

Правда, понимая, что психологическая нагрузка на школьников (несмотря на то, что они уже в 11-м классе) может оказаться невыносимой, разработчики программы на всякий случай советуют: «из-за сильной психологической нагрузки не проводить данный урок первым... Не проводить до или после посещения ребятами школьной столовой»... (Видимо, понимают, что их стошнить может.)

14.12.2008 г. по радиостанции «Свобода» была передача, посвящённая Соловкам. Вёл её некий В. Тольц, в своё время при советской власти сбежавший, как и автор повести «Бабий Яр» Анатолий Кузнецов, на Запад. Запомнились его слова о том, как он (или герой его рассказа) в наше время ищет на Соловках место массовых расстрелов. И Тольц красивым драматическим баритоном произносит: «Казалось нам, земля шевелится под ногами». Круто? Но у родоначальника литературы о Холокосте лауреата Нобелевской премии Эли Визеля в книге «Слова иностранца» (изд. ДюСей, 1982 г.) на той странице, где он пишет о Бабьем Яре, сказано ещё круче:

«Позже я услышал от свидетеля, что несколько месяцев спустя (после расстрела. – Ст. К.) земля не переставала трястись, и из неё вырывались гейзеры крови».

Да, поистине «эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте!»

Ночью с 26-го на 27 декабря 2008-го на радиостанции «Свобода» Владимир Кара-Мурза беседовал с Аллой Гербер. Та восхищалась наилучшей методологией изучения Холокоста в Германии: «Я была в Ваннзее. Бесконечные экскурсии, толпы народа, а какие экскурсии! Они показывают посетителям стулья и говорят: на этих стульях сидели нацисты. А это стол, за которым было принято решение: всех еврейских детей, вплоть до грудных, надо уничтожить!»

От стенограммы ваннзейской конференции остался один листочек машинописи – третий или четвёртый экземпляр, где ни слова нет ни о детях, ни об уничтожении евреев... Многие историки вообще сомневаются в подлинности этого документа.

А тут всё якобы подлинное, как в вашингтонском музее: соучастники преступления – стол, стулья, слышавшие разговоры об уничтожении еврейских грудных младенцев. Но такое психическое самовнушение не остаётся бесследным для самой гипнотизёрши – Гербер, да и для её собеседников по передаче. Ведь стоило только открыть ящик Пандоры! Все выступающие на “Свободе” заводят друг друга чуть ли не до сладострастного мучительного изнеможения:

А. Гербер:

“Мы живём окружённые ненавистью! В парикмахерской женщина с голубыми глазами (ну прямо Ева Браун. – Ст. К.) говорит: – Хохлы вооружают грузин. Ненавижу! – Как это страшно!” (но женщина это слышала на TV не от русского националиста или скинхеда, а от украинского парламентария Коновалюка, который выяснил, сколько танков и артиллерийских орудий продали по дешёвке израильские и украинские спецслужбы для вояк Саакашвили).

“У нас опять поиски врагов, – причитает Алла, – то чеченцы, то грузины, то украинцы”.

В разговор вклинивается правозащитник Подрабинек:

– Когда начинаются военные действия, то для ксенофобов – это праздник!”¹

Горячую тему подхватывает профессиональный антифашист Прошечкин:

– Выросло целое поколение, которое знает: ради любимой матери России надо убить человека!”

В разговор вступает ветеранша правозащитного движения Людмила Алексеева:

– Очень серьёзную роль росту ксенофобии придало провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии!

И не стыдно матёрой правозащитнице не знать, сколько своих сыновей положили два малых народа за 20 лет, чтобы добиться этой желанной независимости!

Алла Гербер:

– Это ужасно! Парикмахерша с голубыми глазами! У нас в Общественной палате есть приличные люди, Коля Сванидзе, Александр Брод, Генри Резник. Но что мы можем? Мигранты! Их убивают, а мы не знаем, где их трупы! А ненависть к чеченцам, взращённая в ельцинское время! А Буданов! А таджикская девочка! А мать троих детей Бахмина! А умирающий Алексанян! И в это время мы ищем врагов! Мы больны!..”

Вот тут я согласился с ней: вы больны. Больны беспамятством, потому что не хотите помнить, как под крики “Чемодан! Вокзал! Россия!” русских изгоняли в 90-е годы почти из всех бывших республик Советского Союза, отбирали квартиры, имущество, избивали, даже убивали, насиловали. Говорю это не понаслышке. Немало моих знакомых по существу стали беженцами и рады тому, что хоть жизни спасли. И родственники с такой судьбой у меня тоже есть.

А убитые русские учительницы и их дети в Чечне, в Ингушетии, в Туве? Что уж говорить о Душанбе или Кишинёве!.. А сколько головорезов было при нападении на Будённовск и Первомайск? Что – там с оружием в руках были только Басаев и Радуев? И, конечно, многие их подельники попали ради общего умиротворения страстей под амнистию. Значит, и Буданова надо было амнистировать, и Ульмана. Если уж амнистировать военных людей – то с обеих сторон взаимно.

Алла Ефремовна Гербер, как она сама призналась, больна. Но есть у меня старый товарищ в Перми, поэт Анатолий Гребнев, он опытный врач, работает в психиатрической больнице. Могу попросить его положить в неё всех вас: Асмолова, Симху Перельмутера-Садовского, Подрабиника, Прошечкина – в одну палату № 6. До полного излечения. До окончательного решения вопроса.

Впрочем, Аллу Ефремовну положим в отдельную палату вместе с Ниной Горлановой – во-первых, потому, что я питаю к ней слабость с той поры, ког-

¹ Тот самый Подрабинек, который осенью 2009 г. в припадке антисоветской истерии восхвалял в интернете “военные действия” прибалтийских “лесных братьев” и бандеровцев, а заодно проклинал ветеранов Великой Отечественной, сражавшихся с этой профашистской нечистью. Ненависть к СССР оказалась сильнее ненависти к украинско-латышским антисемитам.

да защитил полвека тому назад её женскую и национальную честь. А во-вторых, за то, что она, будучи председателем фонда “Холокост”, издает бюллетень с тем же названием, где порой печатаются необыкновенно уникальные материалы. Ну, например, информация о том, каким тотальным образом ущемлялись права человека среди еврейских заключённых во время Холокоста:

“В музее концлагеря Равенсбрюк (Германия) открылась выставка, посвящённая принудительной проституции в фашистских концлагерях. “Ни одной другой теме, связанной с историей концентрационных лагерей, не сопутствует такое умалчивание, с одной стороны, и такие предрассудки и искажения – с другой”, – говорит директор мемориала Инна Эшенбах. Десять публичных домов, открытых СС в 1942 году в концлагерях, были призваны содействовать повышению производительности труда заключённых-мужчин. Их посещения были частью многоступенчатой системы поощрений разных групп заключённых, из которых были исключены евреи. Идея исходила от руководителя СС Гимmlера, что подтверждает экспонируемая копия его письма в экономический отдел СС” (№2, 2007).

Какая несправедливость! Какой садизм! Ну как тут не согласиться с тем, что слово “геноцид” – слишком слабенькое. Даже к проституткам евреев не допускали! Поистине, это был настоящий Холокост...

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ИСПЫТАНИЕ

По словам россиян, главными событиями минувшего года стали аварии и катастрофы (“Вести”, 27.12.2009). В то же время социологи рапортуют о росте оптимизма (“Независимая газета”, 25.12.2009). Как одно согласуется с другим – очередная загадка русской души. Если конечно, организаторы опросов не лгут.

Мы тоже вспомним о трагедиях. В 2009-м их было через край. Выделю крушение “Невского экспресса” и убийство православного священника Даниила Сысоева. Читатели поймут, почему.

ВЫЗОВ

Отец Даниил был застрелен 19 ноября. В нынешней суете подробности быстро забываются. Да и сами события задвигают на периферию сознания. Поэтому напомним: “Нападение на 35-летнего отца Даниила произошло около 22.40 прямо в храме Святого Фомы на улице Москворечье, настоятелем которого он являлся. Вечерняя служба к этому времени уже закончилась, и в церкви оставалось лишь несколько человек. По словам очевидцев, в храм вошёл молодой мужчина, лицо которого было закрыто марлевой повязкой... Достав пистолет, неизвестный подошёл к одной из служительниц и громко спросил с кавказским акцентом: “Где Сысоев?” Священник находился в алтаре, где исповедовал одного из служителей храма, и, услышав шум, вышел из-за ширмы.

Преступник тут же открыл стрельбу – отец Даниил был ранен в шею, стоявший рядом регент церковного хора Владимир Стрельбицкий – в голову. Убийца спокойно подошёл к упавшим на пол мужчинам и, вновь громко спросив: “Где Сысоев?”, выстрелил настоятелю в голову. Затем он быстрым шагом пошёл к выходу и скрылся” (“Время новостей”, 23.11.2009).

После трагедии много говорили и писали о миссионерской деятельности убитого. В корреспонденции “ВН” отмечалось: “Отец Даниил неоднократно участвовал в религиозных диспутах с мусульманами, издавал брошюры, в которых резко выступал против многих мусульманских устоев” (там же).

Те, кто присутствовал на прениях, вспоминали, что они проходили в напряжённой обстановке. Игумен Кирилл (Сахаров) в статье “Памяти убиенного собрата” свидетельствовал: “Помню первый диспут с мусульманами в гостинице “Россия” незадолго до её демонтажа... В какой-то момент страсти достигли крайнего напряжения. Из зала стали доноситься угрожающие крики. О. Даниил оставался хладнокровным...” (Blagovest-info.ru).

Священник Василий Зубков, друг и наставник убитого, сказал, что о. Даниилу постоянно угрожали расправой, обещали отрезать голову (“МК”, 07.12.2009).

Проповедника пытались привлечь к суду. Осенью 2007 года сопредседатель совета муфтиев России Нафигулла Аширов заявил, что “намерен подать в суд на священника-миссионера Даниила Сысоева” (Православие.ru. 08.10.2007).

В начале 2008 года с заявлением в прокуратуру обратилась мусульманская журналистка Халида Хамидуллина. Она обвиняла о. Даниила в “ненависти к исламу и мусульманам” (NEWSru.com. 11.02.2008).

Надо отметить, что апостольская ревность погибшего смущала и даже озлобляла не только иноверцев. Сам слышал, как русаки-обыватели недовольно бурчали: “А зачем он проповедовал мусульманам?” Высказывались и грубее: “А чего он к ним полез?”

Сразу же отодвину как этот вопрос, так и другие, с ним связанные – вплоть до взаимоотношений конфессий в современной России. Чтобы не погрязнуть в безответственном трёпе, лучше оставить их на рассмотрение богословам и культурологам.

Скажу лишь, что проблема не так проста, как представляется стороннему обывателю. Возмущённые миссионерской деятельностью о. Даниила мусульманские священнослужители сами активно пропагандируют ислам в коренной России. Ещё в 2005 году ВВС приводила слова шейха Фариды Асадуллина из московского союза муфтиев: “...В ислам переходят и некоторые славяне. Русские, украинцы, белорусы, в основном молодые и умные, видят в исламе ответы на свои вопросы” (BBCRussian.com. 05.08.2005).

Ещё одну группу новообращённых составляют русские женщины, вступающие в брак с мусульманами. Как правило, они принимают религию мужа. А так как процент межнациональных браков в крупных городах высок, то и число обращённых в ислам значительно*.

На изменение межконфессионального баланса влияет и массовая миграция из Закавказья и Средней Азии. По оценке ВВС, в 2005 году в России проживало “от трёх до четырёх миллионов мусульман-мигрантов из бывших советских республик” (там же).

Скорее всего, эта цифра существенно занижена. По утверждению К. Ромодановского, главы Федеральной миграционной службы, в России “порядка 10 миллионов” мигрантов (“Завтра”, № 28.2008). Большинство из них из мусульманских регионов. В печати назывались и гораздо более значительные цифры, однако ограничусь данными признанного специалиста.

В какой-то момент Россия из православной страны, какой она была в течение тысячи лет, может превратиться в мусульманский халифат. Поможет ли снять проблему православный прозелитизм – вопрос спорный. Но проблема существует, и делать что-то необходимо.

Впрочем, сам о. Даниил поначалу вряд ли ставил перед собой глобальные задачи. По свидетельству знакомых, у его миссионерства – бытовые корни. Даниил Сысоев был татариним. “От случая к случаю, – пишет его биограф, – приходилось полемизировать с теми мусульманами, с которыми о. Даниил сталкивался случайно. В частности, встречаясь со своими единоплеменниками, о. Даниил стал получать с их стороны упреки в отступлении от веры отцов. Волей-неволей приходилось на эти упреки отвечать. В ходе таких бесед и вызрела мысль о более широкой проповеди православия” (www.hse.ru/org/persons/686418).

От убийства о. Даниила российские мусульмане энергично отмежевались. “Это гнусное преступление никак нельзя связывать с исламом или мусульманами, – заявил председатель совета муфтиев Равиль Гайнутдин. – Ведь наша религия запрещает убивать людей... Мы выступаем против любых проявлений терроризма и экстремизма” (“Время новостей”, 23.11.2009).

Замечательные, вовремя произнесённые слова. Однако сопоставление их с делами исламских фанатиков по всему свету не позволяет принять их в качестве универсальной формулы.

* Статистика на сей счёт не публикуется. Однако 12 лет назад “МК” сообщал, что русско-азербайджанские браки составляют около 15%, а русско-татарские около 10% из всех заключаемых в Москве (“МК”, 08.10.1998). В последнее время количество межнациональных браковросло (“Новости”, РБК, 14.01.2010).

Достаточно заглянуть в интернет, чтобы обнаружить десятки случаев нападения исламистов на христиан. Вот сводки последних месяцев:

В Пакистане разгромили магазин за продажу фильма “Иисус”.

На севере Египта произошёл христианский погром.

В Индонезии исламисты угрозами вынудили католиков прекратить возведение церкви.

В Индии призывают изменить Конституцию, чтобы запретить проповедь христианства.

В Бангладеше мужчина избил и пригрозил сжечь жену и дочь, когда те обратились в христианство.

Талибы угрожают христианам убийствами и рабством.

В Сараево напали на католическую церковь.

В Африке за 15 лет убили 521 священника.

Пакистанского христианина убили в тюрьме.

В Пакистане снова сожгли церковь.

В Египте строительство церкви объявили грехом.

В Турции православную церковь перестраивают в мечеть.

(REGIONS.ru. Христианство, гонимая религия).

Мусульмане могут напомнить, что одновременно в Ираке и Афганистане западные державы ведут войну против мирных жителей. Не раз приходили сообщения о разрушении в ходе боестолкновений мечетей.

Я поддерживаю борьбу моджахедов против агрессии глобализма. Те, кто читал мои книги и статьи, знают это. Однако считаю нужным подчеркнуть: захватнические войны ведут правительства западных стран и стоящие за ними силы Нового мирового порядка. Конечно, людям, которых убивают западные вояки, от этого не легче. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что общественное мнение Запада осуждает действия своих руководителей. Миллионы активистов борются за прекращение агрессии.

К сожалению, на Востоке инициатива гонений принадлежит представителям так называемой “улицы”. И страдают от их действий отнюдь не заокеанские “крестоносцы”, а безоружные местные христиане.

Сухой перечень угроз не способен передать весь ужас их положения. Поэтому о паре случаев расскажу более подробно.

По сообщению корреспондента “REGIONS.ru”, в Северо-Западной провинции Пакистана взорван магазин, где продавались христианские компакт-диски, в том числе фильм о Христе. Взрыв был такой силы, что разрушил 13 ближайших магазинов. Владелец видеосалона находится в критическом состоянии. Он рассказал, что письмо с угрозами ему передал ребёнок. Торговец был потрясён, когда увидел, с какой ненавистью смотрит на него мальчишка. “Очевидно, что на меня напали за то, что у меня был фильм “Иисус” на пушту и урду”, – заявил пострадавший.

Это недавнее преступление. Оно произошло 25 ноября – менее чем через неделю после нападения на о. Даниила. Теперь процитирую сообщение из моего архива: “Чрезвычайное происшествие случилось сегодня в египетском городе Александрия. Христиане-копты подверглись нападению прямо во время службы. Полиции удалось задержать нападавшего. Им оказался Махмуд Хасиль 1981 года рождения...”

Инцидент произошёл около 13.00 по местному времени. Вооружённый ножом молодой человек во время службы ворвался в церковь Святого Георгия и напал на прихожан. В результате нападения погиб по меньшей мере один человек, ранены как минимум 12. Сразу же после того, как стало известно о происшествии, тысячи христиан Александрии вышли на стихийные митинги протеста” (“Утро.ru”. 14.04.2006).

Нападения на православных происходят и в России. Осенью 2004 года в Москве десять азербайджанцев избili настоятеля храма Покрова Божьей матери о. Александра (Арсеньева). Пострадавший батюшка, которому сломали нос, вспоминал: “Было около десяти часов вечера... Я шёл от метро “Профсоюзная”. Тут слышу гул какой-то. Навстречу из темноты выскочили человек десять, смуглые, лица злые. На вопрос, кто вы такие, один выкрикнул: “Я азербайджанец!” И ни с того ни с сего ударил кулаком в лицо” (Otechestvo.org.ua. 09.2004).

Священник был в церковном облачении, так что преступники знали, на кого нападали.

Да и о. Даниилу приверженцы ислама не менее четырнадцати раз угрожали по телефону и электронной почте. “Уже не боюсь, — говорил священник. — Отбоюсь я уже лет пять назад. А сейчас просто привык жить под постоянной угрозой. Мне ведь и органы об этой же мусульманской угрозе сообщили, а не только сами мусульмане” (“Время новостей”, 23.11.2009).

Один из интернетовских авторов остро отреагировал именно на чувствительности, возникающее у православных на своей земле: “...У нас, в России, на русской земле, стало страшно защищать свою веру, свой народ” (http://www.mk.ru/social_publication/390320.html).

На этом вопросе мы и сосредоточим внимание. Почему в стране, где православными считает себя большинство населения, страшно защищать веру предков. Как допускают такое положение общества и власти?

С одной стороны, православие возвращает позиции в государственной жизни России, утраченные после 1917 года. Первые лица страны регулярно являются на рождественские и пасхальные службы, а патриарх неизменно присутствует на важнейших церемониях в Кремле. История религии (правда, не без ожесточённого сопротивления оппонентов) вводится в школьные программы, батюшки занимают место замполитов в армии. Чем не вождённая симфония властей — венец пламенных мечтаний теоретиков Православного царства?

С другой стороны, священников избивают, сжигают вместе с семьёй (как случилось не так давно в Тверской области), расстреливают в храме.

Почему не слышно об изблечении и примерном наказании злодеев? Почему противодействие волне преступлений на религиозной почве не стало общим делом всей страны? Ведь как справедливо писали в интернете: “Убийство православного священника в православном храме — это не просто преступление, а прямой вызов нам, православным” (там же).

Действительно, трагедию, случившуюся на исходе года, иначе как вызовом не назовёшь. Дерзко брошенным Православной России — снизу, от затерянного в глуши деревенского прихода, до самой макушки креста на куполе Храма Христа Спасителя — ощущающей себя единым телом.

Не только нам, но и ей — тысячелетней Отчизне, сияющей в земной и небесной славе, — послано это испытание. От того, как мы на него ответим, зависит то, кем мы сможем себя называть: православным народом или населением без корней и веры.

Общенациональным вызовом стал подрыв “Невского экспресса” 27 ноября — спустя неделю после убийства священника. Около сотни пострадавших, 28 погибших. В том числе два высокопоставленных чиновника — председатель правления “Росавтодора” Сергей Тарасов и глава Федерального агентства “Росрезерв” Борис Евстратиков.

Аналитики напомнили, что крушение произошло примерно в том же районе, где двумя годами ранее был подорван другой “Невский экспресс”. В причастности к тому теракту обвиняются два ингуша — Макшарип Хидриев и Саламбек Дзахкиев. По иронии судьбы, новый теракт совпал с началом процесса над ними в Новгородском суде. Впрочем, не исключено, что сообщники арестованных хотели запугать суд: мы готовы к продолжению “рельсовой войны”!

Несколько дней спустя ответственность за подрыв взял на себя лидер чеченских боевиков Доку Умаров (“Коммерсант”, 03.12.2009).

Трагедия стала испытанием идеи народного единства, которая усиленно насаждается Кремлём. Не зря был учреждён соответствующий праздник, призванный заменить День 7 ноября. Скорее всего, наши правители хотят с помощью пышных ритуалов сгладить негативные последствия чудовищного социального неравенства, установившегося в России после реставрации капитализма. Нас пытаются убедить: все мы — нищие и богачи — россияне. У нас общая судьба, общие проблемы и победы.

Получается, надо признать, не слишком. Особенно после провала российской сборной по футболу: в чьих-то дурных башках идея народного един-

ства накрепко срослась с успехом команды, которую на деньги Абрамовича тренирует голландский наёмник. Конечно, футбол – любимая игра миллионов. Но на одной игре общенациональную идею не построить.

Однако, помимо футбола и трескучей риторики верхов, есть и подлиннные скрепы: национальные интересы (прежде всего безопасность и развитие), история страны. Это земное отображение того единства, которое в горнем образе дано в Православии.

Есть, в конце концов, и биологическая общность. Десятилетиями её отрицали, глумливо вопрошали: а в какой это колбе вывели “истинно русского человека”. Не забывая с гнусной ухмылкой прибавить: поскреби русского – найдёшь татарина.

И вот в минувшем году учёные Национального исследовательского центра “Курчатовский институт” расшифровали геном русского человека. Он обнаружен не в мифической пробирке, а на колоссальных просторах России, демонстрируя устойчивую идентичность. “Мы не обнаружили в геноме русских заметных татарских привнесений, что опровергает теории о разрушительном влиянии монгольского ига, – подчёркивает руководитель геномного направления в институте академик Константин Скрябин. – Сибиряки генетически идентичны староведам, у них один русский геном” (“Независимая газета”, 30.12.2009).

Исследования генома проводят в различных странах с вполне конкретными целями: выявить предрасположенность к определённым болезням, лекарствам, продуктам. Оказывается, каждый этнос, тем более раса, по-разному реагирует на них.

Но если мы, как единый организм, реагируем на хвори, вроде пресловутого свиного гриппа, то неужели не в состоянии продемонстрировать то же единство перед лицом серьёзной беды? Вмешательства мощных и злобных сил в жизнь нашего народа.

Трагедии ноября и в этом стали для нас испытанием.

НЕУДОБНЫЕ ЖЕРТВЫ

Как же отозвалась Россия? Прежде всего лидеры, власть.

Премьер предпочёл не заметить убийства священника. Он вообще не любит комментировать трагедии, предпочитая извещать об успехах. Между прочим, такой подход порывает с русской традицией, основанной на единстве лидера с народом не только в триумфе, но и в беде.

Президенту отмолчаться не дали. Тему затронула правозащитница Элла Памфилова на “круглом столе” в Кремле. Медведев ответил пространно и отстранённо: “Всякое убийство – и правозащитника, и журналиста, и священника, и милиционера, и следователя, и военного – любого человека имеет абсолютно одинаковые социальные последствия для нашего общества – это тяжчайшее преступление. Мы не можем делить преступления на те, которые заслуживают повышенного общественного внимания, пусть речь даже идёт об известных личностях, и на те, которые не заслуживают внимания” (“Российская газета”, 24.11.2009).

Формально всё правильно. С юридической точки зрения любое убийство – тяжкое нарушение закона. И расследовать его необходимо с максимальной тщательностью, независимо от ранга жертвы. К сожалению, до сих пор сплошь и рядом можно видеть иное отношение: убийство шоумена или банкира привлекает повышенное внимание, а гибель простого бедолаги не то что громкого резонанса, но и человеческого сочувствия не вызывает. И расследуют её ни шатко ни валко.

Однако зачем лукавить: есть профессии ключевые, с системой о б р а з у ю щ и е. Правоохранители, к примеру. Преступление против полицейского во всех странах наказывается особенно жёстко. К тому же кругу относятся врачи. Их безопасность, в частности, на пути к больному – абсолютный общественный приоритет. Даже упёртые владельцы московских джипов, как правило, уступают дорогу “скорой помощи”. Священники – тоже врачеватели. От них зависит духовное здоровье – отдельного человека и всей нации. Без заповедей, без морали ни одно общество не проживёт.

На защите людей подобных профессий закон самосохранения социума. Не говорю уж о том, что в православной стране убийство батюшки, да ещё на ступенях алтаря, затрагивает такие глубинные чувства, которым и названия не найти. Автор скорбной заметки в интернете понял это. Президент – нет.

Помимо общих рассуждений, имеются и выразительные прецеденты. Когда в 2006 году москвич Александр Копцев напал на раввина Когана и прихожан синагоги, никто не рассуждал о том, что к этому преступлению следует относиться, как к любому другому. О нём несколько недель кричали СМИ не только России, но и всего мира. Оно было использовано для фантастических обобщений, обернувшихся чудовищными нападками на русский народ. Экстраординарный характер дела сполна отразился в наказании. Районный суд приговорил Копцева к 13 годам лишения свободы (срок, который не часто дают за убийство, несмотря на то, что он никого не убил). При этом ему было назначено и принудительное психиатрическое лечение. Хотя это нонсенс: либо невменяемый – либо преступник! Но и этого наказания показалось мало. Мосгорсуд пересмотрел вердикт и на три года увеличил срок заключения (ru.wikipedia.org).

Как видим, перед законом равны все, но кое-кто, как водится, оказывается равнее...

Вернёмся к нашему делу. Как реагировали те, для кого убийство священника – это гибель собрата, сослужителя в утверждении завета Христа?

Глава РПЦ выразил соболезнование. Но к пастырской теплоте в его словах примешивался холодок настороженности. Язык – очень выразительный у Святейшего – протокольно зафиксировал эту двойственность: “Глубоко скорблю о трагической гибели от рук убийцы священника Даниила Сысоева. Однако (разрядка моя. – А. К.) пока имена преступников неизвестны, прошу всех воздерживаться от каких-либо поспешных обвинений или резких суждений в адрес тех или иных лиц или групп” (“Время новостей”, 23.11.2009).

Тему развил архиепископ Илларион, молодой преемник Кирилла на ключевом посту главы Отдела внешних сношений РПЦ. Выступая в телепрограмме “Церковь и мир”, он заявил: “Наша задача заключается в том, чтобы примирять людей, не разжигать страсти... Мы не должны делать никаких выводов до того, как власти установят исполнителя и заказчика” (“Вести”, 29.11.2009).

И опять всё безукоризненно верно. Но как-то неполно, недостаточно – и по смыслу, и по эмоциям. Представьте – на ваших глазах убили человека. Вы невольно вскрикнете, отшатнётесь. Отреагируете эмоциями. А если убитый был вашим коллегой, если вы делали общее дело, за которое он и принял смерть, неужели вы сохраните спокойствие? Тут уж, простите, окружающие начнут коситься: разве вы не переживаете за погибшего?

Поспорю с владыкой и по поводу того, что “никаких выводов” православным делать сейчас не следует. Относительно лиц или групп – возможно. Но сама ситуация, когда на русской земле страшно стало исповедовать православную веру, нуждается, на мой взгляд, в оценке. Немедленной и недвусмысленной. Ибо она ненормальна, нетерпима. Все мы – под водительством наших пастырей – призваны стремиться её изменить. Иначе и на нас падёт кровь мучеников.

Если высшие власти, государственные и церковные, демонстрировали подчёркнутую сдержанность, то городские не сочли нужным соблюдать особые политесы. Проигнорировали волю покойного, завещавшего, чтобы его похоронили у храма апостолов Петра и Павла, где служит его отец, тоже священник. “Московские власти, – сообщили газеты, – не дают разрешения на захоронение отца Даниила на территории храма Петра и Павла” (“МК”, 21.11.2009).

“Почему?” – этот вопрос задавали многие. “Почему же чиновники не позволили похоронить миссионера в столичном храме Святого Фомы, где он был настоятелем? – недоумевал корреспондент “Коммерсанта”. – Возможно, дело в том, что храм временный, деревянный” (“Коммерсантъ”, 24.11.2009).

Думается, причина иная. Тем более что о. Даниил говорил о храме Петра и Павла, а он – каменный. Чиновники, скорее всего, опасались, что у могилы мученика станут собираться православные. Обмениваться мнениями, рассуждать, а там и – о ужас! – “делать выводы”. Вот его и отнесли подальше – на кладбище для начальства, куда прихожане не пойдут, а сунутся – не факт, что их пустят.

Люди, побывавшие на отпевании, отмечали взвинченную, до предела напряжённую атмосферу, привнесённую в трогательную церемонию представителями властей: “... Милицейские наряды прибывали к храму с той же скоростью, что и верующие. Вначале милиционеры принесли ограждения, которые расставили вокруг храма, будто собравшиеся хотят прорваться внутрь. Потом появился мужчина с удостоверением сотрудника ФСБ, которому не понравилось, что в отапливаемую церковную лавку заходят погреться люди, – по его просьбе лавка была закрыта” (“Коммерсантъ”, 24.11.2009).

Невольно напрашивается сравнение с похоронами знаменитого Япончика, случившимися месяцем ранее. Там – подчёркнутая предупредительность милиции, атмосфера благолепия, встречавшая воров в законе, здесь – плохо сдерживаемая неприязнь у гроба православного мученика, окружённого священниками и безутешными прихожанами.

Вот вам и “Православное царство”, где бандита хоронят, как праведника, а церковного проповедника, как возмутителя спокойствия...

Косвенно с убийством связано ещё одно событие. В первых числах декабря – через две недели после трагедии – патриарх Кирилл встретился с главой Центрального духовного управления мусульман России муфтием Талгатом Таджуддином и наградил его церковным орденом Святого благоверного князя Даниила (!) Московского. Сообщая о церемонии, обозреватель “НГ” предположил, что “возможно, этим награждением патриарх пытался показать, что РПЦ по-прежнему стремится сохранить мир с другими религиями” (“Независимая газета”, 07.12.2009).

Понятно: хитроисплетения большой политики! Понятно и то, как накалились межрелигиозные отношения. Но разве по вине православных? Проповедь – не война. В отличие от убийства. Отец Даниил погиб за “Божью правду” – сказал над его гробом патриарх. За “Божью правду” не извиняются! Даже из высших политических соображений. Тем более с поспешностью, которая больно ранит верующих.

Создаётся впечатление, что ревностный проповедник стал какой-то неудобной жертвой. Отмежеваться от него ни государство, ни церковь не могли. Но и отдаться естественному в данных условиях порыву человеческого сострадания к мученику и негодования на его убийц отчего-то не решились.

Схожей была и реакция руководства страны на подрыв “Невского экспресса”. Хотя, казалось бы, какие здесь могут быть “подводные течения”? Существование терроризма в России ни для кого не секрет. На Кавказе чуть ли не ежедневно гремят взрывы. Время от времени главы спецслужб докладывают об уничтожении “членов бандформирований”. Ну, “лопухнулись” на этот раз, позволили террористам просочиться в Центральную Россию. Что ж, тем более грозные заявления должны были прозвучать. Тем более активные удары следовало нанести по затаившемуся врагу.

Всё вышло иначе! Враг, как оказалось, не затаился. Некто, поджидавший, видимо, неподалёку, привёл в действие второе взрывное устройство, когда бригада следователей во главе с руководителем СКП А. Бастрыкиным осматривала железнодорожное полотно. В результате главный следователь страны угодил в больницу.

Самое удивительное: грозных заявлений не последовало! В Кремле и Думе правительства как воды в рот набрали. Позднее высказаться всё-таки пришлось. Но то были вполне протокольные, не мобилизующие нацию фразы. Сравните с громами и молниями, какие президент и премьер неделю спустя метали в адрес хозяев сгоревшего в Перми ночного клуба.

Не называли и виновников случившегося. Газеты не преминули съехидничать: “О том, что крушение “Невского экспресса” – это теракт, власть заявила практически сразу. При этом официально не было объявлено, кто этот теракт мог организовать. Все версии высказывались не

более как предположения и неофициально. Это что – долгожданная толерантность? Или власть действительно ничего не знает о своих врагах? (“МК”, 01.12.2009).

Станным было и то, что не объявили траур. Конечно, ситуация с безопасностью в России отвратительна. Но ведь не настолько, чтобы гибель 28 пассажиров, в том числе высокопоставленных, считать случаем рядовым, публичного выражения скорби не заслуживающим.

Между прочим, террористам удалось нащупать едва ли не единственное слабое звено в жизненном круге “питерских”. По улицам они перемещаются под охраной. Живут и работают в зданиях, куда и мышь не проскочит. В аэропортах приняты тщательные меры контроля. Остаётся железнодорожная нитка, связывающая Москву и Питер, куда счастливые покорители столицы возвращаются на выходные. Свыше шестисот километров путей, проложенных сквозь тверские топи и новгородские чащи. Здесь и нанесли удар.

Траур следовало объявить хотя бы из питерской солидарности. Пусть только в вотчине Матвиенко, а не по всей стране, если не хотелось привлекать излишнего внимания к печальному событию. В городе с непоказной скорбью отнеслись к гибели своих выдвиненцев. Корреспонденты запечатлели душераздирающие сцены: “заплаканную” губернаторшу, рыдающую богему (“МК”, 02.12.2009).

Почему же флаги не приспустили? Западные журналисты высказали предположение, что Матвиенко объявить городской траур “не разрешили” (svobodanews.ru).

Неужели и в этом случае жертвы воспринимались как “неудобные”?

Обратимся теперь к высказываниям прессы. В отношении о. Даниила она отбросила даже формальную сдержанность. Некоторые журналисты не постеснялись наброситься на погибшего с площадной бранью.

Все мыслимые пределы превзошёл некто Речкалов, корреспондент “МК”. Свой отклик на гибель о. Даниила он начал с обвинения миссионера в том, что тот занимался не проповедью, а “политикой”. И тут же выдвинул политические обвинения: “Отец Даниил сражался с исламом как ваххабит. Для полного сходства ему не хватало только вооружённых сторонников” (здесь и далее: “МК”, 23.11.2009).

Ненавистник о. Даниила надеялся, что читатели не заметят подмены. Имя мусульманской секты потому и стало печально известным, что ваххабиты ведут во ору ж ё н н у ю борьбу. Убивают, калечат, взрывают. Споры о вере, которые вёл проповедник, отличаются от этой агрессивной деятельности в корне. Кстати, они происходили по обою д н о м у с о г л а с и ю (о чём Речкалов умалчивает). Оппоненты о. Даниила по собственной воле являлись на диспуты и имели возможность не только предъявить свои аргументы, но и одержать победу, если аудитории они показались бы убедительнее.

Впрочем, бесполезно взывать к логике г-на Речкалова. Статья в “МК” – не цепь р а с с у ж д е н и й (пусть и ошибочных), а цепь п р о в о к а ц и й. Автор метит даже не в убитого, а в Православную церковь: “Получается, что Русская Православная церковь держала отца Даниила как штатного экстремиста, позволяя ему говорить то, чего более высокопоставленные церковники позволить себе не могли”.

Вместо доказательств журналист забрасывает мученика и его единомышленников грязью. Сдерживая омерзение, приведу несколько характеристик: “Экстремистская накипь”, “амбициозные недоучки”, “если человеку хочется... получить по зубам” – прочее в том же роде.

Пароксизм бешенства! Так и видишь ядовитую слюну, стекающую на страницу.

Любопытно: беснования Речкалова разрешаются славословиями иудаизму. Иудеи, – елейно сообщает журналист, – “тихонечко ходят в свои синагоги, снисходительно смотрят на наши религиозные распри и воют отнюдь не за Иегову, а за территории”.

Причудливы людские судьбы! Бывший грузчик пивного завода на Брянщине (о чём сам Речкалов поведал в “МК”), скорее всего, русак, с усердием мажет грязью религию отцов и превозносит иудейскую веру...

Неохота входить в объяснения с образованцем. Но поскольку он и сам невежественен, и читателям морочит голову, сделать уточнения необходимо.

Иудеи, конечно, воюют за территории, но свои захваты оправдывают ссылкой на Тору. Дескать, палестинские земли (и не только они – весь Эрец Исраэль от “моря до Ефрата”) обещаны их предкам самим Яхве.

К слову, во всём мире, в том числе и на Западе, к войнам Израиля относятся далеко не так благостно, как Речкалов. Когда на исходе минувшего года Ципи Ливни хотела посетить Лондон, суд британской столицы выдал ордер на её арест. За преступления против человечности: Ливни занимала министерский пост в правительстве Израиля в момент проведения операции “Литой свинец” (“Вести”, 15.12.2009). Теперь “железная леди” израильской политики не рискует высовывать нос из Тель-Авива.

Если таковы лидеры, то что говорить об отребьях общества. Оно просто обречено порождать религиозных экстремистов! В 2006 году Хавим Хавиви вместе с женой проник в переполненный христианский храм в Назарете и забросал молящихся петардами. Несколько человек пострадали (NEWSru.com. 03.03.2006).

И это не единственный инцидент. О дикой выходе израильского солдата Даниэля Корена сообщал известный журналист Исраэль Шамир: “Корен вошёл в церковь (православный храм в Яффе. – А. К.), где в это время готовились к совершению обряда крещения. Оттолкнул зрителя и бросил одну за другой три гранаты, пославшие мощную ударную волну. Затем он снял с плеча автомат и выпустил четыре обоймы... Только чудом не пострадали верующие, которых было немало возле церкви” (<http://www.israelshamir.net/ru/ruart19.htm>).

Беснования такого рода закономерны. Достаточно вспомнить теологические споры, вспыхивающие в кругах раввинов: можно ли считать гоев людьми и в каких случаях дозволено их убивать. Я не преувеличиваю – в конце года опус под названием “Учение царя”, посвящённый этой проблеме, опубликовал известный израильский раввин Ицхак Шапиро (“Время новостей”, 10.11.2009).

Как видим, представлять иудеев в качестве образца религиозной толерантности не стоит.

Но вернёмся к нашей прессе.

Писания г-на Речкалова вне конкуренции. Однако схожие идеи проскальзывали во многих статья. Корреспондент “НГ”, к примеру, пространно рассуждал: “Даниил Сысоев отстаивал истинность своей веры так неистово (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), как будто он жил в VII веке, во времена Святого Иоанна Дамаскина... Сысоев оскорблял самые сокровенные чувства мусульман... Он призывал всех жить по Евангелию, но сам словно забывал слова Писания о том, что сеющий ветер пожнёт бурю” (“Независимая газета”, 30.12.2009).

Читая такое, невольно спрашиваешь себя: да в какой же стране мы живём? Статьи об убитом исповеднике показывают: Православие в России – религия гонимая. Оно вызывает бешеную злобу СМИ. А ведь это тоже в л а с т ь – СМИ диктуют идеалы, законы, стиль жизни всему обществу.

Погибшие пассажиры “Невского экспресса” такой злобы, к счастью, не вызывают. По крайней мере, в России. Зато на Западе их гибель использовали для того, чтобы ещё раз обрушиться на русских.

По горячим следам английская “Индепендент” писала, что “случившееся чревато крайне негативными последствиями”. Вы, верно, подумали, что европейских газетчиков обеспокоила безопасность россиян. Как бы не так! Их тревожит другое: “Теракт укрепит в россиянах национальную гордость, национальную солидарность и национальную паранойю”* (Цит. по: InoPressa. Press digest. 01 декабря 2009).

“Англичанка гадит”, – говаривали русские дипломаты XIX века, характеризуя политику Британии по отношению к России. Прошли века – гадит по-прежнему. Наверное, “англичанка” по-другому не может.

* К слову о “паранойе”. В минувшем году в Англии принят антитеррористический закон, запрещающий, в частности, фотографирование административных зданий, в том числе музеев. За нарушение этого закона уже было задержано 36 тысяч (!) человек (“Новости”, Евроньюс, 24.01.2010).

Но вот зачем российское интернет-издание услужливо воспроизводит грязную стряпню, не считая необходимым хотя бы сопроводить её соответствующим комментарием, — ума не приложу! Похоже, даже трагедии минувшего года не смогли пробудить в русских “национальную солидарность”. Которой так боятся наши враги.

КАВКАЗСКИЙ СЛЕД “ПРИТОПАЛИ”

Что, помимо времени и странной реакции, объединяет трагедии ноября? Кавказский след.

В первом случае кавказский акцент убийцы; угрозы отрезать голову — фирменный знак чеченских боевиков. Во втором — показания жителей деревушки у железной дороги (о них мы ещё поговорим); заявление Доку Умарова, взявшего ответственность за теракт на себя. Не стоит списывать со счёта и первый подрыв: аналитики убеждены, что оба теракта совершены не только по одной схеме, но скорее всего одной группой. В причастности к взрыву “Невского экспресса” 2007 года обвиняют двух ингушей.

Разумеется, я не берусь предугадывать результаты расследований. Они могут обнаружить немало новых фактов. Но пока многое указывает на то, что оба преступления — дело рук кавказцев.

Неужели здесь и кроется секрет странной атмосферы, окружающей оба события? Всех недомолвок, двусмысленностей, попыток если не замять, то замолчать произошедшее. Следует ли предположить, что власти знают, в какой стороне искать, но боятся назвать национальность бандитов?

— Ну уж это слишком! — воскликнут нетерпеливые читатели. — Почему не сказать прямо? Что же, у нас гордые сыны Кавказа обладают каким-то особым статусом?

Не будем торопиться. В ситуациях, когда прямые доказательства отсутствуют, имеет смысл поискать аналогии, посмотреть, как происходило расследование схожих преступлений.

В моём обширном архиве сохранился номер газеты “Сегодня” от 11 сентября 1999 года. Интересующая меня статья имеет длинное название “Версия замедленного действия. Чтобы не вызвать волнений в Москве, “кавказский след” на улице Гурьянова слегка притоптали”. Информированные читатели догадались: речь о первом взрыве, потрясшем Москву осенью 1999 года. Но не только о нём: статья рассказывает и о второй трагедии — взрыве на Каширском шоссе. Журналисты объясняют, почему власти расследовали случай на улице Гурьянова по-тихому, стараясь не привлекать внимания общества.

“По некоторым данным, — сообщал корреспондент, — о том, что на улице Гурьянова произошёл теракт, стало известно через час после взрыва, когда эксперты-криминалисты УВД обнаружили на развалинах микрочастицы взрывного вещества. Возможно, власти и руководители силовых ведомств о п а с а л и с ь (здесь и далее разрядка моя. — А. К.), что, если уже утром они заявят о том, что произошёл террористический акт и даже намекнут на версию о “кавказском следе”, в Москве р е з к о обострятся “антикавказские” настроения, и ситуация может стать неуправляемой” (“Сегодня”, 11.09.1999).

Десять лет назад чрезмерная толерантность следователей обернулась гибелью 134 жителей дома на Каширском шоссе. Москвичей своевременно не предупредили о террористической угрозе.

Казалось бы, надо извлечь урок! Но и сегодня кавказский след активно “притаптывают”.

О кавказском акценте убийцы о. Даниила СМИ упоминали лишь в первые дни. Затем немаловажная деталь исчезла из эфира и со страниц прессы. Даже на православном сайте “Соборяне” говорилось о “нерусском акценте” нападавшего (Soborjane.ru/forum).

Далее последовал мощный вброс версий, призванных увести как можно дальше от кавказского следа. “Курок пистолета мог быть спущен экстремистом-неоязычником, — размышлял один из авторов. — Убийцей мог стать и радикал крайне левых политических убеждений” (“Независимая газета”, 30.12.2009).

Стали размывать саму версию убийства на религиозной почве. Некий Андрей Львович Мельников, обозреватель “НГ-религий”, пространно рассуждал: “До сих пор не доказано, что священник погиб из-за своей миссионерской деятельности. Есть в этом деле и версия хозяйственного спора” (“Независимая газета”, 24.12.2009). И тут же спешил из предположения (ничем не подтверждённого!) вывести “моралите”: “...В таком случае нет оснований среди тысяч жестоких убийств выделять именно гибель священника” (там же).

Ещё немного, и “усомнившиеся” заявили бы, что преступления вообще не было!

Так, к слову, произошло с избиением о. Василия (Зубкова) – друга Даниила Сысоева. 7 декабря в прессе появилось сообщение о нападении на него. “Избит духовный наставник священника Даниила Сысоева” – извещал заголовок в “МК” (07.12.2009). Однако на следующий день агентство Infox.ru сообщило, что, по утверждению сотрудников УВД, на о. Василия никто не нападал!

Происшествию было дано бытовое – при этом оскорбительное! – объяснение. “Ну, пьёт человек”, – приводило агентство слова милиционера. Вообще-то в странах с развитой правовой системой такие обвинения принято доказывать: протоколами задержаний, свидетельствами соседей. Надо ли говорить, что в данном случае ни о чём подобном не было помину. Проигнорировали и травмы о. Василия, зафиксированные медиками. Выходит, им тоже “помстилось”?

Бросить грязью в человека, обратившегося к правоохранителям за защитой, конечно, легче, чем искать преступников...

Как бы то ни было, священника “подсалили”, как говаривали судейские в XIX веке. Да так ловко, что запачкали и память о. Даниила. Мол, что-то не так с этими миссионерами. То про избиение нафантазируют, то об убийстве на религиозной почве наговорят.

Возможно, так бы и удалось напустить в дело туману, но тут ответственность за убийство взяли на себя исламисты. Сразу на нескольких сайтах появилось заявление, что его совершил их сторонник, “принесший присягу” Доку Умарову (“МК”, 28.12.2009).

Волей-неволей приходилось вернуться к кавказскому следу. И это после стольких ухищрений! Но не так просто “работники пера и топора”. Они и тут попытались вывернуться. Подзаголовок в “МК” гласил: “Священника мог “казнить” русский националист, ставший исламистом” (там же). Пусть исламист. Но обязательно русский. И желательно – националист.

Это уже “пунктик”, русофобия, обострившаяся до помешательства. Болельщик далеко не безобидная! Тем более что журналисты “МК” ссылаются на спецслужбы. Совместно они изготовили умопомрачительный сюжет: “...Около двух месяцев назад лидеры одной из националистических “автономных” организаций встречались на Кавказе с Доку Умаровым и приняли ислам. В ответ они получили финансирование и задание “вести борьбу против существующей в России власти” (там же).

Каждое слово в этом рассчитанном на дешёвую сенсационность пассаже буквально вопиёт о лжи! Если уж редакция “МК” столь информированна, пусть назовёт имена и даты. Лидеры русских националистов хорошо известны: кто из них побывал на Кавказе минувшей осенью? Как они встретились с Умаровым, которого стерегут все спецслужбы страны? Между прочим, если такая встреча действительно состоялась, это свидетельство их грандиозного провала! Его ищут сотни силовиков, а террорист номер один преспокойно принимает столичных гостей, санкционирует убийство священника, а заодно устраивает подрыв “Невского экспресса”. Коллективное обрезание “русских националистов” – подробность столь нелепая, что в комментариях не нуждается.

Однако смехотворная стряпня “МК” показалась его редакторам и кураторам достаточно убедительной, чтобы на её основании строить далеко идущие версии: “Если это так, то возникает множество предположений, связанных с “Невским экспрессом” и с рядом других акций устрашения” (там же).

Упоминание о “Невском экспрессе” в данной связи не случайно. В прессе развёрнута широкомасштабная кампания с целью приписать эту трагедию неким “русским исламистам”. При этом с иезуитской ловкостью акцент переносится с исламистов на русских.

После подрыва поезда телекорреспонденты и газетчики принялись взапуски вспоминать обстоятельства катастрофы 2007 года. Тем примечательнее: никто не назвал проходящих по этому делу Макшарипа Хидриева и Саламбака Дзахкиева. Кавказские фамилии были табуированы!

Зато с первого дня в эфире звучало имя Павла Косолапова – террориста, которого подозревают в организации подрыва двухлетней давности. Его претенциозно именовали “русским Басаевым”. Выходило, что именно русский – виновник обеих катастроф. При том, что вина Косолапова даже в первом подрыве не доказана!

В унисон с официальными СМИ высказались некие “русские экстремисты”. Группировка “Combat 18” (типично русское название!) взяла на себя подрыв “Невского экспресса” (“Комсомольская правда”, 28.11.2009). И хотя самый авторитетный лидер националистов Александр Белов заявил: “...Организации “Combat 18” не существует в принципе” (там же), версия пошла гулять по информационному пространству. Недаром она появилась первой – в обгон кавказской.

Только через два дня после катастрофы, 29 ноября, в вечерней телепрограмме “Воскресное время” прозвучало упоминание об исламистах.

Постепенно начали просачиваться сведения о чужаках, которых местные жители видели перед крушением. Характерно – впервые об этом сообщили не российские СМИ, а телеканал “Евроньюс”. В репортаже, вышедшем в эфир в понедельник, сельчане говорили о “южном мужчине” (“Новости”, Евроньюс, 30.11.2009).

Позднее человек, сдавший угол подозрительным визитёрам, свидетельствовал: “Всего их было четверо... Все кавказцы, но разговаривали на чистом русском без акцента” (“МК”, 02.12.2009). Выяснилось: жильё снимали и у другого жителя. Он вспоминал: “Общался я только с одним, звали его вроде бы Ахмет. С остальными не разговаривал, они все на своём языке общались” (там же).

Все эти подробности высветились со временем. Первые – самые драгоценные для поимки преступников – дни телевизионщики талдычили о Косолапове и давали приметы мужчины “славянской внешности”.

Всё как в 2007 году! Тогдашний руководитель ФСБ Н. Патрушев заявил, что “самой перспективной... считает версию теракта, подготовленного экстремистскими молодёжными группировками националистического толка из Москвы или Петербурга” (“МК”, 28.08.2007). Кавказский след даже не упоминался!

Были задержаны питерские анархисты Андрей Каленов и Денис Зеленин. Они просидели в СИЗО 30 дней. При этом у следователей была уже распечатка их телефонных разговоров, из которых следовало, что “русские экстремисты” в день взрыва были не в Новгородской области, а в Петербурге (“Коммерсантъ”, 15.09.2009).

Невиновных отпускали не спешили. А в это время истинные террористы разгуливали на свободе. Чем они, судя по всему, воспользовались, осуществив новый подрыв.

Если вспомнить о 28 погибших в “Невском экспрессе” (а заодно о 134 жителях, взорванных на Каширке), резонно задать вопрос: не слишком ли высокую цену платит Россия за “притаптывание” кавказского следа?

ВО ВСЁМ ВИНОВАТЫ РУССКИЕ

Понимаю, проблему не решить с наскока. Я не отношусь к той достаточно широкой прослойке “кухонных” националистов, которые полагают, будто всё можно решить в два счёта: выслать “чёрных” из коренной России, а затем “изолировать” их на Кавказе. Между прочим, десять лет назад именно такое решение предлагал “МК”: “Надо просто накрыть всю Чечню, как кастрюлю, железной крышкой и не открывать года три” (“МК”, 16.09.1999).

Тогда не вышло, а сейчас и вовсе не получится. За эти годы Чечня (употребляю это слово отчасти как метафору всего Северного Кавказа) не то чтобы плотнее инкорпорировалась в Россию, но обросла здесь бесчисленными связями. На уровне бизнеса. На уровне государства.

И конечно же, на бытовом. Кто сегодня возьмётся сказать, где проживает больше чеченцев – в самой республике или в московском регионе.

Это, с одной стороны.

С другой, Северный Кавказ сам по себе представляет клубок проблем. Не буду перечислять всем известные факты – от вылазок бандитов, ставших чуть ли не ежедневными, до самоуправства местных элит, принимающего порой угрожающий характер.

Очевидно: в Кремле не знают, что со всем этим делать. Президент высказал идею создания поста “уполномоченного” по Кавказу. Мера беспрецедентная. Не предлагают же ввести аналогичные должности для Дальнего Востока, Восточной Сибири, хотя у нас любой регион – проблемный. Но ещё более беспрецедентно промедление в реализации президентской инициативы. Кого-кого, а честолюбцев в Москве предостаточно. Казалось бы, очередь претендентов должна выстроиться! Однако более двух месяцев кресло наместника пустовало, пока на кавказское направление не бросили А. Хлопонина (сам он даже не пытался скрыть озабоченности опасным назначением).

У проблемы есть и “человеческое измерение”. Нынешний “национальный лидер” стремится сделать Кавказ витриной своих достижений. Путин сначала силой подавил чеченский сепаратизм, затем, благодаря щедрым бюджетным вливаниям и опоре на местные элиты, “замирил” регион. После того как другие достижения – экономический подъём и активизация внешней политики – не выдержали проверки временем, “замирение” Кавказа оказывается едва ли не единственным вкладом Путина в укрепление государства.

Признать неудачу и на этом направлении – психологически (и политически) крайне тяжело.

Но ведь делать что-то необходимо! Цена “замирения” оказалась непомерно высокой. И не только материально. У наблюдателей возникает впечатление, что не республики Северного Кавказа подчиняются Москве, а Москва – этим республикам. Ахмед Закаев, некогда сподвижник генерала Дудаева, с горькой иронией отметил: “Был этап и периоды, когда Чечня находилась под Россией, конкретно – под Москвой. Безусловно, сегодня по всем признакам Москва находится под Чечнёй”. Даже заклтому сепаратисту представляется, что это уж слишком. “... Я не вижу в этом ничего хорошего”, – заключает Закаев (“Коммерсантъ”, 29.10.2009).

Неудивительно, что часть федеральной элиты начинает склоняться к тому, чтобы отпустить “проблемный” регион “в свободное плавание”. Пока лоббирование этой инициативы отдали оппозиционеру С. Белковскому. Но те, кто следит за карьерой аналитика, знают: нередко он “вбрасывает” в общество идеи, исходящие из Кремля.

Нельзя признать нормальным и разгул кавказской преступности в коренной России. Всем памяты Будённовск, “Норд-Ост” и прочие масштабные вылазки бандитов. Но и локальные конфликты, вроде тех, что имели место в Кондопоге, Угличе, Сальске (полный перечень дан в моей работе, опубликованной в “Нашем современнике” № 8, 2009), угрожают стабильности общества. Примечательно: региональные власти не могут или не хотят ввести в рамки закона распоясавшихся гостей.

Вызывают возмущение бытовые выходы “горячих парней”. Вот два сообщения, наугад взятые мной из предновогодних выпусков “МК”. В одном говорится о том, как “уроженец Дагестана” пристал с “недвусмысленными намерениями” к девушке, сидевшей на Манежной площади. Получив отказ, ухажёр “пришёл в ярость и набросился на строптивую барышню с кулаками. Затем... выхватил из-за пояса пневматический пистолет и дважды выстрелил 20-летней москвичке прямо в лоб... Разъярённый видом крови... принялся избивать несчастную рукояткой пистолета по голове” (“МК”, 30.12.2009). В другой заметке рассказывается об убийстве следователя компанией подвыпивших кавказцев. Развлекаясь в кафе, они напали на одного из посетителей и нанесли ему несколько ударов ножом. Когда следователь, случайно оказавшийся свидетелем, вмешался, “один из них нанёс ему мощный удар ножом в грудь”. Блюститель закона скончался, а “негодяи как ни в чём не бывало” вернулись к столу (“МК”, 29.12.2009).

Обратите внимание на эту деталь: “как ни в чём не бывало”. Вызывающее равнодушие к пролитию чужой крови, к сожалению, стало “фирменным знаком” преступников с Кавказа. Я уже говорил об этом, вспоминая об убийстве в Питере олимпийского чемпиона Дмитрия Нелюбина. По словам свидетелей, кавказец, нанёсший ему несколько ударов ножом, “спокойно обтёр лезвие о снег и вместе с приятелями неторопливым шагом удалился” (“Время новостей”, 09.12.2008).

Вот ещё почему я убеждён в том, что о. Данила убил кавказец. Дело не только в акценте. Помните схожую деталь: “Убийца с п о к о й н о (разрядка моя. – А. К.) подошёл к упавшим на пол мужчинам и, вновь громко спросив: “Где Сысоев?”, выстрелил настоятелю в голову”. Нечеловеческая отчуждённость, крайне редко встречающаяся в отношениях между соотечественниками...

Дальше, что называется, ехать некуда. Пора остановиться и обсудить проблему. Без эмоциональных “всплесков”. Но и без бюрократического лукавства. Честно и объективно.

Чтобы придать моему призыву живую наглядность, позволю себе небольшое лирическое отступление. Мне посчастливилось знать выдающегося филолога академика Никиту Ильича Толстого, правнука великого писателя. Однажды мы встретились на приёме в Доме Дружбы. В редакции “НС” лежала его статья, но более злободневные материалы не давали поставить её в номер. Толстой поинтересовался судьбой рукописи. Я растерялся: “Не знаю, что и ответить...” И тут лицо Никиты Ильича озарила озорная улыбка: “Мой прадед говаривал: если не знаешь, что сказать, скажи правду!”

Нашей власти, на мой взгляд, пришло время с к а з а т ь п р а в д у . О проблемах Кавказа и экспансии его населения в Центральную Россию. В какой форме, с какими предложениями – пусть над этим ломают голову кремлёвские мудрецы. Сделать это необходимо, чтобы окончательно не утратить контроль над развитием событий.

Однако, вместо разумной реакции, мы видим странные маневры, вызывающие тревогу: в ситуациях, где просматривается кавказский след, обвинения предъявляют русским.

Арест Андрея Каленого и Дениса Зеленюка стал первым в череде сомнительных случаев. Пресса – с подачи спецслужб – просто вопила: “Невский экспресс” взорвали русские боевики?” (“МК”, 21.08.2007). Потом было дело А. Кейлина, о нём я писал в “Нашем современнике” (№ 8, 2009).

А это недавний случай: накануне Нового года в Подмосковье были убиты глава города Тучково В. Устименко и его жена. По свидетельству сотрудников городской администрации, недавно избранный Устименко намеревался “очистить город от принадлежащих кавказцам небольших магазинов, которые были открыты с нарушениями и работали, в том числе, без лицензий”. Как утверждали сподвижники мэра, “всё это вызвало резкое противодействие со стороны их хозяев” (“Коммерсантъ”, 15.12.2009).

Казалось бы, мотив более чем очевидный.

Однако милиция задержала некоего Николая Морозова – уголовного, недавно выпущенного из колонии. “Каким образом деятельность мэра Тучково могла вызвать недовольство задержанного, – в ведомстве не уточнили”, – отметили газеты (“Коммерсантъ”, 16.12.2009). Но привели неофициальную версию, согласно которой “Морозов оказывал покровительство владельцам незаконно установленных ларьков, а господин Устименко намеревался эти торговые точки ликвидировать” (там же).

Друзья убитого версии не верят: “Я очень сомневаюсь в том, что мелкий уголовник Морозов смог так хладнокровно убить двух человек, да ещё не тронуть вещи в доме, – сказал “Ъ” глава посёлка Волковское Владимир Пинте. – Понятно, что убийство Виталия совершил профессиональный убийца, а Морозов – это совсем другой уровень” (там же).

Будем надеяться, что милиции виднее. Хотя единомышленники убитого градоначальника обвиняют местных правоохранителей в связях с мафией (“Коммерсантъ”, 15.12.2009). Возможно, уголовного н а н я л и. Это не снимает ключевого вопроса: к т о?

Вместо того чтобы заняться поисками заказчиков, горожан пытаются уверить, будто Морозов действовал по своей инициативе. Верится с трудом! Как мог только что вышедший на свободу Морозов

“крышевать” ларьки, которые, как явствует из сообщений, давно держат в Тучково кавказцы? Создаётся впечатление, что их заботливо оградили от следствия, назначив “козлом отпущения” русака.

Не менее примечательный случай произошёл в Москве. В начале ноября объявили об аресте убийц Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой. Напомню – известного адвоката и начинающую журналистку застрелили в центре Москвы на Пречистенке после пресс-конференции Маркелова.

Маркелов защищал в основном интересы жителей Чечни. Причём делал это столь эмоционально, что сам рисковал угодить на скамью подсудимых. Показательно одно из последних его заявлений – отклик на досрочное освобождение полковника Буданова: “Для них (чеченских сепаратистов. – А. К.) нет лучшей демонстрации того, что Кунгаевы поступили неправильно (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), понадеявшись на правосудие, а не начали мстить с автоматом в руках” (“Коммерсантъ”, 20.01.2009). Этот гневный пассаж можно квалифицировать как подстрекательство к вооружённой борьбе.

Следствие сразу принялось искать убийц среди русских. Попытались притянуть к делу Буданова – не вышло. Но почему даже не обсуждали другой вариант: человек, посвящённый в тайны людей, не менее страстных, чем он сам, мог оказаться втянутым во внутричеченские разборки? На мой взгляд, эта версия имеет не меньше прав на существование, чем “русская”.

Как бы то ни было, нашли там, где искали. И с беспрецедентным размахом рапортовали об успехе. Директор ФСБ лично докладывал президенту. Информация потрясла воображение: убийцы – члены экстремистской организации (из контекста явствовало – русские националисты). “У группировки изъято большое количество огнестрельного оружия, а также раскрыто ещё одно убийство, совершённое в сентябре на почве национальной вражды” (здесь и далее: “Коммерсантъ”, 06.11.2009).

СМИ подыграли спецслужбам. Телезрителям показывали человека с чёрным мешком на голове и утверждали: он и его сообщница дают признательные показания.

Трудно оппонировать телевидению, а тем более грозному ведомству. Однако объяснения многим странностям этого дела найти не могу.

Судите сами. Убийцами объявили Николая Тихонова и его гражданскую жену Евгению Хасис. Фамилия сообщницы, прямо скажем, с образом русской националистки не вяжется. Любопытная деталь: её личный (!) адвокат, как выяснил “Коммерсантъ”, бывший сотрудник госбезопасности. “Не без его участия”, как пишет газета, Хасис призналась в содеянном...

Послужной список Тихонова также нехарактерен для русского патриота. Он работал в фирме “Маркетинг и консалтинг”. “На сайте этой компании, – сообщил “Коммерсантъ”, – выступают известные своими либеральными взглядами политик Борис Надеждин, политолог Маша Липман и декан факультета политологии Высшей школы экономики Марк Урнов”. Маша Липман в роли русской националистки – такое даже в страшном сне не привидится!

Впрочем, мало ли кто с какой фирмой сотрудничает. Показательнее то, что и сам Тихонов в качестве имиджмейкера обслуживал политиков совершенно определённого склада. К примеру, бывшего министра финансов Бориса Фёдорова.

Любопытны и трансформации сенсационного сюжета. После 6 ноября об “экстремистской группировке”, “большом количестве огнестрельного оружия”, а заодно об ещё одном убийстве “на почве национальной вражды” не упоминали.

– Но остались, по крайней мере, признания злодеев! – воскликнут сторонники официальной версии.

В том-то и дело, что нет! 29 декабря Тихонов от признательных показаний отказался. Он пояснил: “Мне угрожали, что мою гражданскую жену Евгению Хасис... отправят в “мужскую хату”. Любой на моём месте сделал бы так же” (“МК”, 30.12.2009).

Могут сказать, что это не более чем увёртка матёрого преступника. Но в том и беда: слишком часто выясняется, что признательные показания в российских СИЗО дают “под давлением”. В частности, в извест-

ном убийстве таджикской девочки признались сразу несколько групп скинхедов, не связанных между собой, а главное, как выяснилось, не причастных к делу (“Коммерсантъ”, 30.01.2008).

Да и на “матёрого преступника” Тихонов не похож. На снимке в “МК” – типичное маменькино чадо! Трудно представить, что оно “из личной неприязни” хладнокровно расстреляло двух человек. И где? В двух шагах от Кремля, в перекрестье камер слежения, на глазах прохожих.

Простите, не верю!

И не только я. Интернет переполнен возмущёнными откликами на арест Тихонова и Хасис. Приведу наиболее характерные: “Этот человек, мне кажется, не виновен”; “каким-то леваком пахнет” (<http://correspondent.net/Russia/1031736>). “Веры нет никакой, что это не спектакль” (<http://vlad-ab.livejournal.com/408892.html>). “Возможности Системы по розыску реальных исполнителей акций критически снизились. Возможности же фальсификаций критически возросли. Всё большую часть пойманных и наказанных будут составлять реально невиновные” (www.stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=12364).

Возможно, следствию легче было бы убедить публику в своей правоте, если бы оно предложило внятный ответ на первоочередные вопросы: найдено ли оружие, из которого убиты Маркелов и Бабурова? принадлежит ли оно подозреваемым? есть ли их отпечатки? и т. д. Имея в активе лишь признания обвиняемого, им впоследствии дезавуированные, трудно рассчитывать на доверие общества.

Между прочим, человеку, незнакомому с пистолетом, не так-то просто произвести точный выстрел. Это только в фильмах показывают: взял в руки ствол – бах, бах – и вокруг трупы. На самом деле, тут требуется профессионал со стальными руками и стальными нервами.

Думается, прав омбудсмен Чечни Нурди Нухажиев, считающий, что “убийства правозащитницы Наталии Эстемировой, адвоката Маркелова и журналистки Анны Политковской являются звеньями одной цепи” (<http://www.rian.ru/incidents/20090715/177517990.html>). Масштаб, не соизмеримый с “личной неприязнью”.

Но зачем обществу настойчиво внушают мысль о существовании “русских боевиков”?

Могут предположить, что срабатывает извечное стремление силовиков преувеличить масштаб опасности. А соответственно, и собственную значимость. Сейчас так действуют и на Западе. Порою анекдотически завышая “террористическую угрозу”. Это увеличивает политический вес, а заодно и финансирование.

Однако на примере того же Запада мы видим, как слово, с определённым расчётом сказанное, порождает дело, в планы инициаторов кампании не входившее. “Терроризм заказывали? – Получите!”

Хотелось бы, чтобы у нас те, кто вбрасывает крайне опасные формулы вроде “русских боевиков” и “русского Басаева”, задумались о последствиях.

Полезно взглянуть на дело с разных точек зрения, а не только с узковедомственной. Ну, скажем, с точки зрения народа.

Бунтовать против власти русских отучил товарищ Сталин. Такую остротку задал, что и по сю пору мы не решаемся не то что на протест, но даже на голосование по собственному выбору. Хотя, казалось бы, никто не выскочит из избирательной урны и не заорёт: “Ты за кого голос подаёшь, паршивец!”

Но вот нашему русаку начинают внушать: “Бунт возможен”. Да что бунт – самая что ни на есть настоящая борьба с властью. Он зажимается, отмахивается: “Что вы, в порошок сотрут!” А ему в ответ рассказывают о “русском Басаеве”.

Понятно, большинство слушать не станет: “Это не для меня”. Кто-то ответит: “Да ведь людей убивать – нехорошо!” Это стихийные гуманисты. Полагаю, среди русских их наберётся с избытком. Куда больше, чем юридически грамотных граждан, которые заговорят о противозаконности борьбы.

Но кое-кто из наиболее отчаявшихся (думаете, таких мало?), почешет голову: “А почему нет?” Это не досужие предположения. Во время дискуссии, затеянной радио “Свобода” по поводу подрыва “Невского экспресса”, в сту-

дию позвонил москвич, назвавшийся Вячеславом Сергеевичем, и заявил: “Я по поводу русских националистов (эта версия обсуждалась участниками дискуссии. — А. К.). В чём смысл. Во-первых, я хочу сказать, что у нас простые люди в “Невском экспрессе” не ездят. Поэтому тут логика правильная, что взорвали именно этот экспресс”. Ведущая прерывает: “А что, русские националисты борются с богатеями?” Слушатель: “Естественно. Я просто добавлю, что если удалось избежать крови в 90-е годы, то это не значит, что её удастся избежать вообще. Так как ситуация в стране будет всё время ухудшаться, и население будет только беднеть и вымирать, поэтому логика тут естественная” (www.svobodanews.ru/content/transcript/1892587.html?page=2).

Специально для бдительных органов замечу: я не солидаризуюсь с анонимом. Но поглядите, как восприимчивы оказываются люди к идее борьбы, о которой вы же им наговорили*.

Показательно и то, что участвовавший в дискуссии представитель официального “5-го канала”, вступив в спор со слушателем, начал доказывать, что в “Невском экспрессе” ездят не только бизнесмены, но и те, кто “в принципе заняты каким-либо делом”. Получалось, что богатеям так и надо, но за что же простых работников губить... Разумеется, тут сказалось напряжение живого диалога. Я не собираюсь цепляться к словам. И всё же...

Вам такой эффект нужен?

А теперь взгляните на проблему со стороны Запада. Там наши реалии известны не слишком. И если о “русских боевиках” кричит московская пресса, почему не поверить? В той же дискуссии на радио “Свобода” журналист “Комсомольской правды” Дмитрий Стешин (один из немногих, кто отстаивает национальные интересы) на вопрос ведущей о русских националистах с горькой иронией воскликнул: “Конечно, это националисты. Они взрывали и дома в Москве, и захватывали Будённовск и Беслан, и “Норд-Ост” — это всё были русские националисты” (там же). Ведущая иронии не поняла. Человек Запада она всё приняла за чистую монету, изумилась: “Но где логика?” (То есть зачем русским взрывать русских?)

Если российским СМИ — и “компетентным органам”, на которые они ссылаются — удастся убедить мир, что у нас и впрямь появились “русские Басаевы”, это подорвёт позиции РФ. И будьте уверены, с нашими лидерами начнут говорить соответствующим образом. Как с Ельциным в середине 90-х.

Вы этого хотите?

Наконец взгляните на дело с точки зрения профессионалов — силовиков. Но озабоченных не только увеличением финансирования, а масштабом встающих перед ними задач.

В нашей прессе слово “боевики” раньше употреблялось только в сочетании со словом “чеченские”. Сколько бы терактов ни совершали в Дагестане или Ингушетии, никогда не говорили о дагестанских или ингушских боевиках. И правильно, что не говорили! Потому что это не просто словосочетание, а вполне определённый термин.

Боевики — не отдельные “подрывные элементы”, это организованные формирования. Враг, ведущий активную вооружённую борьбу. На которую государство обязано ответить со всей решительностью — войной (как бы ни называли её хитроумные законники: контртеррористической операцией или каким-то подобным эвфемизмом). И мы такие войны видели — первую и вторую чеченскую. Налёты, обстрелы, зачистки городов.

Танки поработали и в Москве в октябре 1993-го. Но добившись своих целей — политических, а главное, экономических (необратимость приватизации), — режим резонно решил без особой нужды не тревожить русских. Всё-таки 120 миллионов!

Вы с нами справитесь?

Надеюсь, нынешний руководитель страны — человек рационального склада — раз и навсегда запретит своим чиновникам щеголять звонкой, но чрезвычайно опасной фразой о “русских боевиках”.

Нельзя бросаться такими словами! Это всё равно что швырять камни в доме из стекла. Да и зачем заниматься проблемами мнимыми. Дай Бог сил реальные разрешить!

* “Вячеслав Сергеевич” не одинок. Загляните в интернет — у него куча сторонников!

МОЗГИ НАПЕРЕКОСЯК

Сомневаться в наличии сил заставляет народная реакция на трагедии. Что мы всё о властях и прессе! Как народ отозвался на убийство православного священника и теракт на железной дороге?

Православный публицист Кирилл Фролов с укором высказался на сайте “Свободная пресса”: “Чудовищное убийство отца Даниила должно было разбудить всех. Но что мы видим? На оптевание пришло несколько сотен человек, на крестный ход – сотня. Но для такого чудовищного события это не очень большое количество людей. По моему мнению, вся православная Россия должна была подняться. Должно было случиться массовое пробуждение людей. Этого не произошло”.

Положим, К. Фролов преуменьшил число пришедших проститься с о. Даниилом. В прессе писали о пяти тысячах. Вряд ли издания, не отличающиеся любовью к Православию, зависили цифру.

Но и это немного! Для сравнения: на похороны Гайдара пришло восемь тысяч. А ведь его родственники, как они позже признались, боялись объявить о месте и времени прощания. Опасались разгневанных масс. И небезосновательно: руководитель, публично ответивший на сообщение о голодных смертях: “Дело естественное”*, – не может рассчитывать на народное сочувствие. Но массы, как у нас водится, отсиделись по домам. А буржуины проявили завидную классовую солидарность – как в 91-м, 93-м, как в 96-м годах. Похороны отца шоковой терапии стали очередной демонстрацией их мощи.

Впрочем, не будем мериться, чья похоронная процессия длиннее. Главное – и это, к сожалению, очевидно – пробуждения людей, которого можно было ожидать после гибели о. Даниила, не произошло.

Показательна реакция интернет-сообщества. Разумеется, это не весь народ. Но достаточно репрезентативная его часть.

По горячим следам отклики опубликовало агентство “Инфокс”. Их можно разделить на несколько разрядов. Первый – высказывания сомневающийся. Открыл дискуссию призыв не доверять тому, что сообщает ТВ. Поразила мотивировка, никак не связанная с убийством. Пользователь увидел телерепортаж об олимпийской стройке в Сочи и заметил, что роботы у рабочих чистые, “с иголочки”. И тут его осенило: постановочная картинка, лакировка действительности, так сказать.

Ну и скажи! И погордись своим открытием. Но при чём тут гибель священника? Можно ли на основании одной малюсенькой детали не доверять всему массиву информации, передаваемой ТВ?

Понятно, эта реакция на информационную монополию. Власти зачистили эфирное пространство и теперь с экранов звучит только официальная точка зрения. Люди инстинктивно отшатываются, не желают верить.

Но, согласитесь, мозги время от времени включать необходимо! В чём-то сомневаться, а правдоподобным сообщениям – доверять. Когда пользователь, услышав о кавказском акценте убийцы, ехидно вопрошает: сколько репетировали акцент? – это производит удручающее впечатление. Другой твердит прописи интернационализма – им он по привычке верит: “Убеждён, это преступление не имеет ни национальности, ни относится к религии” (www.infox.ru/accident/crime/2009/11/20/V_Moskvye_nyeizvvest.phtml#comment).

Другой разряд – знающие. О, этим всё наперёд известно! Убит за проповедь? Конечно, нет. За это не убивают. – Тогда за что же? – Наверняка – хозяйственный спор.

Положим, не на пустом месте такие мнения возникают. Но одно дело – общие рассуждения, а другое – конкретика. О. Даниилу грозили 14 раз! Прямо указывали: не проповедуй!

Нет, отбрасывают конкретику, как футбольный мяч: хозяйственный конфликт и точка.

К слову, знающие – явные недоброжелатели священников. Как их только ни называют: “трутни”, “дармоеды”. Кто-то апеллирует к собственным впечатлениям: “В Чехов поезжайте и посмотрите, как там попы живут, да у них коттеджи покрупче, чем у Абрамовича”.

* Свидетельство Ю. Лужкова и Г. Попова (“МК”, 22.01.2010).

Возможно, у кого-то покруче. Хотя превзойти в роскоши олигарха трудновато. Но какое отношение это имеет к проповеднику-бессребреннику? ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ! Казалось бы, что спорить, тем более кричать про “трутней”! Но тараторят как глухие. А может, и впрямь заела н р а в с т в е н н а я г л у х о т а ?

Третий разряд – блаженные. Те призывают молиться, надеясь, что Бог покарает виновных. Не сомневаюсь в неотвратимости Высшего суда. И всё же напомним – народ в подобных случаях говорил: “Бог-то Бог, но и сам не будь плох”. И ещё: “На Бога надейся, да сам не плошай”.

Нельзя всё перекидывать на Бога. Он дал нам дивный дар – с в о б о д у в о л и. Чтобы из нас получились не марионетки, пусть даже безупречно правильные, а л ю д и, раскрывающие в своих поступках собственную суть, личные представления о добре и зле. Модное нынче “смирение” – это та “теплохладность”, которая, как худший грех, обличается в Новом Завете. Нет уж, если ты с Богом – то ратуй, борись на Его стороне!

Интересно: первые гневные отклики появились не сразу. В основном после угроз поджечь храм Святого Фомы, где служил о. Даниил, и убийства другого священника – о. Александра (Филиппова), случившегося в декабре на бытовой почве. Такая замедленная, “отложенная” реакция – ещё один показатель дезориентированности общества. Ему трудно сосредоточиться и внятно отреагировать даже на такое эмоционально окрашенное событие, как гибель священника.

После убийства о. Александра на сайте “Synews.ru” высказался некто разгневанный: “То что... (эпитеты опускаю. – А. К.) исламисты нас просто убивают – не отмахнуться! Власть трусит и лебезит перед исламистами. А ТВ-зазеркалье нам тряндит в оба уха хрень про “мы вместе”. Беда-а-а-а... В России – беда!” (<http://synews.ru/russia/2360-ubijstvo-pravoslavnogo-svjashhennika-aleksandra.html>).

Но и этот “громкий” отклик, если вдуматься, свидетельствует не о решимости защищаться, а о растерянности. Главное здесь – финальный стон: “Беда-а-а-а”.

И опять в ответ агрессивное равнодушие: “А священники разве не люди, уж и убить их нельзя?... Пьяный водитель въехал в остановку, убив несколько человек, – это не трагедия?” (там же). Получается, что если один мерзавец совершил зло, то и другому можно?

А в защиту священников – надежда на Высший суд, подменяющая собственную активность: “Многие верующие вопиют к Богу за пролитие крови христиан” (там же).

Представлена на сайтах и другая сторона. Те, кто – страшно сказать – радуется убийству. Или использует ситуацию для нападков на русских: “Теперь наконец я установил ваш диагноз. Сторонники диктата “основной нации” в Германии именовались “нацистами” (http://www.infox.ru/accident/crime/2009/11/20/V_Moskvy_e_nyeizvyest.phtml#comment).

Звучали обвинения: “бритоголовые” (можно подумать, что не священника убили, а он на кого-то напал!). Вспомнили даже “крестоносцев”. Но все рекорды ненависти побил иноверческий отклик: “...Ваша так называемая россия (так в тексте. – А. К.) – это совокупность территорий, не принадлежащих вам и вам подобным. Ваша территория Украина и Московия. Объединяйтесь с хохлами и стройте христианское государство. Я с удовольствием посмотрю, как вы, братья-христиане, перегрызёте друг друга” (там же).

Омерзительно! Но какая пружина ненависти заключена в этих словах! Какая нацеленность на борьбу. Здесь не колеблются, не ищут скрытых мотивов и, уж конечно, не призывают смиренно дожидаться конца времён.

А теперь задумаемся: если с одной стороны – чудовищный фанатизм и агрессия, а с другой – “размазня мнений”, чем это закончится? Может быть, прав пользователь, написавший: “...Всполохи будущего пожарища начинаются. Значительную часть России ждёт судьба Косова. Точнее, ту часть РФ, которую не прикармат китайцы” (<http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=326776.msg4023648>)?

Та же растерянность, неверие просматриваются и в откликах на крушение “Невского экспресса”. Сомнения – вплоть до того, был ли теракт? Даже сто-

личная пресса отметилась. “МК” дал отклики знаменитостей. О. Басилашвили: “...Я не могу до конца верить в версию о подрыве. За последние годы СМИ говорили нам так много лжи, а если авария произошла по вине РЖД, им очень выгодно выдать происшествие за теракт” (“МК”, 30.11.2009). “НГ” напечатала статью “Убийственный экспресс” с подзаголовком “Явные нестыковки и странности в деле о катастрофе поезда № 166” (“Независимая газета”, 30.11.2009).

Склонная к конспирологии газета “Завтра” выдала целый букет версий: “Версия первая. Крушение “Невского экспресса” – демонстрация “питерскими силовиками” тех эксцессов, которые неизбежно будут происходить в России при их отстранении от власти “либералами”... Вторая версия. Крушение “Невского экспресса” – демонстрация “кремлёвскими либералами” полной неэффективности действий силовых структур и правительства... Версия третья. “Исламские террористы”, подорвав “Невский экспресс”, переносят свой “джихад” за пределы Северного Кавказа и объявляют федеральному Центру тотальную “рельсовую” и “трубопроводную” войну... Версия четвёртая и так далее – по нисходящей до бесконечности” (“Завтра”, № 49, 2009).

Самое ужасное – все версии выглядят достаточно убедительными! А в результате реальное событие, стоившее жизни 28 пассажирам, размывается, распадается на составляющие, становится фантомом. То ли – подрыв, то ли – авария. То ли – “исламысты”, то ли – “силовики”. А поскольку бесчисленные кавычки вносят ещё бóльшие сомнения в и так уже двоящуюся перспективу, в конечном счёте получается: то ли была трагедия, то ли – нет...

Интернет-отклики только увеличивают сумятицу. “Мне кажется, что никакого теракта не было”. “...Что касается фашистов-исламистов, так это инструмент очень удобный, как Тампакс... Потекло где-то – подложи и будет сухо. Осенние городские “трагедии” ...НЕ ВЕРЮ!!!” (<http://www.kp.ru/daily/24402/578080>). “Да не боевики это никакие зачем так далеко искать у себя искать надо, а не на кавказе посмотреть кто погиб так там далеко не простые люди погибли может быть это целенаправленное продуманное заказное убийство. Или это целенаправленная акция против неугодных организаций и что-то в этом роде которые уже кому-то сверху перебежали дорогу” (синтаксис автора. – А. К.).

Обратите внимание, пользователи не только подвергают сомнению официальную версию. Один из них ставит в кавычки слово “трагедии”. Это именно то, о чём мы говорили: так замутили перспективу, что люди сомневаются: была ли трагедия?

А ведь пролилась реальная кровь!

И опять спросим себя: если даже такие события не способны не то что мобилизовать общество, но хотя бы заставить его поверить в случившееся, то как а я с у д ь б а это общество ждёт? Пора бы очнуться! Или оно уже и глаза протереть не в состоянии?

– Так чего же вы хотите? Погрома? – завопят провокаторы, штатные и добровольные.

Не погрома. Но мобилизация общества перед лицом жестоких вызовов. Произошедшие трагедии (и если бы только они – печальный список можно длить) должны вывести русских из состояния анабиоза.

Что же до эмоциональных выплесков и прочих уличных завихрений, то позволю себе сослаться на мнение заведующей кафедрой политической психологии МГУ доктора философских наук Елены Шестопаля: “...Социальный взрыв есть признак некоего здоровья, люди протестуют, потому что не хотят так жить. Социальные протесты иногда бывают и на пользу стране. Но у нас ситуация такая, что сил для протеста нет, и нет культуры протеста, которая давно была порушена и не возникла на новой почве. Нас скорее ждёт вымирание от пассивности, чем от излишней активности” (“Независимая газета”, 18.09.2007).

С мрачным прогнозом учёного согласен опытнейший политик. В статье “Политические судороги. Взгляд изнутри на Россию до и во время кризиса” Владимир Жириновский пророчит: “Мы будем оставаться государством-уродом, страной идиотов, землёй сумасшедших” (“Независимая газета”, 19.05.2009).

Обидная характеристика? Согласен. Как всегда у Владимира Вольфовича, с перехлёстом – эмоциональным и смысловым. Но перечитайте отклики, приведённые выше. И впрямь: сумасшедшие...

– Неужели это те слова, которые писатель-патриот должен сказать соотечественникам? Чем же он отличается от русофоба?

Отвечу: русофоб клянёт Россию для того, чтобы ещё глубже втоптать её в грязь. Патриот говорит горькую правду, чтобы вытащить из грязи. “Ну-ка, матушка, встань с колен...”

Испытания минувшего года мы позорно провалили. Надо без фанфаронства и фальшивого елеса проанализировать случившееся. Чтобы не оплошать, когда вновь грянет вызов.

Исполнилось 75 лет знаменитому журналисту Виктору Стефановичу КОЖЕМЯКО. “Правдист” с многолетним стажем, он представил на страницах легендарной газеты несколько поколений писателей — публиковал их материалы, рецензировал их произведения. Особенно ярко талант Виктора Стефановича раскрылся в жанре интеллектуальной беседы. Лучшие авторы стремятся именно его видеть в качестве собеседника. Книжки его бесед с В. Распутиным и А. Зиновьевым стали бестселлерами. Коллектив “Нашего современника” гордится сотрудничеством с одним из лучших журналистов современной России и желает Виктору Стефановичу долгих лет жизни, здоровья, творческих свершений!

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

БУНТ И СМИРЕНИЕ

К вопросу переименований

В прошлом году в Москве переименовали улицу Большая Коммунистическая в улицу Солженицына. Сделали это торопливо и незаконно. Почему незаконно? Потому что именем деятеля можно называть улицу только через десять лет после смерти деятеля. К тому же улица Большая Коммунистическая не является новой улицей. Однако Мосгордума, нарушив закон, приняла поспешное постановление, чтобы угодить указу Президента.

Жители улицы Большой Коммунистической были против переименования. Коммунистически настроенная общественность митинговала, обращалась в столичную прокуратуру. Вот цитата из обращения: “Переименование улицы Большая Коммунистическая в улицу антисоветского деятеля Солженицына А. И. унижает и оскорбляет чувства и достоинство коммунистов и патриотов нашей Родины. Указанные действия, в условиях раскола общества, таким образом, возбуждают социальную и национальную рознь, подпадают под понятие экстремистской деятельности (экстремизма), закреплённое в ч. 1 ст. 1 Федерального закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”...”

Абсолютно ясно, что имя Солженицына не проживет долго в памяти народной. Художественное творчество Солженицына не велико. Романы сероваты. А публицистика однобока: у Солженицына все, что связано с компартией, – подло, преступно и т. п. К тому же личность Солженицына всегда вызывала подозрение. Отца звали Исаакий, а он по отчеству Исаевич... А его завистливое и глумливое подпевание злопыхателям Шолохова: дескать, роман “Тихий Дон” написан не Михаилом Александровичем! А его антисоветизм, которым отлично пользовался Запад в лице ЦРУ и т. д. А им придуманная премия своего имени... Эх ведь как получается! Разжился за счет сытого антикоммунистического и антирусского Запада, придумал свой фонд и прихотливо стал раздавать премию своего имени. Всё это – бескультурие и не по-писательски как-то. Слово какой-то зажирелый купчишка! А вот интересно, если бы премия была не 50 000 долларов, а всего рубль, многие ли бы кинулись ее получать? Впрочем, что с писателей возьмешь. Ими движут тщеславие, бедность, себялюбие, желание иметь и сохранять популярность, неустойчивость принципов...

И еще одна деталь к характеристике Солженицына, которого, кстати, сиделец и талантливый художник Варлам Шаламов искренно не терпел, – так вот, могила Шаламова почти позаброшена, а Солженицын задолго до смерти “сговорился с сильными мира сего”, чтоб положили его в центре Москвы на мемориальном кладбище Донского монастыря... Нет, что-то всегда было фальшивое

и чуждое русскому человеку в Солженицыне, хотя и евреям он поднасоллил, написал “Двести лет вместе”...

Пишу это лишь с одной целью – показать торопливость нынешней власти, которой Солженицын очень подходил своим антикоммунизмом, антисталинизмом и этакой показушной православной народностью. Сейчас власть насильно вталкивает солженицынские произведения в школьную программу. Ничего, время, здравый смысл, сила искусства их оттуда вытеснят...

Добавим, что до революции улица Большая Коммунистическая носила название Большая Алексеевская. Имя это было получено по названию церкви Алексия Митрополита в Алексеевской слободе. По сей день на храме Мартина Исповедника висит табличка с дореволюционным названием улицы “Большая Алексеевская, 15”.

Видите, как получилось: большевики, словно бы в отместку, затмили имя церкви громким названием Большая Коммунистическая. Идея мстит идее! Но вот приходит новая демократия. Множество улиц демократы в Москве переименовали, многим вернули прежние названия. Но Большую Коммунистическую не тронули. Видать, либерально-демократическая власть не захотела возвращения на улицу “церковности” и оставила в покое Большую Коммунистическую. Казалось бы, правда должна восторжествовать именно тогда, когда исконное имя вернут этой улице, и станет она по-прежнему Большой Алексеевской. Но не все так гладко.

Антикоммунист Солженицын – тоже идея. И опять одной идее будто бы мстят другой, супротивной... Правда, коммунистическая идея, существовавшая века и существующая во всем мире поныне, много сильнее, ярче и неизбывнее, чем писательство солженицыных. Но поиздеваться над этой идеей нынешней демократии все же не терпится. Спросите: почему? А потому что народный лозунг нового времени “Ваш капитализм – дерьмо!” то и дело встретишь на стенах разных городов России! Думаю, и в родном городе Кирове (Вятке) такой лозунг не нов. Успехами нынешняя власть похвастаться не может, – быть может, оттого и злится, и скалится на социализм, при котором были построены и заводы, и электростанции, и железные дороги. В том числе и в Кирове (Вятке).

Вот и кризис – для простонародья, бедных и беднейших слоев России, стал кризисом. А чиновники и банкиры по-прежнему жируют: “кому война – кому мать родна...”

Но вернемся в мой родной город и теперь обсудим предстоящий референдум по переименованию.

Ах, Вятка, Вятка! Был такой писатель Салтыков-Щедрин, временно сосланный в Вятку. Он в своих книгах аллегорически отразил Вятскую губернию: народ здесь темен, забит, а начальство – казнокрады и самодуры. Вот и другой писатель, уже современный, Владимир Крупин, родом из Кильмези, патриот вятской земли, – но взять да почитать его, выйдет, что вятский человек то пьяница, то “чудик” (по крайней мере, в его самой известной повести “Живая вода” вятские люди – таковы).

Звание “вятский человек”, помимо “вятские-хватские”, имеет и некий хитровато-веселый и пьянцеватый смысл. Кировчанин – такого смысла не содержит... А потому для некоторых уж лучше “кировчанин”, чем “вятский”, – такая темнота, провинция, алкаши и полудурки...

О! Недавно в Киров наезжал Президент РФ Дмитрий Медведев. (После Александра I с визитом на Вятскую землю ни одно высшее лицо государства не приезжало.) Что Президент делал в городе, по ТВ почти не показали, зато вот уж порезвились журналисты, показывая, как по указанию местных чиновников под асфальт закатали дорожные колodцы и даже железнодорожный переезд, чтобы кортежу президента ехалось мягче по кировским улицам. Кто смотрел этот сюжет, невольно выкрикнул по-задорновски: “Вот придурки!”

Кстати, кто-нибудь за это ответил? Из чиновников, принимавших нелепое, позорящее не только вятских людей, но унижающее и самого Президента решение о закатке под асфальт железнодорожного полотна? Или это по приказу свыше, из московского Кремля, приказали закатать рельсы и шпалы? Ну, тогда еще веселей...

А какой болван и вредитель – это еще мягко сказано – срезал в Александровском саду (бывшем парке им. С. Халтурина) спинки у парковых диванов?! Парковые диваны были выполнены в одном ключе со знаменитой огра-

дой, сделанной в свое время по проекту самого архитектора А. Л. Витберга. Они были органической частью знаменитого городского парка. А тут такой вандализм! Объяснение: люди, дескать, сидят на спинках, а ноги ставят на сиденья. Так черт вас возьми! Не в грязь же людям садиться, если диваны не крашенные и грязные! Найдите ставку дворника, который каждый день будет мыть диваны парковые. Боже! Стыд! Не за людей вятских – за дуболомов чиновников! Ведь такие роскошные парковые диваны уже не восстановить. И это уже при нынешней власти, не при Салтыкове-Щедрине, не при коммуниках!

Еще об одном. В последнее время мне часто доводилось бывать в Перми. Нынешний Кировский губернатор – из прежнего тамошнего руководства... Жуткий это город Пермь. Нравственно – жуткий...

Несколько лет назад обычный таксист, который вез меня из пермского аэропорта в гостиницу, с лету рассказал мне, за какие деньги местные тогдашние руководители купили себе места в Москве: кто – портфель министра, кто – замминистра и прочее. Вот ведь осведомленность у простого человека! А может, не бывает дыма без огня?

В гостиницах Перми поражает количество визиток секс-салонов и проституток. Теперь, конечно, в любом российском городе есть такое – время-то демократическое. Но Пермь как-то особенно, люто торгует молодым телом.

А самое страшное и развратное – пермская набережная. Летом набережная кишит молодым людом. Шашлычные, бары, кафешки, дискотеки. Такое – не в диковинку во всех курортных городах. Но Пермь не очень курортный город, и на набережной в основном – местная молодежь. Именно эта местная молодежь, вероятно, не имея другого выбора, будто бы силой загнана в эти забегаловки, где хитроглазые братья с Кавказа торгуют сомнительными шашлыками и льют в душу – в душу! – не ошибся – пиво, пиво, пиво! Кругом стоит мат-перемат, просто дикий! Девки курят и матерятся и говорят чепуху. Парни блатуют. В течение двух часов пребывания видел несколько драк, но милиция, которая там фланирует, даже внимания на драки не обращает. Не буду описывать всех красот и нравов набережной Перми на берегу Камы.

До боли в сердце жаль молодых людей, которые вынуждены принимать этот пошлейший развратный стиль жизни с “гнилыми” шашлыками, с пивом, с матерщиной, с табаком, с синяками, с ворами чиновниками, с кривыми заборами Мотовилихи... – с каким-то вселенским обманом; с нынешней властью, которая беспомощна и лукава, и не знает, куда вести страну, где черпать идеалы.

Очень боюсь: как бы на набережную Вятки не перебралось подобное...

Понятно, что нынешняя Кировская власть – и губернатор Никита Белых, и чиновная заезжая компания из Вятки, или из Кирова, сбежит. Ну кто может всерьез поверить, что дочка ненавистного в народе Гайдара приживется в Кирове, или в Вятке?! Лишь бы не натворила чего-нибудь наподобие своего папеньки, который заслужил народное презрение.

Мария Гайдар, насколько мне известно, ведает социальными вопросами. Ей бы тогда для начала пожить где-нибудь в бараке в Вересниках. Там туалеты – на улице. И зимой, в лютые морозы, у дверей туалета стоит ломик. “Ломик для Марии” – поэтично звучит. Вот она бы пожила год-другой в бараке, походила в промерзлый уличный туалет с ломиком, тогда бы поняла парадоксальную вещь: почему вятские люди не очень-то хотят переименования Кирова в Вятку...

Конечно, наши либералы и демократы, чьи дедушки-прадедушки были соратниками Кирова, а вместе с ними и новообращенные патриоты (отказники-коммунисты) загопочут, если на референдуме люди выскажутся против переименования города: народ, мол, вятский по-прежнему темен и дурак...

Но в народе ли дело?

Может быть, власть темна и подловата, подсовывая то, что народу сейчас не нужно?! Люди потеряли работу, потеряли сбережения, потеряли веру в справедливость! Воры и коррупционеры во всех эшелонах чиновничества, – а народ беги аплодируй власти: экие они у нас умники: Киров на Вятку переименили! А жизнь после этого переменится?

Однако пора высказать и сугубо личную точку зрения. Меня и прежде угнетало то, что улицы родного города названы так нелепо. Почему увековечены в городе бомбист и террорист Леонид Красин, яростный чекист-убивец Моисей Урицкий, гонитель на православную церковь Вацлав Воровский, ев-

рейская социал-демократка Роза Люксембург, а также ее подруга по борьбе Клара Цеткин (Эйснер), или их соратник Карл Либкнехт? Про последнюю троицу давным-давно забыли на родине, в Германии и Польше, да никогда и не считали выдающимися деятелями. А у нас центральные улицы города носят их имена! Зачем? Почему?

Замечу попутно, я родился на улице Лермонтова, рядом была улица Островского, поблизости переулок Пушкина. Наши деревянные дома снесли, а названы ли именами поэта Лермонтова, драматурга Островского, гения Пушкина другие улицы и переулки?

Да, я, безусловно, за восстановление имени “Вятка”! Да, я за то, чтобы родной город, старинный и добрый по сути, развивался как один из русских северных центров, ориентированных на православные устои и традиции. Но если кировчане проголосуют на референдуме “за Кирова”, не удивлюсь. Смирюсь.

НИКОЛАЙ БОРМОТКИН

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАССКАЗЫ

* * *

Сначала мы блокируем Ленинград и разрушаем город артиллерией и авиацией... Весной мы проникнем в город... вывезем всё, что осталось живое, в глубь России или возьмём в плен, срываем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии.

Из тезисов немецкого доклада
“О блокаде Ленинграда”,
21 сентября 1941 г. Берлин

...Я никогда не помнил мать отдыхающей. Рано утром она уже всегда была на ногах. После смерти нашего отца она осталась с тремя детьми на руках – старшему брату было 9 лет, а младшему 3 года. Отец работал дворником, и мы занимали служебную квартиру. Пришлось матери уйти с почты, где она работала, и ради нас, чтобы мы были у неё на глазах, занять место умершего отца.

Прокормить троих детей на зарплату дворника было непросто. И чтобы как-то свести концы с концами, матери приходилось постоянно подрабатывать – брать в стирку бельё, пилить дрова (в доме было печное отопление) и выполнять другую дополнительную работу. В 1939 году мы со старшим братом закончили семилетку и поступили на работу. В семье стало полегче материально. Мать немного вздохнула. И тут – война.

Наша семья, как и большинство ленинградцев, и в мыслях не держала куда-нибудь уезжать из города. Ведь никто и не предполагал, что произойдёт такая трагедия, как блокада. В июле 41-го года, когда стало ясно, что Ленинград подвергается опасности захвата немцами, руководство города направило свыше 500 тыс. жителей на строительство оборонительных рубежей под Ленинградом. Вместе с заводскими товарищами по работе поехал и я, хотя мне не было ещё шестнадцати лет. В начале сентября, когда Ленинград был уже во вражеском кольце, мы оказались отрезанными в районе старого Пе-

БОРМОТКИН Николай Константинович — инвалид Великой Отечественной войны, прислал в редакцию свои воспоминания о днях пережитой им блокады Ленинграда. Эти безыскусные записи не поражают воображение, но они неотъемлемая часть той великой боли, что осталась в памяти России на века.

тергофа, где рыли противотанковые рвы. Возвращение в город по железной дороге стало невозможным. Нам удалось пешком добраться до Ораниенбаума и по Финскому заливу на пароходе вернуться в Ленинград.

Причалили поздно вечером к пристани на Васильевском острове. Ночной Ленинград был окружён заревом полыхающих пожаров. Немцы стояли уже у самого порога города.

Пройдя по Большому проспекту на Петроградской стороне, я дошёл до своего дома на улице Мира и, усталый, завалился спать. Проснулся поздно утром – мать разбудила меня словами: “Вставай, воздушная тревога!” – Так начались мои блокадные дни.

Более шестидесяти лет прошло с той поры, но до сих пор в памяти, как глубокие зарубки, остаются события ленинградской блокадной зимы 1941–42 годов, свидетелем и участником которых мне пришлось быть. До сих пор я испытываю чувства необъяснимой радости, беря в руки тёплую буханку ржаного хлеба и вдыхая его ни с чем не сравнимый аромат. Мне всегда было больно видеть (правда, это было до “перестройки”, когда хлеб стоил копейки), как наши дети и внуки, которые лишь по книгам и кинофильмам знают, что такое голод, выбрасывают куски хлеба на помойку. Святое отношение к хлебу, как символу жизни, останется у меня, как у большинства блокадников, до конца моих дней.

Я работал на одном из оборонных заводов Ленинграда. После того как немцы в сентябре 41-го года блокировали город и мы перестали ездить на строительство оборонных сооружений, нас, 15–16-летних подростков, включили в состав команды МПВО завода и перевели на казарменное положение.

...Это был один из обычных дней – воскресенье декабря 1941 года. В этот день нам, бойцам МПВО, разрешалось покинуть объект и навестить домой. В условиях блокады неделя – очень большой срок, и многие из нас, придя домой, не досчитывались кого-нибудь из родных и близких. А у меня дома оставались мать и двое братьев. Младшему было уже двенадцать, старший брат, как и я, работал на заводе.

Ноябрь и декабрь 41-го года были самыми тяжёлыми месяцами блокадной зимы. Нормы выдачи хлеба в это время были самые низкие за всю блокаду: рабочим полагалось 250 граммов, иждивенцам, детям и служащим 125 г в день. Нередко бывали дни, когда кроме пайки хлеба, мы ничего не получали. В эти дни нам в заводской столовой давали дрожжевой суп – разведённые в воде дрожжи, приготовленные из пищевой целлюлозы. За этот суп отрывали крупяные пятиграммовые талоны продовольственных карточек. Зная, что мои домашние лишены и такой добавки, я решил принести им домой бидон супа.

В столовой, как всегда, народу было полно: озябшие, голодные люди выпивали тёплую белую жидкость и хоть немного согревались. Я подал свою продовольственную карточку, и за несколько крупяных талонов мне налили полтора литра дрожжевого супа. Теперь передо мной стояла задача – пронести суп через проходную. Руководство категорически запрещало даже эти дрожжи из целлюлозы, разведённые в воде, выносить с территории завода, поскольку нужно было беречь от голодной смерти своих сотрудников, хотя питательность этого супа была иллюзорной. Однако я знал, что матери и братьям приходится ещё хуже, чем мне. Словом, я решил вынести этот суп с завода.

Морозы тогда стояли жестокие – до 40 градусов, и мы надевали на себя и пиджак, и телогрейку, а сверху ещё пальто. В таком наряде и нормальный человек не очень подвижен, а голодный дистрофик становился совсем скованным.

Привязав веревку к ручке бидона и прикрепив его к поясному ремню так, что бидон оказался у меня ниже пояса, между ног, я застегнул пальто, полы которого доходили чуть ли не до пят, и направился к проходной. Конечно, походка моя со стороны выглядела очень странной: я шёл широко расставляя ноги, боясь пролить суп. Предъявив пропуск вахтёру, я двинулся к выходу из проходной. Сердце радостно забило: “Прошёл”, – подумал я, уже подходя к двери, как вдруг услышал за собой возглас: “Стой!”. Не раздумывая, я бросился бежать, забыв о том, что бегать в блокаду мы разучились. Да если я и смог бы побегать, бидон стал бы непреодолимой помехой. Я сделал несколько нелепых движений, запутался в полах пальто и грохнулся на пол. Раздался лязг металла об пол, и, о, ужас! – я почувствовал, что содержимое бидо-

на вылилось, и я оказался лежащим в луже мутной жидкости. Вахтер сгрёб меня за шиворот и водворил обратно на территорию завода. Сделать ему это было нетрудно, поскольку мой вес тогда был очень далёк от нормального.

Я стоял у проходной растерянный и злой. Если были бы слёзы, я бы заплакал. Правда, блокада лишила нас и этой возможности, плакать мы разучились. Взглянул в бидон — в нём осталось немного супа. “Что делать?” — подумал я с горечью. Время уже потеряно, а домой идти надо. Решив всё же хоть эти жалкие остатки принести, я отправился к другой проходной, выходящей на противоположную улицу.

В мирное время путь от проходной до дома занимал не более десяти минут. Сейчас мне потребовалось на него полчаса. По пути попадались неубранные трупы: дворники или болели, или поумирали. Мы жили на первом этаже старого шестиэтажного дома. В блокаду это было немаловажным обстоятельством: не нужно было тратить силы на преодоление подъёма, когда каждая ступенька давалась с трудом.

В сентябре — октябре 41-го года ленинградцы ещё не испытывали такого мучительного голода, как в ноябре — декабре, ходили в бомбоубежища или спускались с верхних этажей на первые во время бомбёжек, поэтому в нашу квартиру при авианалетах приходили жильцы с верхних этажей. Сейчас же ни бомбёжки, ни артобстрелы не казались такими опасными: голод намного притупил чувство страха.

По дороге мне встретился лишь один человек — паренёк, живший в нашем подъезде. Мы перекинулись несколькими словами: “Жив? — Пока да”. На этом наш диалог закончился: даже для того, чтобы произносить слова, сил не хватало — от длительного голода язык становился как бы ватым и с трудом ворочался во рту. Дома, к моей радости, все были живы. Правда, братья выглядели ещё хуже, чем я — кожа да кости. Я поставил бидон на стол. Мать обратилась ко мне: “Что это?” — “Дрожжевой суп”, — объяснил я. Она открыла крышку бидона и заглянула в него — на доньшке белело не больше стакана мутной жидкости...

* * *

*Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой ещё, он всё слышит...
Как из недр его вопли: “Хлеба!” —
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.*
Анна Ахматова

С первыми холодами в городе замёрз водопровод, правда, как такового его уже не было, и пили кипяток из растопленного снега. Но снега много не натопишь, и за водой приходилось ходить на Неву. В один из выходных дней я пришёл домой. Мать себя плохо чувствовала. Воды тоже не было.

Я взял два ведра, привязал их к санкам и поехал к Неве. От дома до Невы шёл минут пятнадцать, но к реке пришёл совершенно обессиленный. Трудно было спуститься на лёд: берег был не очень высокий, и в нём даже были прорублены ступени, но они обледенели, и требовалась известная ловкость, чтобы на них удержаться. Я взял ведро и, оставив санки на берегу, спустился к проруби. Однако прорубь была довольно широкой, и зачерпнуть ведро воды было не так просто. Выходили из положения так: вставали на колени и таким образом набирали воду. Некоторые приносили ковшики и ими наполняли вёдра.

С большим трудом я втащил полное ведро наверх и привязал его к санкам. Втащить наверх второе полное ведро было уже намного труднее. Когда до подъёма на берег осталось две-три ступени, я вдруг поскользнулся и упал — ведро опрокинулось, вода пролилась. Спускаться к проруби в третий раз у меня уже не было сил. Я сел на ступеньку и чуть не заплакал. Так и привёз домой лишь одно ведро воды.

Мать посмотрела на меня и без слов всё поняла.

* * *

Предполагается город окружить тесным кольцом и путём обстрела и бомбёжки сравнять его с землей. Если будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

Директива германского
командования

...В конце декабря 41 года в некоторых булочных Ленинграда возникли перебои с пайковым хлебом. Водопровод в городе замёрз, и на ближайший хлебозавод в нашем районе воду приходилось возить с Невы.

На заводе “Электроприбор”, где я работал, как и везде, электроэнергия поступала на два–три часа в сутки. Для близлежащей хлебопекарни, находившейся в парке имени Ленина, возить воду с Невы в нашем цехе отобрали пятерых рабочих, которые ещё не совсем ослабли. В их число попал и я. Отработав день на своём заводе, пришли мы туда вечером. Нам показали большущую бочку высотой метра полтора и объяснили задание – возить на санях воду с Невы и наполнить огромный водяной котёл в пекарне. Но перед этим, поскольку работа предстояла нелегкая, а мы были отнюдь не сытые – каждый из нас получил по большой корке от разломанных бракованных буханок хлеба и по кружке кипятка. В декабре 41 года в муку, из которой пекли хлеб, непосредственно входило ржаной муки лишь около 60%, а 40 процентов составляли добавки – отруби, пищевая целлюлоза, овсяная мука, выбивки из мешков и пр. Поэтому клейковины в хлебе было мало, и буханки часто разламывались.

Подкрепившись, мы впряглись в сани и через ворота, где нас осмотрел охранник, отправились на “Золотой бережок” у Петропавловской крепости. Воду из проруби черпали ведрами и наливали в бочку. Первый блин чуть не вышел комом. Стараясь побольше привезти воды, мы налили бочку до краёв и хотели её везти. Но не тут-то было: её не удавалось даже сдвинуть с места. Лишь отчерпнув несколько вёдер, мы впятером с трудом довезли сани до хлебозавода.

Так мы трудились всю ночь. Уже под утро, когда каждый из нас еле передвигал ноги, и бочка с водой становилась всё тяжелей и тяжелей, я заметил, что мои более расторопные напарники перед тем, как вывезти бочку с хлебозавода, бросили в неё несколько корок бракованного хлеба. Охранник при выходе внимательно осматривал каждого из нас, а в бочку заглянуть не догадывался. Когда сани вывезли за ворота, по дороге корки хлеба вынули из бочки и бросили в снег, который был достаточно глубоким. Часам к семи утра огромный водяной котёл был наполнен, и нас отпустили домой.

Мои сообразительные товарищи по дороге в парке собирали брошенные в снег обломки хлебных корок. Я же сумел запихнуть две большие корки за голенища валенок и с замиранием сердца прошёл через проходную.

Придя утром домой, я как подкошенный свалился в постель и проспал непрерывно часов двенадцать. **За всё время блокады это был единственный день, вернее ночь, когда я съел хлеба больше блокадной нормы.** К сожалению, ощущение некоторой полноты желудка с пробуждением сразу исчезло, и опять возникло омерзительное сосущее чувство постоянного голода...

На следующий день я вновь был на заводе, где находился на казарменном положении в команде МПВО. Блокадные будни продолжались.

АННА ПЕТЕЮМ

“ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК АТОМНОГО ВЗРЫВА”¹,

или готические черты поэзии Юрия Кузнецова

Русское имя Юрий Кузнецов и слово “готика”, не будем лукавить, плохо сочетаются, ибо в изучении его творчества слишком весомы теоретические выкладки самого поэта. Известно, что он блестяще высказывался о сущности поэзии, в том числе и собственной. Это породило, на мой взгляд, очень серьезную методологическую трудность: Юрий Кузнецов – прежде всего поэт, и суждения его пронизаны поэтическим субъективизмом, следовательно, для науки не подходят. Да, он впитал славянскую мифологию, да, он мыслил мифопоэтически, но не рассматривать же его наследие в контексте общинно-родовых отношений! Поэзия Юрия Кузнецова важна для мировой культуры, следовательно, это и есть верный контекст изучения его стихов.

Первоначально определение “готический” возникло в культурном пространстве как ругательное, означавшее архаичный, странный, нескладный, варварский, безобразный². Именно такими эпитетами пытались наградить итальянцы новации северо-французских и немецких зодчих. Как известно, позднее готический стиль победно охватил не только европейскую архитектуру, но и все виды изобразительного искусства, а в XVIII – XIX веках объявился на законных правах и в литературе. Сначала готика противопоставляла себя официозу романского стиля, а потом – рационализму просветительства и, самое главное, неизменно выступала как мощное новаторство. Однако рассмотрим в природу знаменитой “новинки”.

В основе готического стиля полагается мистическое переживание сущего, что задаёт особые, несоразмерные с человеком пропорции. Они формируют идею бесконечности – когда мы созерцаем высоченные своды, сложнейшие галереи построек или наполненные таинственным смыслом аллегории и символы литературных произведений.

Готика соединяет современные концепты с мифами угрюмых предков, и поэтому в зодчестве появляются колонны и арки, подобные лесным сводам друидов, явно нехристианские скульптуры химер, в литературе – кельтские и скандинавские образы древности. В отечественной готической традиции использовались разнообразные “источники” архаического – и сплав североевропейского мифа с русским в балладах В. А. Жуковского (“Светлана”, “Лесной царь” и др.), и малоросский фольклор в повестях Н. В. Гоголя (“Вий”, “Страшная месть” и др.), и чисто русские ужасы у А. А. Бестужева-Марлинского (“Страшное гадание”).

¹ Кузнецов Ю. П. Прозрение во тьме. Краснодар, Кубаньшно, 2007, с. 34, 106.

² Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. СПб, Пальмира, 1992, 472 с.

Но, пожалуй, самый важный атрибут готики — это сосредоточенность на смертности человека и на смерти вообще — так, храмы похожи на небывалые, гигантские саркофаги, картины живописуют натурализм мученичества, искусство слова не обходится без образов мертвецов, теней, привидений.

Ключевым для понимания художественного мира Юрия Кузнецова является, на мой взгляд, стихотворение “Пульс”, в котором проступили многие черты, свойственные “чёрному стилю”: соответствующий пейзаж и потусторонние персонажи, натурализм страдания и образ смерти-пустоты:

*А вот и он... И я не без тревоги
Ступил ногой на одичалый берег.
И врач повёл, но шли мы без дороги.
Унылые места. Болота, снег.*

*Полярное сияние широко
Тут разрывает плотный зимний мрак.
Глазам открылся далеко-далёко
Угрюмый покосившийся барак.*

*Внутри обломки нар, и гниль подстилок,
И пустота... Мы вышли до костей.
Все черепа прострелены в затылок.
Из дыр торчит бесцветный мох скорбей.*

*Ужели этот мох едят олени?..
Засеребрились мёртвые холмы.
И горестные призрачные тени
Нас обступили: — Люди, это мы!*

*— За что вас так? — За что? А мы восстали.
Мы тоже люди, тоже соль земли.
Охрану взяли. Но такие дали
Преодолеть живыми не могли.*

*— Прощайте! — тень нам протянула руку.
Врач эту руку выше кисти взял.
— В ней бьётся пульс, передающий муку...
Они мертвы и живы, — так сказал...*

В этом произведении автор не связывает абсолютную смерть с убиенными, и если сопоставить “призрачные тени” с мифологическими представлениями славян, то, увы, несчастные попадают в разряд нежити — умерших неправильно и потому неуспокоенных. Юрию Кузнецову в общем-то ничего не стоило представить их мирными посланцами с того света, вознаграждёнными за муку вечным блаженством. Но поэт сознательно нарушает правило “золотого сечения”, продолжая нагнетать страх, отказываясь, таким образом, от классической традиции гармонии. Посещение северного острова Вайгач, страшная тайна, открывшаяся лирическому герою, напоминает ситуацию в одном из первых “чёрных” произведений в России — “Острове Борнгольм” Н. М. Карамзина, когда любопытный путешественник покидает суровую землю, отчаянно сострадав безнадёжному положению таинственных незнакомцев.

Важно понять, что не было бы никакой готики, если б в основу легла праздничная мифология античности — но из-за того, что архаика “севера” и славян эмоционально противоположны жизнелюбивой игривости греков и римлян, мы видим именно готическое своеобразие этого стиля.

Если же кому угодно погрузиться в этнические дебри, то из истории известно, что готы были не только близкими родственниками кельтов, но и венодов — балтийских предков славян. Более того, нашим прауродителям пришлось долгое время жить бок о бок с этими скандинавами. Восточноевропейские готы основали черняховскую культуру, названную в честь городка под Киевом, — многие историки признают, что она внесла весомый вклад в развитие культуры Киевской Руси¹.

¹ Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб, Филологический ф-т СПбГУ, 2005, 576 с.

Как видим, взятая за основу литературного произведения древняя русская мифология синтезирует (вкуче с мистикой и образами смерти) образцовое готическое мироощущение в противовес жизнеутверждающим гимнам античности. Недаром некоторые произведения Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и многих других великих литераторов XVIII–XIX веков оказались под художественным влиянием “кельтского родственника” славян – сурового и воинственного барда древности Оссиана.

Мрачноватые глубины мифологического сознания наших предков ничуть не уступают североевропейским, и это видно из самых ранних фольклорных свидетельств – волшебных сказок:

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё – пустёхонька, и вздумали тут остановиться...¹

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка бабы-яги; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человецьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная...²

Однако ирландский писатель Эдмунд Бёрк называл возвышенным всё то, что в какой-то степени является ужасным. Переживание мнимой угрозы жизни, он писал, становится источником восторга, эмоции намного более сильной, чем удовольствие от созерцания красоты³. С этим можно соглашаться или не соглашаться, но, конечно, трудно оспорить высочайшие художественные достижения и ценные открытия, совершённые на этом пути развития искусства.

Готическое мироощущение развивалось у Юрия Кузнецова постепенно, в течение всей творческой жизни. Сначала в пике советскому литературному официозу (а зачастую неглубокой болтовне на заданную тему) появляется мистика и символ – и сразу же изменяются пропорции слова и смысла: перед читателями как бы начинает развёртываться одна смысловая галерея за другой.

В стихотворении “Отсутствие” ещё нет никакой мифологической архаики, однако есть образ смерти-пустоты, облечённой в одежду лирического героя. Символическая природа художественного мира не позволяет вполне разгадать, о чём идёт речь – о предчувствии смерти любви, отношений с избранницей или о смерти самого героя, но траектория развития подобного образа найдена мастерски и, как увидим в последующих произведениях, пригодится автору не раз.

*Этот чай догорит.
На заре ты уйдёшь потихоньку.
Станешь ждать, что приду,
Соловьём засвищу у ворот.
Позвонишь.
Стул в моём пиджаке подойдёт к телефону,
Скажет: — Вышел. Весь вышел.
Не знаю, когда и придёт.*

На протяжении многих лет творчества мистические символы смерти-пустоты будут настойчиво возникать то “красными следами”, то пустыми башмаками или сапогами мертвецов, то “морщинистым следом от тел” и проч., вызывая ужас именно незаконным, перевёрнутым движением пустых предметов, внутри которых нечто невысказанное и неотвратимое – смерть:

*“— Конец в Берлине!” И враги
Повесили солдата.
Но соскользнули сапоги
На долгий путь возврата...*

¹ Русские волшебные сказки. Сост. Коненкин Е. Г. М., Лабиринт-Пресс, 2004, с. 10.

² Там же, с. 292.

³ Бёрк Эд. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., Искусство, 1979, 240 с.

*Через поля шаги, шаги,
Несётся пыль до неба.
Не бейте землю, сапоги,
Она не даст нам хлеба...*

*Открыли дверь, и от луны
Мороз пошёл по коже,
Когда седая пыль войны
Легла на вдовье ложе.*

*Они стояли, как судьба.
Она во тьме стонала.
Наутро смыла пыль с себя,
И пыль землёю стала.*

Шаги смерти в стихотворении “Сапоги” слышны по всей нашей злосчастной земле, это и страшные вести об убитых и сами битвы, превращающие хлебные поля в бескрайние могилы. Лирический герой тревожится о “Матери-земле”, пытаясь заклясть, успокоить леденящие душу шаги, ибо она есть по-славянски обожествляемое, животворящее начало и не связана со злом смерти.

С дальнейшим развитием мифического сознания автора в поэзии появляются метонимические символы-перевертыши страшной пустоты: отдельные руки, отдельные ноги, головы и проч. Генетически подобные образы можно вывести из самой архаичной мифологии — расчленённого тела, но культурный контекст переосваивает их как традиционно готические, например, в стихотворении “Этап” даже привычная Красная площадь вдруг представляется зловещей, кровавой¹:

*Нас всё меньше. Пустеет мир,
И следы замечает снегами.
— Ничего! — хохотнул конвоир. —
Бабы жданки набиты ногами.*

*Что ж ты, баба! Рожай от земли!
Над тобою знамёна полощут.
Кормчьи смотрят... И ноги мои
В рай идут через Красную площадь.*

Метонимические символы-перевертыши смерти встречаются также в произведениях: “Памяти космонавта”, “Часы”, “Запломбированный вагон дальнего следования”, “Урок французского”, “Семейная вечеря”, “Возвращение молодца из Персии. 1185 год” и других.

В 1980–90-е годы символ смерти-пустоты в творчестве Юрия Кузнецова начинает относиться к образу русской земли, к Отчизне. Стихотворное послание “Русскому” по ужасающему эмоциональному воздействию превосходит многие другие из-за картины тотального расчленения — ничтожные уроды, “те”, жадно раздирают бессильную землю, ругаясь над ней в соответствии со своим безобразием. Но самое страшное — неопределённая концовка, в которой нет победы добра, и божественная награда за страдания, мученический венец не гарантирована:

*Посмотри! Твою землю грызут
Даже те, у кого нет зубов.
И пинают и топчут её
Даже те, у кого нету ног,
И хватают родное твоё
Даже те, у кого нету рук.
А вдали, на краю твоих мук
То ли дьявол стоит, то ли Бог.*

¹ В архитектуре русской твердыни действительно присутствуют черты готического стиля.

Готический образ отдельной головы (или черепа), пожалуй, чаще всего встречается в поэзии Юрия Кузнецова и потому становится репрезентативным, “кузнецовским” – вспомним хотя бы одиозное “Я пил из черепа отца”. В стихотворении “Сон” отдельная голова символизирует полный трагического ужаса распад нашей державы, разрыв тела нации:

*Мать-Отчизна разорвана в сердце моём,
И, глотая, как слёзы, слова,
Я кричу: — Схороните меня за холмом,
Где осталась моя голова!*

Поэт нередко использует элементы готического пейзажа – ночь или сумерки, туман, болота, молнии, необычное поведение светил. В таком мире пугают “зелёные лица сов”, слышны “глухие ночные звуки”, inferнальный крик, рыдания, например, в стихотворениях “Фантазия”, “Ночь”, “Тайна Чёрного моря” и других.

*Грезит молнией дуб одинокий,
Тень влача, где ночное живёт,
Где пронзительно месяц сверкает,
То сова, то душа зарыдаёт,
Червь сквозь сердце моё проползёт.*

В этом отрывке из небольшого произведения “Зной” помимо характерного пейзажа появляется ещё один важный образ смерти-пустоты – сквозной. Она бывает от копыя, пуль, ножа и проч., то есть не сплошная, а скорее предсмертие, отмеченная или пронзённая смертью жизнь. Поэтому образ интерпретируется Юрием Кузнецовым, в общем, положительно – как причина поэзии. Но отличие романтического выражения “трещина прошла через сердце поэта” Г. Гейне от готического “червь сквозь сердце моё проползёт”, по-моему, акцентировано нашим современником вполне сознательно. То есть образ пустоты, как и любой другой значимый образ в поэзии Юрия Кузнецова, раздваивается, имеет своего семантического двойника-оборотня. Во множестве стихотворений автор не обходится без гулкой или поющей пустоты, принадлежащей поэтам и мудрецам. Ибо полость смерти внутри живого, по Кузнецову, звучит:

*Отмечает бывалое слово:
— Пустота, а слышать далеко!*

Абсолютная смерть – это злокачественная пустота, ужас “великого нуля”, образ которого он сумел развернуть до апокалипсического огня, к примеру, в стихотворении “Легенда о Фениксе”, где важен не сам факт античного названия образа, но готический мотив предчувствия последних времён, конца света вкупе с мистической картиной появления чудищ из адских “пустот”:

*Раздражённые гады морские
Возникают из тёмных пустот.
А утопшие души людские,
Выплывая, царапают лёд...*

*Наши старые раны зануют
На погоду последнего дня.
И моря-океаны покروют
Скорпионы и змеи огня.*

Юрий Кузнецов вновь пытается использовать античный миф в стихотворении “Фазтон”, но там, где Земля чуть не погибла по легкомыслию сына бога Солнца, у поэта, наоборот, ничуть не осталась – всё сущее взорвано. Таким образом, античная гармония – равновесие добра и зла, жизни и смерти, радости и скорби – разрушается, и мрачное оказывается заведомо сильнее. Тут, по-моему, даже древнеславянский дремучий лес, наполненный разнообразными чудищами и охвативший со всех сторон неунывающего человека, теряет способность испугать в сравнении с образом тотального, необратимого

распада. Смысловые пропорции стремятся к бесконечности: и пространству, и ужасу нет предела, кроме немыслимой зловещей пустоты, абсолютного ничто, которое держит смертной хваткой весь человеческий мир, независимо от того благоденствует он или разъят на атомы:

*Планета взорвана — от ужаса
Мы разлетаемся во мрак.
Но всё, что падает и рушится,
Великий ноль зажал в кулак.*

Непосредственно готические персонажи — мертвецы, тени, призраки, посторонние чудища довольно регулярно появляются и в других произведениях рассматриваемого автора — “Семейная вечеря”, “Возвращение молодца из Персии. 1185 год”, “Выпрямитель горбов”, “Столб”, “Ночь”, где можно прочитывать, к примеру, такие мистические строки:

*Спичку зажги — и из мрака
Все чудовища мира
Ринутся на тебя...*

*Неполная смерть поднимает из праха
Истлевшие кости... Солдатская бляха
Блестит на одном.
Пришельцы глядят на пустые стаканы.
Садятся за стол и сквозят, как туманы,
Меж ночью и днём.*

*Перед ним плывут виды-призраки,
Будто в воздухе нарисованы...
Видит невидаль: посреди стола
Голова лежит говорящая.*

Несмотря на то, что Юрий Кузнецов порой создаёт дополнительный уровень условности, заключая события в ментальные рамки (сон, дремота, фантазия и проч.), читатель всё равно воспринимает ужасы непосредственно, через образ лирического “Я”, то есть остаётся как бы беззащитным вдвойне — и перед ужасами действительной реальности, и перед трагическими и страшными образами мира художественного. Это и есть принципиальное расхождение между неоготикой и литературными произведениями в готическом стиле XVIII–XIX веков: современные авторы не подчёркивают ни исторического, ни этнического, ни психологического отстранения от ужасных таинственных событий в отличие от благоразумных предшественников.

Одной из важнейших особенностей поэтического мировоззрения Юрия Кузнецова выступает оборотничество. Оно проявляется на уровне образов, композиции и, конечно, смысла — что создаёт многослойную симметрию мистических контрастов (“этот мир” — “тот”, “тьень”, “мрак” — “свет”, “я” — “другой” и проч.), свойственную, как известно, готическому стилю. Причём античная метаморфоза, полное превращение, принципиально отличается от мерцания сущности в оборотничестве — представлении других мифологий, в том числе и древнерусской. В стихотворениях “Двойник”, “Антипод”, “Стена”, “Другой”, “Тупик”, “Брат”, “Перевертень” и прочих именно оборотничество пронизывает все уровни, являясь главной художественной основой категории ужасного (возвышенного, по Э. Бёрку):

*И мелькает по низкому свету
Вверх ногами бегущий пиджак.
По его пятпалому следу
Тут и там прорывается мрак.*

Ощущение лукавой двойственности бытия было свойственно поэту Юрию Кузнецову с самого начала, например, в раннем стихотворении “Морская вода” нежный образ девушки тревожно мерцает:

*Но мне кажется, странно кажется —
Полюблю я тебя, и окажется,
Что вблизи ты совсем другая, —
Как в ладонях морская вода.*

Слова “кажется” и “другая” как раз и свидетельствуют о природной, архетипической склонности автора к восприятию мира через представление о подвижной двойственности.

В 1980–90-е годы эта готическая химера гениального сознания начинает вполне проявляться и в произведениях с социальной тематикой. К примеру, в удивительной миниатюре “Тупик”:

*Обезумело слово “вперёд”,
Обернулось оно человеком,
Что повёл за собою народ,
Словно чёрт в помешательстве неком.*

Самое интересное, что и лирический герой не может отвлечься от собственной двойственности, и тогда его составные части обособленно контрастируют и противостоят, символизируя дуалистическое равноправие и непримиримость сторон бытия. В стихотворении “Двойник”, таким образом, появляется готический гротеск, в котором звучит высокая трагедия вселенского масштаба:

*Мы сошлись, как обрыв со стеной,
Как два лезвия бритвы одной,
Как рожденье со смертью самой,
Как великая слава с забвеньем.*

*Тучи с небом на запад летят,
На восток покачнулись деревья.
Наши тени за нами стоят,
Не сливаясь, и бездны таят,
А меж нами не движется время.*

Если внутри личности человека такой раскол, то нет и малейшей надежды на гармонию в отношениях между людьми, на мир земной и вселенский. Пожалуй, поэта столь трагического мироощущения в России и не было.

Великие потрясения, выпавшие на долю нашей Родины в XX веке, когда гибли миллионы людей и цена человеческой жизни доходила до нуля, когда была разграблена и сама русская Мать-земля, когда в воздухе долгие годы витал ужас всего человеческого мира, готового ежесекундно стать пылью в “воздушном замке атомного взрыва”, — всё это не могло не выразиться в творчестве великого поэта. Используя неантропометричный символ, мистические образы смерти-пустоты, древнее представление оборотничества и другие элементы готического стиля, Юрий Кузнецов, как никто другой, передал варварскую страшную суть эпохи.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПРАВДА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

П. А. Голуб. *“Правда и ложь о “рассказывании” казаков”*. Москва, 2009, 144 с.

*...И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
“Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами”.*

М. Волошин

Центральный консультативный совет при ЦК КПРФ издал заслуживающую внимания книгу историка П. А. Голуба *“Правда и ложь о “рассказывании” казаков”*. Тема эта сложная и крайне болезненная. 90 лет назад 24 января 1919 года была принята печально известная Директива Оргбюро ЦК РКП(б) по казачьему вопросу. Речь в этой Директиве шла о терроре по отношению к казакам. Историки белого движения обычно связывают выход этой директивы с восстанием казаков Верхнего Дона (так называемое *“Вешенское восстание”*) и, как результат — с новым импульсом гражданской войны на юге России, крайним ожесточением в этой войне, походом белых армий на Москву, страданием и гибелью сотен тысяч людей. Есть правда и в таком толковании событий. Ведь если вдуматься в смысл строчек этого документа (приведённых, кстати, в книге П. Голуба), то становится просто страшно: *“Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно”*. Автор рассматриваемой нами книги, выступая с большевистских позиций, пытается как-то оправдать подобные меры, ссылаясь на *“массовый кровавый террор”*, который осуществлялся на Дону во время правления режимов атаманов Каледина и Краснова. И тщательному рассмотрению автор в своей книге подвергает всю историю правления этих атаманов.

Ценность книги, по моему мнению, как раз и состоит в том, что в ней приведены точные цифры, взятые из указанных автором источников. Эти цифры, может быть, лучше любых рассуждений объясняют причины возникновения гражданского конфликта на Дону в 1917–1918 годах. Вот историк пишет: *“В канун революции население области Войска Донского насчитывало, по современным подсчётам, 4013 тыс. чел. Казачье сословие объединяло свыше 1,5 млн чел., то есть 42,3% всего населения области”*. Вместе с тем Донское войско было самым многочисленным среди всех остальных казачьих войск и в Первую мировую войну выставило на фронт до 100 тыс. бойцов. В то же время (как это

приводит автор) неказачье население области преобладало над казачьим и составляло 2250 тыс. чел. Среди неказачьего населения историк особо выделяет рабочий класс Донской области, "...куда входили рабочие и прочие жители городов, шахтёры и металлурги Восточного Донбасса (около 220 тыс.)". Такое разделение населения области на "привилегированных" её жителей – коренных казаков, составлявших меньшинство, и так называемых "иногородних", составлявших большинство, но бесправное, неизбежно вело в условиях острого социального противостояния, возникшего в России после Октябрьской революции, к конфликту, причём к конфликту вооружённому, ведь казаки были самым вооружённым и обученным военному делу сословием в старой России.

На этом и решил сыграть в своей политике такой достопримечательный деятель времён гражданской войны, как атаман "Всевеликого войска Донского" Пётр Николаевич Краснов. Фигура замечательная! И во многом коренная для понимания сути событий гражданской войны на Дону. Ему (вернее – обстоятельству его правления) посвящён самый большой раздел книги П. Голуба. Однако, чтобы быть объективным, я отвлекусь от содержания этой книги и расскажу немного о биографии вождя донских казаков. Он происходил из старинного казачьего рода. Прапрадед его Иван Кузьмич Краснов из простых казаков дослужился до генеральских чинов и погиб накануне Бородинского сражения под стенами Колоцкого монастыря. Имя его было впоследствии присвоено 15-му Донскому казачьему полку. Его внук, дед атамана Краснова Иван Иванович Краснов, будучи уже в генеральском чине, возглавлял оборону приморского Таганрога во время Крымской войны от напавшей на город английской эскадры. Тогда отличился его сын – Николай Иванович Краснов, командовавший батареей. Казаки его батареи подбили английскую канонерскую лодку, севшую на мель возле Таганрога, а потом они, под предводительством своего командира, в конном строю атаковали вражеское судно и сняли с него 4 орудия. Эх, знал бы Николай Иванович Краснов, что пройдёт время, и его сын – Пётр Николаевич Краснов будет приветствовать английские военные суда на рейде Таганрога...

Пётр Николаевич Краснов, родившийся 22 сентября (по новому стилю) 1869 года, прошёл до революции, как и его предки, в высшей мере достойный путь русского офицера. Он закончил Александровский кадетский корпус, затем 1-е Павловское военное училище, служил в лейб-гвардии Атаманском полку. В 1897 году он отправляется в опасную командировку в Абиссинию (как тогда называли Эфиопию) в качестве командира конвоя, охранявшего русскую дипломатическую миссию. За выполнение важного поручения был удостоен первой награды – ордена Святого Станислава 2-й степени. Тогда же он начал писать крупные литературные произведения, рассказы и повести, показав незаурядный талант. Далее была русско-японская война, где Краснов командует частями забайкальских казаков, сражается под Ляояном и Мукденом, награждается многими боевыми орденами. В 1910 году он уже полковник. На фронтах Первой мировой войны он командует полком, бригадой, наконец, дивизией донских казаков, на поле боя ведёт себя храбро, лихо – удача сопутствует ему даже тогда, когда русские войска отходят под натиском германцев.

Первая неудача случилась у него летом 1916 года, когда его войска не смогли прорвать оборону противника у города Ковель. Краснов безжалостно бросает своих казаков в пешем строю на прорыв австрийских траншей, но не может достичь успеха. Однако в целом успех всей операции (а это был славный "Брусиловский прорыв") как-то смягчил впечатление от этой неудачи.

Неудачам только стоит начаться! А потом всё будет катиться под гору. Осенью 1917 года Краснов командует 3-м Донским корпусом, расквартированным не где-нибудь – под самым Петроградом, возле Гатчины. Именно в расположение этого корпуса бежит из восставшего Петрограда глава Временного правительства А. Ф. Керенский. Именно этот корпус под командованием Краснова первым попытается задушить социалистическую революцию и первым же потерпит сокрушительное поражение. На Пулковских высотах боевому корпусу противостояли разрозненные, во многом ещё анархические отряды матросов и красногвардейцев, но... казаки дрогнули. Прославленный боевой генерал Краснов, люто ненавидящий большевиков, вынужден был смириться, вступить в переговоры с нами, а после уехать на Дон.

На Дону он одно время жил как частное лицо, скрываясь под немецкой фамилией своей жены. Отбушевала в донских краях каледина, когда по

приказу атамана Каледина массами расстреливались рабочие Донбасса и Таганрога (П. Голуб приводит такие цифры: “За короткое время палачи из отрядов Чернецова, Лазарева и прочих карателей на Ясиновском руднике убили 117 рабочих... около 90 рабочих было убито в Таганроге”). Каледин долго не продержался. Его основная надежда была на возвращавшихся с фронта казаков, а как раз эти-то казаки и не хотели воевать, они находились в большой степени под влиянием большевистской пропаганды.

10–11 января 1918 года в станице Каменской состоялся казачий съезд, на котором был избран казачий Военно-революционный комитет (ВРК) во главе с Подтёлковым и Кривошлыковым. Съезд объявил безжалостную войну с калединщиной. Отряды красных казаков двинулись на Новочеркасск. “29 января атаман Каледин собрал своё правительство и признал: “Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно” — эту цитату из “Очерков русской смуты” А. И. Деникина приводит в своей книге П. Голуб.

Да, советская власть на Дону в то время победила. Атаман Каледин застрелился, остатки белогвардейских и белоказачьих отрядов ушли в задонские степи. Как же случилось, что спустя всего лишь два месяца Донская советская республика, провозглашённая 23 марта 1918 года, рухнула, и власть снова взяла старорежимные генералы и атаманы, на первое место среди которых выдвинулся Пётр Николаевич Краснов? Наш автор, придерживающийся строго большевистских позиций, объясняет это однозначно — наступлением германских войск, начавшимся после подписания 3 марта 1918 года знаменитого Брестского мира. Брестский мир не устанавливал границ между Германией и Советской Россией на юге, со стороны Украины, где власть в это время взяла Центральная Рада. Пользуясь этим, германцы оккупировали всю территорию Украины и вышли непосредственно к донским рубежам. 8 мая германские войска вошли в Ростов-на-Дону. Были оккупированы Таганрог, Миллерово, Чертково. Немцы стояли уже около Новочеркасска, но столицу Дона заняли вернувшиеся из задонских степей белоказачьи отряды. Сам Краснов признавал, что “без немцев Дону не освободиться от большевиков” (Архив русской революции. М., 1991, т. 5, с. 206).

Но спросим автора, а почему казаки, ещё недавно так активно выступавшие за Советы, свергнувшие власть Каледина, вдруг стали массово восставать против Советов и переходить на сторону Краснова, который на казачьем Круге (так называемый “Круг спасения Дона”) 11 мая в Новочеркасске был избран войсковым атаманом? Автор книги, которую мы здесь рассматриваем, объясняет этот парадокс только одной причиной — помощью германских войск и прогерманской позицией самого Краснова. Слов нет, с этих пор и до конца своей деятельности Краснов был тесно связан с Германией, в чём его позиция расходилась с позицией командующего белогвардейской Добровольческой армией генерала Деникина, который оставался верен “союзникам”, то есть французам и англичанам. П. Голуб также указывает на особо контрреволюционные настроения, царившие среди казачьего населения нижнедонских станиц, населения, которое остальные, более бедные казаки, называли презрительным именем “черкассня”. Но черкассня-черкассней, а в армии Краснова вскоре уже было 60 тысяч человек, и они овладели всей территорией Донской области. Недавно ещё популярные вожди “красных казаков” Подтёлков и Кривошлыков окончили свой жизненный путь в петле. Обстоятельства их казни в окружении больших масс казаков ярко представлены на страницах романа М. А. Шолохова “Тихий Дон”.

Может быть, это объясняется явно враждебным отношением некоторых представителей советской власти к казакам вообще, как к военному привилегированному сословию бывшей Российской империи? Сословию, которое царскими властями активно использовалось для подавления революционного и, в первую очередь, рабочего движения. Не отсюда ли идёт пресловутая идея “расказачивания” казаков, идея, владевшая многими горячими большевистскими головами? Как пример одного из таких деятелей приведём личность известного большевика Сергея Ивановича Сырцова, который в 1917 году занимал нештучную должность председателя Донского областного ВРК по борьбе с белоказаками. Был он также заместителем председателя СНК Донской советской республики и членом Донского бюро ЦК РКП(б). Именно он внёс предложение на Оргбюро ЦК РКП(б) о терроре по отношению к “контр-

революционному казачеству”. Вот цитата: “Тов. Сырцов предлагает по отношению к южному контрреволюционному казачеству проводить террор; заселять казачьи хутора выходцами из Центральной России. (...) Предложение т. Сырцова и резолюция Дон-Бюро об отношении к казакам приняты”. И ещё одна интересная цитата из этого документа: “Политическая платформа восставших: “Не против Советской власти, а против комиссаров-коммунистов...” (цит. по книге “История России 1917–1940”. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993). Видимо, “достали” казачков эти “комиссары-коммунисты”!

Справедливости ради надо сказать, что политика “расказачивания” проводилась ведь и самим режимом атамана Краснова против неугодных ему казаков, поддерживавших советскую власть. Против таких “красных казаков”, которых, отметим, всё-таки было меньшинство (по данным книги П. Голуба – 18–20%), применялись жестокие меры. Тот же “Круг спасения Дона” постановил: “Всех казаков, участвующих в советских войсках и большевистских организациях, исключить из казачьего сословия по приговорам подлежащих станичных обществ” (Донская летопись, 1924, № 3, с. 57 – как указано у П. Голуба). Исключение из сословия влекло за собой лишение земли и даже высылку за пределы области. И таких приговоров было 1400 (только известных).

А чем же закончились карьеры этих знаменитых антагонистов – атамана Краснова и комиссара Сырцова? – Это примечательная и поучительная история: Краснов, как известно, потерял в начале 1919 года пост атамана, отправился за границу, жил в Германии, сотрудничал с фашистами и был казнён по приговору советского трибунала в 1947 году. Комиссар Сырцов сделал советскую карьеру, дослужился до поста 3-го Председателя Совета народных комиссаров РСФСР, но выступил против Сталина и был расстрелян в сентябре 1937 года.

Вообще после прочтения книги П. А. Голуба складывается ясное и определённое понимание страшного раскола, царившего как в среде казачества, так и вообще в России в ту эпоху. Брат восстал на брата, сын на отца, отец на сына. “Красный террор”, “белый террор” – были очевидным следствием этого раскола. Историки, видимо, ещё очень долго будут спорить, кто более виноват в развязывании гражданской войны в России – красные комиссары или белые генералы. Историк П. А. Голуб ясно и, я бы даже сказал – яростно обвиняет в этом белых генералов, оправдывая политику коммунистов. Однако он не проходит мимо злополучной Директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года и осуждает явно людоедские инвективы этой Директивы, указывая, что “...январская Директива составлена в жёстких и даже жестоких выражениях, но не более жестоких, чем приказы Краснова и указы Большого войскового круга”.

Директива эта явно наносила удар и по тем казакам, что потенциально могли бы сотрудничать с советской властью: “...провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти”.

Любой власти не следует играть такими словами, как “беспощадный массовый террор”, “поголовно истребить...” Что значит “поголовно истребить”? – Это значит уничтожить не только мужчин, но женщин, и детей, и стариков. Это означает политику выжженной земли, это ямы и рвы, наполненные трупами, это сгоревшие дома и хаты. Это запустение и одичание России. И эта политика проводилась и красными и белыми – и теми и другими в страшные годы гражданской бойни.

Вытоптана была наша Россия в годы лихолетья и засеяна семенами ненависти и вражды. Семена эти прорастают и до сих пор. Узнать всю правду о гражданской войне, не пренебрегая правдой как красных, так и белых, оценить эту правду и сделать единственно правильный вывод – вот задача каждого русского человека, не желающего повторения братоубийственной гражданской войны.

Станислав Зотов

Мы рады сообщить нашим читателям и авторам, что с этого номера журнал писателей России “Наш современник” открывает новую рубрику — “Литературное содружество”. Эта рубрика создаётся при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС), являющегося правопреемником Союза писателей СССР. До недавнего времени МСПС возглавлял классик нашей литературы Сергей Владимирович Михалков, а сейчас им руководит известный русский поэт Иван Иванович Переверзин, который курирует и опекает творцов прозы, поэзии, критики и других литературных жанров, работающих как на просторах нашей великой России, так и на землях ныне суверенных национальных республик, когда-то входивших в состав СССР.

С целью популяризации творчества этих писателей, по инициативе МСПС, журнал “Наш современник” начинает публикацию на своих страницах произведений членов Международного сообщества, отдавая предпочтение авторам из глубинных регионов Российской Федерации и республик СНГ. Материалы рубрики подготовлены Мариной Переясловой.

ВАЛЕРИЙ ЛАТЫНИН

РОДОВА

В моём роду — насельники степные,
Разбавленные жителями гор.
Они Руси служили и России
С её былинных древнерусских пор.

Не с Киева. — Со стана на Синае
На Дон и Днепр Трояновой тропой
Прапращуры стекаться начинали,
Чтоб стать могучей силою степной.

ЛАТЫНИН Валерий Анатольевич — член Союза писателей России, лауреат все-российских литературных премий имени генералиссимуса А. В. Суворова, А. С. Грибоедова, международной литературной премии С. В. Михалкова “Облака”, полковник запаса, один из организаторов и лидеров движения за возрождение казачества.

Они дошли до Балтики и Рима.
Потом вернулись в Русский каганат.
По всей Европе наши топонимы
О славе древних руссов говорят.

А то, что предков нарекли “латыня”,
То вовсе не обидно было им.
Подумаешь, связали с Римом имя, —
Этруски основали древний Рим!

РАЗДЕЛЕНИЕ

Я разделён меж Доном и Днестром
Безумной государственной границей.
Она крушит наш первозданный дом,
Где государству выпало родиться.

Нас разделяли ляхи и орда
И, ввевшиеся ржавчиною, галлы.
Но мы срастались заново всегда
И всех врагов спесивых побеждали.

Да будет так в безбрежии веков!
В нас кровь отцов течёт, а не чернила.
И нет той силы, чтобы казаков
В угоду королям разъединила!

* * *

Несправедлив и яростен бывал.
Случалось — злоба затмевала разум.
Но всё же я людей не убивал,
Ни по своей вине, ни по приказу.

Не брал на душу этот тяжкий грех.
Но честно говорю пред небесами:
“Хочу отбить желание у тех,
Кто любит ставить опыты над нами”.

РАЙ И АД

От рая к аду — сотни метров,
Всего лишь — горная гряда,
Но стадо туч приморским ветром
Не загоняется туда.

Здесь — Гефсиманский сад в цветенье.
Там — пересохшая земля,
Да возле сереньких растений
Ждёт жертвы серая змея.

Здесь жизнь идёт, а там бредут,
Хлебают лихо через край
И с дня творения воюют,
Чтоб перейти из ада в рай.

БОЛГАРСКОМУ КАЗАКУ

Валентину Драганову

Здравствуй, гребенец Драганов,
Мой далёкий кровный брат!
Развело нас ятаганом
Триста лет тому назад.

Но хранила вера предков —
И Мефодий, и Кирилл,
Да ещё, связавший крепко,
Дух казачества хранил.

Ты — в Болгарии рубака.
Я — в России атаман.
Поднимаемся в атаку
На продажность и обман.

Не в чести у нас Мамона.
Бог да меч в чести у нас!
Мы туда врагов загоним,
Где Макар телят не пас!

Мы с тобой — сыны свободы.
Наша родина — Кавказ.
Пусть бессильные народы
Опираются на нас!

ЯВЛЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМЕ

Кто являлся ко мне этой ночью,
Я не знаю и знать не могу.
Но я помню явленье воочью
И пред ликом Христа не солгу.

Кто-то древний, пустынный печальный
Мне посетовал, будто бы я
Не провижу истории дальней,
А собираю “вершки” бытия.

“Всё древнее. Намного древнее,
Чем поведано стаду слепцов.
Ты находишься не в Иудее,
А на землях своих праотцов.

Здесь все корни твои родовые.
Грех тяжёлый — не чувствовать связь.
На Синайском нагорье впервые
Изначальная Русь родилась”.

Я проснулся, дрожа от волнения.
Вещий голос в сознание звучал.
Он связал два великих значенья:
Корневых и духовных начал.

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

ЗАБРОШЕННЫЙ КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

...Верхняя часть сруба колодца сгнила и обвалилась. К уцелевшему столбику привязана верёвка — ржавой жестянкой со дна можно зачерпнуть пригоршню воды. От осклизлых, тёмных стенок тянет плесенью. Вокруг необозримое поле клевера, потерянное под бездною сини. Пряный угар лета, пение птиц — всё пропадает, когда пониже опускаешь голову в черноту колодца... Только заблудший путник останавливается здесь, чтобы смочить остатками влаги иссохшие губы...

* * *

...Он был занят своей обычной работой. Его руки механически проделывали те движения, которые привыкли повторять бесконечное число раз. Неожиданно его губы зашевелились, и он торопливо, словно боясь не успеть, зашептал, обращаясь неизвестно к кому: “Если Ты меня видишь, если Ты знаешь, что я существую — подай знак, пусть пропадёт моя тень среди теней, что толпятся вокруг...” Проговорил, будто выдохнул, и испугался: не смотрит ли кто на него? Нет, рядом никого не было...

Привычный запах металлической стружки и масла, однообразная работа изо дня в день, одни и те же лица. Здесь трудно уединиться. Выход

СОКОЛОВ Александр Иванович родом из села Александровка Воронежской области. Окончил Армавирское высшее лётное училище. Служил на Камчатке, в Белорусском военном округе, в Афганистане. Имеет боевые награды. Уволился из армии в звании подполковника, работал в гражданской авиации в Анголе, Конго, ЮАР и других странах мира. Автор книги прозы, также публиковался в белорусских литературных журналах. Живёт в Минске.

один — быстрее получить наряд у мастера. За работой никто не будет отрываться по пустякам... разве что Толик — этот не пройдёт мимо. А вот и он, словно всё время стоял рядом:

— Витёк, кончай грязное дело! — Молодой парень с перепачканным лицом оглядывал рабочий стол Ткачука, тиски с зажатым в них полотном рессоры. — Ты что, туда же?

— Куда? — поинтересовался Ткачук, не скрывая досады.

— Да тут все помешались. Ножи гонят из полотен, кто за деньги, кто за бутылку.

— Нет, я не туда, — отрезал Ткачук, выкручивая рукоятку тисков. Он положил полотно в свой ящик с инструментом, набросил на петельки висячий замок. Слесарка заканчивала работу. Возле стола мастера толпились народ. Кажется, этот молодой прилипла отставать не собирался.

— Витёк, ты идёшь?

— Куда? — снова спросил Ткачук.

— На пенёчки, под зелёный шум. У мастера день рождения.

— Нет, — коротко бросил Ткачук, и Толик, сложив недовольно губы, отвернулся. Виктор подумал, открыл ящик, снова вытащил полотно и бросил в свой портфель. Сейчас он пойдёт в умывальник, потом, не возвращаясь в цех, двинет к проходной... Он, Ткачук, устал от этих людей. Они вечно от него что-то хотят, пытаются втащить его в ту жизнь, которая их вполне устраивает. Виктор знал отупляющий дурман водки — это не для него. Именно сейчас у него стали открываться глаза...

Ткачук вышел из проходной, оглядел зелень деревьев, покрытую жёлтым налётом, зашпешил на остановку. Напротив, через дорогу — кирпичная стена тракторного завода. Его труба чадит ядовитыми клубами дыма. Если по складу тухлых яиц пропустить бульдозер — эффект будет тот же... Казалось, сернистые испарения проникали сквозь одежду, этот испорченный воздух — примета здешней местности. Но люди привыкли. Только не он, Ткачук. Ему никогда не привыкнуть. К горлу подкатывает комок, напоминая тот, другой воздух, который ни с чем не спутаешь. Приторный, липкий, тягучий... и мириады жирных, зелёных мух... Кажется, сегодня, слава Богу, ветер в другую сторону.

Виктор облежённно вздохнул, присел на лавочку. Мальчуган лет восьми, овладев рукой матери, во все глазёнки уставился на Ткачука. Его заинтересовал пятнистый комбинезон, кепка с козырьком, голубые полоски тельника.

Когда-то вот так же и он держался за руку матери... У неё были мягкие ладони, но Виктор совсем не помнит её улыбки. После похорон отца мать не снимала чёрного платья, стала молиться и часто ходить в церковь. Как-то ночью он неожиданно проснулся, позвал маму. Она стояла перед ним босая, в длинной ночной рубашке. Он ощутил её тёплую ладонь на своём лбу, ухватил за руку.

— Мам... я когда-нибудь умру, и меня совсем не будет? — громко спросил он и почувствовал, как ладонь её вздрогнула.

— Что ты, сынок, на всё воля Божья... Надо молиться Господу, Он дарует тебе долгую жизнь.

Виктор никогда не видел мать сердитой, выпешней из себя. Наверное, поэтому Бог забрал её к себе, а он остался один. Священник, что отпевал мать, отец Виталий, который стоял вместе с ним у могилки матери, сказал:

— Мы с тобой почти одинаково зовёмся... Живи у меня.

Несколько лет Ткачук прожил при церкви, но вскоре не стало и одинокого отца Виталия; словно он, Виктор, был окружён людьми, крайне необходимыми, угодными Богу... Виктор учился в школе-интернате, но и сейчас он помнит церковный полумрак, запах ладана, смешанный с гарью восковых свечей, тихий говор названного отца, размягчающий тело, наполняющий спокойствием, лёгкой пустотой и незнакомой радостью, прозрачной, как свет в ризнице:

“Над всем миром, над нами — всеблагий Господь, Его глаза наполняют небесную синь, Его любовь движет соки в траве, деревьях... По Его воле совершаются все благие дела, а все чёрные — по воле сатаны... Царь тьмы ча-

сто принимает Божье обличье, он приносит все беды на землю, но хочет слыть Богом, поэтому ридится в святые одежды, в золото риз и сеет среди людей раздор и смуту...”

В то время ему, мальчишке, казалось: эти, полные таинства, слова никакого лично к нему, Ткачуку, отношения не имеют. Это всё: и церковь с её прохладным сумраком, и одежды священников, и проникновенный голос отца Виталия — часть непонятной игры взрослых, почитающих Бога, иссушенного страданиями древнего человека, безжизненный лик которого навсегда запечатлелся в его сознании и никогда не был связан напрямую с ним, Ткачуком.

Но вот три года назад, в то жаркое лето под Кабулом, в одну из ночей в палатку, где спал Виктор, явился образ отца Виталия. Как наяву, он внимал негромкому голосу. Кажется, что теперь он всё понял, но проснулся и не мог вспомнить, о чём они говорили: он снова остался один, среди затхлого воздуха, в котором десятки потных тел ворочались на пыльных матрасах... Отчего отец Виталий, память о котором отодвинулась в самые дальние уголки, решил напомнить о себе? Может быть, Виктор сам позвал его? Последние события в Бадахшане заставили помянуть забытое имя Бога...

...Ткачук поднял голову: мальчик с мамой садились в автобус, двери за ними закрылись, малыш, устроившись на сиденье, продолжал смотреть на Виктора. Только сейчас Ткачук увидел на автобусе номер, досадливо сплюнул — прозевал свой маршрут. Такое частенько с ним случалось: он пытался собрать своё прожитое по кусочкам, составить те невидимые звенья, которые могли бы дать хоть какой-то законченный смысл, и тогда повседневность отодвигалась от него куда-то в сторону. Он заметил странности своей памяти: первый её толчок вызывал в нём откуда-то знакомый запах, у него вообще была способность различать самые неуловимые запахи. Он буквально жил среди запахов, и особую ненависть он питал к этому сернистому дыму из литейки: от него никуда не скрыться и к нему никогда не привыкнуть... Кажется, ветер повернулся: клубы желтоватого дыма из-за каменной стены потянуло на остановку. Ткачук прикрыл нос руками.

Бадахшан снова дохнул на него прожаренными камнями, пылью... Нагретое солнечное марево плыло над землёй, искажая единственную постройку из глины среди виноградника. Отсюда их обстреляли, и здесь его взвод пробирался среди окопанной виноградной лозы. Вряд ли тут кто мог уцелеть.

Взрывы вспахали, перевернули землю. На ветках лозы висели корни вместе с комьями бурой земли. Он оторвал зелёную гроздь винограда и, осматриваясь вокруг, сунул её в рот. С таким же успехом можно было жевать эти покрытые пылью листья. Виктор выплюнул вяжущую зелень, прошёл ещё несколько рядов и тут увидел его... Молодой “дух” лежал в междурядье, лицом вверх. Виктор продвинулся к нему и остановился в нескольких шагах. Убитый мог быть заминирован. Видел разорванные тела, зелёные и голубые кишки... Этот — цельный. Лицо — ангельское. Большие глаза открыты, рука сжимает ободранное ложе “Калашникова”...

Этот афганец — почти мальчишка — долго не выходил из головы. Чёрные волнистые волосы, тонкие черты лица, нежная, как у девушки, кожа. В карманах — только пучок сухой пахучей травы. Виктор взял эту траву, сложил в маленький мешочек и повесил на шею.словно амулет. Когда им выпало на вертолёте перевозить трупы наших солдат, пролежавшие двое суток на жаре, в кабине вертолёта он прижимал этот мешочек к носу, но сладковатый, тягучий запах мёртвых тел, казалось, проникал даже сквозь поры... Три дня Виктор ничего не ел, он отыскивал на груди мешочек, ловил ноздрями тонкий аромат. Такой запах, смешанный с дымом курящихся благовоний, стоял в одном из дуканов Кабула.

И всё же кто тот молодой афганец, с лицом, как на иконе? Бандит или падший ангел? У них свой бог, и они умирают с его именем на устах. Мы же забыли Христа... Где Он? Спокойно наблюдает, как сатана собирает свою жатву?... У кого спросить, кто ответит? Поднимут на смех...

Всё разрешилось само собой. Взрыв мины, контузия — очнулся в госпитале... Судьба или Бог? Война для него окончена, конечности — целы. Он

возомнил, что нужен ещё кому-то в этом мире, иначе — почему так легко отделился?

Прошло несколько лет, и Виктор понял — здесь, в мирной жизни он — как ненужная деталь некогда большой и сложной машины, которая теперь заброшена на свалку. Удивлялся себе: почему раньше не замечал в людях то, что они даже и не пытались скрывать? Все они давно покрылись ороговевшей скорлупой: сидят, жуют, время от времени высовываются, чтобы ухватить то, что подвернулось...

Впрочем, те, кто половчей, делают это с приличным, добропорядочным видом. Его друзья по Афгану тоже устраивались в этой жизни, как могли. Что ж, он несколько не осуждает их. Они заслужили жизнь лучшую, чем все остальные, не нохавшие пороха. Только у него — свой путь, своё откровение, быть может, ниспосланное свыше...

...Первый раз Ткачук услышал этого человека месяц назад. Виктор как-то затащил своего напарника, Лёшку, в большую брезентовую палатку на окраине города, с православным крестом перед входом. Проповедник говорил негромко, густым, глуховатым басом, поражающим своей внутренней мощью. На чёрной одежде массивный крест, редкая растительность на голове, борода, прикрывающая шею. Его голос заполнял всё пространство палатки, жил отдельным инструментом, исторгающим звуки, способные приводить в трепет слабые огоньки зажжённых перед образами свечей...

— Ваши бедствия — ваши блуждающие в потёмках души, — говорил незнакомый проповедник. — Но разве это удивительно? Повернитесь назад: за вами — тысячелетие лжехриста, меняющего свой лик и естество своё. Мог ли князь тьмы стать первоапостольным князем, крестившим Русь? Мог ли воитель братских княжеств, братоубийца и предатель князь Владимир осенить себя и свой народ христианством? Первое, что узаконил Владимир на Руси, — верующему простится любой грех. Возможно ли, чтобы Господь в угоду Себе сбрасывал символы иной веры в реку? Христос на Великой Руси был представлен божеством в золотых одеждах, народ ослеплён верой в Бога-царя — карающего или милующего, христианин стал распознаваться по количеству даров Господу, но не по делам и помыслам. Лицо мирской власти — сатанинское, вот почему храм Божий, храм церковный стал её прибежищем, а потом — и орудием. Посмотрите друг на друга, и вы убедитесь: Христос до сих пор бродит среди нас каликой, юродивым, нищим, он стучится в наши сердца, но они все ещё глухи...

Разве не понимаете вы, что конец света давно наступил, что сатанинское жало проникло в сердца чиновников, правящих в государстве? Разве Господь в силах разбудить умершие души? Он в состоянии только забрать к Себе живые, чтобы восполнить число небожителей..."

Виктор был потрясён. Он смотрел на Лёшку и не видел его... А тот только пожал плечами: "Я понимаю, поставить свечки за погибших в Афгане ребят — святое дело. Но вот это всё — полный бред!"

Виктор молча сложил лист с отпечатанной проповедью и спрятал его во внутренний карман пиджака.

* * *

...Ткачук не пошёл домой, а направился сразу в сарай. Он оборудовал себе небольшую мастерскую, собрал всякого инструмента, на деревянном столе пристроил большие тиски. Здесь пахло древесной стружкой и клеем; в прогнившем деревянном полу сновали мыши. Виктор любил забываться за работой, любил смотреть, как под руками появляется задуманное, как из бесформенного куска дерева или железа появляется нужный предмет. Он включил лампу, осмотрел камень на точилье, достал из портфеля металлическое полотно. В конце концов, шлифовальный круг можно принести и сюда...

Ткачук работал и думал о своём хозяине, старике с больными ногами: "Надо зайти в магазин, купить ему молока, хлеба..."

Дед Фрол уже полгода не вставал с постели. До Виктора у него жил студент, которому надоело смотреть за стариком. Соседи Фрола по коммуналке написали заявление в собес, чтобы деда определили в дом для престарелых. В этом случае комната и маленькая каморка доставались бы им. Дед же считал, что лучше умереть, чем уйти из своей комнатухи. Но ведь кому-то надо было выносить горшок, стоящий под стулом с дыркой, и готовить ему поесть... Фрол призывал к себе “смертыньку”, но безрезультатно. Ревматизм поразил только его колени, старость наделила забывчивостью, а в остальном дед был жизнелюбив, с хитрецей и частенько призывал “косую”, чтоб возбудить к себе сострадание. Пенсию ему приносил почтальон, и дед, путаясь в новых деньгах, рассовывал разноцветные бумажки в самые неожиданные места. Один раз Виктор обнаружил ассигнации, торчащие из дыры в его старом матрасе. “Фрол, — сказал он деду, — не рассовывай деньги по щелям, как сорока. Давай я буду складывать их в шкаф”.

Так и договорились.

Продукты Виктор покупал на свои деньги, а пенсию деда откладывали на похороны. Квартирант оказался для Фрола находкой. Когда в коридоре появлялся Виктор, обтянутый тельняшкой, замолкали оживлённые разговоры на кухне. Ткачук не сказал за всё время соседям ни слова, но те, завидев его, разбежались по комнатам, словно тараканы.

“При деньгах и связях”, — говорил о соседском семействе Фрол, но Виктор, кажется, даже не помнил никого из них в лицо, включая отца, двоих сыновей и горластую, неряшливую женщину. Когда он развешивал в коридоре стиранные подштанники деда, соседи не показывали носа. А на кухне он бывал редко, в основном только утром.

Вскоре Фрол стал уговаривать Виктора, чтобы тот прописался у него: видимо, боялся, что он сбежит, как студент.

Виктор пошёл в отдел социального обеспечения забрать документы, каким-то чудесным образом оформленные для дома престарелых без согласия Фрола. Ткачуку не отдали их: не родственник и даже не опекун. В домоуправлении тоже находились тысячи причин, чтобы не прописывать его. Раньше Виктор думал, что эти две организации никак не могут быть связаны между собой. Теперь он понял, что ошибался. Комнату деда давно держали как “перспективную”. Дело собеса — пристроить Фрола, дело домоуправления придержать “площадь” кому надо. Кому же надо? Тому, кто при деньгах, за так сейчас ничего не делается... Помыкавшись, Ткачук всё-таки оформил опеку и явился в собес забирать бумаги на деда.

Очереди, как ни странно, не было, и он прошёл прямо в кабинет, где стояли два стола. Он подошёл к девушке, и та указала на мужчину, разговаривающего с посетителем: “К Евгению Петровичу”. Виктор, не дожидаясь приглашения, присел на стулья, рядом выстроенные у стены. У мужчины — довольное, симпатичное, улыбочивое лицо. Он продолжал свой разговор:

— А где вы, собственно, работаете? — обращался он к посетителю.

— Отдел снабжения треста “Стройматериалы”, — отвечал тот.

— У вас большие возможности... Сейчас трудные времена...

— Нет вопросов! — перебил посетитель. — Что надо — организуем. Если мы сами себе не поможем, кто нам поможет? Пишите телефон.

Совершенно незаметным жестом посетитель извлек красивую упаковку и так же ловко оставил её на столе. Евгений Петрович, кажется, ничего не заметил. Он проводил посетителя до двери, вернулся за свой стол, и перед Виктором уже сидел совершенно другой человек.

— Вы ко мне? — спросил Евгений Петрович тусклым голосом и стал рассеянно перекладывать на столе бумаги.

Если бы хоть какая-то тень догадки коснулась его, если бы он посмотрел на Виктора, почувствовал, кто сидит перед ним, — как всполошился бы этот человек! Как всколыхнулась бы эта оболочка, в которой пребывает сатана, спокойный и уверенный в своей безнаказанности!

— Я к вам, — глухо ответил Виктор и присел к столу. Он втянул носом тонкий запах жасмина, исходивший от гладких щек Евгения Петровича. — Я пришёл забрать бумаги деда Фрола — он не поедет в дом престарелых.

Виктор выложил на стол свидетельство об опекустве.

— Да-да-да-да... А, собственно, кем вы ему приходитесь?
— Никем.
— Значит, решили получить комнату старика?
— Нет, не решил.
— Вы, кажется, были в Афганистане и могли бы получить жильё по льготам?
— Я что, пришёл у вас просить жильё?
— Вот вы все такие, афганцы... Разве я...
— Нет, не вы. Вы — нет... Давайте бумаги и оставьте старика в покое.
Девушка, вы могли бы выйти?

Девушка не успела встать, как на столе оказалась папка с фамилией Фрола. Лицо Евгения Петровича побледнело... Вот оно, внутреннее, скрытое! Может быть, всё-таки почувствовал, кто перед ним?!

* * *

Виктора мучила бессонница. Он забывался только к утру, когда уже нужно было идти на работу. Сны были похожи на бред после контузии — всё тело покрывалось липкой испариной; и, просыпаясь, он думал о том, что снова придет к этому мосту и будет дышать невыносимым воздухом... Каждый раз он говорил себе: всё, больше не поеду!

Странный сон приснился ему сегодня: бескрайнее поле и он возле старого, заброшенного колодца... Верхняя часть сруба сгнила и обвалилась. К уцелевшему столбику привязана верёвка с жестянкой для воды...

К этому колодцу, хотя и был он далеко, мальчишки бегали из деревни, чтобы покричать в бездонную черноту сруба, достать со дна холодной воды с привкусом плесени. Он смотрел в тёмную пустоту колодца, ему было страшновато, жутко представлять себя на дне, но безотчётно влекло заглядывать туда снова, снова хотелось испытать эту сосущую пустоту под ложечкой... Сон не выходил из головы: чёрные, покрытые слизью стены сруба не дают ему выбраться; он цепляется ногтями за гнилое дерево, но оно поддаётся, крошится. И он снова проваливается на дно, где темно и сырой холод пронизывает до костей... Вдруг появляется лицо старца, глубокие глаза смотрят проникновенно, ему сразу становится тепло, и он сразу понял: это Христос! Старец протянул к нему руки, и в руках его сверкнул отточенный меч...

— Иди, Виктор! Только ты можешь узреть сатану. Нет служителей Бога, антихрист правит на земле... — произнёс он то что Виктор давно уже ждал, произнёс — и исчез. Но кто это? Вместо старца — знакомое лицо, в рясе, и с крестом на шее... Знакомая улыбка — это же Евгений Петрович! Что же он рядится в рясу? Он же готов ради пузырька с французским одеколоном отобрать у старого Фрола последнее прибежище в его жизни... Надо сорвать с него рясу! Надо, чтобы все увидели, что скрывается под ней...

* * *

...В один из дней осени, когда стояла отвратительная погода, Виктор не поехал на завод. Он позвонил мастеру, сказал, что заболел и что на следующей неделе берёт расчёт. Те деньги, что он зарабатывал на заводе, можно было иметь за неделю в мебельном магазине. Как-то зашёл Лёшка, его давний друг, посмотрел на его руки, сказал:

— С такими лапищами тебе у нас цены не будет! — и это решило дело.

Всю зиму он возил мебель, тяжёлая физическая работа отвлекала его от назойливых мыслей. Но спал по-прежнему плохо. Во сне он испытывал странные превращения; это был другой мир, где всё подвластно символам, наполненным значением.

Чаще всего приходил старик с пронзительным взглядом. Этот старик приносил ему успокоение. Но его взгляд, его жесты, его слова — имели какой-то пока неясный для него смысл. Старец призывал Виктора к действию, к осуществлению справедливого возмездия, и Виктор мучился, пытаясь разгадать эти лукавые слова, но которые, как он был уверен, ему посылались

свыше. И почти в каждом сне — Евгений Петрович. Его приятная улыбка. И даже запах жасмина. Но стоило Виктору ухватить его за одежды, как под ними оказывалось одно и то же — труха и гниль...

Виктору не составило труда узнать, где жил Евгений Петрович. И он стал ездить к нему, в новый микрорайон. Он не жалел своего свободного времени. Даже в плохую погоду сидел на лавочке, накинув капшон на голову, и смотрел на окна на третьем этаже... Иногда Евгений Петрович выгуливал свою собаку, маленького шпица. Несколько раз он прошёл мимо Виктора, покуривая дорогую сигарету, но даже не взглянул на него.

Виктор видел Евгения Петровича вместе с женой; видел, как в его “жигуль” однажды садилась молодая девушка. Кто она ему? Виктор старался всегда быть подальше от женщин, справедливо считая, что женщины не доведут до добра.

В тёплый день марта Виктор засиделся на лавочке допоздна. За день солнце разогрело землю, и от неё исходил влажный, дурманящий запах. Прохладный воздух напознал от леса, и тёплые испарения превращались в туман. В лесопарке вокруг было безлюдно, лавочки пусты... Виктор уже встал, чтобы идти домой, и вдруг увидел Евгения Петровича: он отстёгивал поводок у собаки. Шпиц бросился к кустарнику, а Евгений Петрович закурил сигарету.

Клубы дыма поднимались, на глазах превращаясь в молочную густую пелену. Сейчас, кроме горящей сигареты — оранжевого светляка в белом — ничего не было видно.

У Виктора засосало под ложечкой, внутри появилась пустота, словно он снова, как в детстве, смотрел в пугающую бездну колодца... Виктор совсем неслышно сделал несколько разделявших их шагов и оказался за спиной Евгения Петровича. Правая рука легла на рот и подбородок, левая вцепилась в волосы: резкий рывок, и Виктор услышал слабый хруст шейных позвонков... Тело в его руках мгновенно обмякло и стало проваливаться вниз, слабый аромат жасмина и дорогих сигарет растворился в клубах пара. Прибежал шпиц, весело помахивая хвостом, он скакал вокруг хозяина, обнюхивал его, скулил: шпиц полагал, что это игра, что хозяин просто притворяется...

Виктор приехал домой поздно. Фрол с отвалившейся челюстью спал, освещённый экраном телевизора, где кривлялись и скакали существа, похожие на бесов. Услышав шаги, старик оторвал голову от подушки, и его голос то-ненько задрезжал:

— За молодухами, поди, ухлёстываешь? — и тут же застонал: — О-ох-х!.. Голова моя... налил бы мне рюмочку, а?..

В его голосе слышалась безнадежность, он знал, что ничего не получит. Виктор появился с рюмкой и куском яблока.

— Вышей, Фрол... За упокой раба... Сатанинского...

Оставив деда, он открыл ящик стола и достал оттуда маленький мешочек с травой; прильнул к нему лицом, потом прошёл к кровати и упал, не раздеваясь. В эту ночь он спал как убитый, словно исполнил трудный, но необходимый долг.

* * *

Свой портфель Виктор собирал в сарае. Но прежде он достал клинок и ещё раз осмотрел его. В тусклом свете блеснуло отполированное лезвие. Ручка широкая, удобная. Делал под свою руку. Рядом с рукояткой выбил керном три шестёрки — знак сатаны. Он положил нож на дно истрёпанного портфеля, тщательно прикрыл куском чёрной кожи. Остальные мелочи и еду положит дома. Ехать тут недалеко, какой-то час на автобусе.

Виктор повторял два слова, вслушиваясь в своеобразие названия монашеского скита. Недавно Оптину пустынь показывали по телевизору, но недолго. Он не успел рассмотреть всё как следует. Впрочем, Виктор всё увидит на месте, он разберётся и поймёт, кому служат эти святоши — Богу или сатане...

Он вышел из сарая, вдохнул весенний воздух. Апрель в этом году выдался необычайно тёплым... Ближился Великий праздник всех верующих — Воскресенье Христово...

ЖАПАРАЛИ ОСМОНКУЛОВ

ПОДСНЕЖНИКИ ИЗ ПИШПЕКА

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Поутру под плетнём по привычке прокукарекал петух. Под пение пятиного петуха проснулось пёстрое поле. Потом проснулась первоклассница Перизат. Погода прекрасная. Прелестная первоклассница пошла погулять по плоскогорью Пишпека. Почва плодородная, повсюду первоцветы... А вот и первые пастушки. Парнишки пасли породистых парнокопытных.

Просторы повсюду, плоскогорье пахло полынью. Природа превосходна! Поют певчие птицы. Перепёлка пела по-перепелиному: “Пить — пирью!”, “Пить — пирью!”.

Под пеньком появились первые предгорные подснежники. Перизат полюбопытствовала и подошла поближе. Подснежники поманили прелестного подростка. Приблизилась. Присела. Полюбовавшись, немного постояла, погладила, понюхала, поласкала первоцветы. Потом потихоньку прибрала их в пучки. Подровняла, подсушила. Подумала. Планировала по почте посылку послать. Попробовала позвонить в Питер, поговорить по этому проводу. И получилось.

Приятно поговорила с подружками из Питера. Посмеялись, попрощались: “Пока, Питер!” — “Пока, Пишпек!”. Предложение Перизат послать в Питер первоцветы поддержали первоклассницы.

Плясала и пела прекрасная Перизат!

ОСМОНКУЛОВ Жапарали Адакшанович родом из села Сары-Камыш Кара-Кульджинского района Ошской области Кыргызстана. В 1981 году закончил филологический факультет Ошского государственного педагогического института. Автор пяти прозаических книг на киргизском языке и двух детских книг на русском. Лауреат литературных премий. Живёт в столице Республики Кыргызстан городе Бишкеке.

Потом по почте питерские подружки Перизат получили посылку — подсушенные пишпекские подснежники. Приятный подарок пишпекской патриотки Перизат Парманкуловой понравился питерским подружкам. Поделили по пучку. Приветливые питерцы похвалили, поблагодарили, прислали письмо. Передавали по проводу пламенный привет пишпекчанам! Прислали памятный подарок — переплёт, посвящённый Петру I, подлинное письмо признанного поэта планеты Пушкина.

Да и пресса постаралась — периодика посвятила передовую полосу письму пишпекчанки. Познакомила публику, приветствовала поступок пишпекской первоклассницы Перизат.

Потом Перизат показывали по телепрограммам Питера, Пишпека. Приятно получать подарки. Поэтому подружки пообещали почаще переписываться, поговорить по всякому поводу. Питерцы получили перед праздником Пасхи приглашение. Перизат пригласила подруг приехать, посмотреть, полюбоваться просторами Пишпека.

Приятного путешествия, питерцы! Приезжайте!

ВОЛЧОНОК

Вокруг веет весной. Весенний воздух всё великолепнее, вкуснее! Вот вдалеке, во взгорьях, взволнованно взывала волчица. Вихри ветра валят всё в валежник. Вдали во взгорьях видели всадника Вову. Ватник всадника венчала винтовка. В вещмешке визгливо визжал волчонок — выводок волчицы.

Всадник Вова, внук ветерана войны Василия Воробьёва, выстрелив в волка-вожака, взял визжащего волчонка. Волчица выследила, напала, вздумала всем своим весом вышибить всадника из седла. Высматривала всё время винтовку Вовы.

Всюду веял весенний ветер, словно весточки навевал. Ворона взлетела высоко, встревожила всадника. Вова вздрогнул. Волчонок выбросил в вагонетку.

Вечером вдруг внутрь вагонетки вмиг ворвалась ворчащая волчица. Вытерпела, выжидая время. Визг волчонка встревожил волчицу. Вгрызлась в ремень вещмешка, вытрясла внутренности. Взьерошилась...

Вот выкатился в вагонетку волчонок. Взмолился взглядом. Волчица вволю вскормила визжащего. Вместе выбежали в вольные волчьи владения.

Волчица во всём величии вызывала во всех вокруг восторг, восхищение! Волчонок же, вполне вероятнее всего, вырастет великолепным вожаком.

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

ИСТОКИ

* * *

Июль. Жара. Клубника спелая.
И даль открыта и светла...
А там — торжественна, как первенец,
Русь вытекает из села.

Зачем?.. Куда?.. В какие странствия?..
К каким заветным берегам?..
А здесь пока — свежо и радостно,
Как в детстве... как босым ногам...

А здесь — покосом пахнет, травами,
Березняком... Лежит река,
Как на ладони мир расправленный...
Июль. Дорога. Облака.

ФИЛАТОВ Сергей Викторович родился в 1961 году в Омске. Окончил Алтайский политехнический институт. Работал инженером-технологом, сотрудником заводской многотиражки, начальником лаборатории, директором коммерческого предприятия, заместителем директора по маркетингу ОАО «Иркульский спиртзавод», помощником ректора в АПГУ, редактором городской газеты. Участвовал в краевых семинарах молодых литераторов, участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (1989). Учился в Литературном институте им. Горького. Член СП России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Живёт в Бийске.

* * *

Снег, как в детстве, валит и валит.
И сугроб под окном подрастает...
И как будто светает вдали,
Безысходно светает.

И рассвет безнадежно-больной —
Бездыханный, тревожно-красивый —
За виной, за последней войной,
За снегами России...

Я уже разглядеть не могу
Там грядущие светлые строки,
Только что-то маячит в снегу —
То ли крест, то ли куст одинокий...

ВЕЧЕР

Вечер густеет в миру за окном.
Скрип непонятный, скрип бездорожный
с ветром доносит... Тревожно... О чём?
Просто — тревожно.

Что-то во мне ли, в миру ли — не так,
что-то неладно, что-то не к ладу, —
знать бы... знатьё бы иметь... за пятак
медный повызнать бы правду —

выклянчить, выпросить... в веру сложить —
чтоб во спасенье!..
— День-то какой предстоит пережить!
— День?.. Воскресенье...

ДЕНЬ

День наступит не печальный,
умиротворённый, что ли, —
тёплый ветер раскачает
запах травный в чистом поле.

По дороге летней, летней
мимо дома, мимо сада
путь потянется последний,
честь по чести — всё как надо.

Над землёй, притихшей словно,
станет час мой тих и светел.
Всё вернут мне, даже Слово...
Только не прикроют веки.

НИКОЛАЙ СТАРОДЫМОВ

СУДЬБА ОФИЦЕРА

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

...Прежний заведующий детдомом у них был хороший мужик, отставной военный, у него не жизнь сложилась, а прямо-таки груша боксёрская для отработки ударов побольнее. Молотило его — дай Боже... В смысле, не дай Бог кому-то ещё такую судьбину!.. Отец у него тоже был военный, фронтовик, едва не до Белграда дошел, как будто бы лично с Броз Тито здоровался, а потом, после войны служил в Ашхабаде, а там в 48-м годе во время жуткого землетрясения у него вся семья погибла... Там так трянуло, что за пять секунд 110 тысяч человек завалило — абсолютный рекорд трагедий на территории Советского Союза!

Он ещё мальчишкой был, когда один из семьи в живых остался, так вот в детдоме и оказался. Суворовское закончил, потом военное училище — как раз под чехословацкие события попал, там ему в морду сильно братья чехи поплевали, которых мы в 45-м от фашистов спасли, как будто он виноват, что его туда послали “пражскую весну” замораживать... Он офицер — куда пошлют, туда и иди.

Впрочем, это вообще участь военных — разгребать дерьмо, в которое по уши закопаются политики. Они же, политики лажовые, потом от них же, от военных, отрестятся! Дескать, мы, политики, в белых перчатках и белых

СТАРОДЫМОВ Николай Александрович родился 24 февраля 1956 года. Потомственный офицер. Закончил Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи и Гуманитарную академию Вооружённых сил (бывш. ВПА им. Ленина, ныне Военный университет Министерства обороны). Служил в ТуркВО, Афганистане (1985—1987). С 1994 года — в газете “Красная звезда”. В качестве журналиста неоднократно бывал в Чечне. Сейчас в запасе. Главный редактор журнала “Боевое братство”.

манишках под смокингами, а от них, от военных, пардон-с, дерьмецом протягивает, в котором они сами, дураки, запачкались, наши грехи подчищая и помогая нам заработанные на войне деньги от дерьма же отмывать... А потом у него жена с младшим сыном погибла — разбилась в самолёте, в котором она летела вместе с неким Чистяковым, про которого Валентин до того даже не слышал, но про которого заведующий рассказывал, что это был пародист номер один Советского Союза, который нынче несправедливо забыт и который якобы в те времена позволял себе такие шуточки, на которые в те времена решиться было трудно — уж не потому ли и погиб-то?..

Остался офицер только со старшим сыном, который пошёл по его стопам, закончил военное училище. У сына жена умерла во время родов, а сам же он потом, через много лет, тоже погиб, погиб лютой смертью не то в Эфиопии, не то в Анголе, не то в Намибии, а может, в каком-то из Йеменов — этого никто не помнил; знали только, что отцу не разрешили даже вскрыть гроб с телом, который под большим секретом переслали из Африки. Так и встретил старость этот человек с единственной внучкой, жили они тогда где-то в Молдавии, которая тогда уже разделилась на Молдову прорумынскую и русское Приднестровье.

А там новая беда — девочку как-то нашли зверски истерзанной и гнусно изнасилованной, и никто так и не докопался (да и копались ли?), кто совершил такое злодеяние, какой национальности были те бандиты. К тому времени он жил, правда, не в браке, с одной женщиной из Прибалтики; звала его она, до ночных истерик боявшаяся после того случая с девочкой горящих взглядов, которыми салили её, белотелую, смуглолицые небритые черноусые мужики с автоматами. Звала его уехать с ней в родной ей не то Пярну, не то Паневежис, да только не захотел он быть на чужбине человеком второго сорта — так они и расстались.

Бросил тогда ветеран всё, поджег напоследок свой домишко в свободной Молдове с нажитым за всю свою кочевую жизнь нехитрым скарбом, в том числе и со сберкнижкой с тремя, без малого, тысячами рублей, обесцененных бессовестными горе-реформаторами, да и приехал в город, где некогда воспитывался в детдоме. Попросился на работу. Хоть на какую-нибудь.

— Здесь у вас нет благополучных детей, — доказывал он начальству. — А у меня вообще никого нет. Потому мы с ними так нужны друг другу. Да, нету у меня педагогического образования, так ведь и запросы у меня самые простые. Мне много не надо — только комнатку где-нибудь...

Начальство потенциал отставного офицера оценило. Его, хоть и не имел он надлежащего образования, назначили сразу заведующим.

Поначалу всё шло нормально. Порядок он навёл строгий, сам ничего не тянул и другим не позволял. Справедлив был, грубостей и рукоприкладства не допускал. Уважали его, за глаза “Макаром” прозвали — производное от “Макаренко”... Кого-то из администрации, из старых педагогов и воспитателей уволил, кого-то, невзирая на отсутствие всё того же образования, взял... Короче, работал мужик. С боем, с руганью, с кулаком по столу, с лаской, с матом, с лестью, с обещанием обратиться в прокуратуру или в прессу — но выбивал для подопечных какой-никакой минимум средств.

А потом...

Как-то собрал он ребят старших классов. И, неловко пряча от них глаза, сказал, что, мол, денег не хватает, инфляция всё съедает, продуктов не достаёт, стройматериалов для ремонта нет...

И попросил:

— Ребята, никого не заставляю, не имею права заставлять... Даже просить вас о таком не имею права. Но прошу...

Нужно было для блага детдома поработать на разгрузке вагонов. Поработали, никто не отказался — знали, что всё заработанное пойдёт на них же... Потом ещё раз. Потом организовали крохотную мастерскую, на которой девочки, тоже старших классов, что-то не то шили, не то обмётывали... Они же, девочки, ходили по объявлениям в город — за детьми смотреть или уборку дома кому-нибудь из преуспевающих господ сделать...

Потом мальчишки организовали крохотную мочную станцию, где мож-

но было недорого помыть машину. Пока одни драили автомобиль, другие водителю чайку-кофейку поднесут, бутерброд организуют...

Эта-то мойка и оказалась для них роковой. Хотя... Хотя кто его знает, что для кого и в самом деле становится роковым? Не было бы мойки, было б что-нибудь другое... Но это так, к слову.

Как-то в кабинет заведующего вдруг ворвался один из воспитанников.

— Там на наших крутые наезжают! — заорал он. — Деньги требуют.

Заведующий бросился вон. Выбежал на крыльцо и увидел весьма красноречивую картину: на моечной площадке стояла какая-то крутая иномарка, откуда, небрежно выставив на мокрый асфальт ногу в сапожке с клепками, что-то говорил молодой парень в кожаной куртке; рядом примостился могучий джип, возле которого скучала пара “качков”; ну а детдомовские ребята стояли плотной группкой, понурившись... И отставной офицер не выдержал, сорвался. Он вбежал в дом и через минуту вернулся назад, держа в руках охотничью ижевскую двустолковую-“вертикалку”. Взвел курок и бабахнул в воздух. Треск выстрела гулко отозвался затихающим эхом. С ближайшего дерева с гамом поднялась в небо стайка птиц.

Под удивленными взорами “наехавших” крутых и своих воспитанников заведующий подчеркнуто спокойно переломил ствол, выдернул и отшвырнул в траву гильзу, вогнал в дуло новый патрон.

Направился к сгрудившимся возле машин людям. Взрослым и детям. Врагам и подопечным.

— Я не для того своих пацанов от учебы и от детства отрываю, чтобы они заработанное своими руками вам отдавали, — твёрдо сказал он, опытно, наизготовку, но стволом поверх голов, держа ружьё. — И ни с кем они делиться не будут. Вам всё ясно?

К его удивлению, старший из подъехавших, сидевший в иномарке, на его тираду отозвался вполне спокойно и даже миролюбиво.

— Да ты что, папаша, не позавтракал сегодня, что смоляешь тут? — усмехнулся он. — “Мусора” ещё понаедут, а у тебя несанкционированное применение оружия в период запрета на охоту... Мы же тихо-мирно поговорить хотим... Так это ты тут за главного?

Рассудительный тон и особенно усмешка сбивали с взятого заведующим непримиримого тона.

— Я.

— Ясно. Ну, так значит, разговор у нас к тебе, — Кожаный уже не усмехался, говорил жёстче, но по-прежнему подчеркнуто рассудительно и спокойно. — Дело в следующем, папаша... Когда ты что-то делаешь, ты обязан платить налоги. Ты на это не ропщешь, потому что не нами это придумано, не нам это положение и изменять. Налоги эти идут на содержание государственного аппарата, на армию и милицию. Такова жизнь... Ты налогов не платишь, более того, у тебя здесь процветает явная эксплуатация детского труда. Да и ружьишко у тебя заряженное под рукой... Это ведь подсудное дело, папаша, и у тебя из-за этого могут быть серьезные неприятности с законом. Ну а если ты со своими мальцами пойдёте под нашу “крышу”, проблем у тебя не будет ни с чем, ни с кем и ни в чём. Так что просто считай, что платишь налоги, и соглашайся.

Какой из военного человека, к тому же старой закваски, специалист по словесной эквилибристике?

— А если нет? — в лоб спросил он.

— Тогда у тебя будут проблемы, — откровенно улыбнулся крутой.

Поймав его улыбку, мордovorоты у джипа дружно заржали. Да, они проблемы организуют запросто...

— Поглядим, — сурово ответил заведующий.

— Да пойми же ты, папаша, что и тебе от этого прямая выгода, — еще раз попытался наладить контакт вымогатель. — Тебя после этого никто трогать не будет. Понимаешь? Никто! В том числе и налоговая инспекция. Одно условие только... Вернее, два: повысить плату за обслуживание, а то вы мне конкуренцию сбиваете... А впрочем, ладно, папаша, за голодных детишек — прощаю, — вдруг невесть почему он вздумал сыграть в благородст-

во, увидев, как дружно сгрудились вокруг старика воспитанники. — И в самом деле, только одно условие: вы мне будете платить. — Он не выдержал свой благожелательный тон и повторил с подчеркнутой угрозой, слегка при- стукнув кулаком о свою раскрытую ладонь: — Будете платить!

— Не будем!

И тут как-то вдруг, очень быстро и мягко, почти незаметно оказалось, что две дырочки стволов глядят точно в лоб старшему бандиту.

— Послушай, парень, теперь меня! — отставник говорил не менее твердо и решительно. — Через мои руки в армии прошло много ребят. Хороших и плохих; разных. Не знаю, как у кого из них потом сложилось. Но то, что сейчас вы диктуете условия жизни, в этом и я тоже виноват. Значит, плохо мы вас воспитывали... Ну да хрен с ним!.. А тебе я так скажу. Не для того я всю жизнь по гарнизонам прокочевал, не для того сюда приехал, не для того ребят этих под себя взял, чтобы ты им преподносил такие уроки. Понял? Учить жизни их буду я. Может быть, тогда они будут лучше тебя...

Старший медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, поднялся из машины. Встал возле неё. Бледный, с испариной на лбу, но внешне спокойный. Даже улыбку попытался изобразить, хотя и получилось у него это не слишком искренне.

— Что ж, папаша, твое дело. Учи, — разрешил он. — Только запомни несколько слов ещё... Да опусти ты свою пикалку, право же, чего ты меня пугаешь? Ты же не сможешь в меня выстрелить... В этом, кстати, наша с тобой разница: я в такой ситуации могу выстрелить, а ты нет... Ты можешь обзывать меня сколько хочешь и как хочешь, но главное заключается в том, что ваше поколение уходит, а на ваших костях вырастаем мы! А вы для нас питательный перегной, на котором мы вполне прекрасно себя ощущаем. И вы не хотите признать, что мы стали такими только благодаря вам. Вы голосовали на партийных собраниях за всенародный одобрямс, а потом дома говорили совсем другое. Вот мы и выросли такие. Да, на наших костях, из того перегноя, в который мы превратимся, тоже вырастут другие люди, которые не будут похожими на нас. Одна только существенная разница: мы не зовем всех к всеобщему равенству и братству, к коммунизму и к другой такой же ерунде. Мы говорим: прав тот, кто сильнее. А я сильнее, чем ты, папаша. Поэтому победа непременно будет за нами. Сегодня я уеду. Не потому, что я проиграл, вовсе нет. А потому что я не хочу применять к тебе насилия. И причина банальна: я не хочу, чтобы в памяти этих твоих салажат ты остался великомучеником — у нас таких всегда любили. Ну, а так я уеду — и ты останешься в их памяти слабым, беспомощным, хотя и гордым донкихотом. И ты всю оставшуюся жизнь так и будешь воевать с ветряными мельницами, а они, твои пацаны, будут тебя жалеть и потихоньку прикарманивать заработанные здесь деньги. Потому что свой личный карман всегда роднее общественного, а свой желудок хочет кушать сильнее, чем миллиард чужих! А потому они все когда-нибудь обязательно придут ко мне, когда тебя выкинут отсюда на помойку, а на твоё место назначат более сговорчивого человека, которому я пообещаю четвертую или десятую часть выручки, которую стану получить с твоих ребят...

Так будет папаша, хочешь ты этого или нет, и будет очень скоро... Ну ладно, хватит политзанятий! Так и быть, из уважения к твоим сединам, я сейчас просто уезжаю. И копейки, вернее, даже рваного бакса с тебя не возьму. А вернусь, только когда узнаю, что тебя отсюда уже вытурили. Ну как, ты ведь оценил моё благородство?

Это было не благородство. Это было издевательство. Это было ничем не прикрытое ёрничанье. Ёрничанье человека, уверенного в своей силе, в своей правоте, а главное — в своём будущем. И заведующий ничем ответить ему не мог. Он стоял, держа в опущенных руках ставшее таким лишним и ненужным ружьё. К нему жались дети. И это единственное, что его ещё как-то поддерживало в те мгновения. Ведь речь вымогателя сломала в его душе что-то главное, что-то центральное, что-то такое, что до этого дня позволяло ему продираться сквозь все удары, которые раз за разом наносила ему беспощадная судьба.

Парень это понял. Он негромко довольно засмеялся. Сунул руку в карман, уже не опасаясь спровоцировать выстрел старика. Достал стодолларовую купюру, небрежно сунул её в карман комбинезончика ближайшему мальчишке.

— Это вам за работу, — сказал он.

Громко захлопали дверцы, и машины сорвались с места.

— Что это с вами сегодня, шеф? — не оборачиваясь, спросил со своего места водитель. — Мы бы их за два дня привели к центральному бою.

— Пусть живут, — с непонятной интонацией отозвался старший. — Навару от них всё равно никакого, так и нечего с ними... — Тут он грязно выругался. А потом добавил, ни к кому уже не обращаясь конкретно: — Гордый старик. Уважаю таких...

Водитель ничего не ответил. После долгой паузы старший спросил у водителя:

— А ты бы так смог?

— Как? — тот уже забыл о конфликте.

— Ну, вот так, как этот дед, против всех нас, один, с ружьём?..

— Очень нужно, — хмыкнул водитель. — Лучше заплатить и жить униженно, но спокойно, чем гордым лежать в гробу... Да и вообще, лучше бы все эти придурки ещё в сорок первом посадались бы немцам, чтобы мы сейчас под ними культурно жили. А то стояли насмерть, кретины, под танки с гранатами бросались, амбразуры закрывали... — Он смачно расхохотался.

Старший ничего не ответил... Только помрачнел и задумался.

Заведующий всего этого, конечно, не слышал. Он просто стоял, подняв к умытому весеннему небу морщинистое лицо. По крупным складкам кожи на его гладко выбритых щеках струились мелкие старческие слёзы.

Потом вдруг со звяком упало на асфальт ружье. И отставной военный грустно осел на дорогу.

“Скорая” прибыла слишком поздно...

...Многие в городке были удивлены, когда на похороны старого советского офицера вдруг приехала группа “крутых” парней. Старший, не обращая внимания ни на кого, подошёл прямо к гробу, на несколько секунд замер, всматриваясь в спокойное, умиротворённое лицо покойника. На глазах у всех, не опасаясь никого, вложил ему в белую, как полотно, руку маленький золотой крестик. Что-то хотел сказать, да только перекрестился.

...У заведующего после его смерти на всей земле не осталось ни одного родственника. Так что в последний путь его провожали лишь официальные представители не то собеса, не то наробраза, весь детдом да эта странная группа “крутых” парней, которая смотрелась вовсе не грозно, а словно стая побитых собак возле гроба покойного.

А после все были поражены, что вскоре на скромной могилке, над которой торчала лишь стандартная, неровно выкрашенная “серебрянкой” тумбочка, увенчанная пятиконечной звездой, вдруг появился добротный гранитный памятник с выбитым золотом по лощёному камню портретом старого офицера и надписью — тоже золотом пониже: “Не сильные лучшие, но добрые. Фёдор Достоевский”.

А вскоре рядом встал и другой памятник, похожий — с портретом того шибко умного молодого главаря “крутых”... Видно, посильнее его донкихоты нашлись.

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ

ДАЧНЫЙ РОМАН

РАССКАЗ

— Пап, где у нас ведро с червями? — донеслось с соседнего дачного участка.

— Какая проза жизни! — недовольно произнёс Эдуард Евгеньевич и закрыл створки окна террасы, на которой расположился с неизменным ноутбуком, чтобы писать очередное, как он полагал, нетленное произведение русской литературы.

В это время яркая молния прорезала небо, словно хотела разделить его надвое, а затем прогремел страшный раскат запоздавшего грома. Эдуард Евгеньевич выглянул в окно и увидел, как огромная свинцовая туча грозно нависла над всем дачным кооперативом. Казалось, она вот-вот ляжет на крыши домов и прижмёт их к земле, коснётся налитыми водой крыльями кустов и деревьев, прольётся мощным ливнем. Но, странное дело, в террасе было очень светло. Оказывается, солнце, спустившееся за долгий летний день к самому краю земли, умудрилось найти прореху в мрачной, тяжёлой туче и теперь окрасило её восточный край парчовыми бликами.

“А не пора ли пить чай? — подумал писатель. — Где там наша сношенька?”

— Лизонька! — крикнул он. — Пора чаёвничать!

На террасу вошла девушка лет двадцати пяти с красивым выразительным лицом и точёной фигуркой. В руках у неё был поднос с чашками, чайником и домашним вареньем.

МАСЛОВ Валерий Яковлевич родом из Тульской области, из города Донского. Из семьи рабочих. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию. Работал управляющим в совхозе, был спецкором газеты “Коммунар”. С 1994 года — директор Тульского областного фонда поддержки творческой интеллигенции. Известен как прозаик, автор большого числа книг современной актуальной прозы. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Туле.

— Попробуйте клубничное, Эдуард Евгеньевич: сама варила.

— Вернее будет сказать: земляничное, Лизонька, — поправил сноху теть. — В культуре человек возделывает землянику.

— Так она в лесу растёт. А на дачах сажают клубнику. Викторией называют.

— “Виктория” — это всего лишь название одного из бесчисленных сортов земляники. А также “Фестивальная”, “Солнечная”, “Гигантская” et cetera, et cetera...

— Всё-то вы знаете! А можно мне с вами чай попить? Владик вечно в своём бизнесе, про меня совсем забыл! Вот говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но он вовсе на вас не похож!

— Ой ли? Если ты судишь обо мне и сыне только по тому, как и что мы говорим, то глубоко ошибаешься: человек и его слова живут врозь, — воскликнул Эдуард Евгеньевич и внимательно посмотрел на сноху: мужчина, особенно творческий человек, всегда интересуется женщиной, которая его хвалит и слушает.

Он вдруг обнаружил, что девушка очень хороша собой: тонкая талия, стройные, загорелые, гладкие ноги, нежная полновесная грудь, обтянутая лёгким платьицем... к тому же Лиза, оказывается, очень похожа на его первую институтскую любовь! Возможно, эти открытия Эдуард Евгеньевич сделал только сейчас оттого, что они впервые всей семьёй проводили лето на даче: расслабляющая истома и ничегонеделанье жарких вечеров, ошеломляющий, осозаемо плотный запах цветущих трав и кустарников, шашлыки и обильные возлияния способны разбудить любое дремлющее чувство.

— Не в этом суть: с вами интересно, а с Вадиком буднично и серо, словно живёшь в позолоченной клетке.

— Но, но! — шутливо погрозил Эдуард Евгеньевич снохе. — Всё-таки он мне — сын!

В это время у ворот дачи раздался звук подъехавшего автомобиля.

— Иди, встречай, — сказал писатель. — И будь с ним, пожалуйста, по-ласковой.

Лиза, как показалось хозяину дачи, с неохотой поднялась из-за стола, где они так весело и непринуждённо беседовали, и неторопливо пошла к воротам.

Писатель задумчиво посмотрел вслед уходящей Лизе и вдруг громко воскликнул:

— Вот он — сюжет, которого так не хватало в моей повести! Герой видит в жене сына давнюю любовь! Та же внешность, черты характера! Слово и не было двадцати прошедших лет: он — зрелый, состоявшийся человек, а его пассия всё так же молода и привлекательна. “Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что я люблю тебя...”. — Нет, пошло! А, может быть, так?.. Гениально!

Эдуард Евгеньевич склонился над ноутбуком и стал быстро набирать текст, которому, по его мнению, предстояло стать бессмертным.

Молодые супруги уже давно лежали в постели, а сон к Вадиму так и не пришёл.

— Ты меня больше не любишь? — неожиданно, глухим от волнения голосом спросил он жену.

— С чего ты взял, Вадик?..

— Чувствую. Кто у тебя есть ещё?

— Я люблю только тебя. Но ты не маленький и должен понимать: из всех вечных вещей любовь длится короче всего.

Вадим резко повернулся к жене, схватил её за голову и попытался посмотреть прямо в глаза. Но Лиза увернулась. Затем холодно чмокнула его в лоб и сказала:

— Поздно, пора спать. Тебе завтра рано на работу.

Утро выдалось чудесным. Ласковое солнышко приятно грело землю, и воздух был напоён ароматами цветущих трав. Птицы, хоть и поумерили

в июне певчий запал, продолжали радовать душу бесконечными трелями. А сплошные заросли зелени вокруг дома радовали душу спокойствием и умиротворённостью, которой никогда не испытаешь в душном, пропылённом летнем городе.

Как всякий настоящий художник слова, а он всерьёз считал себя таковым, Эдуард Евгеньевич любил природу в её первозданности. Поэтому за небольшим, тщательно подстриженным по настоянию сына газоном находилась девственная чаща. Огромные лопухи привольно раскинули почти метровые листья, крапива устремила жгучие стебли вверх, а небольшой островок зарослей иван-чая радовал глаз лиловыми и сиреневыми кипарисовыми соцветиями. В такие утренние часы ему всегда хорошо работалось. Он был “жаворонком” и предпочитал “творить” с утра. Но только расположился за ноутбуком, как в кабинет вошла Лиза.

— Я вам кофе принесла, — приветливо произнесла она, ставя на стол поднос.

— О, напиток богов! — радостно ответил писатель. — Все мои герои постоянно пьют кофе и находят в этом большое удовольствие. Как говорится, трудно устоять перед женщиной, которая приносит тебе кофе в постель. Шучу...

Лиза пытливо посмотрела на Эдуарда Евгеньевича, но с разочарованием отвела взгляд: он, действительно, шутил.

— Вы сегодня в хорошем настроении!

— Да, это верно. И причина тому — ты.

— Я? — не поверила Лиза. Затем, помедлив, кокетливо раздвинула края ворота платья, чтобы сильнее обозначить грудь, и наклонилась над сидящим за столом писателем, словно собралась придвинуть ему чашку с кофе.

— Ты меня неверно поняла, — мельком взглянул на её прелести Эдуард Евгеньевич. — Просто наш вчерашний разговор подкинул мне отличный сюжетный ход для романа. Впрочем, не будем пока говорить об этом...

Лиза резко выпрямилась и задела рукой чашку с кофе. Коричневый напиток растёкся по столу, попал на клавиатуру ноутбука и рубашку Эдуарда Евгеньевича.

— Что ты наделала! — закричал рассерженный служитель муз. — Если он сгорит, то всё пропало!

— Что сгорит и что пропало, папа?

— Мой новый гениальный роман! Я даже не успел сделать запасную копию на флэшку!

— А я думала, что сгорит новая любовь, — иронично заметила Лиза. — Снимите рубашку, Эдуард Евгеньевич, я отстираю пятна от кофе.

Он одним движением смахнул с себя белоснежную, а теперь не очень, сорочку. Лиза невольно залюбовалась обнажённым мускулистым торсом ещё достаточно молодого мужчины. Затем взяла салфетку. — Давайте, промокните кофейные пятна с тела: нельзя портить такой красивый загар...

— Я не помешаю? — раздался насмешливый голос сына.

Эдуард Евгеньевич вздрогнул, а Лиза отпрянула от него так резко, что чуть не упала.

— Лиза, собирайся. Мы переезжаем на городскую квартиру.

.....

Полуденное лето морило дачников невыносимой жарой, тропической духотой и ядовито-кусачими комарами. Эдуард Евгеньевич расположился в беседке под могучей лиственницей, которая веерными ветвями с изумрудно-зелёными иголками благополучно спасала творца от этих напастей. Писатель решал и никак не мог решить один очень важный вопрос...

— Съесть мне заломной сельди под водочку с томатным соком или нет? — проговорил он велух и поглядел на мгновенно запотевший графинчик с горячительным напитком, вынутый из холодильника. — С одной стороны, пить в такую жару вроде бы даже пошло... С другой, — зачем отказывать себе в удовольствии? Ведь жизнь — это мгновение (кто это сказал?). Завтра Господь может и не дать выпить.

“Конечно; мне только сорок пять, — продолжил он размышления. — Следовательно — прошла всего половина жизни... Я, как говорится, мужчина в самом соку. Не зря же и Лизка на меня заглядывается...”

— Дзинь, динь! — раздалась трель вызова домофона.

— Кого это нелёгкая принесла? Выпить нельзя спокойно, не то что роман написать!

— Это я!.. — раздался нежный и очень многообещающий голосок в динамике. — Владик ключ от дачи забрал, вот и приходится звонить, чтоб открыл.

“Незванная гостья? — с сомнением подумал писатель и нажал кнопку открытия калитки. — Впрочем, Лизка хоть компанию составит: пить одному — это нонсенс!”

— Приехала ягод набрать, — объяснила неожиданный визит сноха, потом кокетливо улыбнулась. — Можно, я кофточку сниму — такая жара, что даже собственная кожа кажется тяжёлой...

Эдуард Евгеньевич посмотрел на грудь Лизы, чуть прикрытую модным открытым и даже почти прозрачным лифчиком, и невольно даже облизнулся. Молодая, гладкая, без единой морщинки кожа девушки завораживала, притягивала взгляд, настойчиво приглашала прикоснуться к ней, погладить, поласкать...

Писатель мотнул головой, словно отталкивая назойливое наваждение, и показал на графинчик с водкой.

— Я решил проверить китайскую мудрость: можно ли подобное побороть подобным, то есть жару — горячительным напитком. Составишь компанию?

Лиза кивнула, и хозяин дачи налил в хрустальные фужеры водки, затем добавил томатного сока. Они молча выпили и почти одновременно поставили на стол фужеры, не прикоснувшись к закуске. Закуска тут была уже не нужна...

— Воркуете, голубки? — неожиданно раздался голос Вадима. — И даже водку хлещете?.. Народ для разврата готов?

— Вадик, опомнись! — тихо произнёс отец. — Что ты говоришь?!

— Лизка — домой! — скомандовал муж. — Вот тебе ключи от машины, и чтобы ждала меня там, потаскуха!

Молодая женщина покорно взяла ключи и пошла к воротам дачи, не поднимая головы. Вадим тяжело опустился на стул, плеснул в фужер водки и с размаха опрокинул его содержимое в рот. Затем внимательно, с каким-то особым выражением посмотрел на отца, быстро вынул из кармана брюк увесистый пистолет с воронёным стволом и направил его на Евгения Эдуардовича.

— Рассказывай, отец, — хрипло произнёс он. — Я всё знаю...

Эдуард Евгеньевич испугался.

— Это всё Лизка, стерва! — пролепетал он. — Ты же знаешь этих баб: если приспичит, они своего добьются... Это — наговор! Она всё врёт!..

Но Вадим вдруг опустил руку с пистолетом и медленно, чётко произнёс: “Она мне — ничего не говорила”.

Писатель вытер обильно проступивший пот и с облегчением вздохнул:

— Вот дурак! Сам на себя наговорил!

Но сын его уже не слушал: он быстро шёл к машине, в которой ожидала жена. Эдуард Евгеньевич быстро выпил полный фужер водки. Вкупе с томатным соком она сразу принесла ему чувство лёгкости и спокойствия.

“Всё образуется, — подумал он. — Главное, не паниковать: я знаю правду, а сын — нет. А предвидеть — значит, управлять!”

К удивлению Лизы, муж на этот раз не стал скандалить. Он даже не задал дурацкий вопрос о том, верна ли она ему. Женщины очень доверчивы. К тому же ей так хотелось, чтобы всё само собой образовалось, как-то рассосалось, что она поверила в то, в чём никак нельзя было быть уверенной. Правда, время от времени в голове возникал единственный вопрос, который задал Вадим: “Как ты с этим будешь жить?”. Но Лиза так упрямо отгоняла его от себя, что через некоторое время забыла о нём.

Дома Вадим лёг отдельно, на диван. Но ночью не выдержал и тихонько пробрался под одеяло к жене.

Лиза его приняла безропотно. Под влиянием пережитого, взаимных упреков и слёз они провели такую бурную ночь, словно только накануне расписались.

— Ты меня любишь? — с придыханием, тихо шептал Вадим. — Скажи: ты любишь только меня?

— Да, глупенький, да! Ну, к кому ты приревновал?! Он мне в отцы годится!

— К тому же он трусливый и ненадёжный, — радостно согласился муж. — Знаешь, как папашка мой испугался, как тебя обзывал!

— Я его не люблю, — вдруг буднично и холодно произнесла Лиза. Она встала с кровати, подошла к окну и нервно затащила сигаретой.

— Вот и ладненько! — сказал Вадим.

Он, видимо, так ждал этих слов, что расслабился, заулыбался, затем сладко зевнул и повернулся к стене. Через несколько минут Лиза услышала его мерное дыхание и сладкое постанывание, во сне ему наверняка снилось что-то очень приятное.

Жизнь пошла своим чередом. Вадим не мог верить своему счастью: Лиза стала такой прилежной женой, что даже завтрак подавала ему в постель. Как-то раз у него выпал напряжённый день: планировалось подписание выгодного контракта с иностранной фирмой. А затем он намеревался купить путёвки в зарубежный тур: такая красивая, умная и верная жена, как Лиза, заслужила это.

— К обеду не жди, — сказал он, уходя из дома. — Принимаю гостей из Германии. Зато вечером я буду с сюрпризом, который тебе наверняка понравится.

Он заметил, как загорелись зеленоватые глаза Лизы, и посчитал это хорошим знаком: в такие времена она становилась безумной от любви и страсти.

День у Вадима сложился удачно. Выгодный договор был подписан, билеты в заграничный тур приобретены, и он очень спешил домой, чтобы как можно раньше сделать Лизе царский подарок. Но ему предстояло завершить ещё одно дело: заехать на дачу к отцу, рассказать, как Лиза его любит, и предупредить, чтобы он больше не появлялся в их с Лизой жизни.

Вадим повернул “Лексус” на просёлочную дорогу, ведущую к даче отца. Он хотел проскочить её, как вдруг на опушке леса заметил целующуюся пару. Что-то неувлимо знакомое показалось ему в этих людях. Сердце неприятно кольнуло, а потом зануло, будто предчувствуя беду. Бизнесмен притормозил автомобиль, а затем и вовсе остановил его. Сомнений не было: обнимались и целовались отец и Лиза.

— Что ж ты творишь?! — крикнул он, не выходя из машины. — Лиза, где же любовь, в которой ты мне только что клялась?! Я же купил тебе дорогостоящий тур на Канары!

Молодая и очень красивая женщина, не оборачиваясь, проговорила:

— Лучше купи на эти деньги собаку: это единственный способ приобрести любовь за деньги.

Вадим нервно сглотнул горькую слюну, выхватил из кармана заграничные путёвки и разорвал их в клочья. Затем выбросил всё это в окно машины и резко нажал на педаль газа. Иномарка взвыла, почти став на дыбы, а затем понесла неудачливого хозяина прочь от места, где он в один миг потерял и отца, и жену...

А дачный поселок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг. Здесь было всё, что бывает в обычной жизни людей. Только зарождалось и происходило это весело, непринуждённо и легкомысленно. Здесь любящие пары жили настоящим, ибо о будущем известно только одно: хочешь насмешить Господа Бога — расскажи ему о своих планах.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Нас, участников Великой Отечественной Войны — все меньше и меньше. Вот и еще одного — славного Владимира Карпова — мы проводили в последний земной путь...

С месяц тому назад я позвонил Владимиру Васильевичу: как себя чувствуешь, надо бы повидаться! “Здоровьем похвастаться не могу, — услышал я в ответ. — Так что давай выбирай день, приезжай ко мне, повидаемся...”

Разговор за чашкой чая, приготовленного Евгенией Васильевною, был неспешным и продолжительным. Вспомнили, конечно же, наш Литературный институт, который нас познакомил, а правильнее бы сказать — подружил в далекие послевоенные годы. И хотя учились мы на разных курсах, руководителем семинара прозы, где мы постигали тонкости литературного ремесла, и у меня, и у него был Константин Паустовский.

Обменялись по-дружески и недавно вышедшими книгами. Свою последнюю, итоговую, почти тысячестраничную книгу Владимир Васильевич назвал не как-то иначе, а “Большая жизнь”. А в разговоре сказал: и чтобы кому-то не померещилась некая нескромность в таком названии, я в предисловии поясняю, что имею в виду не общественную или социальную значимость своей жизни, а ее продолжительность. Она у меня вышла действительно большая, долгая, трудная и счастливая. Пусть соотечественники узнают о ней, она стоит того, не у каждого в судьбе было столько крутых перепадов, сколько довелось пережить мне...

Скромность, как известно, украшает человека, а человека, имеющего звание Героя Советского Союза, — наверное, тем более. Жизнь Владимира Карпова воистину полна крутыми перепадами, но она всегда имела общественную значимость. И если бы мы о нем сказали еще громче — сказали бы, что он Герой нашего смутного времени, — это не было бы каким-то преувеличением. Такое звание им заслужено.

Семён ШУРТАКОВ,
участник Великой Отечественной войны